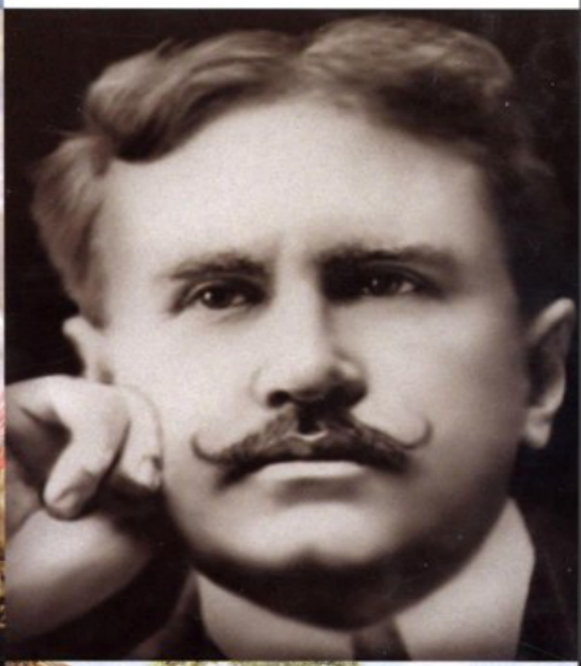
О. ГЕНРИ



Андрей Танасейчук

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

О. ГЕНРИ
Андрей Танасейчук
ЖЗЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящее издание — первая полноценная русскоязычная биография выдающегося американского новеллиста О. Генри (1862–1910). Этот человек прожил не одну, а две жизни. Первая — под именем, данным при рождении, Уильям Сидни Портер — разительно отличалась от той, что прошла под псевдонимом «О. Генри». Временами судьба выделывала поразительные кульбиты, жизнь походила на авантюрный роман, в калейдоскопическом ритме которого мелькали люди, города и страны, герой переживал взлеты и падения, менял занятия и профессии, возвышенное тесно переплеталось с низменно-бытовым. На его долю выпали и высокие обретения художника, и драматические человеческие потери.

Автор книги — литературовед-американист, основываясь на широком спектре источников, создает живой и психологически убедительный портрет незаурядного человека и писателя.

- Андрей Танасейчук
  - От автора
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава первая
      - «Малая родина», детские годы, а также родители, дедушки, бабушки и другие родственники
      - Школа «мисс Лины»
      - В аптеке на Элм-стрит
    - Глава вторая
      - Почти ковбой
      - Возвращение к «цивилизации»
      - Атоль
      - Семейная жизнь и творчество
      - «Перекати-поле»
      - Юморист из Хьюстона
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава третья
      - В бегах
      - «Калымить в Гондурасе»
      - Возвращение и суд
      - Заключенный № 30 664
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - Глава четвертая
      - Коламбус — Питсбург — Нью-Йорк

        - «Нужный человек в нужном месте», или В дебрях большого города
        - Незаметный обитатель Ирвинг-плейс
    - Глава пятая
        - На пороге и за порогом славы
        - «Гений места»
        - «Гарун аль-Рашид»
        - Дело о шантаже
        - «Женщина в черном», или Прошло время любить
        - «Не хочу возвращаться домой в темноте»
    - Основные даты жизни и творчества О. Генри
    - Краткая библиография
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162

- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206

- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250

- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294

- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332

Андрей Танасейчук
О.ГЕНРИ
Две жизни Уильяма Сидни Портера

Моим детям — Марии и Роману

«Дело не в дороге, которую мы выбираем. То, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу».

От автора

У О. Генри в России — странная судьба. С одной стороны, вполне благополучная, для писателя — даже счастливая: в русскоязычный круг чтения его рассказы — энергично и навсегда — на волне поразительного интереса к переводной литературе (культурного феномена, еще ожидающего своего исследователя) вошли в 1920-е годы, да так там и остались. В наши дни его сборники регулярно переиздаются, рассказы продолжают с интересом читать, книги охотно раскупают. Речения героев О. Генри разошлись на цитаты (кто из нас не помнит сакраментальное: «Боливар не выдержит двоих»!), а советские экранизации его произведений считаются (и, видимо, являются) лучшими в мире. С другой стороны, до сих пор нет ни одной русскоязычной биографии писателя. Информацию о его судьбе наш читатель вынужден «выуживать» из довольно многочисленных, но нередко не слишком достоверных предисловий и послесловий к сборникам, из лапидарных статей в энциклопедиях и справочных изданиях.

Нельзя сказать, чтобы наши соотечественники не испытывали интереса к обстоятельствам жизни О. Генри. Напротив, ситуация иная. Еще в середине 1920-х в СССР перевели и выпустили книгу «С О. Генри на дне», автор которой, Эл Дженнингс, бывший бандит-налетчик, грабивший поезда, был товарищем писателя по жизни в Латинской Америке и заключению в каторжной тюрьме. Хотя книга не отличается достоверностью, но тогда же, в 1920-е, она выдержала два издания[1]. В 1933 году биографический фильм об О. Генри — «Великий утешитель» — снял режиссер Л. Кулешов. В 1960-м, к 50-летию со дня смерти, вышел подробнейший биобиблиографический указатель, содержащий небольшой очерк-жизнеописание новеллиста[2]. В 1969 году интересную повесть о жизни О. Генри напечатал ленинградский прозаик Н. Внуков. Отдельными изданиями и в составе авторских сборников литератора она выходила неоднократно[3]. В 1973 году было издано исследование И. М. Левидовой «О. Генри и его новелла», которое предварял обстоятельный очерк о жизни прозаика[4]. В 1985 году из-под пера Юлиана Семенова вышел «эпистолярный» роман-версия «Псевдоним», главным героем которого стал писатель[5]. Едва ли этот текст можно считать полноценным источником сведений о жизни новеллиста, но сам факт, что такой остро чувствующий конъюнктуру беллетрист обратился к фигуре О. Генри, конечно, симптоматичен. В 1990-х уникальную в своем роде книгу «Гений места» опубликовал Петр

Вайль. Один из лучших очерков он посвятил О. Генри, рассказав с присущим ему блеском о том, что значил и какое место занимал в жизни и творчестве писателя Нью-Йорк. Наконец, в 2006-м екатеринбургское издательство «У-Фактория» реализовало весьма амбициозный проект, выпустив солидное трехтомное «Полное собрание рассказов» писателя. Интересно оно не только своей «полнотой» (были и «полнее»!), но тем, что на его страницах нашлось место и для ценной информации о жизни О. Генри — составители включили в издание статьи А. Старцева, Д. Урнова, Б. Эйхенбаума[6] и давно ставшее библиографической редкостью повествование Э. Дженнингса о «жизни на дне»[7]. Совсем недавно, в 2012 году, под новым названием — «Калиф из Багдада» — была переиздана книга И. М. Левидовой «О. Генри и его новелла». Вот, собственно, и все источники, из которых российский читатель может почерпнуть более или менее обстоятельные сведения о биографии О. Генри.

В США, на родине писателя, дело обстоит по-другому. Бешеная популярность 1900-х и 1910-х годов через некоторое время после его смерти сменилась довольно длительным периодом полузабвения. Тем не менее можно сказать, что уже в 1930-е О. Генри занял подобающее место среди классиков американской литературы. Еще раньше — в 1919 году — была учреждена «Премия О. Генри» — за лучший американский рассказ. Поначалу престиж ее был не очень велик, но за первую четверть века своего существования она превратилась в весьма важный стимул — получить ее стремились (и стремятся) многие писатели. В разные годы лауреатами премии становились У. Фолкнер, И. Шоу, Дж. Чивер, Дж. Апдайк, С. Беллоу, Дж. К. Оутс, Ст. Кинг и — гордились этим. С тех пор премия присуждается ежегодно и считается очень престижной.

Нет недостатка и в биографиях. Первым о жизни писателя рассказал Алфонсо Ч. Смит. Он лично и довольно близко (с детства) был знаком с О. Генри, восхищался им и написал подробную (и весьма доброжелательную) книгу. Она вышла в 1916 году и с тех пор неоднократно переиздавалась[8]. А в 1930-е появились книги двух других — уже по нью-йоркскому периоду жизни знакомых писателя — журналистов Р. Дэвиса и У. Уильямса. Первая называлась «Калиф Багдада»[9], вторая — «Тихий обитатель Ирвинг-плейс»[10]. Обе содержали весьма ценные сведения о последнем периоде жизни и творчества О. Генри. После Второй мировой войны интерес к обстоятельствам жизни новеллиста вырос еще сильнее. В 1940–1960-е годы вышло сразу несколько книг, среди которых особое место занимает работа Дж. Лэнгфорда «Он же О. Генри»[11] — пожалуй, наиболее

полная и подробная, насыщенная множеством неизвестных прежде фактов, но и довольно критичная к личности писателя. Новые биографии издавались и позднее — в 1970–1990-е годы. Ничего особенного к уже сложившемуся образу они не добавили, но свидетельствуют о том, что интерес к этому незаурядному человеку не угас на его родине и в наши дни. Последняя по времени книга о жизни О. Генри появилась относительно недавно — уже в начале третьего тысячелетия, в 2001 году. А всего в Америке, за сто лет, минувших со дня смерти писателя, вышло почти два десятка книг о нем и о его творчестве. И это — не считая статей, библиографий, разнообразных архивных разысканий и других публикаций.

Такой интерес, конечно, нельзя объяснить только статусом классика национальной литературы. Подавляющее большинство книг, написанных о нем, посвящено не творчеству, а жизни О. Генри. И это справедливо, потому что жизнь писателя походит на авантюрный роман, в калейдоскопическом ритме которого мелькают люди, города и страны, герой переживает взлеты и падения, меняет занятия и профессии, возвышенное тесно сплетается с низменно-бытовым, а судьба выделывает такие кульбиты, что может вызывать настоящую оторопь. В то же время жизнь О. Генри была трагична — она насыщена не только головокружительными коллизиями, но высокими обретениями художника и тяжелыми человеческими потерями.

Иоганн Вольфганг Гёте когда-то писал: «…основная задача биографии в том и состоит, чтобы изобразить человека в его соотношении со временем и показать, в какой мере время было ему враждебно и в какой благоприятствовало, как под воздействием времени сложились его воззрения на мир и на людей и каким образом, будучи художником, поэтом, писателем, он сумел все это вновь воссоздать для внешнего мира». Немецкий просветитель написал эти слова, объясняя ту задачу, которую он, прежде всего, ставил перед собой, приступая к изложению собственной биографии «Поэзия и правда». Его слова в полной мере выражают и цель настоящей книги об О. Генри. Автор ставил перед собой задачу изучить писателя в контексте той эпохи, в которой он существовал, формировался и развивался сначала как человек, а затем и как литератор, художник. Изучить и понять те факторы, что оказывали на него наибольшее влияние, увидеть его окружение — людей ему близких и не близких — тех, кто принимал непосредственное участие в его судьбе, воссоздать не только хронологию и обстоятельства жизни выдающего американского новеллиста, но и его образ — сотканный из противоречий, не всегда по-человечески симпатичный, но,

несомненно, совершенно незаурядный и по-своему уникальный.

Сам О. Генри весьма скептически относился к биографическому жанру. Незадолго до смерти, возможно даже, предполагая, что и сам со временем вполне может превратиться в «жертву» биографов, он писал: «Не припомню, чтобы когда-нибудь читал автобиографию или биографию, по поводу которой можно сказать — вот она, правда». Автобиографии О. Генри, понятное дело, не писал и не собирался этого делать. Напротив, вполне сознательно всегда стремился скрывать обстоятельства своей жизни, а если и говорил что-то о себе, то обычно старательно избегал *правды*, направляя досужих исследователей по ложному пути. Это неизбежно способствовало возникновению слухов, домыслов, легенд, а то и откровенных апокрифов.

Печально, что фигура писателя, книги которого в России читают уже почти сто лет[12], до сих пор так и не удостоилась подробного русскоязычного жизнеописания. Пора исправить эту несправедливость. Тем более что повод для этого есть — в 2012 году исполнилось сто пятьдесят лет со дня рождения О. Генри. Дата достойна того, чтобы российский читатель наконец узнал, как жил и творил один из любимых им авторов.

Автор не может утверждать, что все им написанное — *правда* и только *правда.* Есть в его повествовании о жизни О. Генри и место «домысливанию», реконструкции, предположениям. Но все, что пришлось «домыслить» — имеет опору на факты и свидетельства — прямые и косвенные — как людей, близких писателю, тех, кто знал его, любил, исследовал его творчество и интересовался обстоятельствами его жизни, так и тех, кто не испытывал к нему особых чувств и привязанности, но был его современником.

* * *

Знакомство с многочисленными — написанными в разное время совершенно разными людьми — воспоминаниями, биографиями человека, которому посвящена эта книга, оставляет, однако, общее и весьма стойкое впечатление, что он прожил не одну, а две жизни. Настолько разительно первая из них — под именем Уильям Сидни Портер — отличается от той, что прошла под именем О. Генри. Ведь действительно, даже тем, кто никогда не читал рассказов О. Генри, знакомо его имя. Куда меньше известно другое, настоящее — Билл Портер. Не только потому, что со всемирно известным псевдонимом ассоциируется выдающийся мастер короткой прозаической формы, созданные

им яркие, колоритные, запоминающиеся образы, цитаты, «шагнувшие в народ», экранизации Л. Гайдая и других кинорежиссеров. Все значительно глубже. Если разобраться, малоизвестный Уильям Портер и великий О. Генри — совсем разные люди. Жизнь первого почти вся была «на поверхности». Это была жизнь обычного человека из американской глубинки, не лишенная внутреннего трагизма (как, впрочем, и существование любого обывателя), но вполне предсказуемая и в общем-то понятная. В ней происходили события. Какие-то были более важными, какие-то — менее, но они происходили постоянно, ими было насыщено каждодневное существование — они формировали судьбу этого человека. Искусство, литература, творчество если и присутствовали в этой жизни, то на периферии, лишь дополняя, расцвечивая оттенками рутину. Если они и влияли на общее течение, то опосредованно, не напрямую. В жизни второго событий почти не происходило — настолько бедным внешними проявлениями было это «второе существование». То есть «события», конечно, были, но не они формировали судьбу. Писательство, творчество, постоянная работа — вот что целиком и полностью поглощало каждодневность, скрадывая быт, обыденное. Укрывшись за псевдонимом, превратившись из Билла Портера в О. Генри, этот человек попытался прожить совсем другую, наполненную совершенно иным содержанием жизнь. И это, конечно, был сознательный выбор, обусловленный как внутренними, так и внешними причинами, среди которых насыщенная событийность первого существования сыграла, судя по всему, решающую роль. Но «первая жизнь» не только предваряла «вторую» — последняя была невозможна и непонятна без первой — настолько, насколько О. Генри немыслим без Билла Портера и нереален без тех житейских коллизий, которые выпали на долю этого человека. Итак, «О. Генри: две жизни Уильяма Сидни Портера»…

O. Henry

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Жизнь первая: Билл Портер

Глава первая
Гринсборо, Северная Каролина: 1862–1882

«Малая родина», детские годы, а также родители, дедушки, бабушки и другие родственники

К каким бы ухищрениям ни прибегали иные авторы, биограф просто обречен начинать с семьи и с происхождения, с тех мест, где родился и провел молодые годы его герой. В этой предопределенности, по сути своей, заключен глубокий смысл: как ни разнообразна человеческая природа, как ни уникален каждый человек, но именно семья определяет характер, а впечатления молодых лет, сформировавшиеся привычки, окружение, места, где прошли детство и юность, формируют судьбу.

Дата рождения будущего писателя известна и не вызывает сомнений — 11 сентября 1862 года. Несколько сложнее с местом появления на свет. Во всех справочных изданиях называется городок Гринсборо в штате Северная Каролина. Да и сам писатель в своих бумагах неизменно указывал этот населенный пункт как место своего рождения. Однако дотошные исследователи давно установили, что родился он и первые три года своей жизни провел не в самом Гринсборо, а в его окрестностях — в небольшом поселке под названием Сентер в нескольких километрах от города. Впрочем, едва ли стоит акцентировать на этом внимание — Портер был слишком мал, чтобы эти три года как-то могли повлиять на формирование его личности. Да и сам писатель никогда не придавал этому обстоятельству значения, не только неизменно указывая Гринсборо как место своего рождения, но и полагая себя коренным его жителем. Если учесть, что юноша безвыездно прожил в городе до 1882 года (он покинул его в возрасте двадцати лет), — здесь жили его родственники, друзья, здесь он учился, дружил, влюблялся, осваивал профессию, работал, — то есть все основания считать, что Гринсборо действительно и есть его самая настоящая «малая родина».

В наши дни Гринсборо — большой город, крупный промышленный, торговый, образовательный центр; его население составляет без малого 300 тысяч жителей. И хотя в нем есть музей О. Генри, сохранилась аптека, в которой юношей трудился писатель, но это уже давно совсем другой город. Изменилось даже его название[13], что уж тут говорить об атмосфере, которая окружала будущего новеллиста в молодые годы. Город носит имя

Натаниэля Грина[14], знаменитого американского полководца времен Войны за независимость (1775–1783), — рядом в 1781 году произошло сражение между американцами под водительством упомянутого генерала и англичанами под командой не менее известного Ч. Корнуоллиса[15]. Со времени своего возникновения (в 1808 году) почти до конца XIX века Гринсборо был небольшим, очень зеленым, тихим, даже немного сонным городком. Большие события обходили его стороной. Только однажды, на излете Гражданской войны Севера и Юга, он чуть было не стал местом действия большой трагедии. 11 апреля 1865 года в Гринсборо собралось правительство гибнущей Конфедерации[16]. Президент Дэвис[17], его министры и генералы решали, что делать: продолжать сопротивление или капитулировать. Город был готов обороняться — его улицы и пригороды заполнили серые мундиры[18], подвозили боеприпасы, запасались продовольствием, строили укрепления. Вошедшая армия насчитывала 37 тысяч — почти все, что осталось у южан после капитуляции генерала Ли[19] при Аппомаггоксе[20]. Если бы было принято решение обороняться, то скорее всего от Гринсборо остались бы одни руины. К городу приближались войска генерала Шермана[21], и его наверняка ждала судьба сожженной Атланты. И кто знает, уцелел бы в кровавой мясорубке трехлетний мальчуган — будущий О. Генри? К счастью, роковое решение не было принято — президент Дэвис покинул Гринсборо, а войска Конфедерации капитулировали. Славный эпизод минул, войска ушли, и город, казалось, вновь погрузился в привычную провинциальную полудрему. Но на самом деле того — довоенного Гринсборо — больше не было. Гибель Конфедерации, начинавшаяся Реконструкция Юга несли совершенно новые реалии, в которых жил и формировался будущий писатель, существовали его родители, дальние и близкие родственники, друзья и знакомые. В этой главе нам неоднократно придется обращаться к обстоятельствам послевоенной жизни города, но теперь настала пора истории семьи и ближайших родственников. Тем более что среди них были по-настоящему примечательные личности, которые, безусловно, влияли на будущего писателя: кто напрямую — лично и непосредственно, а кто опосредованно — через гены и наследственность.

Элджернон Портер и Мэри Джейн Суэйм — так звали родителей О. Генри. Это были очень разные люди — не только по крови, но и по происхождению, воспитанию, образованию, привычкам, интересам и устремлениям.

Отец писателя, хотя и появился на свет в Гринсборо, строго говоря, не был настоящим южанином. Во всяком случае — по

отцу. Дедушка нашего героя, Сидни Портер, был янки родом из Коннектикута и приехал в Гринсборо в 1823 году. Тогда ему было уже за тридцать[22], но собственного дела он не имел, а подвизался в качестве торгового агента фирмы, производившей часы. Человек, судя по всему, довольно легкомысленный, — во всяком случае, лишенный практической сметки, к тому же имевший склонность к употреблению алкоголя (что выяснилось, правда, далеко не сразу), Сидни, однако, обладал приятной внешностью и манерами, а также поразительной способностью ладить с разнообразными механизмами — будь-то часы, которые он умело ремонтировал и продавал, или экипажи и сельскохозяйственные машины, ремонтом которых занялся (через несколько лет после женитьбы он с помощью тестя обзавелся собственной мастерской), обосновавшись в Гринсборо. Отличало его и изрядное чувство юмора — он любил посмеяться сам и умел насмешить других. Но никогда не смеялся зло. Как вспоминали те, кто его знал, главным качеством этого Сидни была доброта. Его любили дети — и свои, и чужие, и он часами мог с ними возиться, рассказывать сказки (не очень начитанный, он тем не менее знал множество сказок — как литературных, так и фольклорных, «афро-американских», многие из которых трудами Дж. Харриса впоследствии превратились в знаменитые «Сказки дядюшки Римуса»[23]), ремонтировать поломанные игрушки, которые ему несли со всей округи. Это или что-то другое, но, видимо, было в нем нечто, что привлекло внимание юной (на 15 лет моложе) особы Рут Уорт из почтенной плантаторской семьи. Уорты были не очень богаты, но принадлежали к числу местных старожилов (они обосновались в Каролине еще вXVIII веке), что на Юге (вспомним Маргарет Митчелл и ее «Унесенные ветром») считалось верным признаком аристократизма. Среди Уортов были пионеры, офицеры революционной армии, крупные юристы-законодатели и политики, а родной брат Рут — Джонатан Уорт даже избирался губернатором штата. В 1824 году Сидни Портер и Рут Уорт обвенчались. Хотя у них никогда не было достатка, семья была крепкой. Едва ли в том была заслуга мистера Портера. Уверенной рукой жизнь семьи направляла супруга. Она была человеком иного склада — с твердым характером, упорная, волевая и неулыбчивая. Рут Портер родила семерых детей. Когда младшие были еще совсем маленькими, а ей было 43, муж умер, не оставив ничего, кроме долгов (заложен был даже дом, в котором обитала семья). Она осталась одна, но сумела одолеть обстоятельства, рассчитаться с долгами, воспитать детей и дать им образование. Это было нелегко, но она «крутилась», как могла: шила, вязала, пускала квартирантов (некоторое время содержала

пансион), завела большой огород (земли хватало), занялась даже лечебной практикой (фельдшерством и акушерством, благо никакими лицензиями для этого в тогдашней Америке обзаводиться было не нужно), изготовлением лекарств и снадобий. Специального образования у нее, понятно, не было, но она много читала, была наблюдательной и любознательной. Несомненно, именно это обстоятельство определило и профессиональный выбор ее первенца — старшего сына и отца будущего О. Генри — тот стал аптекарем и врачом. Она прожила долгую жизнь, умерла в возрасте восьмидесяти пяти лет и до самой кончины оставалась главой семейства. Можно только гадать, насколько тяжек был этот крест, но она вынуждена была его нести — после смерти невестки у сына на руках остались трое маленьких детей, а справляться с обязанностями главы самостоятельно тот был явно не способен.

Будущий писатель многим обязан своей бабушке: в конце концов, нельзя забывать, что именно рядом с ней прошли его детские и юношеские годы, и с бабушкой он общался куда больше, чем с собственным отцом. И хотя внешне с бабушкой они были не очень похожи, «внутренний стержень», способность «не ломаться» в тяжелых жизненных обстоятельствах, он явно взял от нее. Билл Портер не знал деда — тот умер задолго до его появления на свет, но такие черты характера, как незлобивость, любовь к детям, чувство юмора и некоторая «безалаберность» в повседневной жизни, видимо, каким-то таинственным образом передались ему именно от дедушки по отцу.

Таинства генетики, вероятно, сыграли свою роль и в появлении писателя О. Генри. Напрасно мы будем искать людей литературно одаренных среди предков по отцовской линии — их там нет. А вот в материнской ветви — есть. Отцом Мэри Джейн Суэйм, матери писателя, был Уильям Суэйм — журналист, либерал, яростный противник рабства, нестандартно мыслящий человек, автор памфлетов и фельетонов, многолетний редактор местной газеты «Пэтриот». Во всяком случае, Алфонсо Ч. Смит, университетский профессор-филолог и первый биограф О. Генри, вероятно, изрядно поломавший голову над истоками литературного дара земляка и хорошо знавший Уортов и Суэймов, считал именно так[24]. Верить или не верить в эту версию — личное дело читателя. Но вот что интересно — при рождении будущего писателя нарекли Уильям Сидни Портер. Первое имя дали в честь деда по матери, Уильяма Суэйма, а второе в честь деда по отцу — Сидни Портера. Вот и не верь после этого в магическую силу имени.

Будущий О. Генри почти не знал свою мать — она умерла,

когда ему едва исполнилось три года. Но уже сейчас мы видим, какую роль играла генетика в его судьбе. Поэтому не обойтись без экскурса и к материнскому семейному древу. Мэри Джейн, урожденная Суэйм, принадлежала к роду еще более «древнему», нежели Уорты: Суэймы обосновались в Каролине в 1760-е годы. Их предки эмигрировали из Голландии и поселились в Америке в самом начале XVIII века. Среди них не было деятелей революции и выдающихся политиков (правда, в книге А. Смита содержится утверждение, что в жилах Суэймов текла голубая кровь Стюартов, а среди родственников по боковой линии он отыскал даже Бенджамина Франклина[25]), но если Портеры никогда не отличались особенной образованностью, то большинство предков Мэри Джейн учились, а многие даже окончили колледжи и университеты. Изрядное по тем временам образование получила и Мэри Джейн Виргиния Суэйм (таково полное имя матери писателя). Она окончила местный *Greensborough Female College* и считалась в нем одной из лучших учениц. Она любила читать, сочиняла стихи, неплохо рисовала и была, по воспоминаниям сокурсниц, девушкой застенчивой, мечтательной, романтичной и в то же время очень живой. Даже на тех, кто видел ее мельком, она производила глубокое впечатление. «Когда я в первый раз встретилась с нею, то немедленно была очарована, и мы сразу подружились, — вспоминала одна из них через много лет. — Мэри Джейн не была красавицей, но у нее были такие выразительные глаза, и, когда она принимала участие в разговоре, лицо ее оживало и каждая его черточка лучилась энергией и жизнью, эмоциями и мыслями, которых она не скрывала. […] Она обладала живым чувством юмора, и едва ли бы нашелся остроумец, которому она не могла быть достойным соперником»[26].

После окончания колледжа Мэри Джейн вернулась домой и жила с матерью. Она была единственной дочерью в семье[27], и мать в ней души не чаяла. Чем она занималась? А чем могла заниматься провинциальная барышня в южной глубинке в середине XIX века? Читала романы (в том числе французские — она хорошо освоила язык в колледже), рисовала, мечтала — и, видимо, мечтала о принце. Но где ему взяться в провинциальной глуши? Да и замуж никто особенно не звал. В 1858 году — после скоротечной чахотки — умерла ее мать, а через три месяца Мэри Джейн вышла замуж за будущего отца нашего героя. Решение это было скоропалительное, и скорее всего главную роль в его принятии сыграла именно смерть матери.

К тому же Мэри Джейн пошел двадцать шестой год, а принца все не было, и он мог так и не появиться. Любила ли она своего

мужа? Трудно сказать, была ли это любовь или она просто боялась остаться в одиночестве и жить под одной крышей с чужим, по сути, человеком — отчимом. Скорее всего, выходя замуж, она — подспудно — стремилась таким образом заполнить образовавшуюся после потери близкого человека пустоту. Любил ли ее супруг? Да, любил. Это можно утверждать с уверенностью, потому что пошел наперекор матери, которая резко возражала против этого брака. Госпожа Портер не хотела родниться с семейством Суэймов, полагая тех слишком образованными и заносчивыми. Она считала, что сыну нужна другая женщина, которая смогла бы вести дом, хозяйство, смотреть за мужем, а со временем и за детьми. Словом, настоящая хозяйка, а не эта «бледная немочь» — тоненькая, нежная и мечтательная. И еще одна важная причина заставляла ее противиться этому браку — может быть, больше, чем иные: мать Мэри Джейн умерла от туберкулеза, а что, если и ее дочь больна? Уж больно худая и бледная! Сын, правда, утверждал, что его невеста совершенно здорова. Но кто знает, что будет потом, после рождения ребенка?

Фельдшер-самоучка, она, конечно, мало разбиралась в природе инфекционных заболеваний и едва ли вообще слышала о «палочке Коха», но она жила в краю, где туберкулез был обычным делом, и — человек наблюдательный и много повидавший — знала, как болеют целыми семьями и как чахотка переходит от поколения к поколению. Опасения ее самым фатальным образом оправдались несколько лет спустя, но тогда сын не прислушался к матери, и весной 1858 года Мэри Джейн Суэйм превратилась в миссис Элдженон Портер.

Почти сразу — через несколько недель после свадьбы — молодые покинули дом матушки Портер. Уехали они и из Гринсборо, переселились в расположенное в десятке километров от города местечко Сентер. Среди биографов писателя бытует несколько версий причин этого переезда. Согласно одной, он был вызван конкуренцией: в городке проживало едва ли больше трех тысяч жителей, а врачей около десятка, и одним из них был Элдженон Портер. По другой версии, причина была «хозяйственного» свойства — дом, небольшая плантация и 14 чернокожих рабов — все это Мэри Джейн получила в приданое, и за всем этим необходимо было присматривать. Скорее всего, и то и другое, что называется, имело место быть. Но главный мотив переезда все-таки иной — рядом с авторитарной «матушкой Портер» молодая семья существовать не могла, и доктор Портер понимал это.

Здесь, в старом плантаторском доме, принадлежавшем еще прадеду Мэри Джейн, один за другим появились на свет все ее

дети, и все — мальчики: в 1860-м первенец — Шелл Портер, в 1862-м — Уильям (Билл) и в 1864-м — Дэйви. Она очень любила и баловала своих малышей. Прискорбно, но любовь матери — ощутить и запомнить — смогли только старшие: первые пять лет жизни она была рядом со старшим сыном, Шеллом, меньше трех — с Биллом. Последняя беременность стала для Мэри Джейн роковой — может быть, сказались лишения и недоедание последнего года войны, страх перед наступавшими янки, общая нервозность и подавленность, царившие тогда на Юге, — а скорее всего, всё вместе, но сразу после родов она слегла. Сначала думали, что это просто слабость и она пройдет. Но начался кашель, горлом пошла кровь, и стало ясно, что это чахотка. Та самая, от которой умерла ее мать и, скорее всего, отец — семнадцатью годами прежде. Никакие ухищрения супруга — отвары, настойки, компрессы и т. д. — конечно, не могли помочь. Болезнь развивалась стремительно. В ночь с понедельника на вторник, 26 сентября 1865 года, миссис Портер не стало. Она умерла на тридцать третьем году жизни.

Через несколько дней после смерти жены Элджонон Портер вместе с детьми вернулся в родительский дом. Инициатива переезда, безусловно, исходила от «матушки Портер». Водворившись в Гринсборо, мистер Портер стал вести совершенно иной образ жизни. Прежде, пока жена была здорова, это был человек весьма энергичный, общительный. Он много времени и сил посвящал медицинской практике: принимал на дому, колесил по округе, навещая недужных (причем лечил не только белых, но и чернокожих — как рабов, так и свободных). Один из знакомцев доктора той поры вспоминал: «Это был самый великодушный человек из тех, кого мне довелось знать: искренний, честный, благородный. Жара или дождь, здоровилось ли ему, или он был болен, но ничто не могло ему помешать навестить даже беднейшую семью в графстве. Он мог быть очень богат — если бы брал хотя бы половину денег из того, что ему причиталось»[28]. Несколько дней в неделю практиковал в госпитале, расположенном в Гринсборо (как вспоминали те, кто его знал, среди пациентов доктора были не только раненые конфедераты, но и пленные северяне). Досуг — хоть он и был невелик — посвящал жене, детям, работам по дому.

Но теперь он сильно переменился: другим стал стиль жизни и ее содержание. Дни, нередко даже недели, он не покидал своей комнаты — завел привычку не выходить даже к обеду. Поначалу эти изменения приписывали перенесенному им потрясению — болезни и смерти любимой жены, а затем и смерти младшего сына: лишенный материнского молока и слабенький от рождения,

Дэйви не дожил до года. Но проходили недели, они складывались в месяцы, а новоприобретенный стиль жизни не только не менялся, но, напротив, усугублялся. Недавно еще успешный, популярный в округе доктор, он почти забросил врачебную практику — регулярного приема не вел, а если ходил на вызовы и принимал пациентов, то только экстренно и чаще всего по настоянию матери. Он и прежде, когда еще была жива Мэри Джейн, отличался изрядной рассеянностью, но теперь это превратилось в одну из выразительных черт его характера. И нередко люди пользовались этим. Особенно когда доктор Портер забывал взять деньги за свой визит. Для иллюстрации рассеянности мистера Портера биографы любят приводить один весьма красноречивый эпизод из его жизни. Приведем его и мы.

Однажды двум молодым особам срочно понадобилась медицинская помощь. Позвали доктора Портера. Помощь он оказал, но деньги за визит по забывчивости не взял. Тогда «матушка Портер» самолично выписала счет и отправила его отцу девушек. На это отец пациенток (не бедный, кстати, человек) ответил, что визит ее сына носил светский, а не медицинский характер и он не понимает, почему он должен за это платить. Возмущенная ответом, хранительница семейного очага (и семейного бюджета!) отреагировала саркастическим, но недвусмысленным посланием: «Довожу до Вашего сведения, что мой сын Элдженон не наносит визитов незамужним дамам в два часа ночи. Тем более в то время, когда они страдают от пищевого отравления»[29]. После обмена посланиями гонорар был-таки выплачен.

Недавно еще увлеченный своим делом доктор Э. Портер нашел себе другое занятие — он увлекся изобретательством. Чего было в этом увлечении больше — сумасбродства, отчаяния от невосполнимой утраты, наследственной тяги к механизмам, позаимствованной от отца — деда О. Генри, или модного поветрия, охватившего тогдашнюю Америку? А может быть, это было помрачение рассудка? Скорее, всего понемногу. Впрочем, домашние — прежде всего мать доктора и его сестра Лина, а под их влиянием и дети — были уверены, что он точно подвинулся разумом. Что же изобретал доктор Портер? Благо если бы он изобретал что-то путное — какое-нибудь приспособление, которое можно было бы «внедрить в производство», продав какой-либо компании. Нет, его такие «мелочи» не интересовали. Он мыслил «глобально» и изобретал вечный двигатель. Хотя иногда отвлекался и на идеи масштабом поскромнее — летающую машину или машину для уборки хлопка, или, например, на экипаж, движимый энергией пара. А когда его постигали

неудачи, — это случалось нередко, — он находил утешение на дне бутылки: от своего отца Элджонон Портер унаследовал не только способности механика, но и любовь к спиртным напиткам. Мать и сестра доктора энергично боролись как с пагубным пристрастием к виски, так и с изобретательством. Но если в борьбе с алкоголизмом успехи их были невелики, то машины доктора, которые он собирал у дома в сарае, уничтожались с завидной регулярностью.

Многие биографы писателя сообщают, что в набегах на мастерскую участвовали не только старшие, но и дети — Шелл и Билл. Так было на самом деле или нет (вообще, трудно представить, чтобы здравомыслящие и вполне нормальные бабушка и тетя могли вовлечь мальчишек — сыновей (!) «жертвы» — в такое небезупречное с точки зрения морали и педагогики дело; но если действительно так и было, то это говорит прежде всего об отчаянии что-либо исправить и вернуть жизнь в нормальное русло), но такие действия, конечно, не могли ни обратить доктора к профессиональным занятиям, ни отвратить его от алкоголя.

Можно только догадываться, что переживал мальчик Билл Портер, видя «борьбу» семьи с собственным отцом. Это проецировалось и на формирование характера ребенка: лишенный материнской заботы и ласки, отторгнутый от отца (по воспоминаниям сверстников из Гринсборо, он стеснялся своего родителя), росший рядом с суровой, вечно озабоченной бабушкой и скупой на ласку теткой, он должен был ожесточиться или замкнуться в себе. Первое произошло со старшим братом — Шеллом. Крепко сбитый, широкий в кости, рослый и физически сильный, тот рос задиристым, жестким (если не сказать — жестоким) мальчишкой и со временем превратился во властного и грубого мужчину — настоящего деспота[30]. С младшим случилось, скорее, второе — он не ожесточился, а рос довольно замкнутым, не очень расположенным к общению со сверстниками мальчиком. В отличие от брата, он был застенчив и легко раним, но эти качества, видимо, умело скрывал, и хотя не был шалопаем, в проделках старшего брата участие принимал.

В детские годы, во всяком случае до тех пор, пока старшему не сравнялось шестнадцать и он не уехал из дома, они обычно всегда были вместе — Шелл и Билл, но едва ли были «единомышленниками». Просто младший подчинялся старшему. Они не были близки, и на тех детских фотографиях, где они сняты оба, это бросается в глаза: Шелл в независимой позе и дерзко смотрящий в объектив, и Билл — скованный, неловкий, с неуверенным, даже застенчивым взглядом — ему явно неуютно

перед фотоаппаратом.

На одной из немногочисленных сохранившихся детских фотографий Билл снят вместе с Томом Тейтом — ухоженным, хорошо (в отличие от Билла) одетым мальчиком. У маленького Билла было много знакомых сверстников, но Том — единственный, кого можно назвать другом детства. Они жили по соседству. И хотя социальный статус Тейтов и Портеров разнился, эту дружбу поощряли не только бабушка и тетя, но и родители Тома. Прежде всего, вероятно, потому, что матери Тома и Билла знали друг друга с детских лет, они вместе учились, потом нянчили первенцев. Когда Мэри Джейн умерла, мать Тома, видимо, чувствовала некую внутреннюю ответственность за детей подруги (а может быть, даже вину за то, что она здорова, благополучна и ее дети живут в полноценной семье) и поощряла дружбу сына с Биллом. Несмотря на это, отношения мальчиков не переросли в настоящую мужскую дружбу, способную выдержать испытание временем и сохраниться на всю жизнь. Хотя Том и Билл приятельствовали и позднее — подростками и в юношеском возрасте, — той близости, что была между ними, когда они играли в войну и индейцев, уже не было.

Детские игры — как им и полагается — были самозабвенными и шумными, но уже тогда, на рубеже 1860–1870-х, было ясно, что Билл все-таки предпочитает одиночество. Явно больше, чем люди, его занимали животные: сначала пернатые (канарейки и попугаи, а также обитатели домашнего птичника) и земноводные (лягушки и ящерицы), а потом и другие — самые разные (в том числе те, которые содержались в доме), но особенно — кошки. В отличие от большинства мальчишек, собак Билл Портер никогда особенно не жаловал, а вот «кошатником» оставался всю жизнь. Он беспрестанно таскал к себе бездомных кошек, и во дворе их дома постоянно кормились то одна-две, а то и добрый десяток пушистых созданий. Что влекло ребенка к этим ласковым, но таким независимым существам? Ответ лежит на поверхности — вот именно это и привлекало: независимость и для него была способом инстинктивной самозащиты (ведь когда ты ни от кого не зависишь, то и ранить тебя по-настоящему трудно, а ведь он был так раним!). Ну и, конечно, способность отвечать на ласку, которой ему так не хватало. Отец его почти не замечал, да и сына к нему не тянуло. Бабушке, вечно озабоченной, погруженной в хлопоты, явно было не до ласки. От брата (хотя они вместе играли) доставались главным образом тычки да подзатыльники. Лишь изредка его хвалила и гладила по волосам тетя, что было совсем нетипично для этой довольно суровой и мало эмоциональной женщины. Видимо, поэтому с

такой готовностью свою собственную нерастраченную нежность он обращал на несчастных бездомных животных.

«Одиночество есть удел всех незаурядных умов», — утверждал мудрый пессимист А. Шопенгауэр. Наверно, так оно и есть. Но одинокими — увы! — бывают и маленькие дети. И большинству из них до этой самой «незаурядности» — как до звезд. Говорят, что одинокое детство тренирует наблюдательность, развивает воображение и заставляет интенсивнее творить придуманные миры. Возможно, в этом есть резон. Во всяком случае, несчастливое, лишенное родительской ласки детство М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. А. Фета, Дж. Джойса, Дж. Лондона, да и многих других художников слова и вроде бы подтверждает это. Впрочем, есть примеры и обратного свойства (В. Набоков, М. Пруст). Но даже если этот тезис справедлив хотя бы отчасти, и в неприкаянном детстве действительно есть нечто способствующее формированию таланта, то у Билла Портера имелись основания, чтобы стать художником — ведь его детское одиночество было огромным. Тем более что лет с десяти шумные игры в войну и в индейцев стали постепенно вытесняться бессистемным, но весьма интенсивным чтением.

Что читал будущий писатель? Да то же, что и другие мальчишки 1860–1880-х годов (и не только мальчишки, но и взрослые): дешевые издания «Бидл энд Эдамс»[31], их многочисленных последователей и соперников, публиковавших бесконечные (в каждой книжной серии счет шел на многие десятки, а нередко и сотни наименований!) «романы за двадцать центов», «романы за десять центов» и даже «романы за пять центов». В бумажных, но ярких, красочных обложках, с иллюстрациями, обычно в одну-полторы сотни страниц, отпечатанные на плохой бумаге, — в послевоенные годы они в буквальном смысле заполонили американский книжный рынок.

В небольшой домашней библиотеке Портеров таких книг, понятно, не было: доктор Портер, погруженный в изобретательство, читать давно перестал, бабушка вообще ничего не читала, тогда как тетушка, напротив, была книгочейкой, но предпочитала иную — «качественную» литературу. Книжками в красочных обложках нашего героя снабжал Том Тейт — у того был изрядный, к тому же постоянно пополнявшийся запас «десятицентовых» «шедевров». По его словам, он познакомился с этими книжками еще лет семи или восьми, а чуть позже «заразил» ими и своего товарища. Даже полвека спустя (в письме биографу О. Генри А. Смиту) он без труда припомнил заглавия (авторов он, конечно, не помнил) некоторых из тех «десятицентовиков», что

они читали: «Лесной демон», «Миллер и его банда», «Трехпалый Джек», «Красный корсар», «Ужас Ямайки» и т. п.

Не стоит с пренебрежением относиться к этим изданиям. Наряду с откровенно ремесленными поделками «про индейцев», «благородных бандитов», золотоискателей и техасских рейнджеров, среди авторов этих книжек можно отыскать и Т. Майн Рида, А. Дюма, Э. Бульвер-Литтона, Ф. Купера. Печатались и сокращенные варианты романов В. Гюго, Ч. Диккенса, В. Скотта. Эти тексты в основном и составляли круг чтения Портера-мальчика и подростка. Они приучали к книге, формировали любовь к печатному слову, будили и развивали воображение. Они не только перемещали в мир мечтаний и смутных грез, но иной раз заставляли и действовать. Однажды, начитавшись Майн Рида, двенадцатилетний Портер и его товарищ решили стать моряками и уйти в плавание. Они залезли на платформу товарного вагона и отправились к океану, чтобы в портовом городе поступить на корабль юнгами. Но не знали, что из Гринсборо по железной дороге до Атлантики не добраться. Состав достиг конечной станции — всего-то милях в тридцати от города, и беглецы, узнав, что дальше пути нет, вынуждены были вернуться обратно. Путешествие в оба конца заняло едва ли больше двух суток, но это было настоящее приключение. По возвращении мальчиков наказали. Билл Портер никуда больше не сбегал. А читать стал еще больше, и круг его чтения постоянно расширялся. Сказывалось влияние школы и того, кто учил юного Билла.

Таким образом, мы подошли к очень важной в жизни любого человека, а тем более писателя, составляющей — его образованию.

Школа «мисс Лины»

Сам О. Генри, будучи уже известным писателем, так — в третьем лице — писал о себе: «Образование он получил в самой обычной школе, но потом многое узнал из книг и из самой жизни». Почему то же самое он не написал о себе в первом лице — не очень важно. Важнее другое — школа, хотя и была, по словам писателя, «самой обычной», на поверку оказалась не такой уж и обыкновенной и дала ему многое, тем более что ни в каком другом учебном заведении он не учился.

В чем заключалась необычность этой школы? Прежде всего в том, что располагалась она в доме Портеров и содержала ее родная тетя Билла — Эвелина Портер. Она же была и единственным учителем писателя — с первых до последних его дней в школе.

Нет достоверных сведений, в каком возрасте юный Портер сел впервые за парту. Но едва ли это могло случиться прежде, чем ему исполнилось шесть-семь лет. Вполне возможно, что тетя начала учить своего племянника и раньше, но официально ее школа открылась в 1868 году.

Эвелина Портер (ученики обычно звали ее «мисс Лина») была дипломированным педагогом. Она окончила Женскую семинарию Эджуорт — высшее женское учебное заведение с прекрасной репутацией, расположенное здесь же, в Гринсборо[32]. Для девушек из «приличных семей» центральной части Северной Каролины считалось хорошим тоном получать образование в семинарии. В свое время, кстати, это заведение окончили и мать писателя — Мэри Джейн Суэйм, и ее любимая подруга, будущая мать Тома Тейта. Но если подавляющее большинство выпускниц использовали полученные знания главным образом для воспитания лишь собственных детей, Эвелина Портер получила возможность (к счастью для себя — едва ли, но к удаче своих многочисленных учеников — без сомнения[33]) использовать их «на практике», в школьной работе. Безусловно, она обладала незаурядным педагогическим талантом, но проявиться ему помогли обстоятельства лично для нее отнюдь не благоприятные. Впрочем, неблагоприятными они были для всех жителей Гринсборо (да, вероятно, и для обитателей всей прежней Конфедерации).

На Юге США, как, впрочем, и на территории всех Соединенных Штатов, в те годы отсутствовала единая система образования. Учреждение школ (а также колледжей, университетов, иных учебных заведений) было обычно частной или общественной инициативой (например, городского совета или совета графства, конгресса или сената штата). После войны, в первые годы Реконструкции[34], в условиях оккупации и паралича гражданской власти, городские школы в большинстве городов Юга не работали. Поэтому школы чаще открывали частные лица — те, кто полагал педагогику возможным для себя (и выгодным) делом. Среди них были и Портеры.

Инициатором нового дела, как всегда, выступила бабка — «матушка Портер». Это она убедила дочь открыть школу. Конечно, мотивировало ее не столько плачевное положение с образованием в городе, сколько необходимость пополнения семейного бюджета. Она отчаялась вернуть сына на «путь истинный», а надо было на что-то жить: одним огородом не прокормишься, пансионеры доставляли больше хлопот, чем приносили денег. И тогда она вспомнила об образованной дочери, о ее дипломе, дававшем право заниматься

педагогической деятельностью.

Детей поначалу было немного — меньше десятка, в основном соседские мальчишки. Занимались на первом этаже, в самой большой комнате дома — в гостиной. Сыграли ли в том свою роль педагогические способности мисс Лины, или плачевная ситуация с образованием в городе, но уже через год после начала занятий учеников набралось столько, что гостиная стала мала для занятий, и пришлось возводить специальную пристройку для школы с большой классной комнатой. С осени 1869 года занятия стали проводить там. Тогда же в школу пошел и Билл Портер.

Что же собой представляло это учебное заведение? Как и чему учила мисс Лина? Автор первой биографии писателя А. Смит сам учился в этой школе и рассказал о ней.

Прежде всего, частная инициатива мисс Лины лишь отдаленно напоминала то, что понимает под «школой» наш современник и соотечественник. Не было старших и младших классов. Класс был всего один, и в нем одновременно занимались примерно от двадцати до сорока детей обоего пола. Возраст учеников варьировался в пределах от шести до шестнадцати лет. Те, кто учились в этом классе, уже умели читать и писать. Кстати, чтению и письму обучала тоже мисс Лина, но с малышами приходилось заниматься отдельно. «Подготовишки» учились в самом доме, в гостиной, что прежде была классной комнатой. Случалось и так, что малыши занимались параллельно со старшими. Тогда Эвелине Портер приходилось делить себя между старшими и младшими, но обычно в таких случаях на помощь приходила «матушка Портер». Чему могла научить пожилая леди, бог весть, но дисциплина у нее была железная, малыши вели себя тихо и старшим не мешали.

Насколько можно судить по воспоминаниям тех, кто учился в этой школе, программа ее не отличалась особенной оригинальностью, скорее наоборот. Она включала арифметику (об алгебре и геометрии, а тем более о всяких там синусах и косинусах мисс Лина, скорее всего, и сама не подозревала), чистописание и письмо (писали много диктантов). Ни химии, ни физики, конечно, не было (в женской семинарии таких дисциплин не изучали). Была история (в основном древняя), география (очень бегло и поверхностно). Изрядное место — особенно весной, осенью и летом — занимало природоведение: дети ходили на экскурсии в поле и в леса, путешествовали вдоль берегов озер и рек, собирали гербарии, исследовали повадки зверей и птиц. Учительница любила природу и смогла «заразить» этим своих учеников — об этих походах ее питомцы сохранили добрую память на всю жизнь. В семинарии в годы учебы мисс

Портер одной из главных дисциплин было рисование — понятно, что и в ее школе большое место уделялось рисунку. Рисовала она не очень хорошо (во всяком случае, ее племянник Билл Портер делал это куда искуснее), но развитию художественных способностей уделяла много времени.

Главное место в ее педагогической системе принадлежало литературе. Эвелина Портер не просто любила читать. Для многих образованных женщин той эпохи чтение дополняло обыденную, мало- и мелкособытийную жизнь — расцвечивая дополнительными эмоциями, украшая ее. Для мисс Лины, не имевшей собственной семьи, детей, лишенной многих радостей и тревог обычной женской жизни, книги, очевидно, значили очень много, — сублимируя недоступные ей эмоциональные переживания. Вполне симптоматично в этом плане замечание одного из современников, видимо, хорошо ее знавшего: «Она любила книги так же, как любила цветы, — просто потому, что ее натура нуждалась в них. Проза и поэзия были для нее средством расширения представлений о мире: не источником фактов о жизни, — они обогащали ее внутреннюю жизнь. Она не измеряла литературу жизнью, но реальную жизнь мерила литературой»[35].

Мисс Лина не учила «истории литературы». Не было на ее уроках критического разбора текстов, анализа стилистических особенностей и сюжета, образной системы того или иного произведения, обращения к биографиям писателей — то есть всего того, что ассоциируется с изучением литературы в нашей современной школе. На уроках читали. Иногда учительница, но чаще ученики — читали вслух отрывки из произведений разных авторов, обсуждали прочитанное. Мисс Лина не была новатором и в круг школьного чтения включала только так называемых «стандартных» авторов — рекомендованных к чтению попечительским советом штата. Читали Чосера, Шекспира, Монтеня, Филдинга, сказки «Тысяча и одна ночь» в переводе Лэйна, Хэзлитта, Лэма[36], Скотта, Диккенса, других викторианцев. Если она замечала, что тот ли иной отрывок вызывает у детей интерес, автор «выносился» на вечерние «пятничные чтения», где происходило уже «развернутое», более подробное знакомство с произведением.

О «пятницах» мисс Эвелины нужно сказать особо. Безусловно, это была одна из педагогических находок наставницы. После занятий, по вечерам, мисс Лина приглашала учеников к себе домой. Она читала им вслух, объясняя то, что, по ее мнению, нуждалось в объяснении. Потом она угощала их чаем, крекерами, попкорном и жареными каштанами. Под угощение — звон посуды и поедание лакомств (время было скудное, и любое угощение для

маленьких южан было, конечно, лакомством) — текла беседа. Обсуждали не только прочитанное, но и события, случившиеся за неделю. Этакий не только учебный, но и дисциплинарный тренинг. Кстати, тех, кто в течение недели провинился, на пятничные посиделки не звали. Вообще, дисциплина была строгой: мисс Лина, женщина рослая, широкая в кости, порой даже собственноручно секла провинившихся. Не стоит ее судить строго. Таковы были общепринятые правила, и розги — как и книги, грифельная доска и т. п. — являлись (да, вероятно, и были) неотъемлемой составляющей учебного процесса.

Мисс Лина старалась развивать у своих учеников воображение. Тогда же, по пятницам, ученики и учительница не только читали и обсуждали прочитанное, но и занимались «творчеством»: наставница читала какой-нибудь рассказ (не до конца) и предлагала детям дописать финал — так, как они себе его представляют. А. Смит, который и сам неоднократно принимал участие в этих «конкурсах», утверждал, что уже тогда, в детстве, будущий О. Генри «испытывал особый восторг от этих состязаний» и что именно его «продолжений с особым интересом ждали и учитель, и ученики»[37]. Так ли это было на самом деле, или биограф погрешил против истины, полагая, что будущий автор «Королей и капусты» уже в детстве просто обязан был демонстрировать недюжинные способности к сочинительству, неизвестно, но то, что подобные экзерсисы помогали творческому развитию — несомненно. Если же опираться на факты (сохранилось немало свидетельств одноклассников писателя), то в подростковом возрасте литературное дарование юный Портер реализовал сочинением юмористических стишков «жестокого» содержания, которые слагал с необыкновенной легкостью по различным поводам и зачитывал их под гомерический хохот класса.

Нельзя отрицать и вот что. Никогда в последующей жизни (может быть, только за исключением тех нескольких лет, что О. Генри провел в тюрьме) он не читал так много, как в школьные годы. Во всяком случае, он сам утверждал, что «читал очень много», но большинство книг было прочитано «в возрасте от тринадцати до девятнадцати лет», да и «мой читательский вкус, — говорил он, — сильно испортился с той поры, поскольку тогда я читал, главным образом, классику». А в одном из газетных интервью конца 1900-х годов утверждал еще категоричнее: «Сейчас у меня никогда нет времени на чтение. Все, что я прочитал, было прочитано, когда мне не исполнилось и двадцати»[38].

И все же, несмотря на изрядное время, посвящаемое книгам,

читал он их как бы «между делом». По-настоящему в школьные годы (да и потом, в 1880-е) его увлекало рисование. Очевидно, что у Билла Портера был природный дар, возможно унаследованный от матери. Мэри Джейн неплохо рисовала. Главным образом акварели. Как вспоминали те, кто его знал школьником и бывал у него в комнате, ее стены украшали картины и многочисленные рисунки матери. Но Мэри Джейн училась рисунку сначала в колледже, а затем в семинарии, а ее сын был лишен такой возможности. Мисс Эвелина, хотя и учила своих питомцев рисованию, ни художественным даром, ни необходимыми навыками не обладала и научить чему-нибудь путному в этой области, конечно, не могла. Очень жаль. Потому что если бы у юного Портера был настоящий учитель, то, скорее всего, его судьба сложилась бы по-другому, а талант — засиял бы новыми гранями. Так что «оттачивал» он свой природный дар, рисуя карикатуры, — на своих близких, знакомых и совсем незнакомых людей. «Он умел несколькими штрихами схватить повадку или типичную черточку внешности любого из нас, к нашему вящему удовольствию», — вспоминал один из его бывших одноклассников. Рисование карикатур было любимым занятием О. Генри школьной поры. Сам процесс рисования карикатур тот же очевидец описал так: «Обычно он сидел в небрежной позе, откинувшись к спинке парты и, упираясь поднятыми коленками в парту соседа спереди, рисовал на своей грифельной доске комические картинки»[39]. Немногочисленные сохранившиеся карикатуры Портера-школьника (поскольку рисовал он обычно на «грифельной доске», много их сохраниться и не могло) дают возможность оценить как особенности комического дарования юноши, так пока еще и не достаточное владение техникой рисунка. Впрочем, куда важнее другое. О. Генри как писатель, прославившийся — в числе прочих — умением одной чертой, маленькой деталью дать исчерпывающую характеристику своему новеллистическому персонажу, оказывается, очень долго — с детских лет — неосознанно тренировал в себе это умение — в карикатурах и рисунках.

В аптеке на Элм-стрит

«Школьные годы» для Билла Портера закончились в 16 лет — в 1878 году[40]. Будущий писатель, как мы видим, получил совсем небольшое формальное образование. Во всяком случае, — если учитывать проведенное им за школьной партой время, — учился он куда меньше, чем большинство его современников — американских (и тем более не американских) писателей. Конечно,

степень творческой одаренности не измеряется школьными аттестатами и количеством университетских дипломов. Талант и успех самого О. Генри — лучшее тому подтверждение. В то же время Билл Портер был хуже образован, чем его ближайшие родственники — отец, мать, тетка, другие родичи старшего поколения. Но его собственной вины в этом нет — уж в чем в чем, а в лености ума Билла упрекнуть нельзя — так сложились обстоятельства: социальные (в период Реконструкции Юга система образования в этих штатах переживала тяжелейшие времена, в связи с чем многие его сверстники-южане тоже остались без образования), но в еще большей степени — семейные (отчаянный недостаток средств). Может быть, Билл Портер и хотел учиться, но почти не имел для этого возможностей. Будь он в эти годы другим — более целеустремленным, настойчивым, возможно, удалось бы найти какой-то способ поступить в колледж и даже в университет. Но по складу характера он был интровертом, человеком довольно замкнутым и никакой инициативы не проявлял (скорее всего, даже не задумывался о продолжении образования), а предпочитал «плыть по течению».

Хотя в послевоенном Гринсборо происходили серьезные перемены (по сравнению с довоенным, к 1878 году население города почти утроилось и достигло девяти тысяч, Гринсборо превратился в железнодорожный узел, в нем открывались отделения крупных банков, начала развиваться текстильная промышленность), течение местной, для большинства еще привычно неторопливой жизни, конечно, не могло унести Билла далеко. На ближайшие четыре года тихой и даже уютной гаванью для юноши стала аптека его дяди (одного из сыновей «матушки Портер») Кларка Портера, которая находилась всего в сотне метров от родного дома, в самом центре города, на Элм-стрит, напротив главной гостиницы Гринсборо — обветшавшего, но еще принимавшего постояльцев старого «Отеля Бенбоу».

Собственно, появление Билла в этой «гавани» было вполне предсказуемо. Город развивался, посетителей в аптеке прибавлялось, объективно — руки были нужны. Может быть, дядя мог бы и дальше обходиться без помощника, но так решила «матушка Портер» — Билл должен освоить семейную профессию. Ведь она сама в свое время занималась изготовлением лекарств и снадобий. Обустраивал и поначалу владел аптекой ее старший сын Элджонон, отец Билла (бизнес перешел к его младшему брату Кларку после того, как Элджонон выправил себе лицензию лекаря и сосредоточился на врачевании). А юный Билл, считала тетка Эвелина, — мальчик старательный и трудолюбивый, серьезный —

не чета старшему брату Шеллу, грубияну и задире. Из него может выйти толк. Так что пусть себе работает и учится.

Первые месяцы, конечно, не могло и речи идти о том, чтобы допустить юношу к изготовлению лекарств — сперва необходимо было научиться ориентироваться в аптеке, понять, что и где хранится, как хранится и зачем лежит (стоит, висит, наливается, упаковывается и т. п.) именно так и там, а не в другом месте (в шкафу, ящике, коробке, запаянной железной банке, стеклянной бутыли и т. п.), и почему. Уясняя, отчего все в аптеке дяди устроено таким образом, а не иначе, Уильям по ходу приобретал и начатки знаний в области фармакологии. Процесс познания невозможно было ограничить устными наставлениями и объяснениями: безусловно, юноша читал книги, которые ему рекомендовал дядюшка, изучал буклеты, рекламные листовки и инструкции, разбирал рецепты тех или иных снадобий. Так создавался запас знаний, формировалось понимание того, как изготовляются лекарства и каким образом действуют, против каких недугов предназначены. Конечно, эти знания аккумулировались постепенно — едва ли этот процесс завершился (да и в принципе не мог завершиться!) к тому моменту, когда племянник покинул заведение дядюшки. Но опыт и знания, что были накоплены, позволили Уильяму Портеру в 1881 году сдать экзамены и получить официальный статус фармацевта, а затем, по сути, спасли его в самый тяжелый период жизни.

Но мы невольно забежали вперед — в первые месяцы в заведении на Элм-стрит юный Уильям (здесь его звали уже не по-детски: Билл или Билли, а более уважительно — соответственно возрасту и положению — Уильям, Уилл, реже — Уилли) исполнял исключительно функции продавца — отпускал изготовленные дядей лекарства и косметические средства, наливал виски джентльменам, заваривал чай для леди, торговал сигаретами и табаком, прохладительными напитками, заносил продажи в бухгалтерскую книгу.

Пусть читателя не удивляет наличие чая, сигар и спиртного в аптеке. Американская «драгстор»[41] — и в наши дни не совсем то, что в сознании европейца ассоциируется с аптекой. В иной американской аптеке и сейчас в дополнение к лекарствам можно перекусить, выпить кофе, даже съесть мороженое. Америка возникла в капиталистическую эпоху и не знала цеховых ограничений Европы. Аптечное дело не имело предыстории и развивалось в США как обычное коммерческое предприятие. Городки и населенные пункты, где функционировали драгсторы, обычно были небольшими, и затевать узкоспециализированное —

аптечное — дело просто не имело смысла. В таких малых городках в XIX веке аптеки зачастую исполняли и роль своеобразных клубов, где местные жители встречались, обсуждали не только собственное самочувствие, но и делились сплетнями и слухами.

В этом смысле аптека на Элм-стрит не была исключением. К тому же хозяин был по характеру человеком компанейским, гостеприимным, имел массу друзей и приятелей. Это обстоятельство превращало заведение Кларка Портера в небольшой клуб, где довольно часто по вечерам собирались знакомцы хозяина. В ненастную погоду центром таких собраний становилась большая печь в углу торгового зала. В теплое время посиделки устраивали у входа в аптеку, на скамье под раскидистым деревом: разговаривали, немножко выпивали, играли в шахматы, курили, обсуждали разнообразные новости, вспоминали минувшее. В этом «клубе» были только «свои» — люди, близкие по возрасту, убеждениям, опыту, социальному статусу. Молодой Уилл Портер, конечно, непосредственного участия в этих встречах не принимал, но, не выходя из-за стойки (обслуживать-то покупателей было нужно), каждодневно наблюдал.

Лицезрел неизменную и почти безмолвную фигуру с невозмутимой бледной физиономией, украшенной стрельчатыми, опущенными книзу усиками (устроившись в аптеку, Уилл отпустил усы, тщательно ухаживал за ними и, судя по всему, весьма своей растительностью гордился), едва ли кто-то из членов неформального клуба (а тем более посетителей) догадывался, что все они суть объекты пристального внимания юноши, отмечавшего их манеры, характерные особенности поведения, привычки и черты облика, собиравшего и запоминавшего всё это, с тем чтобы затем перенести на бумагу в виде карикатур и зарисовок сцен аптекарской (и просто городской) жизни. Хотя по прошествии времени рисунков молодого аптекаря сохранилось мало (Уилл совершенно не дорожил ими, легко раздавал знакомым, а то и просто уничтожал), ни один из биографов писателя не миновал этого факта. И это справедливо, поскольку карикатур в аптекарские годы он действительно рисовал весьма много и довольно скоро приобрел в связи с этим широкую популярность. Зарисовки и карикатуры аптекарского ученика ходили по рукам, пользовались успехом и вызывали взрывы гомерического хохота у зрителей.

Хотя с техникой рисунка у молодого Портера дело обстояло не очень хорошо (ведь рисованию он не учился: «уроки» «мисс Лины», ясно, не в счет), но он отличался поразительной

способностью буквально одним штрихом, выразительной деталью охарактеризовать человека. Так что ни с кем другим его уже не спутаешь. В этом смысле весьма показателен эпизод, который, как весьма характерный, приводит в своей книге о писателе А. Смит. Однажды в аптеку зашел незнакомый Уильяму посетитель и спросил отсутствующего хозяина. По возвращении дяди Кларка юноша сообщил ему об этом, но тот с его слов не смог понять, о ком идет речь. «Да кто же это был?» — недоумевал он.

«— Я никогда не видел его прежде, — отвечал ученик, — но выглядел он примерно так… — и при помощи карандаша на клочке оберточной бумаги мигом изобразил посетителя.

— А, так это Билл Дженкинс из Риди-Форк. Он задолжал мне семь долларов двадцать пять центов»[42].

Дядя Кларк совершенно не возражал против увлечения племянника — ведь оно не вредило бизнесу. Более того, однажды он решил, что рисунки могут поспособствовать коммерции, и стал вывешивать новые (по крайней мере наиболее удачные, по его мнению) творения юноши в витрине своего заведения. В этом был резон, тем более что карикатурист был совершенно лишен обычных у этого племени язвительности и сарказма — молодой Портер не был зол и взирал на своих героев с добродушной улыбкой. Хотя он и не стал художником, его упражнения с карандашом были одним из средств развития творческого потенциала — своеобразным тренингом «человекознания», способом понимания человеческой натуры, проникновением в людскую природу.

Конечно, годы, проведенные в аптеке, — лишь один из начальных этапов этого долгого пути, но кое-что из того, что узнал тогда, он использовал через много лет, — уже будучи опытным сочинителем. И речь здесь не только о тонком и малоуловимом — «механике» познания человека, но и о сведениях, непосредственно отложившихся в писательскую «копилку». Пример подобного рода лежит буквально на поверхности — это знаменитый рассказ писателя «Родственные души» (впоследствии замечательно — и очень бережно! — экранизированный Л. Гайдаем).

Читатель, вероятно, помнит эту историю о грабителе, страдающем от ревматизма, который забрался в особняк и встретил в его хозяине — своей жертве — товарища по недугу. Не будем пересказывать фабулу, но привести центральный диалог новеллы, безусловно, стоит. Итак, «жертва», заинтересованная течением болезни компатриота, спрашивает, как долго страдает тот заболеванием:

«— Пятый год. Да теперь уж не отвяжется. Стоит только

заполучить это удовольствие — пиши пропало.

— А вы не пробовали жир гремучей змеи? — с любопытством спросил обыватель.

— Галлонами изводил. Если всех гремучих змей, которых я обезжирил, вытянуть цепочкой, так она восемь раз достанет от земли до Сатурна, а уж греметь будет так, что заткнут уши в Вальпараисо.

— Некоторые принимают “Пилюли Чизельма”, — заметил обыватель.

— Шарлатанство, — сказал вор. — Пять месяцев глотал эту дрянь. Никакого толку. Вот когда я пил “Экстракт Финкельхема”, делал припарки из “Галаадского бальзама” и применял “Поттовский болеутоляющий пульверизатор”, вроде как немного полегчало. Только сдается мне, что помог, главным образом, конский каштан, который я таскал в левом кармане.

— Вас когда хуже донимает, по утрам или ночью?

— Ночью, — сказал вор. — Когда самая работа. Слушайте, да вы опустите руку… Не станете же вы… А “Бликерстафов-ский кровеочиститель” вы не пробовали?

— Нет, не приходилось. А у вас как — приступами или все время ноет?

Вор присел в ногах кровати и положил револьвер на колено.

— Скачками, — сказал он. — Набрасывается, когда не ждешь. Пришлось отказаться от верхних этажей — раза два уже застрял, скрутило на полдороге. Знаете, что я вам скажу: ни черта в этой болезни доктора не смыслят.

— И я так считаю. Потратил тысячу долларов, и все впустую. У вас распухает?

— По утрам. А уж перед дождем — просто мочи нет»[43].

Ясно, что все эти познания о симптомах и их проявлениях, о разнообразных снадобьях — «патентованных» или нет — писатель почерпнул непосредственно из собственного аптекарского опыта. Ведь сам не страдал ни ревматизмом, ни даже банальным остеохондрозом, и поэтому — вне аптеки — знать ни о чем подобном, конечно, не мог.

Рисование карикатур и весьма пристальное наблюдение за посетителями аптеки и завсегдатаями «аптекарского клуба» не мешало увлечению чтением. Юноша по-прежнему предпочитал, говоря современным языком, «остросюжетную литературу», но он повзрослел, и красочные обложки романов за десять центов окончательно ушли в прошлое. У. Коллинз, В. Скотт, А. Дюма, Ч. Рид, Э. Бульвер-Литтон, а затем и романы Ч. Диккенса, У. Теккерея и В. Гюго, сочинения популярных тогда в Америке Ф. Шпильгагена и Л. Ауэрбаха[44] — вот что насыщало не только

досуг, но нередко поглощало и часть его рабочего времени. Чтение порой увлекало настолько, что иной раз он мог даже не заметить вошедшего в аптеку очередного покупателя. За это дядюшка Портер устраивал разносы племяннику-книгочею. А. Смит, хорошо знакомый с читательскими предпочтениями будущего писателя, в числе любимых книг юноши отмечал также «Ярмарку тщеславия» Теккерея, «Между молотом и наковальней» Шпильгагена, «Холодный дом» и «Тайну Эдвина Друда» Диккенса, «Монастырь и домашний очаг» Чарлза Рида, рассказы Ф. Брет Гарта и М. Твена.

Нетрудно заметить, что, за исключением последних двух авторов (которые, кстати, сыграли особую роль в формировании собственной писательской манеры О. Генри, но об этом поговорим позже), интерес у молодого человека вызывали прежде всего романы с социальной подоплекой. Конечно, в его читательских пристрастиях отражалось присущее той эпохе пристальное внимание к социальной проблематике. Но, думается, не только. Определенную роль сыграло стремление, осознанное или нет, постичь природу человеческого характера и индивидуальной судьбы. Истоками такого интереса являлись вполне естественные для юноши «поиски себя». Но для такого человека, как молодой Портер, — одинокого, замкнутого, склонного к самокопанию и меланхолии, эти размышления приобретали собственные масштабы и формы. Симптоматично в этом смысле свидетельство современника, земляка и биографа: А. Смит указывает, что буквально настольной книгой будущего писателя в те годы была «Анатомия меланхолии» Р. Бёртона[45]. И тогда, и позднее — уже в Техасе — он с ней, говорят, не расставался. Этот средневековый трактат мало известен в нашей стране[46], а ведь в нем речь идет как раз об этом — о человеческой природе, о том, что именно и каким образом формирует характер человека. То есть очевидно, что Портера это действительно и всерьез интересовало. Он доискивался причин дурного и доброго расположения духа, привычек, темперамента, пытался понять «химию» человеческого поведения. И, конечно, таким образом пытался понять природу собственного характера — собственной меланхолии и безынициативности.

Можно ли считать этот интерес свидетельством «пробуждения художника»? В определенной степени. Но едва ли стоит говорить о неком осознании «своего пути». А вот другой интересный факт — еще одной настольной книгой Портера в это время был знаменитый «Словарь английского языка» Сэмюэла Джонсона[47]. Казалось бы, куда уж красноречивее для будущего писателя? Но здесь все проще, чем можно было бы

нафантазировать. Интерес к лексикографии, правописанию, значению и употреблению слов имел, конечно, не «литературный», а образовательный смысл. Просто он делал ошибки — и в речи, и в орфографии, и в словоупотреблении. А с его характером, ранимостью, да еще при склонности к рефлексии и самокопанию это должно было иметь последствия. Вот так и появился у него этот изрядный по весу том — он был рядом с ним не только в Гринсборо, но и потом — в Техасе.

Как бы там ни было, конечно, все это — и «Анатомия меланхолии» Бёртона, и «Словарь» Джонсона, и карикатуры, и каждодневное наблюдение за людьми — ложилось в «копилку», тренируя и развивая воображение, формируя будущего писателя. Но происходило это постепенно и в общем-то исподволь. Без сознательной инициативы со стороны юноши.

Существование молодого Портера в Гринсборо (да и позднее, в Техасе) было инертным, и в том, что с ним происходило, инициатива принадлежала обстоятельствам: воле тетушки, бабушки, дяди и т. д., но не ему. За исключением побега к океану в двенадцатилетнем возрасте и рисования карикатур, жизнь он вел пассивную. Его *modus vivendi* мало отличался от повседневного времяпрепровождения местной молодежи: были здесь и походы на танцы, легкий флирт, выпивка и бренчание на гитаре в кругу приятелей, розыгрыши и мелкие проделки все в той же компании. Словом, ничего необычного. И этот образ жизни он совершенно не собирался менять. Во всяком случае, никакого стремления к изменениям он не демонстрировал. Работа у дяди Кларка его тяготила, он скучал и много лет спустя как-то признался одной из своих нью-йоркских знакомых: «Нудная работа в аптеке была для меня сущей мукой». Тем не менее в 1881 году, девятнадцати лет от роду, Уильям Портер сдал экзамены и 30 августа того же года стал сертифицированным фармацевтом[48].

Казалось, жизнь его предопределена — со временем в полной мере овладеть тайнами аптекарского дела и окончательно сменить дядю Кларка за стойкой или открыть собственное дело, быть может, даже жениться, обзавестись детьми, построить дом и стать добропорядочным буржуа — уважаемым гражданином Гринсборо. Но вдруг судьба сделала первый крутой поворот и перекроила жизнь Уильяма Сидни Портера совершенно по-новому, вырвала его из привычного окружения и чудесным образом отправила за две тысячи километров — на юго-запад, в Техас.

Ничего волшебного, впрочем, в этом перемещении не было. Напротив, всё совершилось довольно прозаично. Более того,

начиналась новая фаза в жизни будущего писателя с обстоятельств совсем не радужных. Впрочем, обо всем по порядку.

Еще в самом начале своей аптекарской карьеры молодой Портер познакомился, а затем подружился с доктором Джеймсом Холлом. Он был приятелем Кларка Портера и одним из завсегдатаев «аптекарского клуба». Как описывают его биографы писателя, это был человек очень высокий (под два метра ростом), мощного телосложения, с громким голосом. В Гринсборо Холл переселился в середине 1870-х из соседнего Лексингтона[49], был уже немолод (за пятьдесят), бесстрашен, резок в суждениях, но при этом добр, не корыстолюбив (бедняков лечил бесплатно) и «чертовски обаятелен». В город, вместе с женой, он перебрался после того, как дети повзрослели (а их у него было четверо, и все — мальчики) и выпорхнули из гнезда. Как-то так получилось — «виной» тому, скорее всего, отцовский инстинкт Холла и «безотцовщина» Портера, — что Холл взял юношу под опеку, стал относиться к нему почти как к сыну. Не будем описывать перипетии их дружбы (об этом писали многие), но вот однажды доктор (который весьма серьезно относился к здоровью Уильяма, как, впрочем, и к собственному, и своих пациентов) обратил внимание на сухой кашель, который с началом зимы «привязался» к молодому Портеру. Сначала грешил на трахеит, заставлял юного аптекаря пить микстуры и отвары, принимать снадобья, но проходило время, а улучшения не наступало. Зная о наследственности пациента и надеясь, что процесс еще не зашел слишком далеко, Холл предложил ему сменить климат, уехать из Каролины. Совет этот мог так и остаться благим пожеланием (у Портеров не было денег), но доктор Холл предложил совершенно конкретные действия: в марте он намеревался ехать в Техас навестить своих сыновей и решил не только взять юношу с собой, но и оплатить ему дорогу.

Достоверно неизвестно, как воспринял предложение своего старшего друга будущий О. Генри. Возможно, не без понятных колебаний и сомнений, но, скорее всего, согласился, не слишком раздумывая, — ведь работать в аптеке ему изрядно надоело, а тут такое приключение!..

Семья не возражала против отъезда: доктор Холл переговорил и с Кларком Портером, и с его сестрой — мисс Эвелиной, и с «матушкой Портер». Все знали о наследственности юноши и отнеслись к возможному диагнозу всерьез. Уильям уезжал не навсегда — доктор предполагал, что двух лет, проведенных в сухом и жарком климате Техаса, будет достаточно, чтобы победить недуг, — а потом он вернется.

Конечно, ни бабушка, ни тетя с дядей, ни отец, ни, скорее

всего, сам Уилл Портер и мысли не допускали, что уезжает он навсегда и многих из родных больше уже не увидит.

В марте 1882 года доктор Джеймс Холл с супругой Фрэнсис и недавний помощник аптекаря сели в поезд и отправились в далекий — длиной почти в две тысячи километров — путь.

Холлам предстояла долгожданная встреча с детьми, а в жизни Уильяма Сидни Портера начинался новый этап, о перспективах которого он, конечно, не подозревал.

Глава вторая
Техас: 1882–1896

Почти ковбой

Среди рассказов О. Генри есть история под названием «Санаторий на ранчо». Впервые она была опубликована, когда слава уже «стучалась в писательскую дверь»[50], но написана раньше — в самом конце 1890-х, в тюремной камере. И это обстоятельство придает изложенному в ней сюжету особое значение и смысл. История вот о чем. Сердобольный техасский богач подбирает харкающего кровью туберкулезника и отвозит его к себе на ранчо, чтобы тот излечился в местном сухом и жарком климате. Происходит это вопреки воле последнего — человека эгоистичного и испорченного, но заканчивается победой — и над болезнью, и над характером больного, превратившегося из ипохондрика и нытика в оптимиста и смельчака-ковбоя. Нечто подобное случилось и с молодым Портером. Конечно, он был другим — не таким, как малосимпатичный герой новеллы Мак-Гайр, но и его появление на ранчо в Техасе произошло в общем-то помимо воли и по той же причине. Кровью, правда, он не харкал, но доктор Холл подозревал, что туберкулезный процесс в легких уже начался, и потому заставил своего знакомца отправиться в дальнее путешествие.

Так весной 1882 года, девятнадцати лет от роду, Уильям Портер оказался вырванным из привычного с детства окружения, в местах, весьма от его малой родины отдаленных — на скотоводческом ранчо, в графстве Jla Салль, в юго-западной части «Штата Одинокой Звезды», как любят называть Техас его обитатели-патриоты.

В своей книге Алфонсо Смит писал: «Если бы О. Генри имел возможность выбрать себе ранчо на время пребывания в Техасе и его управляющего, едва ли он мог сделать лучший выбор, нежели ранчо в графстве Jla Салль во главе с Ли Холлом»[51]. С суждением биографа трудно не согласиться. Особенно это касается фигуры управляющего. Черты именно этого незаурядного человека — с очевидной симпатией и благодарностью — воплощены и в образе Рейдлера (а также целого ряда других персонажей из сборника «Сердце Запада»), владельца ранчо из упомянутой новеллы. Он был почти таким, каким его описывает О. Генри — «шести футов двух дюймов росту и необъятной ширины в плечах, он был, что называется, душа

нараспашку. Запад и Юг соединились в нем».

Ли Холл, старший из сыновей доктора, личность почти легендарная. Не случайно о жизни этого по-настоящему яркого человека написана книга[52], а его имя вошло в анналы истории штата. Он приехал в Техас в 1869 году из родного Лексингтона в Северной Каролине и обосновался в Сан-Антонио (Рейдлер, кстати, тоже из Сан-Антонио). Заниматься он собирался учительством и свой первый год в Техасе подвизался в этом качестве. Но человек по натуре деятельный, он не мог оставаться в стороне от процессов, которые разворачивались на юго-западе США. А события эти были непростыми. Безлюдные просторы активно осваивались, переселенцев (одним из которых был Ли Холл) становилось все больше. Началась «земельная» и «скотоводческая» «лихорадка» — разведение скота оказалось очень выгодным делом, в которое вкладывались миллионы. Но среди местных обитателей были не только люди, скажем так, добросовестные, но и преступные элементы, так называемые «десперадос», которые угоняли и перепродавали скот, занимались грабежом — нападали на ранчо, банки, поезда и т. п. Занимались этим не только белые и мексиканцы, но и индейцы — апачи и команчи, проживавшие в Техасе и на окрестных территориях. В этих малонаселенных местах федеральная власть была слаба (а то и вовсе отсутствовала), поэтому жители вынуждены были защищать себя сами. Так появились техасские рейнджеры — отряды добровольцев, призванные покончить с беспределом[53]. В 1870 году в один из таких отрядов записался и Ли Холл. С самого начала он проявил не только отвагу (смельчаков там хватало), но и талант командира и тактика. «Ростом в шесть футов, два дюйма, белокурый, как викинг, тихий, как баптист, и опасный, как пулемет»[54], он сделал головокружительную карьеру, всего за несколько месяцев превратившись в начальника одного из наиболее эффективно действовавших подразделений рейнджеров. За несколько лет, что он возглавлял отряд, ему удалось очистить от «десперадос» огромную территорию, успешно воевал он и с индейцами. Затем исполнял обязанности шерифа графства и здесь тоже прославился своим мужеством и честностью. Со временем Ли Холл превратится в настоящую легенду — опору законности и порядка, в безупречный символ храбрости и неподкупности. Но к моменту приезда Уилла Портера он уже удалился от ратных дел — решил «сесть на землю». Женился, обзавелся хозяйством — лошадьми и скотом, построил дом, а еще стал управляющим огромного — почти в тысячу квадратных километров — крупнейшего в тех краях ранчо, которым владели братья Далл, земельные спекулянты, финансовые воротилы и

миллионеры из Пенсильвании. На своем ранчо они не появлялись, перепоручив все дела надежному, как скала, бывшему шерифу, и тот обладал в округе огромной и непререкаемой властью. Недавний аптекарь видел его нечасто — тот был всегда в разъездах, но достаточно, чтобы составить свое мнение о нем как о человеке сильном, великодушном и героическом.

Ли Холл с женой и детьми жил в центральной усадьбе ранчо, в большом и по местным понятиям весьма благоустроенном доме. Он находился в сорока милях от городка Котулла — конечного пункта длившегося целую неделю путешествия по железной дороге. От города до ранчо путешественники еще два дня добирались на лошадях.

В упомянутом рассказе есть примечательная сцена, в которой Мак-Гайр прибывает на ранчо Рейдлера:

«Мак-Гайр окинул взглядом непривычную для него картину. Дом на ранчо Солито считался лучшим в округе. Он был сложен из кирпича, привезенного сюда на лошадях за сотню миль, но имел всего один этаж, в котором размещались четыре комнаты, окруженные верандой с земляным полом, носившей название “галерейки”. Пестрый ассортимент лошадей, собак, седел, повозок, ружей и всевозможных принадлежностей ковбойского обихода поразил столичное око прогоревшего спортсмена.

— Вот мы и дома, — весело сказал Рейдлер.

— Ну и чертова же дыра! — выпалил Мак-Гайр […]

— Мы постараемся устроить тебя поудобнее, сынок, — мягко сказал хозяин. — В доме-то у нас, конечно, не шикарно, но зато на воле, а для тебя ведь это самое главное. Вот твоя комната. Что понадобится — спрашивай, не стесняйся.

Рейдлер ввел Мак-Гайра в комнату, расположенную на восточной стороне дома. Незастеленный пол был чисто вымыт. Свежий ветерок колыхал белые занавески на окнах. Большое плетеное кресло-качалка, два простых стула и длинный стол, заваленный газетами, трубками, табаком, шпорами и ружейными патронами, стояли в центре комнаты. Несколько хорошо выделанных оленьих голов и одна огромная, черная, кабанья смотрели со стен. В углу помещалась широкая парусиновая складная кровать. В глазах всех окрестных жителей комната для гостей на ранчо Солито была резиденцией, достойной принца».

Возможно, молодой Портер про себя так и назвал то место, где ему предстояло жить, — «дыра». Но, конечно, не мог произнести этого вслух. Похоже, что, описывая обитель Рейдлера, он представлял себе резиденцию Ли Холла — она была почти такой же, только комнат там было больше — не четыре, а шесть.

Дом был одноэтажным, просторным, сложенным из кирпича-сырца. Что касается комнаты, в которой Ли поселил Уильяма, в ней действительно были белые занавески, простые стол и стулья и парусиновая складная кровать.

В дом Ли (которого родители продолжали называть данным от рождения именем Лью, хотя он и сменил его в Техасе на более короткое и звучное) на встречу с отцом и матерью съехались все остальные братья — Ричард (Дик), тоже с женой и первенцем, Фрэнк и Уильям, еще холостые. Среди прочего, на состоявшемся семейном совете договорились, что Портер будет жить не здесь, а на ранчо у Ричарда. Почему было принято такое решение, понять можно. Выбор был невелик: младшие — Уилл и Фрэнк были ковбоями, собственного пристанища не имели, кочевали по равнинам со стадами и спали в основном под открытым небом, поэтому гость мог либо остаться у Ли либо переехать к Дику. Семья (и дом) последнего была выбрана, скорее всего, потому, что Дик, так же как и Ли, почти всегда отсутствовал, а места были дикие и пустынные, и еще один белый мужчина (даже такой субтильный, как молодой Портер) — о безопасности забывать нельзя! — в доме с женщиной и младенцем был не лишним.

Так бывший горожанин очутился на ранчо Ричарда Холла — в сорока с лишним километрах от центральной усадьбы, вверх по течению реки Нуэсес, в глубине пустынных равнин, совсем рядом с границей Мексики, — и очень далеко от населенных пунктов, которые даже с натяжкой едва ли можно назвать городами.

Вот это место — по удаленности от цивилизации и непритязательности быта — он точно мог назвать «дырой». Но осознание этого факта произошло, скорее всего, по прошествии некоторого времени, а тогда его окружало весеннее буйство живой природы: бескрайние просторы цветущих трав и кустарников, воздух и ветры, насыщенные пряными ароматами, огромные кактусы, утесы, нависающие над дорогой, — он наверняка оценил живописность ландшафтов и атмосферы. Тогда он, конечно, не знал, что очень скоро безжалостное южное солнце высушит землю, травы пожухнут и все буйство цвета без следа исчезнет, поглощенное всеми оттенками песочного и бурого. Эти цвета пронизывают «западные» рассказы О. Генри, и внимательный читатель без труда обнаружит это.

Дом Дика Холла, в котором Портер провел первые два года своей жизни в Техасе, даже отдаленно не походил на резиденцию старшего брата. Это было небольшое сколоченное из досок строение с открытой террасой. В доме было всего две комнаты. Одна — та, что побольше, — служила одновременно гостиной и кухней, во второй, маленькой, обитали жена Дика, Бетти, и их

новорожденная дочка. Портер ночевал на террасе.

Пусть читателя не удивляет данное обстоятельство: в тех краях и летом, и даже зимой обычно жарко, лишь по ночам (да и то в декабре — феврале) температура может опускаться ниже десяти градусов Цельсия, а заморозков не бывает вовсе. К тому же в среде, в которой Портер очутился — настоящих ковбоев, мужчинам не пристало спать под крышей.

Справедливости ради отметим, однако, что на ранчо у Дика Холла ковбоев в истинном смысле этого слова не было, поскольку его хозяйство специализировалось на овцеводстве. Следовательно, не было коров и быков, там не занимались их клеймением, отловом, отбраковкой, выпасом, перегоном огромных стад на большие расстояния. Вообще, все это, конечно, было, но только с овцами. Сие вовсе не означает, что Портер не знал этот колоритный мир — среди работников было немало бывших (и будущих) ковбоев. А уж сколько он встречал их и общался с ними вне ранчо!

Как проводил время и чем занимался Уилл Портер в этих отдаленных от цивилизации местах? Скажем с самого начала — ковбоем он не стал. Не только потому, что на ранчо Холла не было коров, но прежде всего потому, что у молодого Портера был совершенно неподходящий для этого занятия характер. Да и физически юноша был недостаточно развит, чтобы выполнять тяжелую, требующую изрядной выносливости работу. Скорее всего, поэтому он не стремился в ряды ковбоев. Но, по свидетельствам тех, кто знал его в те времена (прежде всего Бетти Холл), довольно быстро научился управляться с лошадью и преодолевать большие расстояния верхом. Каких-то специальных обязанностей у него не было, и почти все время он был предоставлен самому себе. Это совершенно не означает, что все два года он попросту пробездельничал. В условиях постоянной «текучки» и дефицита кадров на ранчо он нередко вынужден был выступать в роли повара для вечно голодных «вакеро»[55], и оказалось, что это у него неплохо получается. Вероятно, отсюда берет истоки любовь О. Генри к кулинарным изыскам: научившись готовить здесь, он впоследствии — уже став известным писателем — с удовольствием (хоть и нечасто) готовил — для себя и друзей. Нередко он помогал в готовке и Бетти Холл, особенно когда намечалось какое-нибудь торжественное событие — семейный праздник, встреча братьев или когда она просто не успевала с этим хлопотным делом. Частенько приходилось ему выступать и в роли няни — Бетти Холл, особа весьма энергичная, во время отлучек супруга с энтузиазмом выполняла его обязанности и без колебаний вручала

свою малышку заботам постояльца.

По всей видимости, единственной постоянной обязанностью молодого Портера были регулярные поездки за почтой. Каждую неделю он отправлялся в расположенный в 14 милях (то есть в 25 километрах) поселок Форт Иуэлл. Впрочем, поселок — слишком громкое название для руин форта и нескольких глинобитных лачуг, жавшихся к сколоченному из досок салуну. Тем не менее, — двухэтажный, опоясанный по первому этажу открытой галереей, — он являл подлинный центр местной жизни: сюда стекались ковбои, чтобы «промочить горло», здесь заключались и отмечались сделки, сюда доставлялась и почта — владелец салуна (и гостиницы на втором этаже) по совместительству исполнял обязанности почтмейстера.

Кроме доставки почты молодому Портеру поручались мелкие покупки — рядом с салуном располагалась единственная в округе лавка, там и отоваривался посыльный. Что он покупал? Вряд ли молодому человеку (Бетти Холл, вспоминая его, отмечала: «…в выражении его лица было всегда что-то очень наивное и неистребимо детское») могли доверить серьезные приобретения — так, безделушки и мелочи, может быть, предметы личной гигиены, патроны, скобяные изделия, элементы упряжи или нечто подобное. Миссис Керр, жена владельца лавки, рассказывала, что для себя Портер всегда брал сладкую газированную воду, до которой тогда, видимо, был большой охотник.

С упомянутой лавкой и с семьей ее владельцев связаны не только покупки, но и романтическая история — одна из первых в жизни молодого Портера.

В то время, когда молодой человек обосновался у Холлов и стал регулярно наведываться в Форт Иуэлл, у четы Керр жила племянница шестнадцати лет от роду по имени Кларенс Крозье. Поскольку она являлась полноправным членом семьи (как она очутилась там и почему жила с дядей и с тетей, а не с родителями — неизвестно), то ей нередко приходилось заменять хозяина или хозяйку. И вот однажды, когда Уилл в очередной раз оказался в лавке Керров, за прилавком стояла сия юная особа. И юноша, что называется… «запал». Кларенс была мила, разговорчива, но назвать ее красавицей можно было только с поправкой на здешнюю глушь и почти полное отсутствие юных соотечественниц (все-таки это был «мужской» мир!). С этого дня молодой человек превратился в частого гостя в заведении Керров: если прежде в Форт Иуэлл он наведывался раз в неделю, то теперь два (объясняя это тем, что почта туда доставляется дважды в неделю — вдруг кого-нибудь на ранчо ожидает срочное послание?), и старался выезжать таким образом, чтобы еще и

задержаться — и пробыть в поселке вечер и утро следующего дня. Со всем юношеским пылом (и в то же время свойственной ему застенчивостью) он принялся ухаживать за юной Дульцинеей — дарил ей цветы, делал маленькие подарки, веселил шутками и разговорами. А однажды даже сочинил стихотворение и по настоянию чаровницы записал его в ее альбом. Вот оно:

> «В шкатулке памяти моей, как драгоценные каменья,
> Улыбки легкой след твоей и взгляды, и прикосновенья…
> Они сокрыты навсегда от взгляда чуждого, и снова
> Часы, недели и года мое сознание готово
> Перебирать их день и ночь, как скряга золото в монетах,
> Как четки в пальцах… Превозмочь и не стремлюсь я муки этой»[56].

Завершалось это послание словами: «Твой настоящий друг, У. С. Портер».

Конечно, перевод не способен передать поэтические достоинства текста. Более того, перевод (что редко, но случается) — лучше оригинала. Но по этой записи в девическом альбоме можно судить, что будущий писатель был увлечен молодой особой, а той, безусловно, льстили ухаживания молодого человека.

Поначалу Керры относились к этим маневрам добродушно-снисходительно и нередко приглашали юношу разделить с ними семейный ужин, а если он задерживался в поселке, то и завтрак. И хотя ухаживания носили вполне целомудренный характер (тем более что наедине молодые люди почти не оставались), довольно скоро тетушка ощутила угрозу своей племяннице. Она навела справки и поняла, что в качестве жениха воздыхателя рассматривать явно не стоит — он не только слишком молод и не обладает собственностью, но и вообще не имеет источников к существованию, поскольку просто — «из милости» — живет у своих знакомых на ранчо. Затем ответственная леди побеседовала с племянницей, поговорила с воздыхателем и выяснила, что, ко всему прочему, у того совершенно нет никаких матримониальных намерений. Портера не только прекратили приглашать к семейному столу, но и стали препятствовать встречам с родственницей. Видимо, предпринятые маневры особого успеха не имели, и тогда тетушка предложила (совершенно в американском духе!) племяннице сделку: та выбросит молодого Портера из головы и вернется к родителям (а те жили довольно далеко — в городе Бренэм, на расстоянии более 300 километров от Форта Иуэлл). В поощрение тетя подарит ей роскошный белый

плюмаж из страусиных перьев на шляпу, что, конечно, превратит девушку в первую модницу в своем городе и вызовет зависть у подруг. Тщеславная Кларенс не смогла устоять перед искушением — поменяла Портера на перья и вернулась в Бренэм. Но финал истории все равно для модницы оказался печален; много лет спустя она с горечью писала: «…она (тетушка. — *А. Т.)* так никогда и не прислала мне то, что обещала»[57].

Может быть, не стоило так подробно останавливаться на упомянутом эпизоде. Но тогда рана, нанесенная юному Портеру, видимо, была-таки глубока. Иначе не объяснить, почему события эти отразились (пусть не напрямую) в одной из новелл О. Генри. Речь идет об истории, озаглавленной «Пиниментские блинчики», написанной в 1903 году и вошедшей в «техасский» сборник «Сердце Запада». Там история, конечно, немного о другом. Но реминисценции очевидны. Есть главный герой — грубый и физически очень сильный ковбой. Он ухаживает за юной красоткой, племянницей (!) владельца продуктовой лавки (!). Но у него есть соперник — владелец ранчо. Ковбой нравится молодой особе, но он беден, а соперник — богат (и к тому же умен!). Напрямую соперничать с ковбоем опасно (может крепко побить, а то и отправить на тот свет!), и он завоевывает девушку, изощренно (другого слова не подобрать) обманывая соперника, и… женится на ней. Очевидно, что Портер жениться на легкомысленной Кларенс не планировал, но осадок, как мы видим, остался…

После отъезда юной девицы поездки Портера в Форт Иуэлл стали реже, но не прекратились. В конце концов, доставлять почту он взялся добровольно и, пока жил на ранчо Дика Холла, добросовестно курсировал в поселок и обратно каждую неделю. Но делал это теперь по обязанности, без особого желания.

Явно больший интерес вызывали у него путешествия на ранчо Ли Холла, куда по поручениям младшего брата он наведывался от случая к случаю. Резиденцию управляющего он теперь воспринимал по-другому — поездка туда каждый раз становилась для него ярким событием, возможностью встретиться с новыми людьми и получить новые впечатления. На этом пути, как мы помним, довольно долгом, с ним, бывало, случались приключения. Уже живя в Нью-Йорке, он вспоминал, как однажды, возвращаясь, он попал под сильную грозу и сбился с пути. Блуждая, он вышел к бивуаку — горел большой костер, вокруг него тесным кругом расположились вооруженные люди «совершенно зверской наружности». Уилл был, конечно, напуган, но ни с ним, ни с его имуществом ничего не случилось — у костра потеснились и накормили. Когда, по возвращении, он

рассказал о произошедшем Бетти Холл, та предположила, что, скорее всего, он повстречал банду «десперадос», промышлявших грабежом и угоном скота. «Но тогда почему они не ограбили меня, не отобрали лошадь, не убили, наконец?» — «Ну, во-первых, они были не “на работе”, — отвечала она, — а во-вторых, законы гостеприимства никто ведь не отменял…» Словом, почти «брет-гартовская» пастораль — та самая, в которой благородные жулики, бескорыстные стяжатели, сентиментальные проститутки и кроткие головорезы.

Этот ли случай вслед за Ф. Брет Гартом[58] подтолкнул писателя О. Генри к типичной для его рассказов романтизации «уголовного элемента»? Или «движение» в эту сторону началось еще раньше — когда он зачитывался рассказами знаменитого в ту пору калифорнийца? А может быть, значительно позже — когда ему пришлось довольно тесно общаться с людьми, преступившими закон и выброшенными на обочину жизни? Но скорее всего, это происходило постепенно и поэтапно: были и книги, и встречи, и дружба с некоторыми из этих людей — все накапливалось исподволь и укладывалось в «копилку». Но сам будущий писатель, конечно, о ее существовании тогда и не подозревал. Он продолжал жить весьма рассеянной и не обремененной заботами жизнью — на свежем воздухе, среди людей простых, но щедрых.

Если говорить о техасских маршрутах Уилла Портера, нельзя не упомянуть и самый протяженный — в городок Котулла — тот самый, куда вместе с доктором Холлом и его супругой их доставил поезд в марте 1882 года и с которого началось знакомство будущего писателя с жизнью Запада. Путь туда был далек: почти 40 километров отделяло ранчо Дика Холла от резиденции старшего брата, а затем без малого еще семьдесят непосредственно до города. Но в это длительное путешествие Портер всегда отправлялся с радостью. Котулла был небольшим городом и своим укладом не походил на родной Гринсборо, но это было возвращение горожанина к городской жизни и — что для молодого человека, вероятно, еще важнее — здесь он ощущал себя взрослым. Здесь он был предоставлен самому себе, здесь не было ни Дика Холла, ни бдительной и заботливой (но довольно строгой) Бетти Холл. Для таких — совсем нечастых — путешествий Холлы всегда снабжали его небольшой суммой денег (это был подарок — ведь он нигде не работал и ничего не зарабатывал), и он распоряжался ими по своему усмотрению. Он останавливался в гостинице, обедал в ресторане, давал «на чай» и вообще вел себя «как взрослый». Здесь — в салуне той самой гостиницы, где он останавливался, — произошло и первое его

«серьезное» знакомство с бутылкой. Конечно, едва ли местный салун можно считать точкой отсчета в той болезненной тяге к спиртному, что была характерна для О. Генри в поздние годы, но факт остается фактом — именно в местном салуне молодой человек впервые по-настоящему напился[59]. Но стоит ли его судить строго? Большинство юношей проходят через это — кто-то раньше, а кто-то позже. Получается, что Билл Портер был явно из числа последних.

Но, конечно, не только стремление ощутить себя взрослым и самостоятельным влекло нашего героя в Котуллу. Здесь были знакомые, с ними ему было приятно общаться. И среди них главным, пожалуй, был Фрэнк Эрнст, местный адвокат — с ним будущий писатель познакомился благодаря своим покровителям — все тем же Холлам. По свидетельству Дж. Лэнгфорда, наиболее авторитетного среди биографов О. Генри, это был человек совершенно нетипичный для техасской глубинки. Он был большой книгочей и обладал изрядной библиотекой. Известно, что Портер брал из нее книги. К сожалению, нет сведений о том, каких конкретно авторов он читал. В начале XX века в доме Эрнста случился пожар и часть книг сгорела. Лэнгфорд осматривал оставшуюся часть библиотеки юриста и среди уцелевших упоминает тома Байрона, Диккенса, Гиббона, Голдсмита, Гюго, Локка, Маколея, Мильтона, Пеписа, В. Скотта, Шекспира, М. Твена, Смоллетта[60]. Едва ли все упомянутые авторы привлекли внимание Портера, но то, что он читал Марка Твена, можно утверждать совершенно определенно. Прежде всего потому, что Твен относился к числу его любимых авторов, а Эрнст был не только обладателем богатейшей коллекции книг Твена, но переписывался с американским классиком, и поэтому многие издания украшали его автографы[61].

Вообще, в эти два года, что Портер провел на ранчо Хиллов, чтение, судя по всему, было его основным занятием. Он читал утром, днем и вечером — всегда, когда не был занят, а занят он был совсем не часто. Любила книги и Бетти Холл. Она не только поощряла его чтение, но и, как могла, управляла им: рекомендовала, давала поручения мужу (когда тот ездил по делам в Сан-Антонио) приобретать те книги, которые, по ее мнению, стоило прочитать. На первый взгляд это довольно необычно. Но надо иметь в виду, что Бетти Холл была весьма образованной женщиной — она окончила Женскую семинарию в Луизиане, училась в колледже в Виргинии. В письме А. Смиту она вспоминала о Портере-читателе: «Жажда знаний самого разного свойства была у него неиссякаемой. История, беллетристика, биографии, наука, журналы самого различного свойства и

содержания — всё это поглощалось и обсуждалось с огромным интересом»[62].

Небольшая, но, как позднее вспоминал сам О. Генри, хорошо подобранная библиотека была и на ранчо. Несмотря на разницу в возрасте, происхождении, в интересах и в воспитании, в отношении к жизни, характере и темпераменте, в этом (книжном) увлечении они были единомышленниками, и влияние на формирование интеллекта будущего писателя миссис Холл, конечно, оказывала.

В чем они, безусловно, разнились — и очень сильно, — так это в отношении к наемным работникам на ранчо. Миссис Холл, будучи женой босса и истинной южанкой в смысле «классовых инстинктов» (дочерью, внучкой и правнучкой плантаторов-рабовладельцев), неизменно «держала дистанцию» и относилась к «пролетариям» довольно высокомерно (на что ей, кстати, неоднократно пенял супруг). Ее подопечный, напротив, был «безоглядным демократом», легко шел на контакт с людьми любого звания и с удовольствием общался со всеми, не делая особых различий между солидным высокообразованным адвокатом-янки, нищим мексиканцем-сезонником, поваром-негром или местным уроженцем-ковбоем.

Эта открытость вообще была характерна для Портера — не только тех, техасских дней, но и позднее, когда он реализовал себя в литературе. Можно утверждать, что если бы он обладал иным темпераментом, то едва ли состоялся бы как писатель — все эти его разнообразные, чаще всего мимолетные контакты давали ему бесценный и такой колоритный материал для творчества.

Жизнь на ранчо Холлов обнаружила еще одну грань личности Портера — недюжинный лингвистический потенциал. Как утверждала всё та же Бетти Холл, уже месяца через три, общаясь с мексиканцами-работниками, Портер начал довольно бойко говорить на испанском. Но не удовлетворился этим, а принялся серьезно изучать язык — засел за грамматику, стал совершенствовать фонетику — и уже через несколько месяцев говорил лучше носителей языка — мексиканцев. В отличие от них, он обладал огромным словарным запасом — и всё время увеличивал его: читал книги, выписывал слова. Искушенные люди замечали, что Портер говорил на классическом — кастильском диалекте и почти без акцента.

Впоследствии, когда он оказался в Центральной Америке, эти знания ему, конечно, очень пригодились. Более того, вполне естественно предположить, что эта самая искушенность в испанском языке могла даже предопределить вектор его бегства и

направить его именно в Латинскую Америку.

Изучение языка, новые встречи и новые знакомые, свежие впечатления не могли, конечно, полностью преобразить внутренний мир молодого человека, вытеснить интересы и занятия, характерные для «прежнего» Портера. Например, никуда не делась его страсть к рисованию карикатур. Так же, как и в Гринсборо, он продолжал набрасывать на клочках бумаги забавные бытовые сценки и колоритные персонажи. Всё это осталось с ним. Разве что изменились герои и окружавшая жизнь, ее облик и содержание. Как и прежде, он легко расставался с рисунками — дарил их случайным знакомым, забывал между страниц очередной книги или просто выбрасывал. Как и прежде, его довольно быстро «настигла» известность. Конечно, она не была громкой — так ведь и талант-то был невелик! Но поражал простодушное воображение тех, среди кого Портер оказывался.

Рисование принесло ему и первое общение с писателем, и первый — можно сказать, литературный — заработок. Дж. Лэнгфорд, комментируя в своей книге этот эпизод, писал: «Его известность в качестве художника так широко распространилась по Техасу, что он был избран проиллюстрировать ныне знаменитую, но, увы, несуществующую книгу Джо Диксона, озаглавленную *Carbonate Days*»[63]. Если отбросить иронию, звучащую в словах биографа, то суть события сводится к следующему: упомянутый Джо Диксон, бывший золотоискатель из Колорадо, имел богатую биографию и весьма живописно рассказывал о своих похождениях. Среди его слушателей оказался некий Джон Мэддокс, бизнесмен из техасского Остина. Он предложил Диксону написать книгу о своих приключениях и взялся профинансировать ее издание, а Портера предложил в качестве иллюстратора. О даровании молодого человека Мэддокс был наслышан от своих партнеров по бизнесу — Ли Холла и Дика Холла. Книгу Диксон написал и с рукописью явился на ранчо Холлов. Три недели, почти ежедневно, они сообща трудились: Диксон читал и комментировал, характеризуя персонажей и ситуации, а Портер рисовал[64]. Всего он изготовил 40 юмористических рисунков. Диксон отбыл обратно в Остин и результат предъявил Мэддоксу. Тому он понравился. Но вот дальше произошло нечто необъяснимое: Диксон, в приступе некого «озарения» (скорее всего, под воздействием паров алкоголя, до которого, говорят, был великий охотник), решил вдруг, что книга его никуда не годится, и зашвырнул готовую и проиллюстрированную уже рукопись в реку Колорадо (Остин стоит на ее берегах). Затем одумался и бросился собирать намокшие, разрозненные листки. Но было уже поздно — книга

погибла.

Так Диксон не стал писателем, а мы потеряли возможность судить о первом опыте Портера — книжного иллюстратора. Но интересно: несмотря на то что затея с книгой провалилась, через год, в 1884-м, когда будущий писатель перебрался на жительство в Остин, Мэддокс заплатил ему за рисунки[65].

Упомянутая история с иллюстрациями была одним из немногих ярких эпизодов неличного характера в этот начальный период жизни будущего писателя в Техасе. Существование он вел рутинное, небогатое внешними событиями, наиболее значимые из которых мы отметили. Малособытийность происходящего фиксируют и письма Портера, которые он в изрядном количестве писал (эпистолярную активность также, кстати, можно считать косвенным свидетельством рутинности существования) и отсылал своим корреспондентам в Гринсборо. Писем этих сохранилось довольно много, и их с удовольствием цитируют биографы О. Генри. Постараемся обойтись без цитат, но обратим внимание на несколько важных моментов.

Первый. Основными корреспондентами Портера были миссис Холл, жена доктора Холла, и доктор Белл, молодой помощник ее супруга (с этим доктором юноша познакомился в последний год своей жизни в Гринсборо). Письма этим людям составляли львиную долю эпистолярных усилий молодого человека. Никто из исследователей жизни и творчества писателя не упоминает о письмах родственникам. Скорее всего, они не сохранились, и, вероятно, их было совсем немного, и были они куда лаконичнее многостраничных посланий упомянутым адресатам. Портер не переписывался с отцом и не писал бабушке. Он мог писать (и скорее всего писал) только тете Лине.

Второй. Судя по переписке, он совершенно не испытывал «тоски по родине» и уже после первых месяцев пребывания в Техасе писал, что ему здесь всё нравится и он имеет твердое намерение остаться[66]. Интересно, сообщал ли он об этом тетушке? Скорее всего нет. Иначе как объяснить тот факт, что Портеры до 1886 года продолжали вносить ежегодный взнос в Ассоциацию фармацевтов Северной Каролины, чтобы У. С. Портер продолжал числиться среди ее членов и мог беспрепятственно возобновить профессиональную деятельность по возвращении. Последний раз его имя упомянуто в реестре, опубликованном ассоциацией в 1888 году (то есть спустя шесть лет после того, как он уехал в Техас!)[67]. Для них это были серьезные траты. Значит, родственники продолжали ждать его и полагали, что, поправив здоровье, он вернется в Гринсборо. А он, совершенно не скрывая своих намерений остаться от гринсборовских знакомцев, почему-

то не удосужился известить об этом родных.

Малозначительный, казалось бы, факт. Но он весьма красноречиво указывает на человеческие качества, на отношение будущего писателя к самым близким ему людям. Что же получается — он не любил бабушку, тетю Лину, которые воспитали его, дали ему так много? Бетти Холл, уже после смерти писателя, свидетельствовала, что Портер «никогда не демонстрировал признательности к тем, кто его вырастил». Чем объяснить эту душевную черствость? «Закрытостью», застенчивостью молодого человека?

Личностный портрет дополняет характеристика, данная ему всё той же госпожой Холл. По ее впечатлениям, это был человек, «вместе с чувством ответственности лишенный и чувства признательности и не знакомый с обязательностью». Более того, она утверждала, что Портер был «лишен физического и морального мужества». Что она подразумевала под этим? Ведь дальнейшая жизнь ее техасского подопечного не подтверждает этого суждения.

Справедливости ради надо сказать, что она-то была женщиной весьма прямой и отважной (лишенной, правда, внутренней гибкости, присущей ее полу) и о многих вещах судила слишком прямолинейно и без околичностей. Может быть, она обижалась на Портера за то, что он, по ее словам, «никогда не выражал признательности» — ни ей, ни ее мужу — и «никогда не говорил, что впоследствии — когда-нибудь в будущем, заплатит им» — за приют и за всё, что они доброго сделали[68]. Понятно, что денег с него никто никогда и не взял бы — но, похоже, ей было обидно. И обида, видимо, осталась.

Но и не верить ей нет оснований. Почему же он был таким — молодой У. С. Портер, будущий О. Генри? Неужели он действительно был, что называется, «неблагодарной скотиной»? Не способен был оценить заботу, выказать любовь, привязанность, испытывать признательность. Конечно, это не так. И рассказы О. Генри, во всяком случае, большая их часть, без сомнения, весьма красноречиво демонстрируют, что ему были не только знакомы, но и присущи все эти чувства. Скорее всего, причина в особой психоэмоциональной организации этого человека. Он был интровертом. И ему были свойственны сдержанность и застенчивость в контактах с другими людьми — и тогда, в молодые годы, в Техасе, и позднее — в Нью-Йорке, на пике литературной славы и писательской популярности. К тому же пресловутая эмоциональная сдержанность сочеталась в нем, скажем прямо, еще и с изрядным инфантилизмом. Данное суждение не содержит оценки — это факт, можно сказать —

«диагноз». И на эту особенность личности писателя указывали все, кто его знал — не только в молодые, но и в поздние годы. Например, Роберт Дэвис, один из очень немногих близких О. Генри людей в нью-йоркский период жизни, особо отмечал, что его друг был «совершенное дитя — человек совершенно бесхитростный, временами — абсолютно и наивно беспомощный»[69]. Как ребенок. Но детей и не удивляет, что все о них заботятся, — напротив, они воспринимают это как должное. Им и в голову не придет благодарить, предлагать деньги и т. п. за то, что для них делают взрослые. Это данность. Другое дело, почему Портер задержался в «детстве»?

Можно пытаться объяснить характер писателя ранней смертью матери и, следовательно, психологической травмой. Мальчик был «безотцовщиной» при живом отце, и это еще одна психологическая травма. В ту же строку можно легко уложить и деспотичность бабушки, тети, отсутствие ласки и, конечно, постоянное вынужденное детское одиночество. Да и то, что его никогда не привлекали к «домашним делам» и всё делали без его участия, тоже, конечно, сыграло свою роль. Всё это так и могло сформировать характер, но психику — едва ли. Значит — не обошлось без Промысла Божьего: видимо, есть нечто, что еще до рождения формирует художника — человека в параметрах обычной жизни «ущербного», лишенного многих обывательских (в хорошем смысле этого слова) инстинктов, навыков и повадок, при этом наделенного чем-то иным, неуловимым, но впоследствии таким зримым — талантом.

А талант уже проявлялся. И не только в рисунках, о которых неоднократно шла речь, но теперь и в писаниях — тот же Диксон упоминал о неких историях, что читал ему на досуге иллюстратор его книги, и — удивлялся, почему Портер не пытается писать для газет. Судя по всему, большинство из них утрачено (учитывая «мальчишество» автора, едва ли он относился к ним серьезно). Но по крайней мере одна сохранилась. В своем исследовании о новеллистике О. Генри ее приводит советская исследовательница И. Левидова (она извлекла ее из книги американца Ю. Лонга[70]). Приведем этот текст (он озаглавлен «Хороший мальчик и Бедный Старичок») и мы:

«В один плохой холодный день Бедный Старичок шел по дороге. У него был грустный и бледный вид. Холодный ветер развевал его лохмотья. Ах, Бедный Старичок! По этой дороге шли мальчики из школы. Плохие мальчики сказали: теперь мы по-за-ба-вим-ся! И вот они стали бросать в него камни и грязь. Какие жесто-о-кие мальчики!

У Джона Рея было доброе сердце. Ему было грустно потому,

что он бросил почти сорок камней и ни разу не попал. Джон был хороший мальчик, и он ходил в Вос-крес-ную школу. Он сказал: О, мальчики, не обижайте бедного старичка, он хром, и грустен, и озяб. Старик услышал его слова, и слеза на-вер-ну-лась на его глаз. О, мальчики! — сказал Джон. — Смотрите, он почти слеп. Давайте поведем его по дороге и столкнем его в реку. Отлично! — закричали мальчишки. О, сэр, пойдемте-ка с нами, мы дадим вам хлеба и посадим вас к огню, — сказал Джон.

Бедный старик не мог вымолвить ни слова, так он озяб. Но он по-тя-нул-ся и схватил Джона Рея за шиворот. По-том он вытер им мос-то-вую и сломал ему клю-чицу. Затем он швырнул его о забор и раз-дро-бил ему поз-во-ноч-ный столб, и испортил его внешний вид. Затем он связал его узлом и проткнул им цир-ко-вую афишу. Сперва Джон вопил что было мочи, но умолк, когда искра жизни его по-ки-ну-ла.

Эта грустная история рас-ска-зана в назидание всем мальчикам, чтобы они не бросались грязью и камнями не-раз-бор-чи-во. Иногда грустный бедный стари-чок может оказаться скверным за-ди-рой со стек-лян-ным глазом»[71].

Как видим, совсем небольшая, но вполне завершенная история. В ней есть и завязка, и кульминация, и развязка. Есть даже характеры. Конечно, видна и несамостоятельность автора, явно подражающего М. Твену, — как тут не вспомнить его «Рассказ о скверном мальчике», эксперименты с диалектом и разговорной речью (И. Левидова справедливо отмечает, что «языковой колорит», к сожалению, в переводе утрачен) и совершенно твеновский «жестокий юмор». Но что же в том удивительного? Ведь именно тогда книги Твена были у Портера «настольными» и он учился. Сожалеть приходится о другом — что сохранилось их мало.

Его аудитория была невелика. Среди слушателей не найти тех, с кем юноша тогда чаще всего общался — Бетти Холл, ее брата, ее супруга и его братьев (о малообразованных «вакеро» речь, понятно, не идет). Учитывая особенности психоэмоциональной конституции «писателя», это объяснимо. Как объяснимо и то, что «постороннему» Диксону свои истории он, наоборот, читал. Симптоматично вполне, что главным читателем в эти первые его «писательские» годы был доктор Белл из Гринсборо — ему он писал с завидной регулярностью. Именно этому человеку (кстати, совсем не близкому в Гринсборо) и предназначалась львиная доля корреспонденции — все эти толстые конверты, заполненные листками, исписанными размашистым почерком, — пространными описаниями, зарисовками, каламбурами, наблюдениями, изрядно

сдобренными иронией и юмором.

Писал Портер витиевато, многословно, но молодому доктору и его друзьям (Белл наиболее, по его мнению, удачные послания Портера отсылал приятелям в городок Ленор, откуда был родом), не чуждым изящной словесности, эти писания нравились. Настолько, что однажды (тогда наш герой еще жил на ранчо Холлов) он получил солидный конверт, в котором были вложены диплом, удостоверяющий, что отныне Уильям Сидни Портер — «действительный член Весперского читательского клуба в городе Ленор, штат Северная Каролина», и письмо от секретаря клуба, в котором, в той же витиеватой манере, сообщалась эта радостная весть и излагались мотивы избрания (главным из коих были «выдающиеся литературные достоинства произведений»). На это известие Портер ответил еще более пространным посланием. В нем он благодарил «леди и джентльменов Весперского читательского клуба», писал, что весьма польщен, и обещал и в дальнейшем радовать почитателей его таланта новыми «произведениями». «Не знаю, откуда взялась эта идея, что мои письма могут быть кому-то интересны, — писал он в ответном послании, — но теперь я неизменно буду прилагать все усилия для того, чтобы Вы имели правдивый и точный отчет — в самой краткой и лапидарной форме, конечно, — о том, что мне доведется увидеть и услышать в этой стране».

Судя по фрагментам из тех — сохранившихся — писем, что приводит в своей книге А. Смит (да и другие биографы писателя), они не были ни лапидарными, ни правдивыми. Немногое в них говорило и о том, что пройдет время, и автор этих многословных посланий превратится в мастера короткой новеллы. Но тенденция к юмористической интерпретации увиденного, услышанного и пережитого уже отчетливо видна и в них.

Для большинства современников Портера письма были только письмами, способом передачи информации, но для него, как мы видим, они были еще и школой — своеобразной «гимнастикой», — но укрепляла она не мышцы и связки, а формировала навыки сочинительства, будила и развивала художника.

Возвращение к «цивилизации»

Весной 1884 года жизнь У. С. Портера на ранчо Холлов закончилась, и он очутился в Остине — столице штата Техас.

Нашего современника столичный статус города может ввести в заблуждение. Его воображение того и гляди нарисует мегаполис с широкими магистралями, громадами многоэтажных домов и

тротуарами, заполненными спешащими по делам горожанами. Даже отдаленно в облике Остина середины 1880-х ничего этого не было. В городе проживало едва ли больше десяти тысяч жителей. Единственным действительно крупным городским строением было здание Капитолия штата, да и оно тогда еще только строилось[72]. Большинство улиц даже не было замощено. Днем — из-за жары — город казался вымершим. Жизнь (всего на несколько часов) пробуждалась по утрам, затем замирала, чтобы по-настоящему начаться уже ближе к вечеру.

Хотя, даже в масштабах Техаса, Остин — не самый крупный населенный пункт (Сан-Антонио и Хьюстон и в те годы были куда населеннее), но в восприятии Портера — поначалу жителя провинциального Гринсборо, а затем обитателя уединенного ранчо, конечно, это был большой город, настоящий центр цивилизации.

В Остин будущего писателя привело стечение обстоятельств. «Скотоводческая лихорадка», «свирепствовавшая» в Техасе в 1870-е — начале 1880-х годов, стремительно подходила к концу. Стоимость аренды пастбищ росла, цены на скот падали, его разведение в графстве Jla Салль становилось делом все менее прибыльным, и Холлы решили перебраться подальше, в глушь, где производство мяса, шерсти и т. п. было еще рентабельным. Портера с собой они не взяли — даже не предложили поехать вместе с ними.

Что послужило тому причиной? Замкнутость молодого человека, его, по словам Бетти Холл, «неблагодарность» или — по ее же словам — отсутствие у него некоего «физического и морального мужества»? Едва ли это могли быть экономические причины — при простоте быта «лишний рот» едва ли мог подорвать финансовое положение семьи Холлов. Скорее всего, у Бетти Холл (и это легко читается между строк ее поздних суждений о Портере) накопилась определенная и вполне понятная психологическая усталость. Постоянно, в течение двух лет, ежедневно: утром, днем, вечером — видеть невозмутимую физиономию в общем-то совершенно постороннего тебе человека. В такой ситуации раздражение возникнет у любого и захочется перемен. Тем более что обязательства перед «старейшиной» семейства — доктором Дж. Холлом — выполнены: его пациент совершенно здоров, окреп и даже прибавил в весе. Но, подчеркнем, никакого взаимного раздражения, обид, тем более конфликта не было. По крайней мере между Портером и Ричардом Холлом. Об этом говорит хотя бы тот факт, что несколько лет спустя Ричард пригласил будущего писателя на работу и стал его работодателем, а Портер оказался его верным и

исполнительным сотрудником. Да и нового «покровителя», предоставившего нашему герою кров и пищу, нашли все те же Холлы.

Так весной 1884 года свершился очередной поворот судьбы, и в очередной раз без участия У. С. Портера, — уже в марте он обосновался в доме Джо Харрелла, местного торговца.

В восприятии нашего современника и соотечественника подобные метаморфозы, возможно, удивительны. Ему трудно представить, как это в совершенно чужой семье, в чужом доме, вдруг появляется абсолютно посторонний человек, обосновывается и живет рядом — не день-два или неделю, а месяцы, даже (как в случае с нашим героем) годы. Что тут скажешь? Можно говорить об эпохе, которая отличалась от современной, о неких местных «девиациях» в «культурном коде», но ясно и то, что американцы все-таки немного другие, не такие, как мы. Впрочем, тут надо иметь в виду и вот что. Джо Харрелл был земляком Портера. Он тоже перебрался в Техас из Гринсборо, только давно. Да и с молодым человеком был знаком — несколько раз тот бывал в его доме, выполняя поручения Дика Холла. Последний и «сосватал» Уилла семейству Харрелл. Как это произошло, сейчас, конечно, уже не узнать. Но факт остается фактом — на три года дом Джо Харрелла превратился и в дом для будущего писателя.

По информации биографов О. Генри, земляк относился к нему очень радушно — почти как к сыну. А собственных сыновей у него было трое — все они были немного старше Портера, но не настолько, чтобы не могли подружиться с ним.

Особенно молодой человек сблизился с младшим Харреллом — Дэвидом. «Он был мне почти как брат», — вспоминал позднее писатель[73]. Они и жили в одной комнате — в мансарде. Сам Джо Харрелл был уже немолод — в 1884 году ему исполнилось 73 года. Вместе с холостыми сыновьями он жил в большом доме и держал табачную лавку. С самого начала Харрелл дал понять Портеру, что он не рассматривает его в качестве постояльца — ни за стол, ни за комнату платить не придется, и любые разговоры на этот счет будут неприятны. Так что период жизни необременительной и довольно-таки безответственной не завершился для Портера и с переездом в столицу Техаса.

Чем занимался наш герой в Остине? Что касается первых шести-семи месяцев, то сведения о них весьма отрывочны. Ясно, что постоянной работы у Портера в это время не было, и, судя по всему, он не стремился ее заполучить. Нередко он стоял за прилавком табачной лавки, но продавцом не был, а скорее всего, просто подменял хозяина или одного из его сыновей. Платили

ему или нет? Подрабатывал ли он где-то еще? Сведения на этот счет отсутствуют. Но какой-то источник доходов (пусть небольшой) у него должен был быть. Иначе не объяснить тот образ жизни, который он вел в это время, — с вечерними (а нередко и с ночными) прогулками по городу, с пением под гитару и обязательным в компании приятелей посещением питейных заведений и танцев. А ведь нужно было еще и одеваться. А если судить по снимку, сделанному в первые месяцы жизни в Остине, уже тогда У. С. Портер не просто любил красивую одежду, но явно старался выглядеть элегантно.

Учитывая склад характера, психологические особенности личности, он, конечно, не стремился к тому, к чему стремились большинство его соотечественников — к карьере и преуспеянию. Его вполне устраивал тот необременительный образ жизни, который он вел в предыдущие годы: сначала в Гринсборо — «под крылом» тетушки и дядюшки, затем под покровительством Холлов — в Техасе на ранчо, а позднее — в Остине, в доме Харреллов. Но обстоятельства — прежде всего материальные — заставляли его укореняться, искать работу, налаживать быт. Так, прожив более полугола в Остине, Портер, наконец, предпринимает первую в своей жизни *самостоятельную* попытку найти постоянную работу и устраивается «по специальности» — в аптекарский магазин «Мотли Бразерз Драг Стор», находившийся недалеко от жилища Харреллов Ист Пекан-стрит[74] (по его просьбе рекомендации ему прислали из Каролины доктор У. Белл и доктор Дж. Холл).

Магазин этот, скорее всего, не очень отличался от заведения Кларка Портера в Гринсборо, и можно было ожидать, что лицензированный фармацевт надолго задержится в аптеке (на первый взгляд это вполне согласуется с характером будущего писателя). Однако, проработав два месяца, Портер оставил заведение. Ему было там скучно. За два года он отвык от монотонной аптечной рутины, и теперь это привычное занятие больше его не привлекало.

Следующим местом работы стала компания по продаже недвижимости, в ней он занял бухгалтерскую должность. Казалось бы, странная метаморфоза, вроде бы не очень согласующаяся с характером нашего героя. На самом деле совсем наоборот. Компания называлась «Братья Мэддокс и Андерсон» и принадлежала Джону Мэддоксу и его компаньону Чарлзу Андерсону. Упомянутый Мэддокс — тот самый, с подачи которого У. С. Портер оказался иллюстратором несостоявшейся книги колорадского золотоискателя Диксона. Следовательно, он опять очутился «под крылышком» — под покровительством пусть не

родного, но весьма расположенного к нему человека.

Расположение Мэддокса к Портеру было настолько велико, что он даже предложил ему отправиться в Нью-Йорк — обучаться рисунку и живописи (Мэддокс, как мы помним, восхищался талантом карикатуриста). Все расходы меценат брал на себя. Но молодой человек отказался. Вполне вероятно, что отказ этот объяснялся неуверенностью в своих силах. Что ж, это не противоречит характеру нашего героя. И все же основная причина имела также психологический подтекст, но скорее всего иного свойства — «под крылом» Мэддокса и Андерсона Портер ощущал привычную «защищенность». Перспектива оказаться в большом городе, в одиночестве, без покровительства, похоже, пугала его. Амбиций же (по крайней мере тогда) он был лишен.

А в должности бухгалтера юноша чувствовал себя, видимо, вполне комфортно. Тем более что в процессе овладения новой специальностью у него обнаружилось еще одно, дотоле неизвестное и, надо сказать, не очень распространенное свойство: оказывается, Портер «дружил с цифрами». Чарлз Андерсон много лет спустя писал биографу О. Генри А. Смиту: «Бухгалтерии он обучался у меня, и я никогда до той поры не встречал человека, который с такой быстротой и легкостью схватывал суть дела»[75]. Впоследствии бухгалтерские навыки, отличная память, аккуратность и пунктуальность Портера (необходимые в этом деле) привели его (не без протекции тех же Мэддокса и Андерсона) на должность кассира в банке.

Впрочем, если знать, чем это обернется, было бы лучше, если б он совсем не «дружил с цифрами». Но это уже другая часть истории, и об этом позже.

В риелторской фирме Портер прослужил два года и никаких нареканий от своих работодателей-покровителей не имел. За три первых года в Остине он переменился. Переменился внешне. Это красноречиво демонстрируют две фотографии. Первая из них — 1884 года. На ней молодой человек — худенький, если не сказать хрупкий, — в шляпе-канотье, с раскрытым «китайским» зонтиком над головой, в элегантном светлом костюме, стоит в принужденной позе, опираясь на тросточку. На втором снимке, сделанном три года спустя, мы видим уже другого человека: в компании приятелей-сверстников он свободно позирует — пальто нараспашку, в перчатках, в руке держит шляпу. Он возмужал, взгляд его уверен.

Один из биографов писателя, подводя итог жизни Портера на ранчо, писал, что за два года с Холлами «из бледного, анемичного паренька весом едва ли больше сотни фунтов»[76] он превратился «в подлинный образец настоящего, крепкого техасца»[77]. Это не

совсем так: разительные перемены в облике произошли в первые два-три года его «столичного» жительства — он повзрослел, раздался в плечах. Сравнивая две фотографии, можно прийти и еще к одному выводу — происходили и внутренние изменения: он стал увереннее, перестал «дичиться». Об этом же говорит тот факт, что у Портера появились и другие интересы, кроме чтения и рисования карикатур. Он увлекся музыкой: взялся совершенствоваться в игре на гитаре (играть он научился еще в Гринсборо) и начал петь. По воспоминаниям тех, кто знал юношу, голос у него был не сильный, но чистый и пел он с чувством. В Остине даже организовался ансамбль — «Хилл-сити квартет»[78]. Приятели играли в церквях, на свадьбах и вечеринках, по случаю — в тавернах. Но выступали не для денег (гонораров за концерты они не получали), а для удовольствия — из любви к искусству и общению.

Одной из тамошних традиций (в этом смысле Остин середины 1880-х мало отличался от Гринсборо конца 1870-х) было исполнение ночных серенад под окнами местных чаровниц, и Портер неизменно принимал в таких концертах участие. В одном из писем той поры (Дэвиду Харреллу, который нередко покидал город по делам) он описывает такое «мероприятие»: «Наша группа исполнителей серенад изобретает новые и внушающие тревогу виды пыток для своих беспомощных и спящих жертв. В прошлый четверг мы погрузили на извозчика небольшой орган и все прочие инструменты, после чего произвели такой набег на тихий полуночный воздух, что сама атмосфера вокруг покрылась смертельной бледностью»[79]. Надо думать, что такие «набеги» случались регулярно.

Какое место в этот период его жизни занимала литература? Судя по всему, не очень большое. Он писал Д. Харреллу и в Гринсборо доктору Беллу. И, как обещал, «прилагал усилия» к тому, чтобы его приятель и почитатели из «Весперского читательского клуба» «имели правдивый и точный отчет» о том, что члену их сообщества «доведется увидеть и услышать в Техасе». Но его «отчеты» продолжали оставаться столь же витиеватыми и многословными, как и прежде. Они были забавны, искрометны, но той энергии, лаконичности, точности и выразительности деталей, сюжетности, что характерны для новелл О. Генри, в них не ощущалось.

Один из биографов О. Генри называл первые годы, проведенные будущим писателем в Остине, лучшими в его жизни. С этим суждением трудно не согласиться, — по крайней мере в том смысле, что никогда до той поры и никогда после жизнь У. С. Портера не была столь необременительной и в то же время

насыщенной событиями — небольшими, но приятными. Это была жизнь молодого, здорового холостяка, не особо задумывающегося о будущем, не строящего карьеру, а получающего удовольствие от самого процесса каждодневного существования: от общения с приятелями, пирушек, прогулок по ночному городу, рисования карикатур, музыкальных выступлений и работы, которая не слишком интересна, но ладится и за которую он получает неплохие деньги.

Кстати, о деньгах. У Мэддокса и Андерсона бухгалтер получал 100 долларов в месяц. Даже при довольно высокой (по сравнению с другими южными штатами) стоимости жизни в Техасе этих денег молодому человеку должно было вполне хватать. Во всяком случае, в те годы семья (с неработающей женой и ребенком) с месячным доходом в 100 долларов бедной никак не считалась[80]. Что уж говорить об одиноком мужчине! К тому же он не платил за кров и стол. Правда, любил одеваться, был настоящим щеголем. По сравнению с нашими временами, одежда тогда стоила дорого, а Портер, как правило, шил костюмы на заказ, да еще были нужны головные уборы, обувь, трости, перчатки, сорочки, белье, галстуки и прочее! В общем, избытка денежных средств он не ощущал, накоплений не делал, но явно не бедствовал.

Жизнь доставляла удовольствие, и, судя по всему, ничего в ней менять Портер не собирался. Но, как нередко случается, вмешались обстоятельства, противостоять которым было не в характере этого человека, и он им подчинился. Однако по порядку.

В ноябре 1886 года состоялись очередные выборы губернатора штата. Губернатором стал Сал Росс[81], землевладелец, в прошлом генерал армии Юга, техасский рейнджер и т. д. Одним из важных пунктов его программы было наведение порядка в вопросах земельной собственности. В штате с весьма непростой историей, где права на земли раздавали сначала власти Мексики, затем независимой Республики Техас, а потом и власти штата в составе США[82], а границы наделов — до послевоенных лет никакой топографической съемки местности не производилось, и землеустроители, как таковые, отсутствовали — определялись весьма примерно, что называется, «на глазок» («от того холма на востоке до русла ручья на западе и на семь миль к северу»), эта проблема стояла очень остро. В условиях, когда население штата было невелико, а земля почти ничего не стоила (для выращивания сельскохозяйственных культур она малопригодна), никаких особенных сложностей не возникало. Но времена менялись. Просторы Техаса оказались «золотым дном»

для скотоводства. Росли стада, увеличивались прибыли, штат активно заселялся, цены на землю стремились вверх, и вот тогда проблема собственности на землю встала «во весь рост». За границы пастбищ шла настоящая война, проливалась кровь, нередко гибли люди. Необходимо было внести ясность, разобраться и определить топографически и юридически — где чья земля и где проходят границы. Среди тех, кто поддерживал Росса, был и Ли Холл — фигура в восприятии техасцев весьма влиятельная, от мнения которого зависело многое. И когда его кандидат победил, то во главе ключевого учреждения в этом деле встал брат Ли, Ричард Холл — при поддержке губернатора он был избран комиссаром штата Техас по земельным вопросам.

Известна американская (да и не только американская) политическая традиция — когда к власти приходит новый политик, он приводит с собой новую «команду» и на ключевые посты назначает своих людей. Так сделал и губернатор Росс, и земельными вопросами стал заниматься Дик Холл. Но и он хотел иметь собственную команду — в таком щекотливом вопросе, как земельный, ему необходимы были люди, на которых он мог положиться. А Портер, ко всему прочему, был еще и замечательным рисовальщиком, что немаловажно. Так в числе сотрудников земельного комиссариата, сразу же по вступлении на пост нового губернатора в январе 1887 года, оказался и У. С. Портер.

Несколько лет спустя, будучи начинающим литератором (но уже владельцем собственной газеты!) в истории под названием «Бексарское дело № 2692», действие которой разворачивается в Земельном управлении штата, он описал место своей работы. Оно — примечательно и достойно того, чтобы привести его на страницах книги о жизни писателя:

«В случае, если вы посетите Остин, вам непременно следует осмотреть Главное земельное управление.

Пройдя вверх по главной улице, вы круто заворачиваете за угол дома, где находится суд, и перед вами на крутом холме предстанет средневековый замок.

Вы помните о Рейне, о Лорелее, о покрытых виноградниками горах Германии, потому что архитектура этого замка живо напоминает Германию.

План был составлен старым чертежником родом из “фатерланда”, в сердце которого глубоко были запечатлены картины его родной страны. Говорят, что он с замечательной верностью воспроизвел старинный замок, находившийся вблизи места его рождения.

Нынешняя администрация новой окраской испортила

благородный стиль старинных стен. Современные изразцы заменили каменные плиты пола, истоптанного ходьбой тысячи ног. Старинная потертая мебель сменилась нарядным и изящным гарнитуром.

Но даже и теперь, при входе в здание, вы невольно понижаете голос, потому что весь окружающий вас воздух пропитан дыханием прошлых поколений.

Каменные стены здания необычайно толсты. Летом здесь прохладно, зимою тепло. Здание стоит поодаль от других государственных учреждений и имеет печальный, одинокий вид, как бы живя в прошлом».

Конечно, насчет «старинных стен» Портер изрядно преувеличил: к тому моменту, когда в одном из кабинетов водворился новоиспеченный чертежник, «средневековому замку» не сравнялось и двух десятков лет. Но его тевтонский дух, видимо, действительно производил впечатление на простодушных, лишенных традиций техасцев. И на У. С. Портера в том числе. Вот в таком месте он и трудился, — живя в настоящем, но постоянно ощущая связь с прошлым, — копаясь в делах «давно минувших дней».

Должность была невелика — он был не начальником, а рядовым сотрудником, чертежником, составителем земельных планов, человеком, который рисовал карты. В процессе их создания он работал в архиве, копировал старые чертежи, готовил необходимые справки, писал пояснительные записки, вносил необходимые изменения, уточнения и поправки в записи прежних лет. Казалось бы, ничего особенного (да и в зарплате не выиграл — получал все те же 100 долларов в месяц).

Но в руках у него была информация, которая могла стоить дорого: ведь на основании архивных документов, результатов топографической съемки он одним из первых узнавал о неточностях, излишках, истинных размерах участков, ошибках в оформлении, правах на собственность и т. п. И это в условиях разразившейся в Техасе «земельной лихорадки» — отчаянных спекуляций на фоне постоянно растущей цены на землю. Конечно, таких, как он, в земельном комиссариате было немало. Но именно ему нередко поручали дела особо деликатного свойства — ведь он был ставленником нового начальника.

Биографы обходят стороной вопрос, как будущий писатель оказался в стенах Земельного управления. Кому принадлежала инициатива — Портеру или Холлу? Учитывая вышесказанное (и не забывая о характере молодого человека), логично предположить, что инициатором выступил все-таки последний[83]. Холл знал бывшего подопечного как человека

аккуратного, исполнительного и надежного, который не станет болтать, а тем более ввязываться в сомнительные предприятия. А возможностей для этого было множество: в коридорах комиссариата прочно обосновались так называемые «земельные акулы» — особая разновидность дельцов, порожденная «лихорадкой». Они собирали сведения об участках, в оформлении прав на которые вкрались ошибки, существовали неточности в определении границ, или акт о владении был сомнителен, но больше всего их интересовала «ничейная земля», которую фактически кто-то использовал, но неправомочно, поскольку она находилась в собственности штата, а информация отсутствовала. Земельное управление штата и было для них самым надежным источником. Сведения такого рода они скупали у сотрудников ведомства, чтобы затем перепродать их крупным земельным спекулянтам или воспользоваться в собственных интересах.

«Люди, живущие в других штатах, не могут себе представить, какая обширная и важная работа производилась в этих стенах, — писал позднее Портер, — и какое значение имеют миллионы описей и дел, составляющие архив этого учреждения. Здесь собраны все акты, свидетельства и документы, относящиеся к каждому футу земли штата Техас. Можно было бы заполнить целые тома отчетами о мошенничествах, ложных свидетельствах, подкупах, обманах, подчистках и исчезновении документов, обо всех тех разнообразных махинациях, которыми, ради всемогущего доллара, запятнаны дела Главной земельной конторы».

Есть ли смысл говорить о масштабах коррупции в заведении Холла? Хотя в том же «Бексарском деле» Портер утверждал, что служащие комиссариата — честные люди: «…трудно найти более верных, компетентных, исполнительных работников». Но когда речь идет о больших деньгах, кто сможет поручиться? В этом смысле Ричард Холл сделал правильный выбор — ни в чем подобном его протеже замечен не был. Во всяком случае, с «земельными акулами» не общался и в «отношения» с ними не вступал. Хотя однажды (об этом Портер вспоминал много лет спустя, уже прославленным писателем) воспользовался «служебным положением» в «целях личного обогащения»: составляя план некоего земельного владения, обнаружил изрядный кусок «ничейной земли», оформил на него заявку, купил у штата Техас землю за 50 долларов (благо что для совершения сделки ему не нужно было даже покидать здание, в котором трудился), а через несколько дней перепродал ее за 900 долларов. Был ли этот случай единичным, как утверждал писатель? Или были другие? Сейчас трудно судить об этом. Но скорее всего, он говорил правду. Ведь эта история относится к

тому периоду, когда служба в Земельном управлении подходила к концу (и он знал об этом), у него была семья — жена и ребенок, а денег не хватало.

Таким образом, мы подошли к этапному событию в жизни нашего героя — изменению его матримониального статуса. Понятно, что в жизни любого мужчины создание семьи — важное событие, для многих — этапное. Но для У. С. Портера это был не просто этап, а поворотный пункт в его личной истории — человеческой и творческой. Если бы он не встретил Атоль Эстес, не влюбился в нее, не женился на ней — всё в его судьбе пошло бы по-другому. Не факт, что он не стал бы писателем, как заявляют иные биографы. Скорее всего, стал бы. Но то, что жизнь его, возможно, сложилась бы счастливее и писал бы он по-иному, несомненно. Но сложилось так, как сложилось.

Атоль

С будущей женой писатель познакомился 2 марта 1885 года. День был праздничный — жители Техаса отмечали очередной, сорок девятый День независимости[84]. К событию приурочили и закладку краеугольного камня в основание здания будущего Капитолия штата. Хотя строительство грандиозного сооружения вели уже давно (работы начались в 1882 году), 2 марта 1885 года решили отметить по-особенному — ведь что ни говори, а Капитолий действительно можно считать символом этой независимости[85].

На торжественном мероприятии Атоль[86] Эстес, тогда еще школьница, произносила приветственную речь от своей школы, а У. С. Портер, скорее всего, играл в составе «Хилл-сити квартета». Каким образом произошло их знакомство, установить по прошествии стольких лет уже невозможно. Но достоверно известно, что после официальной части были гулянье и танцы. Так что, вполне вероятно, там они и познакомились.

Глядя на сохранившиеся фотографии миссис Атоль Портер, трудно понять, что в ней смогло привлечь будущего писателя. Едва ли ее можно назвать красавицей. Однако те, кто ее знал (еще школьницей и потом, в замужестве), говорили, что фотографии и не могли дать верного представления — она не была фотогенична. Но была очаровательна. Очарование ее было особого рода. Невысокого роста, худощавая, даже хрупкая, она не могла привлечь фигурой, не было особенной гармонии и в чертах лица. Но у нее были поразительные глаза — глубокие, синие, они как-то по-особенному гармонировали с великолепными, густыми, цвета спелого каштана, волосами (как тут не вспомнить волосы

Дэлл из рассказа «Дары волхвов»!), — они словно освещали ее лицо. Она была очень живой и непосредственной, порывистой, немедленно и несколько экзальтированно реагировала на всё, что происходит кругом. А еще, как вспоминала одна из ее одноклассниц, у нее была удивительная кожа — слегка смуглая, очень чистая, и на щеках девушки всегда горел румянец.

Взгляд опытного врача-пульмонолога и во внешнем облике, и в поведении девушки (тем более если бы знал о ее наследственности) наверняка обнаружил бы грозные признаки приближающегося туберкулеза. Но глаза молодого художника увидели нечто иное, совершенно неординарное и живописное. Тем более что, как выяснилось вскоре, у них и интересы были общими. Оба любили читать, увлекались музыкой, танцами и пением, играли в любительских спектаклях. Всё это, конечно, сближало. А еще Портера привлекало то, что она была совсем не похожа на других девушек. Совершенно не похожа.

Когда они встретились, Атоль исполнилось семнадцать лет и она училась в школе. Ему было двадцать два, и он недавно приступил к исполнению обязанностей бухгалтера у Мэддокса и Андерсона. Конечно, их отношения были совершенно целомудренными (не забудем об эпохе!), встречались они главным образом при свете дня, и мать девушки знала об этих встречах.

Как и большинство обитателей тогдашнего Остина (да и штата в целом), Атоль Эстес родилась не в Техасе. Она появилась на свет в 1868 году в южной «глубинке» — небольшом городке Кларксвилле (Теннесси), но вскоре очутилась в Нэшвилле, в столице штата. Здесь, когда ей еще не сравнялось и года, от туберкулеза умер отец. Через пять лет мама решила вторично выйти замуж за мистера П. Роча, местного жителя, весьма состоятельного человека и вдовца с двумя девочками-подростками на руках. Накануне бракосочетания Роч внезапно потерял все свои капиталы и потому благородно освободил невесту от данного ему слова и предложил расторгнуть помолвку. Но миссис Эстес с негодованием отвергла предложение и превратилась в миссис Роч. Они жили бедно и трудно, экономя буквально каждый цент в надежде снова начать свое дело. Через несколько лет супруг предложил супруге перебраться в Техас и начать там всё заново. Так семья оказалась в Остине. Они купили ферму, затем открыли лавку и постепенно превратились в зажиточных, уважаемых граждан Остина.

Так что мисс Эстес, приемная дочь мистера Роча, была очень неплохой партией. Но брал ли в расчет данное обстоятельство У. С. Портер? Конечно нет. Он неплохо зарабатывал (сначала в

риелторской фирме, а затем в Земельном управлении) и не без оснований считал, что сможет содержать семью. А вот Рочи были против их отношений. Но не потому, что им не нравился Портер. Напротив, молодой человек, ухаживавший за их дочерью, был им симпатичен, но их пугала наследственность. Они знали (он не скрывал этого), что и его мать умерла от туберкулеза. И еще одно обстоятельство настраивало их против: отсутствие у молодого человека амбиций. Он никогда не говорил о своих планах, а когда его спрашивали, он отшучивался, еще чаще говорил, что его и так всё устраивает — и зарплата, и положение в обществе[87]. Особенно их поражало то, что он не мечтал о *собственном* деле. Настоящие американцы (тем более так много сил положившие на собственный бизнес), они не могли понять человека, который не планирует создать *свое* дело.

В этом смысле куда больше понимания вызывал у них Ли Цимпельман, совершенно «нормальный» юноша, сын зажиточных немцев, осевших в Техасе[88], и высказывавший вполне внятные взгляды на бизнес. Надо сказать, что у мисс Эстес были знакомые противоположного пола и помимо Портера, что совсем неудивительно, если учесть ее живой характер. Так вот, в отличие от Портера, Цимпельман не «дружил» с Атоль, а с немецкой прямотой сразу же заявил о матримониальных намерениях и попросил родителей девушки отдать ее за него замуж. При этом с самой невестой он был едва знаком, но в знак серьезности намерений, сватаясь, преподнес ей золотой медальон и перстень с опалом[89]. Сватовство это состоялось задолго до того, как Атоль окончила школу (судя по всему, еще осенью 1885 года). Ей тогда не было и восемнадцати. Хотя подарки девушка приняла, мать посчитала, что говорить о свадьбе рано — дочке нужно еще подрасти. Цимпельман воспринял это как обещание и стал наведываться к «невесте», бывать на семейных обедах, вывозить мать и дочь в собственном великолепном экипаже.

То, что миссис Роч не выдала дочь за Цимпельмана сразу, было, конечно, ее ошибкой. И в дальнейшем она, видимо, не раз вспоминала и жалела об этом. Если поначалу юной Атоль было лестно ощущать себя невестой, принимать знаки внимания, то очень скоро она увидела и ограниченность жениха, и его самовлюбленность. С Портером ему, конечно, не тягаться — с ним ей всегда было интересно, а с респектабельным немцем — скучно. По сути, до самого замужества Атоль он продолжал считаться ее женихом, но она явно предпочитала нашего героя. Впрочем, соперник этого, похоже, не замечал.

Так родители Атоль упустили возможность «удачно» пристроить свою дочь, и ее «дружба» с будущим писателем

продолжалась.

Любовь молодых людей не была любовью с первого взгляда. Во всяком случае, со стороны Уилла. Роман развивался постепенно, и от кого в основном исходила инициатива, сказать сейчас сложно. У Портера были подружки — даже тогда, когда он уже встречался с Атоль. Но, во-первых, они были постарше ее, и, во-вторых, любви там не было: полудружба — полуфлирт, танцы, игра на гитаре и серенады, писание стихов в альбом. Возможно, даже не было поцелуев. Но и в отношениях с Атоль до поцелуев дошло далеко не сразу. Сначала, когда она еще училась в школе, Уилл, по ее просьбе (!), помогал ей делать уроки по математике и особенно по словесности. В старших классах в то время широко практиковали писание всевозможных эссе на заданные темы: то описать уличную сценку, то порассуждать на какую-то отвлеченную тему. Атоль не была охотницей до таких экзерсисов. Уилл с радостью помогал и находил в этом занятии удовольствие. А ей нравились его сочинения. Она заметила и смогла оценить литературную одаренность своего друга и, видимо, не преминула сообщить ему об этом, что было, конечно, лестно и помогало крепнувшим между ними связям. Затем начались прогулки — пешком и в коляске, которую обычно молодой человек брал у Ч. Андерсона, и письма, встречи у нее в доме и на «нейтральной» территории. Характерного для современной молодежи стремительного развития событий там, конечно, не было и не могло быть.

О характере отношений между молодыми людьми многое может сказать записка Уилла Портера, адресованная Атоль:

> «Мисс Эстес,
>
> соблазненный чудесной погодой, которая, судя по ее мягкому и благоуханному дыханию, похоже, действительно является вестником приближения весны, я полагаю, не будет неуместным предположить, что ее приближение наблюдать куда приятнее, прогуливаясь по зеленеющим тропинкам и вдыхая утонченные ароматы ранних фиалок и дикорастущего лука. Если вы не заняты и если у вас есть желание, могу ли я позвать вас на прогулку сегодня в 2 часа пополудни? Или, если сегодня обстоятельства препятствуют этому, не соблаговолит ли мисс Эстес назвать ближайший полдень, когда я смогу иметь это удовольствие? Отсутствие пыли сделает прогулку в экипаже более приятной, нежели обычно.
>
> В надежде, что мисс Эстес согласится пойти или, по крайней мере, назовет день, когда она сможет это

сделать, остаюсь, искренне У. С. Портер»[90].

Это единственная сохранившаяся записка (то, что их было немало, едва ли подлежит сомнению) нашего героя к будущей жене. Она относится к ранней весне 1886 года. К этому времени молодые люди были знакомы уже год, но, насколько можно судить по приведенному тексту, в отношениях продвинулись не очень далеко.

Но вот что интересно. Весной 1887 года Портер покинул гостеприимный дом Харреллов и снял для себя квартиру. Причем это был совершенно добровольный шаг. Дружба между Харреллами и бывшим постояльцем не потерпела никакого ущерба. Новую квартиру он снял у своего недавнего работодателя Ч. Андерсона (того самого, кто учил его азам бухгалтерии). Квартира располагалась во флигеле и имела отдельный вход. На первый взгляд это событие можно объяснить тем, что Портер повзрослел (ему почти двадцать четыре), сменил место работы, и добираться до нее стало ближе. Но если принять во внимание размеры города, не изменившуюся по величине зарплату, необходимость теперь не только платить за квартиру (учитывая дружеские отношения с хозяином, Портер платил, конечно, меньше, чем человек посторонний), но и готовить себе самому, можно предположить, что причины были все-таки иными, и скорее всего, они были связаны с развивавшимися отношениями между Атоль и нашим героем.

Автор, конечно, далек от предположения, что решение Портера жить самостоятельно было обусловлено тем, что отношения с возлюбленной вступили в новую фазу, требующую, скажем так, уединения от досужих глаз. Но то, что оно было как-то связано с ними, очевидно. Косвенно это предположение подтверждается и тем, что начиная с этого времени (то есть с весны 1887 года) встречам дочери с молодым человеком начинает весьма активно противостоять миссис Роч, мать Атоль. Ведь до той поры она не мешала ни их встречам, ни беседам, ни прогулкам, ни, тем более, помощи в приготовлении домашних заданий. А теперь всё поменялось. Действительно ли эта перемена, как утверждают биографы, была связана с туберкулезной наследственностью молодых людей? Возможно, но не только. Куда важнее понимать перемену как сигнал того, что взаимоотношения (во всяком случае, со стороны дочери) зашли явно дальше пусть тесной, но просто дружбы.

Видимо, противодействие семьи, увещевания матери (и, возможно, отчима) — а то, что они имели место быть, сомнению не подлежит — не возымели должного действия на Атоль и ее

друга. Тогда было принято кардинальное решение: на лето Атоль уезжает в Нэшвилл, штат Теннесси, к родственникам мистера Роча. Довольно странно, но супругов, похоже, не пугали ни расстояние (по железной дороге почти две тысячи километров), ни пересадки, ни — главное — климат в Теннесси — совсем иной, нежели в Техасе. А ведь он мог быть пагубен для здоровья девушки. Но, видимо, они не видели иного способа разлучить молодых людей.

В последних числах июня 1887 года Атоль заканчивала школу и получала аттестат. Отъезд в Нэшвилл планировался на первые дни июля, но точной даты назначено не было (ведь нужно было еще и собраться!).

Наступает 1 июля, пятница. Школа окончена, торжественный выпуск состоялся, документы получены, начаты сборы в дорогу. Уже после обеда, часа в три или в четыре пополудни, миссис Роч, которая занималась починкой одежды, обнаруживает, что у нее кончились необходимые для работы нитки. Она обращается к Атоль с просьбой, чтобы та сходила в магазин и купила нужные. Пока та одевалась, мать заметила, что у нее на юбке расшился подол. «Ты не можешь выйти на улицу в неподшитом платье», — сказала миссис Роч. «Но тогда я не успею в лавку, — возразила та и добавила: — Да и никто меня не увидит. Я туда и обратно». Дочь уходит из дома и… исчезает. Родители нервничают, не могут понять, что происходит и куда она подевалась. Начинают строить предположения — вплоть до самых трагических. Но вот вскоре после полуночи является мистер Чарлз Андерсон, бывший работодатель и нынешний домохозяин нашего героя. Он приносит известие, что их дочь вышла замуж за У. С. Портера.

Сказать, что известие поразило чету Роч как гром среди ясного неба, едва ли будет справедливо. Нечто подобное, вероятно, ожидалось — не случайно штопались вещи, укладывался багаж. Да и строптивый нрав дочери был хорошо известен. Но то, что всё произойдет именно так, и так скоро, — конечно, едва ли они могли предположить.

А происходило всё следующим образом. Около четырех часов пополудни Атоль Эстес покинула дом. И, как единодушно утверждают биографы писателя, тут же — и совершенно случайно (!) — встретила Портера. Здесь же, на месте, они приняли решение незамедлительно сочетаться браком и разработали план его реализации. Чтобы всё сделать быстро, пара поспешила в контору аренды экипажей и наняла пролетку. В ней они направились к дому Ч. Андерсона и попросили у него помощи в осуществлении задуманного. Андерсон тут же отправился к чиновнику муниципалитета, чтобы оформить лицензию на брак

(без нее бракосочетание в Техасе, да и в большинстве штатов США невозможно). После этого поехали к священнику. Тот только что вернулся со службы. Он хорошо знал Атоль — она много лет пела у него в церковном хоре и посещала воскресную школу. Просьба провести церемонию энтузиазма у него не вызвала. Напротив, он выразил неудовольствие: время было уже позднее, шел десятый час вечера. Но молодые люди настаивали, а мистер Андерсон их поддерживал. Преподобный затребовал брачную лицензию. Она была предъявлена и оказалась оформленной по правилам. Тогда священнослужитель осведомился о возрасте невесты. Она отвечала, что ей 19 лет. И добавила, что решение принято ею самостоятельно и без принуждения. Священник сдался. Примерно через полчаса состоялась церемония, документы были подписаны, и мисс Атоль Эстес превратилась в миссис Портер.

На следующий день в местной газете появилась заметка, озаглавленная «Сердца соединились»:

«Удивит и в то же время обрадует всех друзей известие о том, что прошлым вечером мистер Уилл С. Портер и мисс Атоль Эстес соединились священными узами брака. Торжественная и волнующая церемония была проведена преподобным доктором Смутом в его резиденции в 9.30 минувшим вечером в присутствии мистера и миссис Андерсон, преподобного мистера Мюррея и миссис Смут. После бракосочетания молодая пара отправилась в дом к мистеру и миссис Андерсон, в коем в настоящее время они обитают. У мистера Портера и его молодой супруги множество друзей, которые с удовольствием и сердечно поздравят молодых и пожелают им грядущего счастья и преуспеяния»[91].

Практика публикации таких объявлений была совершенно обычна для местной прессы. Да и заголовок был вполне банален.

Вернемся, однако, в дом родителей Атоль.

Известие о браке было встречено с негодованием. Прежде всего со стороны миссис Роч (ее супруг был более сдержан). Сообщить о происшедшем мистер Андерсон прибыл в дом Рочей вместе с сыном священника, и тот вспоминал: «Миссис Роч полностью утратила самообладание и была совершенно вне себя. Ее гнев постоянно менял направление: она нападала то на него, то на меня и наконец сосредоточила его на моем отце. “Он не имел права женить их, — заявила она. — Как мой пастырь он должен был явиться сюда и прежде получить разрешение на этот брак от меня”. После этого она несколько месяцев не разговаривала с отцом и всё это время отказывалась посещать храм»[92].

Гнев миссис Роч понятен и объясним: произошло то, чего она так боялась и чему так деятельно сопротивлялась. И дело не только в том, что единственная дочь пошла против ее воли, и даже не в пагубной наследственности (хотя и это важно), но и в том, что лично она была попросту одурачена. И кем? Собственной дочерью!

На первый взгляд «одурачена» — слишком сильное слово.

Все биографы с небольшими вариациями излагают одну и ту же версию: Атоль на минуту вышла из дома и «совершенно случайно» встретила будущего супруга, он убедил ее выйти замуж, и они «быстренько» поженились. Действительно, логично: Портер сталкивается на улице с возлюбленной, та сообщает ему, что мама отправляет ее к родственникам и она уезжает; он понимает, что отъезд любимой означает конец их отношениям, и, совершенно спонтанно, под влиянием мгновения, предлагает ей сегодня же стать его женой, и она выходит за него замуж. Походит на правду. Но только на первый взгляд. Во-первых, Портер и до этого знал, что Атоль отсылают в Нэшвилл. Да, он мог думать об этом, переживал, — эти переживания в принципе могли привести его к дому любимой в момент, когда она вышла за нитками. Но, во-вторых, была необходима брачная лицензия[93]. В штате Техас ее заказывают заранее. На оформление документа уходит от одного (минимум) до шести (максимум) рабочих дней. Учитывая разгул коррупции в тогдашней Америке и личные связи мистера Андерсона, можно предположить, что ему удалось договориться с чиновником муниципалитета и тот быстро изготовил необходимый документ. Хотя — в пятницу, вечером, уже по завершении рабочего дня… Ну, допустим. Участие Ч. Андерсона — видимо, он очень любил Портера — ничем иным поистине безграничную энергию этого человека и его самоотверженность в деле брачующихся объяснить невозможно. Но есть еще и третье — то, что не объяснить ни счастливыми совпадениями, ни дружеским участием. Лицензию невозможно получить, не имея документа, удостоверяющего личность, возраст, расовую принадлежность. Никакой клерк не оформит бумагу, не видя перед собой оного. У Атоль не было паспорта, как не было ни карточки социального страхования, ни водительского удостоверения (в то время они вообще отсутствовали). Но у нее имелось свидетельство о рождении. На основании этого важнейшего документа тогда обычно и составлялась лицензия. Или на основании нотариально заверенной копии.

Даже если предположить, что у Атоль был этот документ (хотя обычно такие бумаги хранит мать) или упомянутая копия,

едва ли она *случайно* взяла его с собой, отправившись за нитками. Если нет, то после разговора с Портером она должна была вернуться за документом. Но она не возвращалась. Следовательно, копия или оригинал были при ней, а решение выйти замуж не было спонтанным. Всё было подготовлено заранее, и в подготовке участвовали не только жених и его покровитель Ч. Андерсон (кстати, весьма подозрительно в этом смысле выглядит и переезд Портера в дом последнего — «просто так» он не стал бы переезжать от гостеприимных Харреллов!), но и Атоль.

Впрочем, это лишь авторская версия. Ведь совпадения бывают. И порою совершенно удивительные!

А что касается родителей Атоль, то Рочи — очень хорошие и добрые люди, которые не только любили свою дочь, но смогли простить и полюбить зятя. И впоследствии они это докажут — своим участием в судьбе дочери, внучки и самого У. С. Портера.

Семейная жизнь и творчество

Амброзу Бирсу, замечательному американскому писателю и старшему современнику О. Генри, принадлежит высказывание: «Стремясь в объятия женщины, мы оказываемся у нее в руках». Бирс, конечно, был женоненавистником, но это не сильно влияло на справедливость многих его наблюдений, в том числе и тех, что касались прекрасного пола. Можно утверждать, что в случае с нашим героем суждение Бирса бьет точно в цель: хрупкость Атоль не помешала ей с самых первых дней совместной жизни занять главенствующую роль в семейном союзе Портеров.

Автор настоящих строк не принадлежит к числу тех, кто полагает пагубным главенство женщины в семье. Особенно если это происходит не нарочито, исподволь. Как говорится: «Муж — голова, жена — шея».

Атоль уверенной рукой держала штурвал семейной лодки. Она, конечно, не работала (работать в то время было почти немыслимо для женщины ее круга), обустраивала быт и, что, видимо, важнее всего, была товарищем и единомышленником своего молодого супруга. Начитанная, неплохо разбирающаяся в литературе, она, по сути, с самого начала их совместной жизни, активно подталкивала Билла вырваться за пределы любительства, покончить с «правдивыми и точными отчетами» для членов «Весперского читательского клуба», доктора Белла, других приятелей и почитателей и начать, наконец, писать для газет и журналов. Хотя, как мы помним, то же самое ему советовали почитатели его таланта еще в период жизни на ранчо Холлов, но именно Атоль удалось заставить Портера задуматься о сочинительстве как о профессии и разослать-таки некоторые из наиболее удачных юмористических историй в редакции газет и журналов. Документальные свидетельства, конечно, отсутствуют, но не исключено, что именно Атоль стала тем человеком, кто заронил идею о профессиональном писательстве. Во всяком случае, заставила предпринять конкретные действия в этом направлении. И, безусловно, именно Атоль смогла убедить мужа работать не от случая к случаю, как прежде, по настроению, а постоянно. А это, согласитесь, крайне важно.

Похоже на то, что уже в августе 1887 года была разослана первая «порция» текстов. Это были очерки, сценки, зарисовки быта и нравов юмористического свойства — то есть тексты того типа, что Портер сочинял уже давно. Но до той поры все они так и оставались на страницах писем или в памяти благодарных, но, увы, немногочисленных слушателей.

Нетрудно догадаться, чем руководствовался автор, когда составлял список (он неизвестен, но скорее всего существовал) для рассылки — его адресатами стали, во-первых, тиражные периодические издания, а во-вторых, газеты, предоставлявшие свои страницы авторам-юмористам. Вероятно, были разочарования и были издания, оставившие послания без ответа, но очень скоро, уже в сентябре, пришли первые отклики из детройтской «Фри пресс», нью-йоркской «Труф» и хьюстонской «Дейли пост». Все они выражали готовность к сотрудничеству и предлагали присылать новые материалы.

Насколько можно судить по письмам, наибольшую заинтересованность в сотрудничестве с начинающим автором выразила газета из Детройта. Редакция просила присылать юмористические очерки и зарисовки каждую неделю, чтобы имелся «запас» материалов и можно было публиковать их еженедельно[94]. Еще в августе (об этом в одном из писем Портеру говорит редактор «Фри пресс» Э. Мосли) газета опубликовала первые юмористические вещицы молодого юмориста. В другом послании (от ноября того же года) тот же адресат опять просит прислать новые материалы. Но вот что интересно. Письмо из Детройта явно написано в ответ на письмо Портера. И в этом письме, очевидно, речь шла о гонораре, который, похоже, автору не выплачивали или задерживали[95].

Увы, такова была обычная практика: газеты нередко экономили на выплатах начинающим авторам, полагая, что уже сам факт публикации — достаточное вознаграждение. Хотя ставки оплаты для начинающих были низкими — три, четыре, пять, очень редко — десять долларов за публикацию, но и они выплачивались обычно «со скрипом». Кто из современников и соотечественников Портера — начинающих Дж. Лондона, Т. Драйзера и многих других — не сталкивался с подобной ситуацией? Иной раз причины могли быть связаны с экономическими трудностями газеты (такое, конечно, случалось), но нередко редакторы просто обирали бесправных, еще неопытных и малоизвестных авторов. Однако известны и другие случаи.

«Мы выбрали “Окончательный триумф” и “Легкая неаккуратность”, за которые вы вскоре получите чек на шесть долларов»[96], — писал Портеру редактор из нью-йоркской «Труф», и этот чек был автором получен.

Казалось бы, что за важность, получал Портер деньги за свои первые печатные произведения или нет? Думается, для самого автора это было очень важно. Гонорар — это признание того, что у тебя есть способности, достаточные, чтобы твой *творческий* труд

был оценен в денежном выражении. Это было существенно не только для самоутверждения, но и для того, чтобы Атоль, которая так верила в дарование мужа, смогла убедиться, что ее вера обоснованна. Да и деньги сами по себе означали пусть небольшую, но все же прибавку к небогатому семейному бюджету.

Тексты публиковались в юмористических разделах газет. Упомянутые издания, даже если номера того времени и удастся обнаружить, не слишком нам помогут — газетные материалы в ту эпоху выходили в основном анонимно, без подписи автора. Тем более в юмористическом разделе. В объявлениях, помещавшихся на страницах нью-йоркской газеты и приглашавших к сотрудничеству, перечислены те жанры, которых ждет газета: «шутки, идеи, стихи, эпиграммы, очерки, истории и сценки»[97]. Скорее всего, упомянутые короткие формы и составляли предмет литературных усилий Портера. А. Смит, который весьма скрупулезно изучал эту проблему, утверждал: новелл, что впоследствии его прославили, Портер тогда еще не писал — первое упоминание именно о новелле Смит обнаружил в письме, датированном декабрем 1897 года[98].

Как бы то ни было, первые публикации, конечно, радовали. И скорее всего, они больше радовали молодую супругу, нежели автора, имя которого, как вспоминала позднее подруга Атоль — Фрэнсис Молтби, в первые месяцы замужества «буквально не сходило с ее уст». Она вспомнила и о чеке на шесть долларов, вероятно, оказавшись свидетелем известия, и так описала поведение подруги: «Атоль целовала мужа, поздравляла и даже принялась танцевать вокруг него»[99].

Вообще, насколько можно судить по сохранившимся свидетельствам людей, знавших молодую чету, в первые месяцы супружества жили они весело и беззаботно, даря друг другу радость, и, видимо, по-настоящему были счастливы. Когда Портер не был занят в Земельном управлении, супругов обычно видели вместе — они ходили на танцы, пели в церковном хоре (говорят, у Атоль было великолепное сопрано), выезжали на пикники и ходили в гости.

Первые полгода молодые прожили во флигеле у Ч. Андерсона, а затем переехали в дом 500 на Восточную четвертую улицу. На этой же улице, совсем неподалеку, жили Рочи. Миссис и мистер Роч не смогли долго обижаться на дочь. Трудно сказать, кто выступил инициатором примирения, но уже через несколько месяцев после свадьбы миссис Роч частенько видели у дочери (на Ч. Андерсона и священника она обижалась дольше, но в конце концов помирилась и с ними). Именно родители Атоль сняли для молодоженов этот пустующий дом с садом, сделали ремонт,

меблировали его из собственной обстановки. Дом был небольшой — всего две спальни и кухня, зато место здесь было тихое, а главное — две семьи жили рядом.

О причине переезда догадаться несложно — Атоль ждала ребенка, и мать, конечно, беспокоилась о ее здоровье. Над входом в спальню, над притолокой, супруг — «на счастье» — прибил лошадиную подкову: она должна была охранять любимую жену и их первенца[100]. Ребенок появился на свет 6 мая 1888 года. Это был мальчик. Но подкова не смогла уберечь ни его, ни Атоль: через несколько часов после рождения младенец умер, а мать тяжело заболела. Несколько дней ее состояние было критическим. Родители и супруг буквально не отходили от ее постели, опасаясь фатального исхода. Но постепенно Атоль пошла на поправку.

Однако рождение и смерть ребенка, а затем тяжелая болезнь серьезно повлияли на ее физическое, нервное и, похоже, психическое состояние. Что-то в ней будто надломилось, и прежняя беззаботная Атоль, весело скользившая по жизни в легких светлых воздушных платьях (она их обожала и носила только такие), теперь исчезла. Словно испарилась и та радостная атмосфера, что царила в семье совсем недавно. Атоль пребывала в депрессии, легко раздражалась по пустякам, срывала настроение на муже. Стремясь избежать скандалов, Портер завел привычку задерживаться на работе. Начальство и прежде всего Дик Холл не могли нарадоваться на сотрудника, видя, как тот взваливает на себя горы работы, нередко засиживаясь за полночь, вычерчивая карты земельных участков и составляя пояснительные записки. Вероятнее всего, Холл знал истинную причину рвения своего сотрудника, ведь Бетти Холл, его супруга, нередко захаживала к молодой семье и наверняка рассказывала мужу и о смерти ребенка, и о депрессии Атоль, и об атмосфере в доме. Об одном таком эпизоде Бетти вспомнила через много лет.

Однажды она зашла к Портерам, было уже довольно поздно, но Уилл еще не вернулся с работы. Женщины общались, но едва Атоль услышала звук приближающихся шагов, она бросилась в прихожую, упала на пол и забилась в истерике. В другой раз миссис Холл наблюдала скандал, который случился на улице. Атоль — утверждала свидетельница — вообще нравилось устраивать публичные сцены, и чем больше было зрителей, тем энергичнее она действовала[101].

Несомненно, Портер очень страдал от неадекватного поведения жены. Но и жалел ее, полагая, что во всём виновата их общая трагедия — смерть ребенка. К тому же он любил ее[102]. Потому и старался избежать скандалов, подолгу засиживаясь на

работе. Она же решила, что ее супруг завел интрижку на стороне, и горела желанием найти любовницу и покарать неверного. В эти летние и осенние месяцы 1888 года ее нередко можно было видеть на улицах города по вечерам и даже ночью — Атоль искала супруга в надежде доказать его измену — сама-то она была в ней уверена. Взяла она и привычку караулить мужа у дверей Земельного управления и, бывало, будила ночного сторожа громким стуком в дверь, истошными криками и угрозами.

Видимо, тогда, в эти скорбные месяцы — и это можно понять, — начался путь Портера к бутылке: он стал выпивать, пытаясь найти утешение на дне стакана.

Но что необходимо отметить: трагедия, а затем болезнь жены явно сблизили будущего писателя с ее родителями. Обида Рочей, конечно, была глубока, но они не могли не видеть, что зять действительно любит и жалеет их дочь, и не могли не оценить этого.

В январе 1889 года Атоль обнаружила, что беременна снова. Известие не столько обрадовало, сколько обеспокоило и мужа, и родителей: опасались за ее физическое состояние и, видимо, психику. Но, против ожидания, беременность подействовала на молодую женщину умиротворяюще. Она успокоилась — ушли в прошлое скандалы, истерики и подозрения в неверности мужа. По настоянию родителей Портеры переехали в дом попросторнее, с большим садом и променадом. Беременность протекала благополучно, и 30 сентября 1889 года Атоль родила дочь, которую назвали Маргарет.

Однако роды проходили тяжело и изрядно подорвали здоровье матери. Она была очень слаба, металась в лихорадке, не спадала температура. Именно тогда врачи настойчиво заговорили о туберкулезе. Вспоминает Ф. Молтби, подруга Атоль: «Она восстанавливалась так медленно, что страх перед болезнью, что свела в могилу ее отца, охватил и наполнил сочувствием всех, кто любил ее. Точила мысль, что этот ужасный призрак теперь проник и в ее жизнь»[103].

К сожалению, ни она сама, ни ее близкие, ни врачи не ошиблись — это действительно был туберкулез. С рождением дочери он вошел в ее жизнь и убил семь лет спустя.

Поскольку Атоль восстанавливалась очень медленно, было решено перевезти ее и малышку к родителям. Портер не сопротивлялся, поскольку понимал — в одиночку ему не справиться.

Нет достоверных данных о том, как складывалась литературная жизнь начинающего писателя (мы, безусловно,

можем назвать его так) в это трудное для него время. Судя по обстоятельствам, ему было явно не до творчества. Но можно предположить, что с нью-йоркской «Труф» он продолжал сотрудничать, хотя едва ли регулярно.

Широко бытует версия (у которой, правда, нет прямых доказательств, — например, свидетельств самого Портера или тех, кто принимал участие в проекте), что в начале — середине 1889 года наш герой рисовал иллюстрации (26 штук) к книге Дж. Уилбергера «Преступления индейцев в Техасе» (она вышла в Остине в конце того же года). Об этом говорит и манера рисунка (в том числе явное отсутствие профессиональных навыков), и то, что инициатором издания выступил всё тот же Дж. Мэддокс — известный знаток и ценитель техасской истории и, одновременно, старый знакомый Портера, рекомендовавший в свое время его иллюстратором для другого проекта — воспоминаний Дж. Диксона.

Несколько месяцев Портеры с малышкой прожили у Рочей. За это время Атоль немного окрепла — настолько, что решила жить и управляться с хозяйством самостоятельно. Правда, на этот раз они сняли дом по соседству с родительским, — рассудив, видимо, что так спокойнее.

Хотя состояние самой Атоль оставляло желать лучшего, малышка была здорова, весела и жизнерадостна. Настолько, что миссис Роч даже решила навестить родственников в Нэшвилле. Летом 1890 года Рочи с дочерью и внучкой отправились в путешествие. На обратном пути, уже осенью, они решили побывать и в Гринсборо — пора было, наконец, познакомиться с тамошними Портерами. В октябре к ним присоединился и молодой отец, взяв отпуск в управлении. Едва ли он испытал особую радость от встречи с городом, где прошли детство и юность. Скорее грусть и разочарование. Несколько лет спустя, вспоминая об этом визите, он писал: «…я испытывал странное чувство потери, печали и измены, глядя на произошедшие перемены. Я шел по старым, знакомым мне местам и в глубочайшем изумлении озирался кругом. Улицы стали уже, дома ниже; всё кругом будто сжалось, осыпалось в труху и пребывало в запустении»[104].

Совершенно субъективное впечатление, ведь именно тогда Гринсборо начал решительно преображаться: он разрастался, исчезали окраинные улицы, переулки и пустыри. На их месте вырастали ткацкие, прядильные и окрасочные производства — город быстро превращался в крупный текстильный промышленный центр. Менялась и деловая часть — строились новые, более современные здания.

Но Уилл так воспринял город, в котором прошли его детство и юность. И это нормально. Кто из нас не испытывал подобного чувства, возвращаясь через много лет во дворы и улицы своего детства?

Да и знакомых осталось мало. Кто-то, как и он, уехал, а старики — умерли. Умер отец, умерла и его «железная» бабушка. Тетя Лина была по-прежнему бодра и деятельна, но и ее не пощадил возраст. Теперь она жила одна. Правда, на встречу с родственниками явился старший брат Уилла, Шелл. Но едва ли встреча с ним порадовала — слишком они были разными и давно отдалились друг от друга. Да, вероятно, всё это было довольно грустно.

Тем не менее для Атоль и малышки эта встреча с Гринсборо не была последней — на следующий год они приехали снова. Видимо, им понравились прием и новые родственники. А тетя Лина даже хотела нанести ответный визит и съездить к ним в Остин. Но так и не выбралась.

К сожалению, подробностей о первой и о второй поездках в Гринсборо совсем немного. Но одна есть — она касается Атоль, точнее, состояния ее здоровья. Шелл Портер встречался с Атоль и во второй ее приезд. И был поражен переменами, произошедшими всего за год во внешнем облике невестки. Много лет спустя он говорил, что печать болезни уже явственно легла на ее лицо[105].

Но эти воспоминания относятся уже к следующему, 1891 году.

А по возвращении из Гринсборо в 1890 году Портера ждал неприятный сюрприз: ему предстояло увольнение из Земельного управления штата.

Мы знаем, что Портер работал хорошо и нареканий по службе не имел. Грядущее увольнение было связано не с качеством его работы, а с политикой. В январе 1891 года к власти в Техасе должна была прийти новая администрация, которая, конечно, хотела расставить на ключевые посты в штате «своих» людей[106]. У. С. Портер был одним из людей прежнего руководства. Поэтому шансов остаться на работе у него не было.

Двадцать первого января 1891 года он в последний раз вошел в здание Земельного управления штата в качестве его сотрудника, а вышел оттуда уже безработным. Тем не менее он не предпринял никаких шагов, чтобы найти себе новое занятие. Вместо поисков службы он отправился с женой и дочкой в длительный отпуск, в Гринсборо (на это путешествие, скорее всего, и ушли те самые «неправедные», спекулятивные 900 долларов). Легкомысленно? Безусловно. Но таков был характер этого человека — он всегда

полагался на обстоятельства, надеясь, что всё разрешится само собой: что-нибудь или кто-нибудь вмешается и ситуация изменится к лучшему. Так в предыдущей жизни случалось постоянно, и он в общем-то не привык распоряжаться собственной судьбой. Им всегда как-то распоряжались другие.

По возвращении из Гринсборо ему попалось на глаза объявление в газете (возможно, в тот же или на следующий день): «На временную работу в аптекарский магазин требуется учетчик». И он устроился туда. Но зарплата была маленькая, а работа временная.

О переменах в своей судьбе он не распространялся, но Атоль и ее родители, конечно, знали о них. Дошла информация и до «покровителя» Портера Ч. Андерсона. И тот вновь взялся устраивать судьбу своего младшего друга. Вскоре он предложил Портеру должность кассира в Первом Национальном банке. Прежний кассир оставлял должность, и место освобождалось. Работа была постоянной, жалованье составляло всё те же 100 долларов в месяц (столько же он получал и в Земельном управлении).

Знал ли Андерсон, с чем было связано увольнение предыдущего кассира (его обвинили в растрате)? Знал ли он, что дела в банке идут не лучшим образом, а финансовая дисциплина изрядно хромает? Скорее всего, не знал, хотя и был одним из почетных (то есть без всяких полномочий и права голоса) членов правления банка. Иначе не рекомендовал бы своего друга на эту должность. Тем более не знал об этом и Портер. Но, видимо, что-то внутри него (может быть, это было предвидение; в конце концов, каждый — а тем более художник — обладает им в той или иной мере) сопротивлялось, и он не хотел этой должности. Но выбора не оставалось: необходимо кормить семью, а иных вакансий не было. И он согласился. Впрочем, это было совершенно в его характере — он не имел привычки сопротивляться обстоятельствам.

Таким образом, уже в марте 1891 года Портер обосновался за стойкой Первого Национального банка Остина. Это был роковой шаг. Его последствием стали гибель и крушение всей предшествующей жизни. Но разве мы способны предугадать судьбу? Не был способен на это и Портер.

Существует фотография (сделана она в самом начале 1890-х годов), на ней запечатлен операционный зал банка в Остине: монументального вида из полированного темного дерева зарешеченная стойка, за которой отчетливо виден усатый темноволосый мужчина в сюртуке и белоснежной манишке. Это и есть кассир Первого Национального банка Уильям Сидни Портер.

За этой стойкой он провел три с лишним года — до начала декабря 1894-го.

Это были не лучшие годы в жизни нашего героя. Ну посудите сами: фатальная болезнь жены и необходимость в дорогостоящем лечении при отсутствии средств, чтобы его обеспечить, нелюбимая работа и невозможность заниматься творчеством — делом, к которому он уже почувствовал вкус, хотя те юмористические сценки, зарисовки и очерки, что время от времени он публиковал в газетах, еще трудно назвать литературой. Оптимизма не добавляла и ситуация в банке. Довольно скоро Портер узнал и понял, почему уволился его предшественник: тот не смог выдержать слишком вольного обращения со средствами, за которые нес ответственность. Дело в том, что Первый Национальный банк работал, что называется, по старинке: его владельцы нередко пользовались средствами как собственным карманом, одалживали деньги знакомым без поручительства — «на слово», легко брали деньги на личные нужды, нередко — даже не ставя в известность кассира[107]. Именно это в конце концов и привело писателя на скамью подсудимых и сломало ему жизнь.

У О. Генри есть рассказ «Друзья в Сан-Росарио», написанный в 1902 году, — то есть более чем через десять лет после того, как он впервые переступил порог банка, и через пять — как оказался за решеткой. В нем нет обиды и озлобления (которые, как известно, вообще нехарактерны для О. Генри). Напротив, он изображает вымышленный «Первый Национальный банк Сан-Росарио» с ироничной, но добродушной улыбкой. Однако в рассказе О. Генри дает довольно точное представление о том, как вершились дела в «его собственном» банке. Фабула такова. В город прибывает федеральный ревизор и направляется прямиком в «Первый Национальный» — один из двух в городе. Владелец соседнего тотчас узнает об этом. Он знает, что у соседа дела в порядке, а вот у него — проблемы: он одолжил значительную часть уставного капитала своим приятелям «под честное слово». Он шлет записку владельцу «Первого Национального банка» и просит любыми средствами задержать ревизора — до тех пор, пока не будет подан условный сигнал. Майор Том, хотя его поведение и вызвало недоумение у проверяющего, выполняет просьбу, и всё заканчивается благополучно для обоих банков. Читатель не знает о содержании записки и поэтому, как и ревизор, находится в неведении относительно странного поведения героя. Записка, о содержании которой становится известно только в финале новеллы, всё ставит на свои места. Вот она:

«Дорогой Том!

Мне сейчас сообщили, что у тебя там хозяйничает одна из ищеек дяди Сэма, а это значит, что через час-другой доберутся и до нас. Так вот, хочу попросить тебя об одной услуге. У нас сейчас в кассе всего 2200 долларов наличными, а должно быть по закону 20 тысяч. Вчера вечером я дал 18 ООО Россу и Фишеру на покупку партии скота у старика Гибсона. Они на этом деле заработают через месяц не меньше 40 000, но от этого моя касса сегодня не покажется ревизору полнее. А документов я ему показать не могу, потому что выдал эти деньги не под векселя, а под простые расписки без всякого обеспечения — мыто с тобой знаем, что Пинк Росс и Джим Фишер ребята золотые и не подведут. Помнишь Джима Фишера: это он тогда застрелил банкомета в Эль-Пасо. Я уже телеграфировал Сэму Брэдшо, чтоб он мне прислал 20 000 из своего банка, но их привезут только с поездом, который приходит по узкоколейке в 10.35. Если ревизор обнаружит в кассе только 2200 долларов, он закроет банк, а этого допускать нельзя. Том, ты должен задержать этого ревизора. Что хочешь делай, а задержи, хотя бы тебе для этого пришлось связать его веревкой и сесть ему на голову. После прихода поезда следи за нашим окном; если ты увидишь, что на нем опустили штору, значит, деньги уже в кассе. А до того ты ревизора не выпускай. Я на тебя рассчитываю, Том.

Твой старый товарищ,

Боб Бакли, Президент Национального Скотопромышленного банка».

В этом рассказе не только реминисценции патриархальных нравов Первого Национального банка Остина, но, конечно, и память о внезапной ревизии, которая привела нашего героя на скамью подсудимых. Ведь в действительности всё было примерно так, как и описывает О. Генри. Как и в «Друзьях в Сан-Росарио», в банк неожиданно нагрянула ревизия, и точно так же она была внеплановой, а ревизор — незнакомым и «неприкормленным». Интересно, что совпадают даже имена и воинские звания владельцев (в рассказе фигурирует майор Том Кингмен, в реальности — майор Том Бракенридж). Но закончилась ревизия не так, как в рассказе, а крупной недостачей, в которой обвинили кассира У. С. Портера. Но об этом чуть позже, тем более что история эта приключилась на последнем году его службы в банке.

Пора рассказать о делах семейных.

Мы писали, что беременность повлияла на Атоль благоприятно, умиротворила ее. Но характер никуда не денешь, и едва она окрепла, а малышка подросла, всё вернулось (хотя, может быть, и не в таких масштабах, как прежде): и истеричность, и раздражительность, и скандалы. Вообще, как вспоминала Бетти Холл, Атоль не была идеалом матери[108]. Она с легкостью и с удовольствием перепоручала заботу о ребенке родителям и мужу, который, по свидетельству всё той же особы, «делал для Маргарет много такого, что должна делать мать». Обычно именно он, когда был дома, купал и одевал дочь, кормил ее, гулял с ней и укладывал спать, рассказывая ей на ночь сказки дядюшки Римуса, которые она обожала[109]. Косвенным подтверждением, что Атоль не смогла стать идеальной матерью, звучат и слова миссис Роч: «Уилл всегда был замечательным отцом и добрым супругом»[110]. Атоль же возня с дочкой и домашние дела, похоже, нередко тяготили. Окрепнув, она вернулась к пению и любительским спектаклям и порой по нескольку вечеров на неделе проводила на репетициях. В такие дни Портер спешил домой (работа в банке заканчивалась в четыре пополудни), чтобы помочь управиться с ребенком и домашними делами, а затем отвозил жену на репетиции. Они заканчивались поздно. Он обычно ждал у входа, чтобы проводить ее домой. При этом она совершенно не терпела его опозданий, а тем более отлучек из дома. Если такое происходило, неизбежно начинался скандал со слезами, криком, обвинениями и упреками. По воспоминаниям тех, кто знал семью, супруг реагировал всегда одинаково — он уходил из дома и возвращался уже ночью, неизменно крепко выпивши. Следовала новая порция скандала, заходилась испуганным криком проснувшаяся дочь, просыпались соседи, но даже тогда никто не слышал, чтобы Портер повысил голос, а тем более поднял руку на жену.

Весной 1893 года Портеры перебрались на новое место жительства — в дом 308 по той же Восточной четвертой улице. Этот адрес — самый «долгий» из адресов Портеров в Остине.

Сейчас это (как и в годы, когда в нем жила семья писателя) одноэтажный деревянный коттедж с террасой — всегда прибранный, сияющий свежей краской; в ухоженном саду с чисто выметенными дорожками — Дом-музей О. Генри[111]. И в нем всегда посетители — не только граждане США, но и иностранцы — латиноамериканцы, европейцы, австралийцы. Бывают здесь и наши соотечественники.

Портеры прожили в этом коттедже до самого отъезда из города в 1895 году. Безусловно, этот дом — самый

благоустроенный и красивый из тех, где довелось жить семье. Но интересен он и тем, что здесь начались и закончились два самых ярких эпизода из жизни писателя в Техасе.

Первый был связан с той самой злополучной ревизией. Второй — с творческими дебютами. Начнем с ревизии.

Всё произошло почти так, как в упомянутой новелле писателя. Летом 1894 года в банк явился ревизор. О ревизии не предупредили заранее, и ревизор был незнакомый, — не тот, что обычно с ними работал. Ревизия была основательной, выявила массу нарушений в ведении документации, бухгалтерской отчетности и т. п. Но серьезнее была недостача в кассе у Портера. Всего недосчитались почти шести тысяч долларов. Отсутствие этих денег он документально объяснить не смог. В приходно-расходной книге, которую вел, записей, объясняющих недостачу, не было. Доклад о результатах ревизии ушел в федеральное учреждение, надзирающее за банковской деятельностью. Прокурор округа возбудил дело о растрате против кассира. Степень вины Портера определить сложно. Во всяком случае, никто из близких и просто знакомых не верил, что он виновен. Он мог быть виноват в халатности, но не в преступном умысле. Сведущие люди знали, как ведутся дела в банке, как выдаются ссуды, как вольно обращаются со средствами владельцы. А человеческая репутация Портера была на высоте. Конечно, банкиры не были заинтересованы в судебном расследовании — оно парализует деятельность банка и подрывает его репутацию. Очень быстро (буквально в течение дня) недостача была ликвидирована: более пяти тысяч долларов внесли сами банкиры, 500 долларов — Портер[112]. Понятное дело, что таких денег у него не было, их дали Рочи.

Исследователи жизни и творчества писателя по-разному оценивают степень его виновности. Но большинство утверждают, что едва ли Портер был хоть в чем-то виноват[113]. Пожалуй, единственным из его биографов, кто был не столь категоричен, является Дж. Лэнгфорд. Он довольно подробно изучил этот эпизод[114] и справедливо предполагает, что у Портера именно в тот период было очень много трат, с коими он не мог справиться самостоятельно. Действительно, кроме обычных рутинных расходов на жизнь и семью, он, выполняя прихоть Атоль, устроил ее путешествие в Чикаго, на Всемирную выставку 1893 года. Наконец, в этот период Портер играл в карты[115]. И хотя, говорят, он в основном выигрывал, это не могло длиться вечно. Да и сам факт, что, пусть при помощи Рочей, он внес в кассу банка 500 долларов, весьма красноречив. И последнее. В апреле того же года Портер начал издавать собственную газету, а на это

необходимы были средства, и немалые.

Издание газеты — важнейший эпизод и в человеческой, и в творческой биографии писателя, этапное событие в его литературной карьере. И потому требует остановиться на нем подробнее.

«Перекати-поле»

На исходе зимы 1894 года Портеру стало известно, что Уильям Брэнн[116], хозяин и редактор ежемесячника «Айконклэст» (*Iconoclast*), решил прекратить выпуск своего издания, продать оборудование и покинуть город. «Иконоборец» (так в переводе с английского звучит название) влачил незавидное существование. Радикализм его владельца и материалов, что публиковались на его страницах, был чужд консервативному Остину, и читателей у него было совсем немного. Соответственно, сокращалась и реклама — до поры, когда желающих разместить объявление не осталось вовсе. И тогда старый радикал решил уйти из бизнеса. Надо сказать, что Портер давно мечтал о собственной газете, но, конечно, не радикальной (политики он всегда сторонился), а юмористической. Примерно за год до того он даже обсуждал эту тему с одним из местных финансистов, но сумма инвестиций была такова, что ему пришлось отказаться от идеи, и в одном из писем он сетовал: «Никогда мне, видимо, не склонить судьбу на свою сторону… так, чтобы стрелка ее весов сдвинулась в нужном мне направлении»[117]. Но вот внезапно «стрелки двинулись» и представился шанс. Чтобы его осуществить, были необходимы деньги, но, конечно, не столько, сколько нужно было для издания газеты «с нуля». Всего за газету и печатное оборудование Брэнн запросил 250 долларов. «Бренд» «Иконоборца» на момент продажи ничего не стоил. Скорее это была отрицательная величина. Но вот оборудование, хотя и не новое, стоило больше. Это был шанс, и Портер постарался его не упустить.

Денег у него, конечно, не было. Он мог попросить взаймы у родителей жены, но отчего-то не стал этого делать, а обратился к двум бывшим коллегам по Земельному управлению и взял деньги у них. Таким образом, ему удалось собрать половину суммы. Вторую половину внес его приятель Джеймс Крейн, другой бывший коллега, но уже по службе у Мэддокса и Андерсона. Сделка была завершена в марте 1894 года, Портер и Крейн стали совладельцами «Иконоборца». Крейн, как и Портер, пробовал свои силы в литературе, неплохо рисовал и в этой инициативе был его единомышленником. Вдвоем они и приступили к изданию газеты.

Конечно, 250 долларов — это только те деньги, которые они

потратили на покупку газеты. Но для того, чтобы начать выпускать свою, оборудования и названия мало. Необходимы были бумага, краска. А еще нужно было, чтобы газету кто-то набирал и печатал. Издание задумывалось юмористическим, поэтому, конечно, иллюстрированным. «Картинки», понятно, они собирались рисовать сами, но без гравера обойтись было невозможно, и на это тоже требовались средства. А еще на офис — редакционное помещение необходимо любой уважаемой газете. А то, что она будет уважаемой, компаньоны не сомневались. И вот здесь потребовались накопления Рочей. Конечно, основную дополнительную сумму внес всё тот же Крейн (он был из состоятельной семьи и сам довольно успешно занимался бизнесом — недвижимостью), но пришлось обратиться к родственникам жены и Портеру Судя по всему, ходатаем в деле выступила Атоль, которая, при всей ее несдержанности и раздражительности, безусловно, верила в литературные способности мужа и от известия о приобретении газеты пришла в восторг. Содержательную часть Портер с Крейном тоже собирались писать сами. Правда, довольно скоро отказались от этого намерения — согласитесь, всё-таки мудрено еженедельно заполнять оригинальным текстом и рисунками восемь газетных полос.

Первый номер газеты вышел уже 14 апреля. Второй — неделю спустя. Оба под старым названием: «Иконоборец». Но затем Брэнн раздумал отдавать свой бренд и затребовал его обратно. Компаньоны не возражали, тем более что новое издание совершенно не походило на детище журналиста-радикала: не стремилось никого обличать и не собиралось ни с кем бороться. Новые владельцы хотели развлекать и смешить — и ничего более. Заметим сразу, что из этой затеи ничего не вышло: очень скоро нашлись и обиженные, и оскорбленные. Но в журналистике, понятное дело, без этого обойтись невозможно. Догадывались ли об этом компаньоны? Едва ли. Опыта у них не было никакого. Особенности журналистской работы они представляли себе довольно смутно.

Двадцать восьмого апреля вышел третий номер газеты — уже под новым названием «Роллинг стоун» *(The Rolling Stone)*. Что в переводе на русский означает «Перекати-поле». Много лет спустя Крейн утверждал, что это была его идея — назвать так новое издание. Он же разработал графический дизайн названия. Так это или нет, ответить сейчас вряд ли возможно: Портер по этому поводу не высказывался. Но, впрочем, едва ли это важно. Если факт и соответствует действительности, то это был единственный заметный творческий вклад компаньона (о финансовом не

говорим — он был существен). Похоже, он довольно быстро охладел к общему с Портером детищу, и третий номер газеты оказался последним, в создании которого он принял непосредственное участие. Уже в мае Крейн решил покинуть Остин, чтобы обосноваться в Чикаго, где его бизнес сразу пошел в гору. Принимал ли он в дальнейшем участие в делах газеты? Если только заочно: всё время, пока она существовала, они с Портером часто переписывались, но никакого влияния на содержание, оформление, редакционную политику он, судя по всему, не оказывал. Трудно сказать и как складывались их финансовые отношения. Достоверно известно, что вложенные Крейном в «Перекати-поле» средства так к нему и не вернулись. Возможно, Портер делился с компаньоном какой-то прибылью от издания. Но была ли она?

Однако вернемся к номеру от 28 апреля. В нем было опубликовано редакционное сообщение, которое стоит привести целиком:

«“Перекати-поле” — еженедельная газета, издается в Остине, Техас, и выходит каждую субботу. Она постарается заполнить пробел, существование которого в настоящее время печалит многих. Задача издания — наполнить страницы материалами, что смогли бы удовлетворить самые душераздирающие запросы каждого истинного поклонника хорошей литературы и каждого, кто любит печатное слово, по цене один доллар и пятьдесят центов за годовую подписку; за полгода один доллар; 50 центов за три месяца; 5 центов за номер; деньги вносятся авансом. Наше Специальное предложение. В течение следующих 30 дней, а затем без всяких временных ограничений, любой, кто принесет в редакцию “Перекати-поля” два доллара наличными, будет внесен в особый перечень подписчиков газеты, и тут же, на месте, ему будет вручена сумма в 50 центов наличными. Не упускайте своего шанса и действуйте немедленно. Каждый номер будет содержать истории, юмористические очерки, стихотворения, шутки, в том числе — особенно пикантные — в адрес тещи, губернатора Хогга, а также сведения о погоде и общем состоянии дел в штате Техас»[118].

«Клюнул» ли кто-то на это заманчивое предложение совладельцев еженедельника, сказать трудно — информация по этому поводу отсутствует. Но поначалу всё складывалось относительно неплохо. Появились подписчики, газета продавалась вразнос, стали публиковать объявления, были и рекламодатели.

Первый разовый тираж составил тысячу экземпляров, затем Портер увеличил его до полутора тысяч. Скорее всего, все

экземпляры не раскупались, но тем не менее (или как раз поэтому) третий номер Портер решил отпечатать небывалым — пятитысячным — тиражом и раздать газету бесплатно. Помогло это или что-то другое, но газету заметили, и читатели (а может быть, и почитатели) появились.

Что представлял собой еженедельник? Как мы видим, с самого начала «Роллинг стоун» заявила о себе как об издании юмористическом. Советская исследовательница творчества писателя И. Левидова специально изучала материалы еженедельника. «Технические возможности его были невелики, но изобретательной выдумки — сколько угодно, — совершенно справедливо писала она. — Портер завел “газету в газете” — раздел “Планквильский патриот”, якобы редактируемый неким полковником Аристотелем Джорданом и в добродушном тоне пародирующий дух и стиль типичного провинциального журнальчика. Всё остальное содержание еженедельника представляло собой юмористический, довольно непритязательный и пестрый по качеству “винегрет”: карикатурки, скетчи, юморески, фельетоны, анекдоты, выдуманные местные сенсации, переписка с читателями и значительное число звонких, весьма квалифицированных стихов; Портер сочинял их с легкостью, не претендуя на вторжение в сферу настоящей поэзии»[119].

Суждения исследовательницы вполне справедливы. Однако преувеличивать степень оригинальности изобретений, литературных приемов и стилистических изысков Портера всё же не стоит. Его «Перекати-поле» развивалось вполне в русле американской юмористической журналистики конца XIX века. Неизбежны были и налет дилетантизма, и самоповторы, и отпечаток торопливости. Да и шутки порой грешили шаблонностью и грубоватостью. Энергии, желания, идей у издателя было с избытком, а вот опыта — именно журналистского профессионального опыта — не было совсем. При этом почти все материалы своего журнала он создавал сам: писал тексты, рисовал карикатуры, сочинял стихи и т. п.

Нельзя сказать, чтобы его тексты отличались какой-то особой оригинальностью. «Сделаны» они были — в рамках текущих материалов юмористического издания — вполне профессионально. Но «О. Генри» там, конечно, еще не было. Впрочем, вот вам пример — одна из историй Портера, опубликованная на страницах «Перекати-поля»:

«В северной части Остина жило однажды честное семейство Смозерс. Семья состояла из Джона Смозерса, его жены, их маленькой пятилетней дочери и ее родителей, итого — пять

человек, если пришлось бы считать для специальной статистики, но на самом деле их было только трое.

Однажды вечером, после ужина, девочка почувствовала сильные рези в желудке, и Джон Смозерс поспешил в город за лекарством.

Он ушел и больше не вернулся.

Девочка поправилась и, когда пришло время, превратилась в девушку.

Мать очень горевала по случаю исчезновения мужа, и прошло почти три месяца, пока она снова вышла замуж и переехала в Сан-Антонио.

Дочь тоже вышла замуж, когда пришло ее время, и, по прошествии нескольких лет, у нее тоже была маленькая пятилетняя девочка.

Она жила в том же самом доме, в котором они жили, когда отец пропал.

Однажды вечером, по удивительному совпадению, у ее девочки случились желудочные колики в годовщину исчезновения Джона Смозерса, который, будь он жив, был бы теперь дедушкой.

— Я пойду в город и принесу лекарство, — сказал Джон Смит (так звали человека, за которого она вышла замуж).

— Нет-нет, дорогой Джон! — воскликнула его жена. — Ты тоже можешь исчезнуть навсегда.

Джон Смит остался, и они вместе уселись у кроватки маленькой Пэнси (так звали их дочь).

Немного погодя Пэнси стало как будто хуже, и Джон Смит снова попытался идти за лекарством, но жена не пустила его.

Внезапно дверь отворилась, и в комнату вошел согбенный старик, с длинными седыми волосами.

— Вот и дедушка, — сказала Пэнси, которая узнала его раньше других.

Старик вынул из кармана бутылку с лекарством, налил столовую ложку и дал Пэнси выпить.

Она вскоре поправилась.

— Я немного запоздал, — сказал Джон Смозерс, — потому что мне пришлось ждать трамвая».

Рассказ вышел под названием «Странная история» и был опубликован в газете в 1895 году. А незадолго до этого в Остине (в газетах и в муниципалитете) весьма активно обсуждалась нерегулярная работа городского общественного транспорта (трамвая). Еженедельник внес свою лепту, опубликовав вот такую — «странную историю».

Злободневных материалов подобного рода в газете Портера

было, конечно, большинство. Этого требовал и характер издания — юмористический, и вполне понятная ориентация на местную аудиторию.

Вот другой пример. На протяжении долгих лет в Верховном суде штата длилась ожесточенная тяжба по установлению наследственных прав на одно обширное поместье. Именно в то время, когда выходил еженедельник Портера, процесс завершился, но оказалось, что большая часть его стоимости была поглощена судебными издержками. Журналист не мог не откликнуться на это заметное региональное событие. Историю он озаглавил «Изменчивая судьба», но не ограничился пародированием тех аргументов, которые выдвигали стороны, а не преминул высмеять как беспочвенный снобизм южных псевдоаристократов, так и сребролюбие прекрасных южанок «голубых кровей».

Итак,

Изменчивая судьба

«— Не упрашивайте меня больше, — сказала Глэдис Вавазур-Смит. — Я никогда не буду вашей, мистер Снупер.

— Но вы давали мне раньше понять другое, Глэдис, — сказал Бертрам Снупер.

Золотистый свет заходящего солнца вливался в круглые окошки великолепного особняка, расположенного на одной из самых аристократических улиц.

Бертрам Снупер, бедный, но честолюбивый и талантливый молодой адвокат, только что проиграл свое первое дело. Он осмелился добиваться руки Глэдис Вавазур-Смит, прекрасной и одаренной дочери одной из старейших и самых именитых фамилий в округе. В ее жилах текла “самая голубая кровь”. Ее дед пилил дрова для Хорнсби, а тетка с материнской стороны вышла замуж за человека, которого лягнул мул генерала Ли.

Складки рта резче обозначились на лице Бертрама Снупера, шагавшего взад и вперед по комнате в ожидании ответа на вопрос, который он собирался предложить Глэдис, как только он его придумает.

Наконец ему явилась мысль.

— Почему вы не хотите выйти за меня замуж? — спросил он едва слышным голосом.

— Потому что, — напыщенно сказала Глэдис, — прогресс и развитие, которых достигла современная женщина, требуют, чтобы мужчина принес к брачному алтарю сердце и тело,

свободное от унизительных и наследственных несправедливостей, которые более не существуют, кроме как в воображении порабощенных обычаем.

— Я так и ожидал, — сказал Бертрам, обтирая свой разгоряченный лоб оконной занавеской. — Вы начитались книг.

— Кроме того, — продолжала Глэдис, игнорируя убийственное обвинение, — у вас нет денег.

Кровь Снупера залила румянцем щеки Бертрама. Он надел пальто и гордо направился к двери.

— Останьтесь здесь, пока я вернусь, — сказал он. — Я вернусь через пятнадцать лет.

После его ухода Глэдис почувствовала, что ею овладевает непреодолимое желание. Она тихо проговорила, скорее про себя, чем для печати:

— Хотела бы я знать, осталось ли с обеда немного холодной капусты!

И она вышла из комнаты.

Только она ушла, как мужчина, с смуглым цветом лица, с черными волосами, в мрачной, выражающей отчаяние одежде вышел из камина, где он скрывался, и заявил:

— Ага! Наконец-то ты в моей власти, Бертрам Снупер. Глэдис Вавазур-Смит будет моей. Я владею тайной, о которой не подозревает ни одна душа в мире. У меня бумаги, доказывающие, что Бертрам Снупер наследник поместья Тома Бина, и я нашел, что дед Глэдис, пиливший дрова для Хорнсби, был во время войны поваром в отряде майора Фишера. Поэтому семья откажется от нее, и она выйдет за меня замуж, чтобы втоптать в грязь их гордое имя. Ха-ха-ха!

Как читатель, без сомнения, уже давно догадался, это был не кто иной, как Генри Грэсти. И, порадовавшись еще немного, мистер Грэсти с сардоническим смехом уехал в Нью-Йорк.

* * *

Прошло пятнадцать лет.

[…]

Глэдис Вавазур-Смит и Генри Грэсти стояли у брачного алтаря.

Мистер Грэсти, очевидно, не потерял эти годы даром.

Как раз когда священнослужитель собирался произнести роковые слова, за которые он должен был получить десять долларов, рухнула церковная колокольня, и вошел Бертрам Снупер.

С глухим стоном упал священник на пол. Он не мог перенести потери десяти долларов. Его поспешно вынесли и заменили более дешевым.

Бертрам Снупер держал в руке правительственную газету.

— Ага! — сказал он. — Я так и думал, что я вас застану врасплох. Я только что приехал сегодня утром. Вот газета, в которой сообщается о моем прибытии.

Он передал ее Генри Грэсти.

Мистер Грэсти взглянул на газету и смертельно побледнел. Она была помечена тремя неделями позже прибытия мистера Снупера.

— Опять побит, — прошипел он.

— Говорите, Бертрам Снупер, — сказала Глэдис, — почему вы встали между мной и Генри?

— Я только что узнал, что я единственный наследник состояния Тома Бина, оцениваемого в два миллиона долларов.

С радостным криком Глэдис бросилась в объятия Бертрама.

Генри Грэсти вынул из своего жилетного кармана большую жестяную коробку, в которой находились четыреста шестьдесят семь мелко исписанных страниц большого формата.

— То, что вы указали, совершенная правда, но я прошу вас прочесть это, — сказал он, передавая листы Бертраму Снуперу.

Едва мистер Снупер прочел документы, как издал пронзительный крик.

— Все потеряно, — сказал он.

— Что это за документ? — спросила Глэдис.

— Он лишает меня всего моего состояния. Но мне это всё равно, Глэдис, раз я завоевал тебя.

— Что это такое? Говори, я умоляю тебя, — сказала Глэдис.

— Эти бумаги, — сказал Генри Грэсти, — представляют счет моего жалованья за управление имением Тома Бина.

С криком любви Глэдис бросилась в объятия Генри Грэсти.

Двадцать минут спустя Бертрам Снупер не спеша входил в пивную на Семнадцатой улице»[120].

Страницы своего еженедельника Портер насыщал не только злободневной прозой, но заполнял их и не менее злободневными стихами. Впрочем, поэтический дар его был невелик, а посему не станем перенасыщать текст цитатами.

Но еще об одном тексте, опубликованном в «Перекати-поле», тем не менее упомянуть нужно. Речь идет о рассказе «Бексарское дело № 2692». Это история совершенно иного плана — весьма далекая от тех «безделиц», что в основном насыщали страницы еженедельника. Мы назвали его рассказом, что, наверное, все-

таки не совсем верно. В нем есть коллизия — история преступления, есть герои: «земельный агент» Шарп и юноша по фамилии Харрис. Но полноценным рассказом этот текст назвать еще нельзя. Скорее, это заготовка, развернутый план рассказа, материал для которого Портер почерпнул из собственной жизни — опыта работы в Земельном управлении штата Техас. Он рассказал историю — надо сказать, весьма трагическую — о том, как упомянутый Шарп обманом завладел землей, принадлежащей семейству Харрис (участком владела вдова с сыном восемнадцати лет), юноша (ее сын) раскрыл преступление, но Шарп убил его, труп спрятал, землю продал и прожил жизнь уважаемым столпом общества. В рассказе нет характеров — они едва намечены, коллизия не разработана, отсутствует полноценная, достойная конфликта художественная «аранжировка», сюжет лишен динамики, но присутствует моральная составляющая. Если бы в основе истории лежало конкретное дело (а что-то схожее наверняка было), — автор назвал реальные имена и подробно шаг за шагом описал обстоятельства события и механизм совершения преступления, — то его история вполне могла бы явить пример бесстрашного журналистского расследования в духе «разгребателей грязи». Однако он написал беллетристическую историю — трагичную, правдивую, но совершенно ученическую. В дальнейшем дарование Портера получило иной вектор развития, бескомпромиссного социального критика из него не вышло (на что впоследствии ему пеняла так называемая «прогрессивная критика»), но могло выйти, сложись его человеческая и литературная судьба по-иному. И «Бексарское дело № 2692», история, опубликованная в 1894 году в еженедельнике «Перекати-поле», — тому свидетельство.

Единственным неоригинальным и регулярным «вкладом» в еженедельник Портера была юмористическая колонка Билли Ная[121]. Газетный синдикат Макклюра (он имел соответствующий договор с автором) поставлял ее всем имеющим на то желание изданиям за умеренную плату. В те годы Билли Най был самым популярным американским юмористом и его колонку регулярно воспроизводили на своих страницах сотни (если не тысячи) столичных и провинциальных американских, канадских и даже британских юмористических (и вполне серьезных!) газет и журналов. Время от времени «Перекати-поле» также перепечатывала материалы из детройтской «Труф» и нью-йоркской «Лайф», но авторство всех остальных публикаций неизменно принадлежало Портеру. Если принять во внимание, что почти до конца декабря 1894-го он писал их после основной работы — в банке, то можно представить, как много он трудился.

Его газета выходила еженедельно на восьми полосах, и всё — тексты, рисунки, макет — всё это делалось одним человеком! Правда, вскоре после отъезда Крейна в Чикаго у него появился помощник по имени Дикси Дэниелс[122], но он был печатником и занимался только типографией (Портер платил ему зарплату).

Мы упомянули о декабре 1894 года. 18-го числа этого месяца Портер оставил службу в банке[123]. Хорошо известно, как сильно он ненавидел эту работу, но уходить с нее тем не менее не собирался, поскольку, хотя газета и отнимала уйму времени, сил и энергии, обеспечить семью на то, что она приносила, не мог. Но уход состоялся, и случилось это помимо его воли. Увольнение (а это было именно увольнением) напрямую связывалось с упоминавшейся уже ревизией, когда Уильяму пришлось погасить часть недостачи. В июле он отделался, по сути, легким испугом: по результатам проверки окружной прокурор возбудил дело о растрате, но, поскольку деньги были возмещены, руководство банка не выдвинуло обвинений. Более того, управляющий лично обратился к прокурору с заверениями, что злого умысла со стороны кассира не было — неаккуратность, и не более того. Но проверявший банк ревизор не был удовлетворен таким результатом и написал жалобу в Вашингтон[124]. Оттуда последовал грозный окрик, и была назначена повторная, еще более дотошная и строгая ревизия. Она состоялась в декабре и вскрыла еще целый ряд упущений и нарушений, а также еще одну недостачу, теперь в три тысячи долларов. Однако и теперь растрату погасили (причем Портеру пришлось возмещать половину суммы, 1500 долларов — эти деньги, как и в прошлый раз, внес тесть), а управляющий вновь заступился за кассира, но прокурор (видимо, оберегая себя) теперь потребовал немедленного увольнения халатного сотрудника, что и пришлось сделать, несмотря на просьбы обычных заступников — Андерсона и Мэддокса.

Наверняка после увольнения наш герой испытывал смешанные чувства. С одной стороны, неуверенность. Как-никак нелюбимая, но постоянная работа давала определенность. Но с другой — освобождение от нее сулило надежды на успех в том, что ему, безусловно, нравилось и получалось. Теперь Портер мог сосредоточиться на газете, и, видимо, с удвоенной энергией взялся за дело: во всяком случае, с нового года объем «Роллинг стоун» увеличился, он вырос наполовину — до двенадцати полос. Пришло, скорее всего, и облегчение. Во всяком случае, это читается в письме, которое Уильям Портер написал своему компаньону сразу после увольнения из банка. «Я покончил с банком день или два тому назад. Было ясно, что подобное

изменение в моей жизни грядет, так что, наконец, это произошло, и я могу сосредоточиться на работе в газете». Понять его можно: опасное это дело — работать в *таком* банке. Ему казалось, что уж теперь-то всё плохое позади. Портер ошибался, он не знал, что дело — *его дело* — не закончено. Оно только началось, и самое ужасное впереди.

А дела с газетой уже и тогда, на исходе 1894 года, шли, видно, не слишком успешно. В том же письме к Джимсу (так он звал своего компаньона Джеймса Крейна) спрашивал: «Ты еще в Чикаго, и каковы перспективы? Хочу сказать тебе, что мне нужно. Хочу покончить с газетой здесь и начать всё где-нибудь в другом месте. Не мог бы ты что-нибудь там сделать для нас в этом направлении? Если сможешь, я тотчас приеду, сразу, как только черкнешь ответ. Я беспокоюсь вот о чем. Здесь не то место, где можно продвинуться. Ты же сам знаешь об этом, не так ли? Слушай, ты не мог бы мне подыскать где-нибудь там работу? Или, если думаешь, что наша газета могла бы иметь там успех и у нас была бы какая-то поддержка, может быть, нам стоило начать всё заново там?»[125]

Видимо, ответ Джимса не был удовлетворителен (даже если бы и был, едва ли затею поддержала Атоль), и эти планы продолжения не имели. Но «детище», хотя, судя по всему, и приносило какой-то доход, явно не сулило безбедного существования его владельцу. Бизнес нужно было развивать, искать аудиторию в других городах. Так появилась идея привлечь к сотрудничеству Генри Тейлора-Райдера, именитого журналиста из Сан-Антонио, с тем, чтобы распространять «Перекати-поле» и в этом городе. Это должно было повысить тираж и увеличить прибыль. Газета, которую распространяли в Сан-Антонио, была идентична остинскому изданию, за исключением вкладки из четырех полос, которую сочинял Тейлор-Райдер. Она была призвана освещать местные события.

Первый биограф писателя А. Смит считал это решение роковым[126]. По его мнению, именно оно привело к крушению предприятия. Это были новые и серьезные расходы, да и фигура Тейлора-Райдера была весьма неоднозначна. Он был журналистом «старой школы», для которого настоящая журналистика обязательно связана со скандалом и распрями с другими газетами. За очень короткое время он умудрился перессорить еженедельник с большинством местных изданий, а это ни к чему хорошему привести не могло.

Но всё-таки главной ошибкой Портера было не создание отделения редакции в Сан-Антонио. В конце концов, и в Сан-Антонио он отправился не от хорошей жизни. Ошибок было по

меньшей мере две. Первая. Газета Портера была принципиально аполитична. Казалось бы, ну что в том плохого? Значит, и врагов нет. К сожалению, не значит. Означало это лишь то, что у него не было союзников. Он высмеивал губернатора Хогга и его методы управления, а следовательно — всех демократов, его однопартийцев. Он смеялся и над республиканцами. Иронизировал над богатыми и бедными, бизнесменами и фермерами, арендаторами и ковбоями. А поскольку делал он это неплохо, то и обиженных становилось всё больше. Но самой серьезной ошибкой, не совершить которую он, видимо, не мог, стало то, что постоянной и излюбленной мишенью его юмора с самого начала стала немецкая диаспора. Немецкая община в Остине была влиятельной и значительной. Это были основательные, степенные люди, которые не только сохранили присущую немцам практичность и деловую хватку, но и совершенно не желали ассимилироваться — расставаться со своей культурой, обычаями, ритуалами, языком. У немцев в Остине были свои клубы, пивные, рестораны, они отмечали немецкие праздники (в том числе, например, день рождения императора); на их родном языке издавались газеты; в районе, где жили немцы, даже улицы носили немецкие названия, а рекламные щиты и вывески были написаны готической вязью. А как они говорили по-английски — это было по-настоящему уморительно и так и просилось на страницы газеты! Надо сказать, что сам Портер относился к немцам без неприязни. С удовольствием ходил в немецкие рестораны, любил немецкое пиво, кухню. Но так заманчиво (и в общем-то довольно легко) было высмеивать нелепые для американца традиции и привычки бюргеров, их речь, самодовольство, туповатость и забавную солидность. Что он и делал с завидной регулярностью — публикуя комические сценки, карикатуры, пародии в своей газете. Всё бы ничего, да вот загвоздка: местные немцы были людьми имущими, самые доходные и эффективные предприятия в округе принадлежали им. Они были и главными рекламодателями. И постепенно доходы от рекламы таяли, сокращалось число подписчиков, и всё больше экземпляров мальчишки-разносчики возвращали обратно.

У. С. Портер делал хорошую газету. Делал ее несколько по-дилетантски, но честно и по-настоящему самоотверженно. Но в этом, судя по всему, и заключалась его главная проблема. Он хотел, чтобы она была вне политики, без «фигур умолчания» — только литературной, просто юмористической и никакой больше. Но, как справедливо отмечал один из биографов писателя, «Остин был просто-напросто слишком мал, слишком консервативен и слишком провинциален по своим вкусам», чтобы «переварить» его

еженедельник[127]. И, добавим, — в нем было слишком много немцев.

На исходе зимы 1895 года дела у Портера стали стремительно ухудшаться. Денег на издание катастрофически не хватало. Он начал занимать. Сначала у тестя (общий долг ему к моменту прекращения издания составил тысячу долларов), затем у приятелей и знакомых[128]. О степени его отчаяния говорит хотя бы тот факт, что он вдруг взялся за кладоискательство. Легенд о спрятанных сокровищах в Техасе — великое множество. Среди них фигурируют золото Э. Кортеса, клады десперадос, казна Республики Техас, золотой запас Конфедерации, тайники и схроны бандитов, грабивших поезда, банки и почты, индейское золото и т. п. Если помнит читатель, печатником у Портера был некий Дэниелс, а его брат был завзятым (но неудачливым) кладоискателем. Так вот, последний раздобыл «абсолютно надежную карту», в которой указано, где спрятана казна мексиканской армии времен американо-мексиканской войны 1846–1848 годов. Было даже «точно» известно, что мексиканцы зарыли 400 тысяч долларов (откуда у мексиканцев такие деньги?) в золотых слитках по 20 долларов. Портер еще раз занял денег и вложился в экспедицию. Нужно ли говорить, что это была химера и они ничего не нашли?

Как бы то ни было, с большими трудностями, но газета продолжала выходить — в феврале, в марте (с задержками) и в апреле, пока, наконец, не вышел последний номер «Перекати-поле», датированный 27 апреля 1895 года. Таким образом, газета просуществовала ровно год.

Выпуск газеты прервался внезапно — во всяком случае, читателей не предупредили о том, что этот номер — последний.

Но о том, что нечто подобное может произойти, Портер писал раньше, в редакционной статье, помещенной в номере от 30 марта. В пространно-ироничной манере он извинялся перед читателем за то, что в последнее время газета выходила нерегулярно. Сравнив свою газету с больным корью или гриппом, он объяснял, что за болезнью всегда следует выздоровление, и выражал уверенность, что теперь трудные времена позади и газета поправляется. «Мы ожидаем, что начиная с настоящего номера и в дальнейшем газета будет выходить регулярно, — писал Портер, — но не станем форсировать события, а будем действовать очень осторожно, поскольку известно, какие серьезные рецидивы может вызвать неправильное лечение кори, а в совокупности с высокими ценами на бумагу и стоимостью печати они могут быть фатальны»[129].

То есть понятно, что Портер не собирался прекращать

издание и, видимо, надеялся поправить дела (вероятно, даже вел переговоры с неким инвестором или инвесторами), но в мае его «Перекати-поле» уже не вышла. Болезнь оказалась-таки фатальной.

Так, на печальной ноте, и закончилась яркая, но короткая история любимого детища Уильяма Сидни Портера.

Юморист из Хьюстона

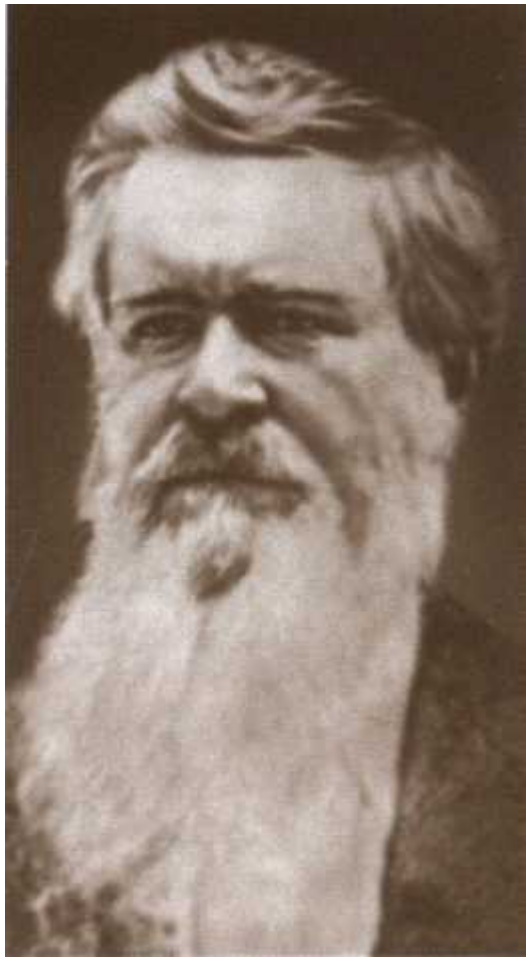
Итак, в конце апреля 1895 года У. С. Портер превратился в безработного. С газетой было покончено, на нем висели долги, которые нужно было отдавать, а доходов не предвиделось. Какую-то часть задолженности он сумел погасить, продав печатное оборудование, запасы бумаги и краски, обстановку из офиса редакции на Восточной седьмой улице[130]. К его счастью, основную часть долга составлял заем у мистера Роча, а тот с выплатой, понятно, не торопил, зная об обстоятельствах зятя (скорее всего, в обозримом будущем он и не надеялся на возврат). Еще в марте из-за денежных затруднений чете Портер пришлось отказаться от аренды дома 308 на Восточной четвертой улице и снова переехать к родителям жены. Хотя финансовые обстоятельства оптимизма не прибавляли, Атоль была рада вернуться в родительский дом: теперь она могла больше времени уделять светской жизни и своим увлечениям, а хозяйственные заботы делить с матерью.

У. С. Портер не имел постоянной работы до середины октября. Нельзя сказать, что он ничего не делал: возобновил сотрудничество с детройтской «Труф», активно писал для газеты «Плейн дилер» (Кливленд, Огайо) — рисовал карикатуры, сочинял шутки, юмористические стишки, сценки и очерки. Но платили за них мало, чеки приходили нерегулярно, на небольшие суммы — обычно в пять, реже в десять долларов[131].

Уильям Сидни Портер

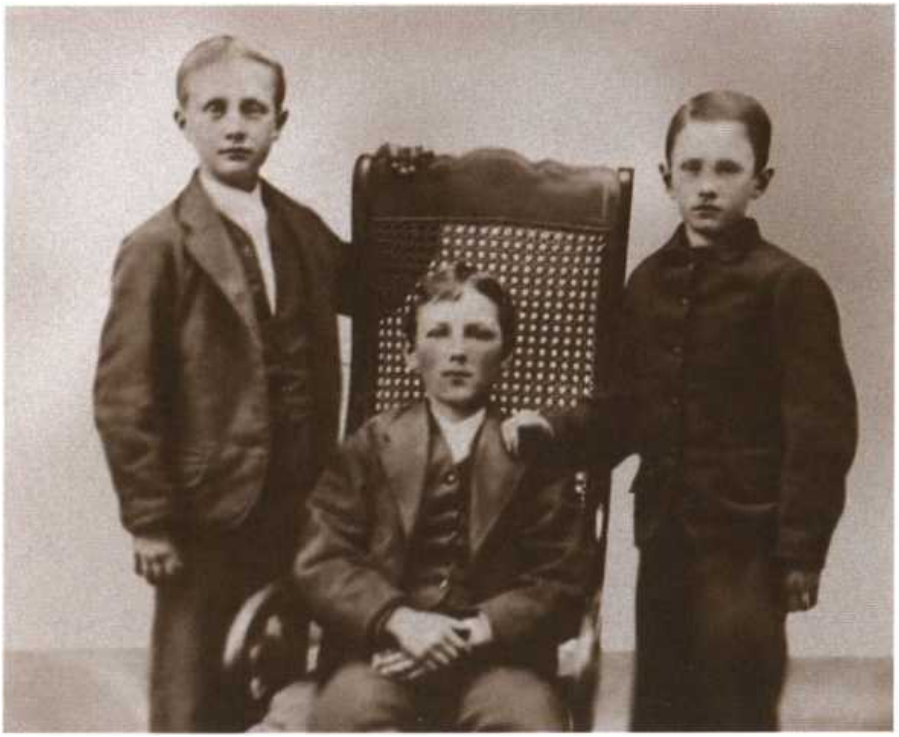
Билл Портер в возрасте двух лет

Мэри Джейн Суэйм — мать писателя

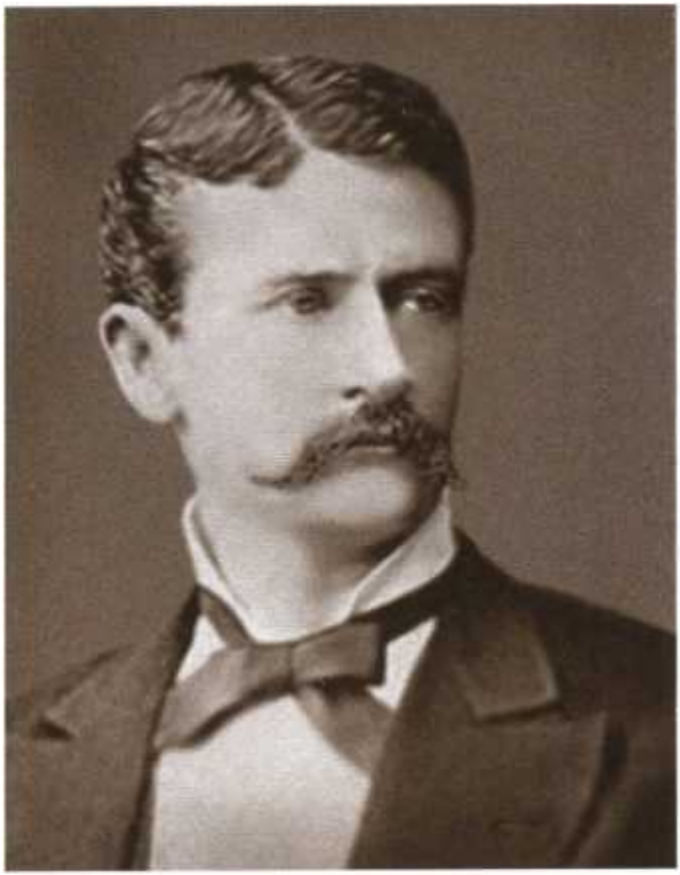


Элджернон Портер — отец писателя

Эвелина Портер — тетя писателя, его учительница

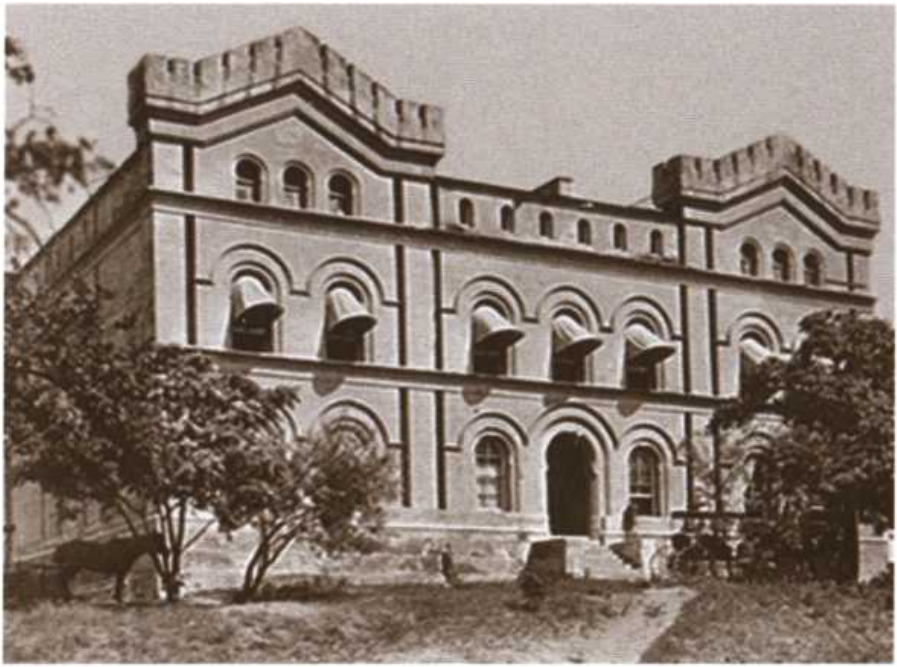


Слева направо: Шелл Портер, Том Тейт и Уилл Портер



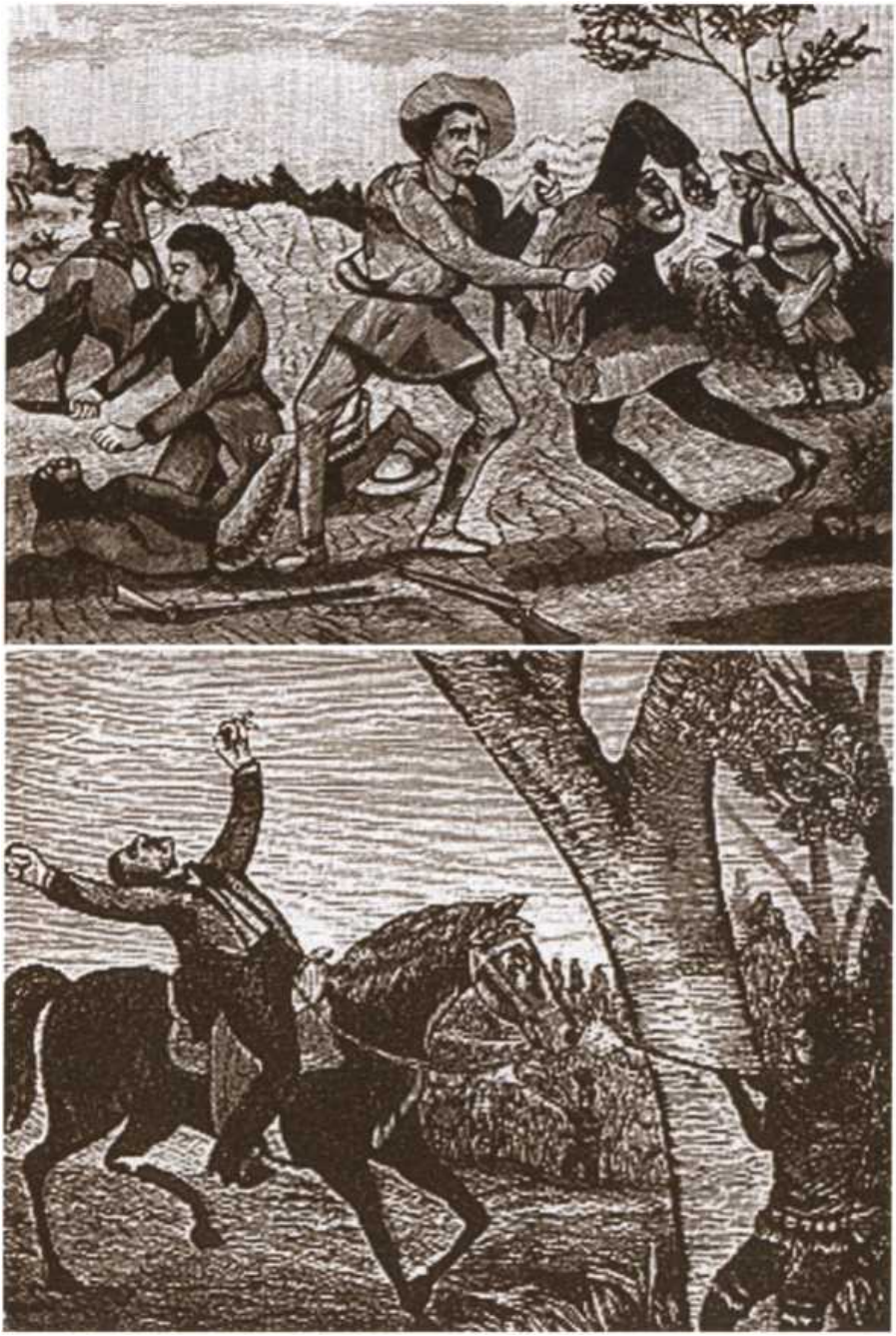
Капитан Ли Холл, покровитель Уилла Портера

Уилл Портер в первый год жизни в Остине



Здание Земельного управления штата Техас

Капитолий штата Техас



Иллюстрации У. С. Портера к книге Дж. Уилбергера «Преступления индейцев в Техасе»

Дом в Остине, в котором У. С. Портер с семьей жил с 1893 по 1895 год. Современный вид

Уильям и Атоль Портер с дочерью Маргарет. 1895 г.

У. С. Портер — кассир Первого Национального банка в Остине

Эл Дженнингс

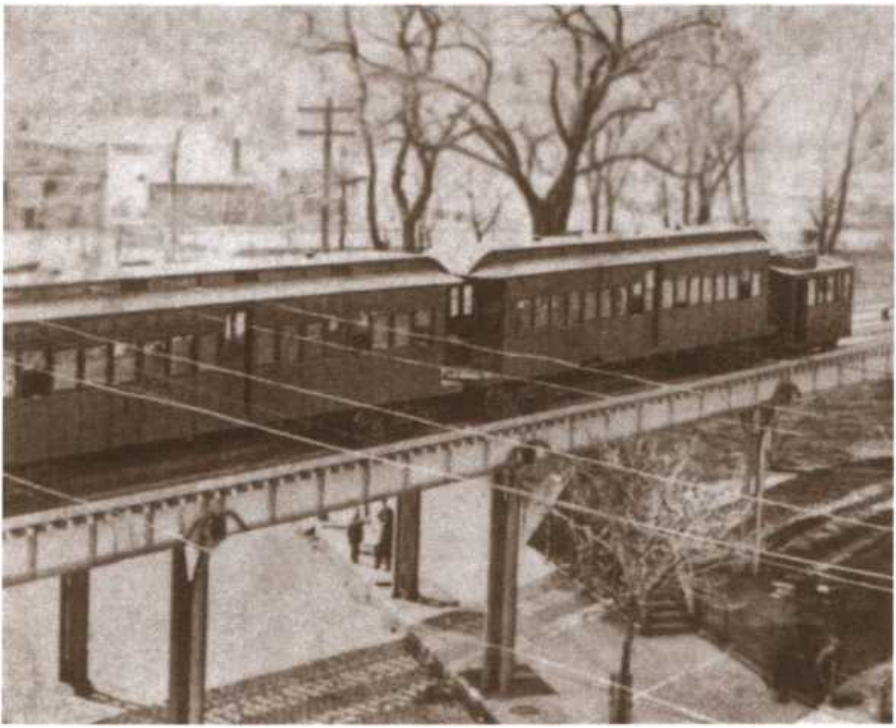
May 19th. 1901

Mey Dear Margaret:

Here it is Summertime, and the bees are blooming and the flowers are singing and the birds making honey, and we haven't been fishing yet. Well, there's only one more month till July, and then we'll go, and no mistake. I thought you would write and tell me about the high water around Pittsburg some time ago, and whether it came up to where you live, or not. Ana I haven't heard a thing about Easter, and about the rabbit's eggs — but I suppose you have learned by this time that eggs grow on egg plants and are not laid by rabbits.

Автограф письма О. Генри к дочери

Нью-Йорк, Пятая авеню. ***Фото начала XX в.***



Линия нью-йоркской надземки

Ирвинг-плейс, 55

Бруклинский мост

The Rolling Stone

Vol. I. No. 20. AUSTIN, TEXAS, SATURDAY, AUGUST 25, 1894. Price 5c.

REVIEWS

UNABRIDGED DICTIONARY, BY NOAH WEBSTER, LL. D. F. R. S. X. Y. Z.:

We find on our table quite an exhaustive treatise on various subjects, written in Mr. Webster's well known, lucid and piquant style. There is not a dull line between the covers of the book. The range of subjects is wide, and the treatment light and easy without being flippant. A valuable feature of the work is the arranging of the articles in alphabetical order. If any criticism at all could be accorded, it would be to suggest that an index to the various articles be added in order to facilitate the finding of a particular subject. Mr. Webster's vocabulary is very large, and he always uses the right word in the right place. We predict that he will be heard from again.

knowledges the assistance of Mr. Culbertson in quoting his authorities.

CITY DIRECTORY, BY MORRISON & FORNEY:

This new book has the decided merit of being unconventional. In these days of erotic and ultra-imaginative literature of the modern morbid, self-analyzing school, it is a relief to peruse a book with as little straining after effect, as well behaved and prim in environment. It is a book that a man can place in the hands of the most innocent member of his family without fear. Its motif is healthy and its literary style excellent, being an adherent of the method used with such marked success by Mr. Webster in his thrilling dictionary, viz: alphabetical arrangement. We venture to assert that no one can carefully and conscientiously read this volume without being a better man—or lady, as circumstances over which they have no control may indicate.

LEAFLETS, BY JOHN W. MADDOX:

This little volume which has created quite a stir in the literary world is quite unique in its way. It's aim is to furnish a text book for students of the law, which shall offer at the same time studies in humor, translated from the original by Mrs. Frances Hodgson Burnett. While the legal information it contains is sound and valuable, there runs through the volume a light vein of mythological allegory and Elysian lallonge which relieves the more sombre coloring produced by weighty legal citations and the opinions of Brooke. Our law schools could do no better than to adopt Leaflets as a text book. The study of law has always been a dry and laborious task, but the youthful mind in perusing Leaflets every moment meets with some delightful surprise in the shape of humorous anecdotes ingeniously connected with the Revised Statutes and playful satires mingled with the law of fellow corpus. The author gracefully ac-

Texas on a sound basis at last. The union of politics and capital.

The Rolling Stone from now till the first day of January, 1895, for 50 cents.

AFTER DINNER STORIES.

FROM CONTEMPORARIES.

THERE was an old Dutchman, a farmer, thrifty and prosperous, who had been carefully saving for many years. Finally he was elected to the Legislature. It was a peculiarly profitable session. There were several railroad charters up for consideration. Hans served faithfully, never broke silence, and always voted, and after the Legislature had adjourned, surprised his friends at home by laying the foundation for a $10,000 house, while there were rumors of a $20,000 brick negroid.

"Have you had a legacy, Hans?" asked a neighbor, at last.

"Oh, no," was the reply. "I have just been saving a leetle."

"But how could you manage to save $10,000 on a three months' salary of $5 a day?"

"Vell," responded Hans, complacently, "dat vas very easy; it vas just dis way. You see, last winter my wife she didn't keep no blind, girl."

In Illinois and some other states there is an old law on the state books to the effect that in criminal cases the jury is "judge of the law as well as the facts." Though not often quoted, once in a while a lawyer with a disputatious case makes use of it. In one case the judge instructed the jury that it was to judge of the law as well as the facts, but added that it was not judge of the law unless it was fully satisfied that they knew more law than the judge.

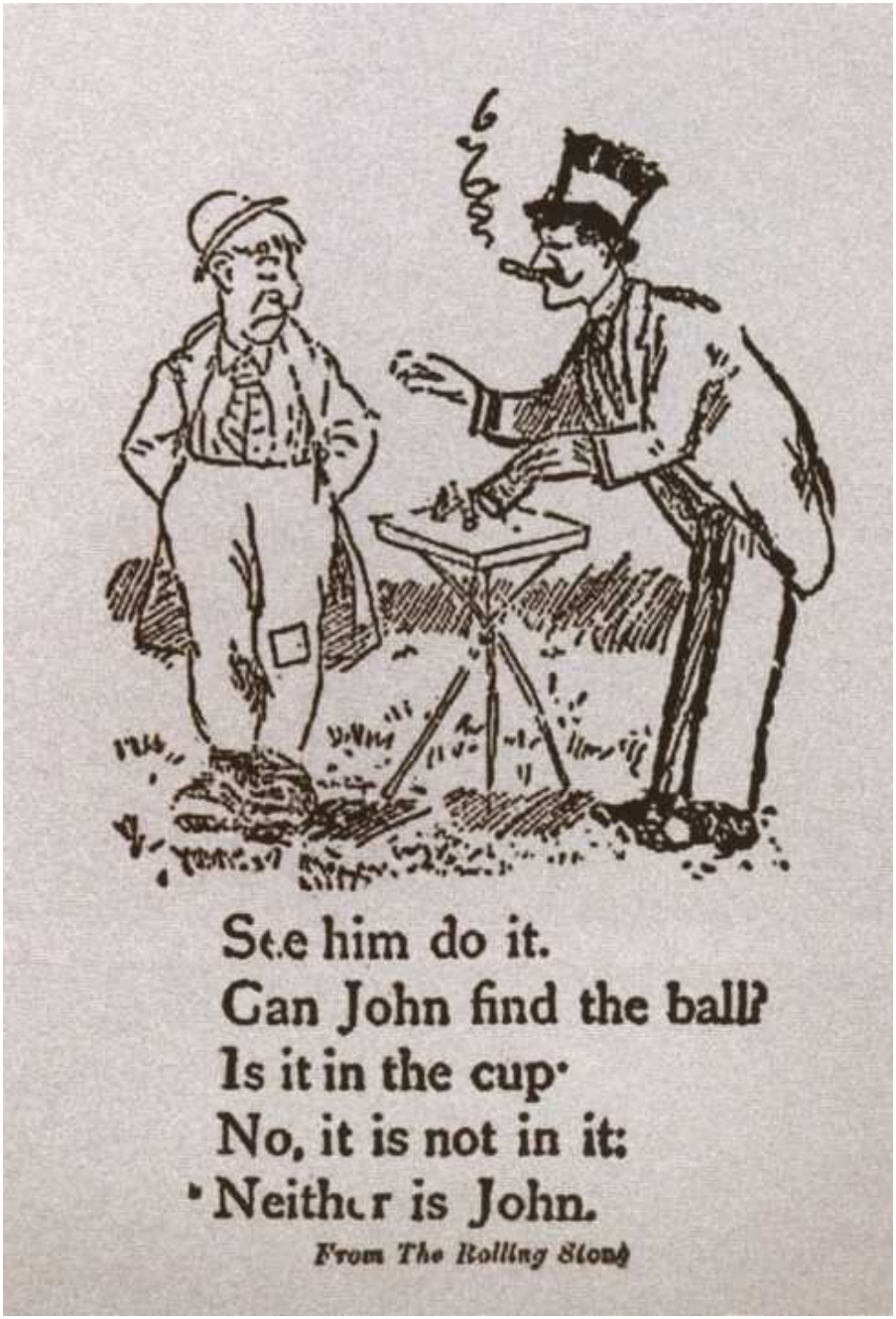
An outrageous verdict was brought in, contrary to all instructions of the court, who felt called upon to rebuke the jury. At last one old farmer arose:

"Judge," said he, "seems to us to judge the law as well as the facts?"

"Certainly," was the response. "And I told you not to judge the law unless you were clearly satisfied that you knew the law better than I did."

"Well, judge," answered the farmer, as he shifted his quid a little, "we considered that a'leet."

Титульная страница газеты «Перекати-поле»



Карикатура из «Перекати-поля»

Сара Коулмен

О. Генри. Нью-Йорк, 1909 г.

О. Генри в Эшвилле. 1910 г.

Парк развлечений Кони-Айленд. Фото начала XX в.

Почтовая марка, выпущенная к 150-летию О. Генри в США

Почтовая марка, выпущенная к 100-летию О. Генри в СССР

Он тяжело переживал свое положение. Недавно еще общительный, любитель выпить в компании, сыграть в покер, он стал сторониться своих приятелей, всё больше погружался в себя и перестал общаться даже с немногочисленными друзьями. К тому же после протеста ревизора, направившего в Вашингтон жалобу на прокурора, отказавшегося возбудить дело против Портера, дознание возобновили. Привлекать или не привлекать его к суду, теперь должна была решать судебная коллегия. Ее сессия состоялась в июле в Остине. Мистер Грей, ревизор банка, выступил свидетелем обвинения — он утверждал, что кассир У. С. Портер не только допускал ошибки в отчетности, но виновен в растратах и хищении средств. Вице-президент банка, представ перед «большим жюри», напротив, свидетельствовал в пользу кассира и настаивал, что речь может идти только о халатности, а не о злом умысле. К сожалению, «большое жюри» не смогло заслушать показания других вызванных свидетелей (все они были настроены в пользу обвиняемого). Была ли то халатность прокурора, который не направил им повестки, или, как он утверждал на сессии, они действительно не могли прийти на заседания в «силу неодолимых обстоятельств» (болезни, отсутствия на территории штата и т. д.) — не очень важно. Важнее, что судебное следствие могло вынести (и, скорее всего, вынесло бы) вердикт: «нет оснований для привлечения к суду по обвинению в растрате». Но, поскольку свидетели не

опрашивались, решено было заслушать дело позднее, на следующей сессии — в феврале 1896 года.

Сам Портер не присутствовал на сессии. Но, конечно, знал о том, что там происходило, и был уверен, что дело будет решено в его пользу. Во всяком случае, в этом его заверяли и руководство банка, и мистер Роч, и знакомые последнему юристы.

Едва закончилась судебная сессия, как «забрезжил свет»: Крейн не забыл о просьбе компаньона подыскать работу. Но в Чикаго ничего подходящего, на его взгляд, найти не удалось, и он обратился к старшему брату. Тот жил в Вашингтоне, был известным и весьма влиятельным журналистом. Будучи знаком с «Роллинг стоун», порекомендовал Портера редактором юмористического отдела в одну из столичных газет. Его брали на работу! Известие об этом Портеры получили в начале августа и сразу же решили переезжать в Вашингтон. В очередной раз была изъята со склада мебель (в который раз помещенная туда в марте), распакована, — но не для того, чтобы отправить ее поездом, а чтобы продать — так решила Атоль. На новом месте она хотела начать новую жизнь, и чтобы все у нее было новым. Пожалуй, Атоль и радовалась больше всех предстоящему: как всегда, ее невозмутимый супруг держал эмоции при себе. Предотъездная ли суета или связанное с хлопотами нервное напряжение переутомили ее и внезапно вызвали резкое обострение легочной болезни[132]: она вдруг сильно раскашлялась, и горлом пошла кровь. Приступ свалил ее с ног, она так ослабла, что почти не вставала с постели. Вердикт врачей был единодушен: ни о каком переезде не может идти и речи. Он просто убьет ее. Атоль настаивала, чтобы Уилл отправлялся один. Она с дочкой приедет к нему, когда болезнь отступит и она окрепнет. Но перспективы ремиссии были отдаленными, да и само течение болезни врачи предсказать не могли: могло случиться всё что угодно — вплоть до трагичного финала. Оставить жену в таком состоянии Портер не мог, и от переезда в столицу пришлось отказаться. В Вашингтоне ждать не стали, и работу он потерял.

Казалось, всё вернулось на круги своя — к безденежью и отсутствию постоянной работы. Но порой, кажется, и без нашего участия обстоятельства вдруг складываются к лучшему, приходят добрые вести, и судьба улыбается. Так и случилось. В самом начале осени из Хьюстона, из редакции весьма солидной тамошней газеты «Пост», Портеру пришло письмо, а в нем — приглашение стать штатным сотрудником. Это было неожиданно, ведь сам приглашаемый никаких действий в этом направлении не предпринимал. А получилось вот как. Один из приятелей

Портера, Эд Маклин, без его ведома выслал экземпляр «Перекати-поля» редактору «Пост» полковнику Р. Джонстону с запиской, что газета, ввиду финансовых затруднений, прекратила существование; ее создатель был бы заинтересован писать для «Пост». Полковнику газета понравилась, и он предложил Портеру работу. Полковник писал: «…поскольку в настоящее время в газете нет вакансий, должность эта — “литературного сотрудника общего профиля” — создается специально, с жалованьем пятнадцать долларов в неделю»[133].

15 долларов, конечно, было мало. У Портера никогда не было такой маленькой зарплаты. И ее было недостаточно, чтобы содержать семью. Но это была настоящая газетная работа. Да и не в таком он был положении, чтобы привередничать. И конечно согласился.

Накануне его отъезда Портеры решили сфотографироваться — сделать семейный портрет. Нетрудно догадаться, от кого исходила инициатива: в семье ничего не случалось без решающего участия Атоль. Почему она настояла на этом? Потому ли, что предстояла разлука, боялась, что другого случая может не представиться (ее беспокоили болезнь, грядущее судебное разбирательство, да и многое другое), или причина была иной? Наверняка фотограф стремился (да и Портеры тоже), чтобы портрет получился радостным и безмятежным. Но, как ни старались участники съемки, напряжение пронизывает фотографию. Атоль, наклонившись к дочери, сжав губы и вздернув подбородок, с вызовом смотрит в объектив — на ее лице упрямство и решимость. Ее супруг, напротив, нерешителен. Он как бы прячется за ребенком. Взгляд его ускользает. Он смотрит вдаль, но того упорства, которое читается во взгляде жены, у мужа нет. Для Маргарет это был, видимо, первый опыт фотографирования. Она нарядно одета, ей любопытно, но и она не радуется происходящему, а, скорее, опасается того, что происходит.

Вероятно, фотография отправилась с Портером в Хьюстон, а затем сопровождала его в скитаниях и переездах. Она потерлась, поблекла. Но это единственное фото, на котором они — вся семья — вместе.

К работе в «Пост» новый сотрудник приступил в октябре, ему поручили вести колонку, посвященную «социальной жизни», и уже 18 октября она появилась в газете. Судя по всему, его колонка пользовалась популярностью — уже в ноябре ему повысили зарплату, и он стал получать 20 долларов.

Судья Ю. Хилл, главный акционер «Пост», много лет спустя вспоминал: «Это был один из самых воспитанных людей, кого я

когда-либо знал. У него был тихий, спокойный голос, прекрасные, непринужденные манеры, и он знал, как быть учтивым». Куда больше судьи (который едва ли видел Портера больше десятка раз) с журналистом общался полковник Джонстон — ведь он был главным редактором газеты, и он охарактеризовал своего сотрудника следующим образом: «У мистера Портера был замечательный характер, и я, пожалуй, скажу, что это был один из самых приятных в общении людей, что мне довелось знать. Он был очень скромным, даже застенчивым человеком. Его уход из “Пост” стал для газеты невосполнимой потерей»[134].

Понятно, что эти характеристики были даны уже после того, как стало известно: легендарный О. Генри и бывший литературный сотрудник их газеты У. С. Портер — одно лицо. Но едва ли они неискренни. Хотя бы потому, что уже в мае журналисту положили новый оклад — 25 долларов в неделю, а это была максимальная ставка в газете. Тогда же, вспоминал полковник Джонстон, видя масштаб способностей своего сотрудника, он предлагал Портеру оставить провинциальную журналистику и перебраться в Нью-Йорк. Он был уверен, что только там тот сможет по-настоящему реализоваться[135]. Вполне возможно, слова главного редактора, что называется, «запали в душу» и через несколько лет действительно повлияли на решение Портера обосноваться именно в Нью-Йорке, а не где бы то ни было еще. Но тогда это было невозможно. Во-первых, потому, что это не вязалось с его характером: он просто не способен был принимать такие серьезные решения самостоятельно. А во-вторых, он был совершенно доволен таким *status quo*: не только имел обычные 100 долларов в месяц, но еще получал и удовольствие от работы.

Теперь Портер уже мог содержать семью и под Рождество снял меблированную квартиру на Кэролайн-стрит[136]. К Рождеству был запланирован переезд в Хьюстон Атоль и Маргарет. Но он не состоялся — супруга была еще слишком слаба. Семья смогла воссоединиться только в феврале 1896 года.

В Хьюстоне будущий писатель вел очень уединенный образ жизни. Хотя со всеми сотрудниками редакции у него были ровные отношения, друзей он себе не завел (что вполне вяжется с характером нашего героя). Единственным близким человеком стал репортер газеты по имени Уильям Синклер. Ни с кем больше Портер не общался. Но близки ли они были по-настоящему, как сообщают некоторые биографы О. Генри? Позднее Синклер утверждал, что дружил с Портером и после работы они почти ежедневно подолгу гуляли по улицам города; что часто бывал у него дома — и до приезда семьи, и после, но, с его слов, Маргарет

было девять лет, хотя в действительности ей едва исполнилось шесть. Впрочем, память нередко подводит. Куда интереснее данная другу характеристика: «Он никогда не стремился никого развеселить и сам не пытался быть забавным. Он никогда не смеялся собственным шуткам. Я никогда не видел, чтобы он хохотал, но едва заметная улыбка всегда блуждала на его лице»[137].

Вернемся, однако, к журналистике. Как было отмечено, с самого начала Портеру поручили вести собственную колонку. Это было почетно: он пришел в «Пост» не рядовым сотрудником или простым репортером, а принадлежал к «белой кости» в газете — был колумнистом. Первоначально его колонка называлась *Tales of the Town*, то есть «Городские истории». Он рисовал карикатуры, придумывал подписи к ним, публиковал сатирические стишки, сочинял юмористические очерки о нравах горожан, забавлял «сценками с натуры». Вскоре, вероятно потому, что карикатуры были важной частью колонки, ее сначала переименовали в «Некоторые послесловия и карандашные наброски» *(Some Postscripts and Pencilings*), а затем просто в «Послесловия» (*Postscripts)*. Интересно, что особым успехом пользовались именно карикатуры Портера (хотя, конечно, с удовольствием читались и тексты). Позднее всё тот же Джонстон, объясняя феномен, писал: «Тогда мы оказались в самой гуще горячей политической кампании в Техасе, и, пока кампания длилась, он создал, наверное, лучшие карикатуры из тех, что я когда-либо видел на газетных страницах. Они привлекли внимание — не только в Техасе, но и в других штатах — и перепечатывались многими изданиями»[138]. Очевидным признанием успеха было и то, что в эпоху «разгула» анонимности они были подписаны «автором»: как карикатурист Портер выступал под псевдонимом «Пост мэн» *(Post Man),* — с этой подписью они и расходились по стране.

Тем не менее в газете Портер выступал прежде всего именно в качестве литератора-юмориста. Да и для нас именно тексты представляют, пожалуй, наибольший интерес. Скажем сразу — почти ничто из того, что журналист публиковал на страницах газеты (в колонке «Послесловий»), не говорит, что перед нами будущий мастер новеллы. Да и новелл он еще не писал. Юмористические зарисовки, которые регулярно появлялись в его колонке, точнее всего можно назвать историями, притчами, может быть (учитывая неизменный дидактический посыл), даже баснями. В них нет почти ничего, что выходило бы за пределы традиционного американского газетного зубоскальства — конечно, с поправкой на местный, хьюстонский, колорит. Во всяком случае, тексты такого рода (опять же с привязкой к

местности!) публиковали в своих юмористических колонках газеты не только в Хьюстоне, но и в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Чикаго, Филадельфии, Бостоне и Нью-Йорке. Впрочем, судите сами.

Перемудрил

Есть в Хьюстоне человек, идущий в ногу с веком. Он читает газеты, много путешествовал и хорошо изучил человеческую натуру. У него естественный дар разоблачать мистификации и подлоги, и нужно быть поистине гениальным актером, чтобы ввести его в какое-либо заблуждение.

Вчера ночью, когда он возвращался домой, темного вида личность с низко надвинутой на глаза шляпой шагнула из-за угла и сказала:

— Слушайте, хозяин, вот шикарное брильянтовое кольцо, которое я нашел в канаве. Не хочу наделать себе хлопот с ним. Дайте мне доллар и держите его.

Человек из Хьюстона с улыбкой взглянул на сверкающий камень кольца, которое личность протягивала ему.

— Очень хорошо придумано, паренек, — сказал он. — Но полиция наступает на самые пятки таким, как ты. Лучше выбирай покупателей на свои стекла с большей осторожностью. Спокойной ночи!

Добравшись до дому, человек нашел свою жену в слезах.

— О Джон! — сказала она. — Я отправилась за покупками нынче днем и потеряла свое кольцо с солитером! О, что мне теперь…

Джон повернулся, не сказав ни слова, и помчался по улице — но темной личности уже нигде не было видно.

Его жена часто размышляет на тему, отчего он никогда не бранит ее за потерю кольца.

Нельзя терять ни минуты

Молодая мать из Хьюстона влетела на этих днях в страшном возбуждении к себе в квартиру и крикнула своей матери, чтобы та как можно скорее поставила на плиту утюг.

— Что случилось? — спросила та.

— Томми укусила собака, и я боюсь, что она бешеная. Ах, поторопись, мама! Не теряй ни минуты!

— Ты хочешь попробовать прижечь ранку?

— Нет, я хочу отутюжить голубую юбку, чтобы ее можно было надеть к доктору. Скорее, мама! Скорее!

Всеобщая любимица

Наиболее популярная и повсеместно любимая девушка в Соединенных Штатах — мисс Анни Вильямс из Филадельфии. Нет такого человека, у которого не было хотя раз в жизни ее изображения. Его добиваются иметь больше, нежели фотографии самых выдающихся красавиц. На него больший спрос, чем на портреты всех знаменитейших мужчин и женщин мира, взятых вместе. И, тем не менее, это скромная, милая и, пожалуй, даже предпочитающая одиночество молодая девушка с лицом далеко не чисто классического типа.

Мисс Вильямс скоро выйдет замуж, но полагаем, что борьба за обладание ее изображениями будет идти по-прежнему.

Она — та самая девушка, чей профиль послужил моделью для головы Свободы, выбитой на серебряной монете достоинством в один доллар.

Военная хитрость

— Как я удерживаю Джона дома по вечерам? — сказала хьюстонская дама своей подруге. — Видишь ли, я однажды по вдохновению придумала способ — и он прекрасно действует до сих пор. Джон ежедневно уходил из дому после ужина и возвращался не раньше десяти-одиннадцати часов. В один прекрасный вечер он ушел, как всегда, но, пройдя несколько кварталов, заметил, что забыл взять зонтик, и вернулся за ним. Я сидела и читала в гостиной, и он, подойдя сзади на цыпочках, закрыл мне руками глаза. Джон ожидал, вероятно, что я перепугаюсь, но я только спросила тихо:

— Это ты, Том?

С тех пор Джон все вечера проводит дома.

Никакого исхода

— Джон, — сказал на этих днях хьюстонский бакалейный торговец одному из своих приказчиков, — вы были мне верным и исполнительным служащим, и, чтобы показать вам свою признательность, я решил взять вас в дело компаньоном. С этого

дня вы имеете часть в деле и являетесь участником фирмы.

— Но, сэр, — сказал обеспокоенный Джон, — у меня семья на плечах. Я ценю оказанную мне честь, но боюсь, что я слишком молод для столь ответственного положения. Я предпочел бы остаться в прежних условиях.

— Ничего не могу поделать, — сказал торговец. — Времена теперь тяжелые, и с целью сократить расходы я не остановлюсь даже перед тем, чтобы сделать всех своих приказчиков компаньонами!

Постепенно

— Вы не туда попали, — сказал Цербер. — Эти ворота ведут в глубины ада, а на паспорте, который вы предъявили, помечен рай.

— Я это знаю, — устало сказала тень, — но билет разрешает здесь остановку. Я, видите ли, из Галвестона (город в Техасе, неподалеку от Хьюстона. — *А. Т.*), и мне надо менять обстановку постепенно.

Еще хуже

Двое жителей Хьюстона пробирались домой в одну из дождливых ночей на прошлой неделе, и, когда они, спотыкаясь, переправлялись через лужи на одной из главных улиц, один сказал:

— Это и есть ад, не правда ли?

— Хуже, — сказал другой. — Даже ад вымощен благими намерениями[139].

Из «Постскриптов» Портера мы выбрали, пожалуй, самые энергичные и колоритные. Но и они, конечно, уступают близким по параметрам знаменитым «басням» его современника Амброза Бирса. Истории последнего сильнее, жестче, острее, наконец, просто талантливее историй Портера из «Пост». Да, издают их (что уж тут скрывать!), скорее всего, только потому, что это «О. Генри». Но говорят они, конечно, не об отсутствии таланта, а о поисках таланта: «Постскрипты» — явно их свидетельство. И у тогдашних сограждан юмориста — его читателей — они пользовались большим успехом.

Можно предположить, что в ту пору Портер был вполне доволен своей жизнью. Но, как уже говорилось, радости в его глазах не было. И причина не только в меланхолическом

темпераменте. Не могла не преследовать мысль о грядущем повторном судебном расследовании его дела. Человек другого склада, возможно, и не вспоминал бы о нем (или, во всяком случае, не слишком беспокоился), памятуя о двух предыдущих разбирательствах, которые закончились благополучно. Но не Портер. Может быть, чувствовал свою вину (мы не знаем ее масштабов, но, скорее всего, она таки была) или каким-то шестым чувством предвидел, что в третий раз добром это кончиться не может.

Предчувствия не обманули. В феврале 1896 года в Остине состоялась очередная судебная сессия. В числе рассматриваемых было и дело Портера. На этот раз (прокурор позаботился) все свидетели явились. Расстановка сил была примерно та же: ревизор требовал привлечь бывшего кассира к суду, вице-президент банка настаивал, что в действиях Портера не было злого умысла. Но тут произошло нечто неожиданное: против журналиста дал показания старший кассир (он же главный бухгалтер и, кстати, племянник президента банка). Что было тому причиной? Скорее всего, обычная человеческая подлость, страх и эгоизм. Видимо, этот человек опасался, что могут поднять бухгалтерские книги, сверить отчетность и за тот период, что он сам непосредственно исполнял обязанности кассира. А там, вероятно, тоже было не всё чисто. Перипетии слушания довольно подробно изложены в книге Дж. Лэнгфорда[140]. Но едва ли они интересны российскому читателю — нашему современнику. Укажем только, что на этот раз было принято иное (и совершенно неожиданное для большинства участников слушаний) решение: дать делу ход, привлечь У. С. Портера в качестве ответчика по обвинению в растрате и заключить под стражу. В тот же день, 14 февраля, в Хьюстон была отправлена телеграмма с указаниями местному шефу полиции арестовать Портера и под конвоем препроводить в Остин.

Вот что вспоминал У. Синклер — непосредственный свидетель ареста: «В тот день капитан Джек Уайт, глава хьюстонской полиции и мой давний друг, встретил меня на улице и сказал: “Нужен твой приятель, Уилл Портер, мне приказано доставить его на станцию. Я обязан арестовать его. Посмотри, он сейчас должен быть в офисе”… Тем же вечером его под конвоем доставили в Остин»[141].

Об аресте уведомили редактора газеты, а тот по телеграфу передал известие в Хьюстон Эду Маклину, что его приятеля везут в Остин и необходимо добиться от судьи решения об освобождении Портера под залог. Маклин сообщил об этом мистеру Рочу. Тот нашел людей, готовых поручиться за зятя.

Вместе они направились к судье, который выписал ордер об аресте.

Тем временем — ночью, арестованного, в наручниках — Портера привезли в Остин. На вокзале, кроме наряда полиции, его встречал и Маклин. По словам последнего, его приятель «молчал и не был расположен к разговорам». Было видно, что он очень подавлен. Единственная фраза, которую произнес Портер, звучала как оправдание: «Я ошибся при выплате на пятьсот долларов»[142]. Его отвезли в полицейский участок и заперли в камере.

На следующий день состоялось заседание суда об освобождении под залог. Ходатайствуя о назначении залога, защита (об адвокате позаботился мистер Роч) указывала, что у обвиняемого на руках больная жена (после известия об аресте мужа Атоль вновь слегла) и маленькая дочь, а он является единственным кормильцем, поэтому суд может не беспокоиться о том, что обвиняемый скроется. В его пользу также свидетельствовали уважаемые граждане Остина. Судья Мэкси внимательно выслушал доводы защиты и после обеда назначил сумму залога — две тысячи долларов. В тот же день она была внесена, и вечером 16 февраля У. С. Портер вновь оказался на свободе.

После освобождения, той же ночью, поездом, он выехал в Хьюстон к жене и дочери. Впрочем, он мог не беспокоиться о них — сразу после известия об аресте зятя туда же поспешила теща, миссис Роч. Она взяла на себя заботу о дочери и внучке, занялась хозяйством, освободив Уильяма от домашних дел и дав ему возможность сосредоточиться на работе в газете.

Вот ведь как интересно. Даже трудно представить, каким бы образом развивалась ситуация, если бы нечто подобное случилось в наши дни, с нашим соотечественником. К чести коллег-журналистов Портера и (что, видимо, еще важнее!) руководства газеты, никто от него не отвернулся. Напротив, ему подняли зарплату до максимальной ставки, предлагали адвокатов, к которым следует обратиться, советовали, какую линию защиты выбрать, настаивали, чтобы он нанял юристов для подготовки к суду и т. п. Но Портер отказывался обсуждать всё это. Лишь отвечал, что подготовка к процессу идет. На самом деле никакой подготовки не было. Он явно находился в депрессии, хотя на работе это никак не отражалось.

Конечно, пассивность Портера — следствие его характера. Однако дело было не только в характере, но и в обстоятельствах — отсутствии денег и долгах. Чтобы выстроить защиту, необходимо было нанять адвокатов, а это означало новый долг.

Тем не менее он вынужден был занять, но не для защиты, а потому, что 16 марта ему пришло предписание из Остина — явиться в суд: начиналось слушание его дела. Портер занял 200 долларов для того, чтобы перенести дату начала суда на более поздний срок. Мотивировкой стали болезнь жены и ребенок в семье, а также необходимость консультаций с адвокатами и исследование бухгалтерских книг банка — и суд перенес слушание на июль. Но это единственное, что предпринял Портер. Никаких «консультаций», никакого «исследования» бухгалтерских книг не было.

Подошло лето. В конце июня пришла повестка: в суд необходимо было явиться седьмого числа. И вот тут начинается нечто, с характером Портера совершенно не вяжущееся. 6 июля он сел в поезд, идущий в Остин, но в Остине так и не появился. Когда это стало известно суду (то есть 7 июля), судья аннулировал залог и дал распоряжение арестовать Портера — с тем, чтобы он пусть и против воли, но предстал-таки перед присяжными. Тот же капитан Джек Уайт с нарядом полиции явился на Кэролайн-стрит, дабы выполнить предписание. Портера дома не оказалось, а где он находится, никто сказать не мог. Никаких документов, объясняющих отсутствие подсудимого, в суд представлено не было. Вывод был однозначен: У. С. Портер сбежал. Поставив себя вне закона, он зачеркнул всю предшествующую жизнь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Между двумя жизнями

Глава третья
На дне: 1896–1901

В бегах

Уильям Портер, «не доехавший» до суда в Остине, скорее всего, не мог даже предположить, что этим поступком не просто решительно ломает свою жизнь, а, по сути, зачеркивает всё, что было: социальные связи, дружбы, знакомства, свою репутацию не очень удачливого и непрактичного, но, безусловно, честного человека. Напротив, поступив так, он надеялся сохранить всё, что у него было, и избежать мучительного судебного процесса, в благополучном для себя исходе которого был очень неуверен.

Среди биографов писателя бытует твердое убеждение, что решение это было импульсивным и принималось под влиянием момента. Утверждают, что Портер опоздал на поезд, шедший в Остин, а состав, уходивший в Новый Орлеан, стоял на платформе, и, вместо того чтобы провести ночь на вокзале в ожидании нужного поезда, под воздействием минутной слабости, Портер вошел в вагон новоорлеанского и, таким образом, превратился в беглеца. Пожалуй, лишь Дж. Лэнгфорд в своей книге «Он же О. Генри» оспаривает «импульсивную» версию. Он настаивает, что Портер совершенно сознательно решился на побег, и приводит целый ряд косвенных улик, свидетельствующих в пользу этой версии[143]. Хотя исследователь порой увлекается и допускает некоторые преувеличения, в целом его точка зрения выглядит убедительно. Тем более что она вполне органично согласуется с психологией нашего героя — человека, совсем не склонного к совершению необдуманных поступков и едва ли способного предпринимать такие серьезные шаги самостоятельно, к тому же без долгих раздумий и размышлений.

Скорее всего, события развивались следующим образом. Как человек, уже изрядно погруженный в механизм судебной процедуры, Портер, конечно, знал, что в штате Техас существует понятие «срока давности». Применимо оно и к длительности разбирательства по делу: оно не может длиться дольше трех лет. Если в силу неких причин в течение трех лет судебное решение по делу не принято, дело закрывается и преследование прекращается. То есть, чтобы избежать суда и возможного обвинительного приговора, нужно просто «исчезнуть» на три года, а по прошествии этого времени вернуться и продолжать жить, как и прежде. Возможно, конечно, придется сменить место

жительства — ведь добропорядочным обществом «исчезновение» будет истолковано как признание вины. Но что за беда? Ведь с точки зрения закона ты не виновен. Вероятно, примерно так рассуждали Атоль (то, что она не просто приняла участие в обсуждении, но, скорее всего, была «генератором» в осуществлении плана, едва ли подлежит сомнению) и ее супруг, когда принимали решение о временном исчезновении У. С. Портера.

Скорее всего, план был разработан супругами еще весной. Только этим можно объяснить ходатайство об отсрочке и те затраты, которые они в связи с этим понесли (ведь деньги можно было потратить на подготовку к процессу). Этим можно объяснить и казавшееся коллегам странным нежелание Портера нанять адвоката и квалифицированного бухгалтера для изучения банковских финансовых документов. В этом свете вполне понятна его инертность и безынициативность. Ведь в принципе он мог защитить себя — общественное мнение, большинство свидетелей были на его стороне. Дорогостоящая, но квалифицированная юридическая помощь, возможно, переломили бы ситуацию в его пользу. Но он ничего не предпринял. Вывод отсюда только один: Атоль и Портер избрали другой вариант действий и приступили к его осуществлению.

Первыми Хьюстон покинули Атоль и Маргарет. Они уехали из города 20 июня 1896 года — то есть еще до того, как обозначилась дата начала процесса. Но примерно она была им известна. Отправились они не к родителям в Остин, как можно было ожидать (не забудем о процессе!), а «погостить» к неким приятелям в графство Бразос[144]. Домой (то есть в Хьюстон) они возвращаться не собирались, а направились затем в Остин, к родителям, где и обосновались в их доме, — причем появились там уже после того, как о бегстве Портера стало известно. Поделилась ли дочь с родителями тем самым «планом»? Скорее всего, нет. Мистер и миссис Роч — наверняка — выступили бы резко против: Рочу были известны обстоятельства Портера, и он был уверен в оправдании зятя (в конце концов, именно он внес залог в две тысячи долларов). Но был один человек, который явно (хотя бы частично и, вероятно, постфактум) оказался посвящен в план бегства. Это школьная подруга Атоль, некая миссис Лолли Уилсон: на ее адрес приходили письма от беглеца и передавались миссис Портер. Через нее — уже «в бегах» — сначала из Нового Орлеана, а затем из Гондураса — Портер и держал связь с семьей.

Что интересно: конверты со своими посланиями семье беглец подписывал вымышленным именем, на листе обычно ничего не писал, а главным образом рисовал, — изображая сценки из своей

новоорлеанской жизни. Делал он это, конечно, не из соображений конспирации и едва ли потому, что просто любил рисовать, — только такой способ был адекватен ситуации: можно представить, какие обуревали его мысли и чувства! Вряд ли он хотел поверять свои сумбурные размышления бумаге. Да и тревожить Атоль (в ее-то состоянии!) он не имел права[145].

Однако вернемся к У. С. Портеру и посмотрим, как он осуществлял бегство.

Накануне отъезда в Остин, в последний рабочий день в редакции, коллеги вручили ему 260 долларов. Зная о стесненных материальных обстоятельствах своего товарища, они собрали средства, для того чтобы он мог использовать их на адвоката, финансовую экспертизу, да и просто, — чтобы ему и его семье было на что существовать, пока идет процесс.

Шестого июля Портер сел в поезд, шедший из Хьюстона в Хемпстед, где предстояла пересадка. Его отъезд наблюдали многие. Провожали его приятели — упоминавшиеся Эд Маклин и У. Синклер. Портер сошел в Хемпстеде (на перроне с ним разговаривала миссис Молтби, подруга Атоль, она делала пересадку[146]). Здесь он должен был пересесть на поезд, идущий в Остин, и утром быть в суде. О намерении сделать это он сообщил всё той же миссис Молтби. Как он садился в этот поезд, никто не видел. Известно, что следом за составом, идущим в Остин, отправлялся тот, что шел в противоположном направлении — в Новый Орлеан. Никто не видел, как наш герой входил в вагон и этого поезда. Нет, конечно, и никаких документов, которые пролили бы свет на это обстоятельство: в отличие от современной России для покупки билета на поезд паспорт, разумеется, не требовался. Как бы то ни было, уже 7 или 8 июля Портер очутился в Новом Орлеане.

Сколько времени беглец пробыл там, достоверно неизвестно, но вряд ли речь может идти о каком-либо длительном периоде: месяц, от силы два, — едва ли дольше он прожил в этом необычном городе. Но даже этого непродолжительного времени хватило, чтобы впечатления от пребывания в нем отразились в его рассказах, написанных почти десяток лет спустя. Видно, что он хорошо узнал город, прекрасно ориентировался в его топографии и топонимике. Он явно немало побродил по его улицам, переулкам, площадям и набережным, подолгу сиживал в кафе и ресторанах, наблюдая за местной — такой красочной и необычной — жизнью. Конечно, он уже тогда обладал цепкой памятью художника. Но то, что он был изгнанником, беглецом, изгоем, придавало его зрению особую зоркость, заставляло более пристально всматриваться в окружающее. Это ощущается в

новеллах «Праздник слепца», «Возрождение Шарлеруа», «Ищите женщину» и «Рождественский чулок Дика Свистуна».

Большинство из них в общем-то не принадлежит к числу признанных шедевров писателя. Но один, а именно тот, который в русском переводе получил название «Перспектива»[147], достоин, чтобы на нем остановиться.

Фабула этой истории сводится к следующему. Некий господин по фамилии Лорисон оказывается в Новом Орлеане. Там он знакомится с девушкой Норой, влюбляется в нее, признается в любви и… женится на ней. Рассказывая о себе, он признается, что совершил преступление, был судим, оправдан, но честь его запятнана, и потому он покинул родной город и живет здесь. Но он ничего не знает о Норе: где она живет, чем занимается и почему даже в день свадьбы отказывается остаться с ним и спешит исчезнуть. Его терзают ужасные подозрения, он думает, что она занимается чем-то недостойным. Он идет к священнику, обвенчавшему их, высказывает свои подозрения, и тот ведет его в район трущоб, где живет девушка. Подозрения Лорисона напрасны: девушка его очень бедна и с трудом выживает, но нравственность ее исключительно высока, более того — она почти святая.

Сам сюжет — традиционно для О. Генри «примирительноутешительный» — особого интереса не представляет. Но вот фигура героя, его история неизбежно порождает вполне определенные ассоциации и параллели между ним и автором новеллы, заставляет размышлять и дает повод вернуться к проблеме виновности самого автора. Так был или не был виновен Портер в преступлении, в котором его обвиняли?

Автор настоящих строк склонен считать, что его герой был-таки виновен в инкриминируемом ему деянии. Насколько серьезна и глубока вина — знать об этом мог только сам Портер, но то, что он все-таки пользовался деньгами банка, очевидно. И упомянутый рассказ, конечно, можно считать одним из свидетельств этого.

Вот как герой рассказывает о своем преступлении возлюбленной:

«Я изгнанник из общества честных людей. Меня неправильно обвиняют в преступлении, которого я не совершил, но я, мне кажется, виновен в другом».

И затем он перешел к рассказу о том, как он отрекся от общества. Повесть эта, если отнять ее морально-философскую подоплеку, заслуживает упоминания лишь мимоходом. Сюжет не нов — о постепенном падении игрока. В одну из ночей он всё проиграл и рискнул частью денег своего хозяина, которые

случайно оказались при нем. Он продолжал проигрывать, вплоть до последней ставки, а затем стал выигрывать и отошел от стола с весьма внушительной суммой. В ту же ночь сейф его хозяина был взломан. Произвели обыск и нашли в комнате у Лорисона его выигрыш, сумма которого подозрительно близко сходилась с похищенной суммой. Его задержали, судили и оправдали вследствие того, что присяжные не могли прийти к единогласному решению. Репутация его запятнана. Он оправдан по недостатку улик.

«— Меня тяготит, — сказал он девушке, — не ложное обвинение, но сознание, что с того момента, как я поставил на карту первый доллар из денег фирмы, я стал преступником — независимо от того, выиграл я или проиграл»[148].

Дело даже не в том, что и Портер играл и, возможно, брал для этого деньги из кассы. И не так важна атмосфера рассказа, пронизанная виновностью героя. Но вот сочетание всего этого: игры, виновности, изгнания из Нового Орлеана как места действия истории — красноречиво.

К сказанному добавим: среди героев О. Генри масса преступивших закон. Это общеизвестно. Но так же хорошо известно и то, что у О. Генри нет ни одной новеллы, где бы он пытался оправдать героя, доказать его невиновность, восстановить справедливость. И данное обстоятельство весьма симптоматично.

Хотя истину, повторяем, знал только Портер, но сам он по этому поводу напрямую никогда не высказывался. Оставим эту тему и мы. И вернемся в Новый Орлеан, штат Луизиана, в июль 1896 года.

Когда У. С. Портер очутился в Новом Орлеане, в кармане у него было 260 долларов и золотой медальон Атоль, который та дала ему на некий непредвиденный случай, — например, если у него вдруг закончатся деньги. Воспользовался он драгоценностью или нет — неизвестно, как неизвестно и то, каковы поначалу были его планы — собирался ли он обосноваться в городе или тот был для него только перевалочным пунктом. Алфонсо Смит в биографии писателя утверждал, что Портер лишь «дождался появления первого подходящего парохода-фруктовоза и отправился на нем в Гондурас»[149]. На самом деле это не так. Под именем Ширли Уорт *(Shirley Worth)* Портер устроился репортером в местную газету «Дельта», а затем перешел в другую — «Пикаюн»[150]. И та и другая в те годы считались главными городскими газетами, были крупными ежедневными изданиями. Почему он выбрал именно их? Надеялся укрыться в большом коллективе? И почему вообще пошел в газету? Довольно

странный поступок — затеряться среди людей, чьей профессией является добыча информации. Но тем не менее он поступил именно таким образом. Впрочем, он мог оказаться в газете и случайно: известно, что обосновался он во Французском квартале в пансионате, известном под названием «Ранчо». Пансионат этот славился чудесной и недорогой кухней, и потому многие журналисты — люди, во-первых, информированные, а во-вторых, обычно небогатые, — с удовольствием обедали здесь и ужинали[151]. Так, вероятно, Портер и попал в число сотрудников — сначала «Дельты», а затем и «Пикаюна».

Что и о чем он писал в эти газеты? И писал ли вообще или только рисовал карикатуры? О его публикациях неизвестно. А вот что касается карикатур, о них известно вполне достоверно. Скорее всего, рисунками он и ограничивался: за них немного, но исправно платили, да и художнику легче, чем репортеру, было сохранять известную дистанцию от редакционного сообщества — ведь находиться в редакции постоянно никакой необходимости не было.

Тем не менее Портер наверняка понимал, что отсидеться в Новом Орлеане ему не удастся и долго оставаться здесь он не сможет. Тем более что «он казался себе изгнанником из общества, осужденным на вечное скитание в тени, за гранью того, что называется “миром порядочных людей”, гражданином *des trois quarts du monde*, этой жалкой планеты, находящейся на полпути между высшим светом и полусветом, жители которой завидуют и тем и другим своим соседям и испытывают на себе презрение как первых, так и вторых. Это был лишь его личный взгляд, и на основании его он сам себя осудил на изгнание и жил в этом совершенно своеобразном южном городе, отстоявшем на тысячу миль от его родных мест».

Это цитата всё из того же рассказа «Перспектива», но, судя по всему, ощущения эти испытывал не только вымышленный новеллистический Лорисон, но и вполне реальный У. С. Портер, скрывавшийся под именем Ширли Уорт. И еще одна цитата: «Он прожил в нем уже более года, знакомясь лишь с немногими, витая в каком-то субъективном мире теней, куда подчас досадно врывались приводившие его в недоумение мелочи реальной жизни». Как мы знаем, в Новом Орлеане беглец прожил совсем недолго, но действительность он воспринимал субъективно, и ему — неуверенному в себе, загнанному (или загнавшему себя) в эти странные обстоятельства — жизнь вполне могла казаться невыносимой. Отъезд был, конечно, предопределен, и путь его лежал в Гондурас — единственную страну Центральной Америки, с которой у США не было договора о выдаче преступников и

подследственных.

Планировался ли Гондурас изначально или это был своего рода экспромт беглеца? На этот вопрос трудно дать как положительный, так и отрицательный ответ — ведь Портер ни с кем, кроме Атоль, не делился перспективами столь деликатного свойства. Никогда он не распространялся на эту тему и позднее — не столько по скрытности характера, сколько потому, что хотел забыть обо всём, что связано с его «падением». Неизвестна и точная дата его отъезда. Последнее письмо Портера, отправленное из Нового Орлеана, достигло адресата примерно через два месяца после роковой пересадки в Хемпстеде. Письмо было, как обычно, рисованным. На листе бумаги беглец изобразил две сомкнутые в прощальном рукопожатии руки, а на заднем плане нарисовал парусник, несущийся по волнам океана[152]. Атоль, конечно, поняла (как, впрочем, и ее подруга), что муж покинул территорию Соединенных Штатов.

«Калымить в Гондурасе»

«Лучше калымить в Гондурасе, чем “гондурасить” на Колыме». Не помню точно, откуда вошла в массы эта поговорка. Кажется, прозвучала в эфире одной из многочисленных российских радиостанций. Но в нашем случае она вполне выражает намерения, которые двигали беглецом, направившимся в Центральную Америку. Не в том смысле, что он собирался там зарабатывать (скорее всего, он понимал, что лично для него это едва ли возможно), а потому, что сама мысль о возможном тюремном заключении казалась ему невыносимой.

Так он и оказался в тропическом Гондурасе — стране темпераментных латиноамериканских заговорщиков, экзотических фруктов и вечного знойного лета — той самой, что читателям О. Генри известна под именем Анчурии, воспетой в «Королях и капусте».

В упомянутой книге действие разворачивается в прибрежном карибском городке под названием Коралио. Этим именем писатель зашифровал реальный гондурасский городок Трухильо, в котором, судя по всему, и прошли все дни его добровольно-вынужденной эмиграции с августа 1896-го по январь 1897 года.

«Ну какой же это город! — сказал Гудвин с улыбкой. — Так, городишко банановый! Соломенные лачуги, глинобитные домики, пять-шесть двухэтажных домов, удобств мало; население: помесь индейцев с испанцами, карибы и чернокожие. Развлечений никаких. Нравственность в упадке. Даже тротуаров порядочных нет. Вот вам описание Коралио, очень, конечно, поверхностное».

Так характеризовал город один из героев книги. Едва ли вымышленный Коралио сильно отличался от реального Трухильо: жизнь была скучной и однообразной, но (что для Портера было весьма важно!) дешевой. Особенно радовали цены на алкоголь (как местный, так и тот, что завозился контрабандой), в котором изгнанник всё чаще искал и находил отраду.

Впрочем, место было живописное и радовало глаз тех, кто приближался к нему с моря:

«Город лежал у самого моря на полоске наносной земли. Он казался брильянтиком, вкрапленным в ярко-зеленую ленту. Позади, как бы даже нависая над ним, вставала — совсем близко — стена Кордильер. Впереди расстилалось море — улыбающийся тюремщик, еще более неподкупный, чем хмурые горы. Волны шелестели вдоль гладкого берега, попугаи кричали в апельсинных и чибовых деревьях, пальмы склоняли свои гибкие кроны, как неуклюжий кордебалет перед самым выходом прима-балерины».

Трухильо был городком интернациональным. И хотя основное население составляли местные креолы и самбо, жили здесь также европейцы и американцы. Кого-то привели сюда деловые интересы (через Трухильо в Америку и Европу вывозили ценную древесину, кофе, табак, каучук и фрукты), кого-то, напротив, вынудили поселиться их последствия — уголовные преступления, за которые на родине грозил срок, и порой немалый. Как, кстати, тут не вспомнить всё тех же «Королей и капусту»: «Есть здесь и американская колония, иные из них ничего. Но иные бежали от правосудия. Я помню двух директоров банка, одного полкового казначея с подмоченной репутацией, двух убийц и некую вдову — ее, кажется, подозревали в отравлении мужа мышьяком». Конечно, американцев там было больше, и многие из них имели проблемы у себя на родине. Но у местных было не в правилах интересоваться причинами, которые привели человека в их край, и это устраивало пришельцев.

Чем занимался в Трухильо мистер Уильям Э. Брайт (под этим вымышленным именем жил в Гондурасе У. С. Портер)? Скорее всего, никакой постоянной (да и не постоянной) работы у него не было. Хотя в историях о жизни писателя в латиноамериканской республике мелькает информация, что он «работал, где придется, даже рыл канавы»[153], сведения эти не находят подтверждения, а вот то, что он просил о небольших вспомоществованиях своих знакомых в Штатах, напротив, хорошо известно[154]. Несколько странной на этом фоне выглядит высказанная им в письме к Атоль идея перевезти семью и начать жизнь заново[155]. Чем бы он стал заниматься? Мог бы заняться бизнесом — экспортом тех

же тропических фруктов или красного дерева. Но для этого необходимы были капиталы. Неужели он снова (в который раз!) рассчитывал на помощь тестя? Судя по всему, жил он на те средства, что привез с собой из Нового Орлеана. Вполне возможно, что-то У. Брайту перепадало как переводчику: как известно, испанским — как устным, так и письменным — он владел в совершенстве.

«В сущности, наше единственное развлечение — рассматривать пароходы, которые прибывают к нам, всякий пассажир — большое событие в городе», — писал О. Генри в «Королях и капусте». А самым удобным наблюдательным пунктом была терраса дома американского консула в Трухильо. С консулом у мистера Брайта, похоже, сложились неплохие отношения: тот не интересовался причинами пребывания здесь соотечественника (должность его была дипломатической номинально, по сути, он был торговым агентом, отстаивающим интересы американских импортеров), а мистер Брайт, искушенный не только в чужом языке, но и в бухгалтерии, мог быть ему полезен. Следовательно, у мистера Брайта были все основания находиться на упомянутой террасе — «самом прохладном месте в Коралио».

Именно здесь, на этой самой террасе, примерно в конце июля — начале августа 1896 года, состоялось знакомство и началась дружба Портера с Элом Дженнингсом, тогда беглым налетчиком — грабителем поездов и банков (по словам последнего, в Гондурасе он оказался после ограбления банка с добычей в 30 тысяч долларов), а затем его верным товарищем по тюремному заключению в каторжной тюрьме и, еще позднее, — писателем, изложившим примечательную историю их знакомства в своей книге. Оно достойно того, чтобы читатель с ним познакомился:

«На крытом крыльце приземистого деревянного бунгало, в котором помещалось американское консульство, восседал внушительных размеров мужчина, преисполненный достоинства и облаченный в ослепительно-белый костюм. У него была большая голова, благородно посаженная, покрытая шевелюрой цвета нового каната, и прямой взгляд серых глаз, которые глядели без малейшей искорки смеха. Восседая на консульском крыльце с таким видом, точно все здесь принадлежало ему, он произвел на меня впечатление какого-то важного чиновника. Вот, подумал я, человек, который достоин чести быть американским консулом.

Я почувствовал себя точно мальчишка-газетчик, заговаривающий с миллиардером.

— Послушайте, господин, — спросил я его. — Не могли ли

бы вы посодействовать мне насчет спиртного? Я всю глотку обжег себе “Хеннесси — три звездочки”. Нет ли у вас другого сорта?

— У нас есть здесь некое питье, которому приписывается свойство возбуждать в человеке бодрость, — ответил он полушепотом, придававшим, казалось, чрезвычайную значительность каждому его слову.

— Вы американский консул? — рискнул я спросить его таким же шепотом.

— Нет, я случайно остановился здесь, — соблаговолил он сообщить мне. Затем его спокойный взор остановился на оборванных полах моего фрака. — Что заставило вас пуститься в путь с такой поспешностью? — спросил он.

— Верно, то же, что привело и вас сюда, — ответил я. Едва заметная усмешка промелькнула на его губах.

Он поднялся, взял меня под руку, и общими усилиями мы заковыляли по уличке, узкой, точно лесная тропа»[156].

Так ли было на самом деле или нет — поручиться мог только Эл Дженнингс. Верить или не верить его словам — дело читателя. Но выглядит приведенная сцена вполне правдоподобно. Во всяком случае, то, что касается неизменной элегантности нашего героя, его речевой манеры, обычной сдержанности — всё это очень похоже. Интересно свидетельство и о «внушительности фигуры»: к тому времени Портер действительно изрядно прибавил в весе. Да и его интерес к спиртному тогда был уже вполне очевиден. А вот те совместные похождения, о которых так живописно рассказывает в своей книге Дженнингс[157], вызывают серьезные сомнения.

Этим похождениям он посвятил без малого три главы своей мемуарной книги об О. Генри (главы XI, XII, XIII). По словам Дженнингса, дружеские отношения между ним и Портером сложились почти мгновенно. Способствовали этому обстоятельства, надо сказать, исключительные. Едва они успели выпить в дружеской обстановке, как в Гондурасе случилась очередная революция. В результате чужестранцам было предложено срочно покинуть страну. Предложение было подкреплено «охотой» на иностранцев. В процессе бегства Дженнингсу, не расставшемуся с револьвером 45-го калибра, пришлось застрелить одного из «охотников». На счастье, к услугам беглецов оказался пароход «Елена». Брат Дженнингса, Фрэнк, который тоже вместе с ним оказался в Гондурасе, подогнал шлюпку, и компания очутилась на судне. Дальше начинаются вообще удивительные вещи: пароход плывет в Буэнос-Айрес[158], друзья высаживаются и отправляются в «страну пампасов», «но она не привлекла» их[159]. Затем путь их лежит в

Перу (всё на том же пароходике — вокруг мыса Горн!), но и эта страна разочаровала. Оттуда они направились в Мексику и очутились в Мехико. Здесь Дженнингс встретил старых друзей по криминальному бизнесу, и одному из них очень не понравился Портер. Он решил, что тот слишком похож на полицейского детектива, и подослал к нему убийцу, но Дженнингс не дремал и успел упредить удар ножа точным выстрелом. Друзья на лошадях бегут к западному побережью Мексики (кстати, автора восхищает, как уверенно-профессионально держится в седле Портер), пересаживаются на пароход и плывут в США, в Сан-Диего. Оттуда перебираются в Сан-Франциско, но там им «на хвост садятся копы», и беглецы вынуждены вернуться в Мексику. Кочевая жизнь им наскучила, и Дженнингс решает «завязать» с бандитизмом. Но теперь предоставим слово самому Дженнингсу. Цитата большая, но она стоит того, чтобы привести ее почти полностью:

«С четырьмястами семнадцатью долларами в кармане […] мы высадились в Сан-Антонио (Мексика), снедаемые жаждой тихой жизни на ранчо. Там я встретил некоего ковбоя, моего старого друга, и он повез нас к себе. Его ранчо было в пятидесяти милях от города и состояло из невысоких холмов, долин, лугов и лесистых участков. Лучшего ранчо не снилось ни одному пионеру. Ковбой предложил нам купить это ранчо вместе с рогатым скотом и лошадьми за пятнадцать тысяч долларов.

Это было весьма выгодной сделкой, и мы с Фрэнком решили немедленно заключить ее. Что же касается финансовой стороны предприятия, то, по уверениям ковбоя, она легко могла быть устроена через местный банк, в нескольких сотнях миль от ранчо. В кассе этого банка находилось, по меньшей мере, пятнадцать тысяч долларов, которые нетрудно будет извлечь оттуда. Это был, право, прекрасный совет.

Положение наше было не лишено оригинальности: мы с Фрэнком решили бросить разбойничью жизнь, но для этого у нас не было денег, другого же случая добыть с такой легкостью и быстротой такую сумму не предвиделось. К тому же искренний пыл нашего покаянного настроения давно уж поостыл, а тут еще представившаяся возможность довершила этот охладительный процесс.

Единственно, что нас несколько смущало, это вопрос о Портере. Каковы бы ни были причины, побудившие его странствовать с нами, мы были убеждены, что Билл не совершил никакого преступления.

Открыть ему планы нас заставила хорошо известная нам его гордость. Мы знали, как сильно нуждается он в деньгах и как унизительна была для него необходимость занимать их.

Я не раз уже ссужал его различными денежными суммами со дня нашего бегства из Гондураса, но давались они всегда взаимообразно. Нам не хотелось, чтобы Билл чувствовал себя обязанным перед нами, и самое лучшее поэтому было дать ему возможность самому заработать свою часть ранчо.

Единственно, что оставалось делать, это предложить ему принять участие в нашей банковской авантюре. Если бы вы только могли видеть лицо Билла Портера и выражение беспомощного изумления, промелькнувшее на нем при моем предложении, вы поверили бы, точно так же, как и я, что он никогда не мог быть виновным в той краже, за которую он провел около четырех лет своей жизни в каторжной тюрьме в Огайо. Ему недоставало ни безрассудной отваги, ни хладнокровия, свойственных преступнику.

Под вечер я направился к корралю. Там сидел Портер, наслаждаясь окружавшей мирной тишиной, и крутил папиросу из шелухи маиса. Может быть, мне следовало бы как-нибудь осторожнее подойти к предмету нашего разговора и подготовить его, так как ничто в эту мирную и тихую октябрьскую ночь не наводило на мысль о грабежах. Я убежден, однако, что никакая осторожность, никакая ангельская прелесть не могли бы соблазнить Портера на это дело.

— Билл, — объявил я, — мы собираемся купить это ранчо за пятнадцать тысяч долларов, и нам очень хотелось бы, чтобы и вы вошли с нами в компанию.

Он бросил наполовину не докрученную папиросу.

— Полковник[160], — ответил он, — я не желал бы ничего лучшего, как поселиться навсегда в этой чудной стране и зажить, наконец, спокойно, не скрываясь и не опасаясь ничего и никого. Но у меня ведь нет и гроша.

— Вот в том-то и дело: у нас тоже не больше вашего, но мы как раз собираемся достать денег. А в банке, в соседнем городке, хранится в подвалах пятнадцать тысяч долларов, которые не мешало бы, наконец, пустить в оборот.

Табак высыпался из маисовой шелухи. Портер внимательно изучал выражение моего лица. Ему пришлось убедиться, однако, что я говорю вполне серьезно. Он не хотел принимать участие в нашем предприятии, но ни за что на свете он не позволил бы себе чем-нибудь оскорбить нас или даже дать понять нам, как строго он нас осуждает.

— Полковник! — и его большие глаза лукаво подмигнули мне. Он чрезвычайно редко улыбался, а смех его я слыхал всего только один раз. — Мне бы очень хотелось быть пайщиком в этом ранчо, но, прежде всего, скажите: придется ли мне стрелять в

кого-нибудь?

— Что же, может быть, и придется, хотя вернее всего, что нет.

— Коли так, дайте мне ваш револьвер. Если я возьмусь за это дело, я не хочу ударить лицом в грязь. Придется поупражняться в стрельбе.

[…]

Как и все новички, Билл взвел курок большим пальцем, затем принялся разгуливать взад и вперед, опустив вдоль бедра руку вместе с моим револьвером. Невольным движением он изменил положение руки, спустив большой палец с курка.

Раздался внезапный резкий звук выстрела, и небольшой земляной фонтан забил к небу. Когда пыль рассеялась, мы увидели порядочную дыру, величиной с кошачью голову, зиявшую у его ног, а в ней мой револьвер. Портер, живой и невредимый, но сильно перепуганный, с изумлением разглядывал эту картину.

— Полковник! — и он взглянул на меня с легким смущением. — Я полагаю, что я буду только помехой в вашем финансовом предприятии.

Мне очень хотелось, чтобы Портер отправился с нами. Не потому, что он был нам нужен, а потому, что за это время я успел сильно привязаться к нашему задумчивому, необщительному, интеллигентному товарищу. Мне не хотелось, чтобы он материально зависел от нас, и в то же время я хотел, чтобы он жил с нами на ранчо.

— Ну что же, вам не нужно будет брать в руки револьвер. Вы должны будете просто ждать нас в условленном месте с лошадьми. Право же, вы этим окажете нам большую услугу.

Он колебался с минуту.

— Я не думаю, что могу сгодиться даже на это, — ответил он наконец»[161].

Вот такая история. Фактической правды в ней немного. Усилиями биографов писателя давно доказано, что не было никакого совместного плавания на пароходе «Елена», не был Портер ни в Аргентине, ни в Перу, ни в Мексике, ни тем более в Калифорнии[162]. Хотя сам факт знакомства Дженнингса и Портера, их общение и «собутыльничество» (причем в основном за счет Дженнингса) в Гондурасе — не вызывают сомнений. Судя по всему, имел место и эпизод с револьвером, а также приглашение поучаствовать в планируемой братьями «экспроприации» банка и реакция нашего героя на предложение. Но для нас куда важнее другое — психологическая достоверность тех характеристик, что дает Портеру в своей книге Дженнингс.

Согласитесь, штрихи к портрету интересные и весьма ценные.

На самом деле Дженнингс пробыл в Гондурасе недолго и отправился (в сопровождении брата) дальше «испытывать судьбу». Но уже без нашего героя. В конце концов, с понятной неизбежностью, она привела его на скамью подсудимых, а потом и в каторжную тюрьму в Огайо, где они вновь встретились с Портером и возобновили знакомство, которое именно здесь, а не в Гондурасе, переросло в настоящую дружбу между этими — такими разными — людьми. Но о тюрьме рассказ впереди, а пока Портер, точнее, «мистер У. Брайт», находится еще на пути к этому зловещему месту, и мы, вслед за ним, от живописного апокрифа вернемся к реальности.

Нет никаких сомнений в том, что наш герой безвыездно провел все месяцы добровольно-вынужденной эмиграции в Гондурасе. Если за это время в стране и происходили какие-то революции (судя по «Королям и капусте», такое исключить нельзя), они не имели столь катастрофических последствий — во всяком случае, до высылки иностранных граждан дело не доходило.

Все эти месяцы (с августа 1896-го по январь 1897-го) Портер переписывался с Атоль. Писал он (видимо, из соображений конспирации) редко — примерно по письму в месяц. Как часто ему отвечала жена, неизвестно, но известно, что связь была двусторонней. Уже после того как Портер оказался в Центральной Америке, Атоль сообщила об этом факте родителям, и они были в курсе всех событий, связанных с зятем. Кстати, именно миссис Роч является основным источником версии, согласно которой Портер решил обосноваться в Гондурасе и перевезти туда семью[163].

Несмотря на то что Атоль с дочкой жили у родителей, отсутствие супруга, как ни странно, благотворно повлияло на молодую женщину. Она стала серьезнее относиться к жизни и к материнским обязанностям. Теперь много времени проводила с дочерью, играла с ней, читала, занималась. Никогда и нигде до той поры не работавшая, она взялась за рукоделие — вышивку и небезуспешно продавала свои изделия через знакомую, владевшую дамским магазином. В связи с этим приведем интересное наблюдение одного из биографов писателя, характеризующее Атоль последнего года ее жизни: «Можно сказать, что ничто и никогда в жизни Атоль не меняло ее так сильно, как ощущение постепенной утраты этой жизни. В последний год своего земного существования, оказавшаяся не только перед фактом ареста мужа, а затем и его бегства, но и прогрессирующей собственной болезни, она вдруг, казалось, как-

то сразу выросла, превратившись из вздорной девчонки во взрослую женщину, — отважную и самоотверженную. Ни панических суждений и настроений, ни одного горького слова или жалобы — никто из знавших ее в это время не слышал»[164].

Между тем здоровье Атоль действительно ухудшалось. Температура не спадала, не отступал кашель. Кровь горлом не шла, но после каждого приступа платок окрашивался алыми сгустками.

По прошествии стольких лет трудно установить, кто из семьи написал Портеру о состоянии жены и попросил его вернуться. Содержалась ли эта просьба в письме миссис Роч (наиболее распространенная версия) или о возвращении его просила сама Атоль, достоверно неизвестно. Однако Бетти Холл, через которую беглец передал два или три послания, утверждала, что именно Атоль «умоляла его вернуться и очистить свое имя». По ее словам, Портер согласился вернуться после того, как по его просьбе в суд обратились поручители, и судья гарантировал, что он не будет арестован по прибытии[165].

Возвращение и суд

Какие бы сомнения ни посещали У. С. Портера (а то, что они были, и, видимо, мучительные, — не подлежит сомнению), состояние жены не оставляло ему иного выбора, и не вернуться он не мог. С деньгами, судя по всему, было совсем туго, но тем не менее уже 21 января 1897 года он оказался в Новом Орлеане. В тот же день он телеграфировал мистеру Рочу о том, где находится, и просил: «Срочно вышлите мне телеграфом двадцать пять долларов без подтверждения личности получателя до востребования. Чек обналичить я не смогу». Телеграмму он подписал «У. Э. Брайт»[166]. Соблюдать конспирацию было уже ни к чему, но Портер, перестраховываясь (видимо, боялся, что могут арестовать: он был беглецом и не знал, какие указания на его счет имеет местная полиция), продолжал жить под вымышленным именем. Денежный перевод «У. Э. Брайт» беспрепятственно получил на следующий день и уже 23 января — после почти восьмимесячного отсутствия — очутился в Остине.

Наибольшую радость от возвращения, конечно, испытала его жена. У нее даже прибавилось сил, и чувствовать она себя стала, по ее словам, куда лучше. Понятно, что улучшение это было временным, но оно радовало — и ее, и мужа, и родителей. Но Портер был мрачен. Хотя тесть убеждал его, что, несмотря на побег, все знакомые считают его невиновным, он чувствовал, что отношение к нему изменилось: ведь понятно, что иначе, нежели

признанием вины, его побег истолковать было трудно.

По приезде он почти не выходил из дома, проводя время в кругу семьи: жены и дочери. Но того, что неизбежно, — избежать невозможно, и 1 февраля, в день открытия очередной судебной сессии, Портер явился в суд. Дело его разбирал теперь другой судья, который не испытывал по отношению к нему никаких эмоций — ни положительных, ни отрицательных. Он изучил материалы, нашел следствие по делу незавершенным, заслушал ходатайство: в связи с болезнью жены не заключать подследственного под стражу, а вновь выпустить под залог. Что интересно, судья не аннулировал прежний залог, но, учтя его, удвоил. Поручителями выступили те же лица, что и прежде. 12 февраля, вынося предварительное решение, судья оставил Портера на свободе и постановил, что дело будет слушаться на летней сессии или будет перенесено на более поздний срок. Естественно, что Портеру было запрещено покидать территорию округа без разрешения суда.

Дарованная отсрочка была воспринята Атоль как победа. Она увидела в этом обстоятельстве чуть ли не косвенное признание невиновности мужа. Конечно, это было не так, хотя очевидно, что судья проявил снисхождение. Те, кто наблюдал Атоль в то время, говорили, что она «буквально вся светилась от счастья»[167]. Она была деятельна и весела.

Но, к сожалению, болезнь брала свое. И хотя, как вспоминали те, кто знал семью, почти до самой смерти Атоль была на ногах, ее состояние с ранней весны 1898 года начало стремительно ухудшаться. Каждый день супруг вывозил ее на прогулку в экипаже. Если у нее хватало сил, в экипаж она садилась сама, но по окончании поездки обычно так ослабевала, что ему приходилось на руках нести жену в дом. В то же время одна из подруг Атоль вспоминала: «Я никогда не видела такой воли к жизни. Единственный день, когда она не встала с постели, был последний день. […] Уже в самом конце, когда она была так слаба, что не могла самостоятельно ни сесть, ни покинуть пролетку, мистер Портер брал ее на руки и усаживал на скамейке»[168].

Шесть месяцев прожила Атоль после возвращения мужа. Он заменил ей сиделку, проводил рядом дни и ночи напролет. Миссис Роч вспоминала: «Всё его время и мысли были подчинены тому, чтобы облегчить ее существование. Они были счастливы, хотя наверняка оба сознавали, что конец недалек». В то же время вне взгляда жены Портер был неизменно мрачен и погружен в свои невеселые думы. Та же миссис Роч утверждала, что зятя тяготило не только безнадежное состояние жены, но и грядущий

суд — он был уверен, что будет осужден и посажен в тюрьму. Много раз он заговаривал о самоубийстве, говорил, что лучше убьет себя, нежели будет признан виновным. Только мысль о том, что это разобьет сердце Атоль, удерживала его от рокового шага[169].

Насколько всё это соответствовало истине — на совести миссис Роч. Но то, что в последние месяцы жизни жены (да и много месяцев спустя) Портер находился в глубокой депрессии, — бесспорно и в доказательствах не нуждается.

В мае из Гринсборо пришла весть о смерти Евангелины Портер — «тети Лины». В другое время это известие наверняка глубоко тронуло бы племянника — скорее всего, он поехал бы на родину и присутствовал бы на похоронах. Но теперь это событие прошло незамеченным и едва ли как-то отложилось в памяти. А через два месяца, в субботу, 25 июля 1897 года, умерла Атоль. Ей было всего 29 лет.

Как вспоминали близкие, в этот день Атоль не встала с постели — у нее не было для этого сил. Умерла она тихо, до последней минуты находясь в полном сознании. Вечером, в половине седьмого, Портер собственной рукой закрыл ей глаза. Маргарет всё понимала, ей было уже почти восемь лет.

В тот день, почти сразу после смерти Атоль, Портер молча взял экипаж, так же молча посадил рядом с собой дочь, и они уехали. Вернулись поздно ночью. О чем они говорили между собой и говорили ли о чем-нибудь, неизвестно.

Хоронили Атоль во вторник, 28 июля. После церемонии погребения Портер отказался сразу ехать домой, и Рочи уехали в экипаже одни — без зятя и внучки. Отец и дочь остались у могилы. Любопытная миссис Молтби (которая так много знала о семейной жизни своей подруги) позднее-таки выспросила у девочки, что они делали. Маргарет ответила: вместе с папой они украшали могилу цветами — теми, что были у них с собой, и теми, что привезли другие люди[170].

Смерть Атоль не внесла никаких коррективов в отношения Портера с ее родителями. Он продолжал жить у них в доме. На улицу почти не выходил, а по вечерам, когда спадала жара, обычно отправлялся на прогулку в экипаже. В этих поездках, как правило, его сопровождала Маргарет. Никаких источников дохода у него не было, попыток найти работу он не предпринимал.

Но уже в начале осени он вновь взялся за перо. Правда, теперь это были не привычные юморески и карикатуры, а нечто совершенно иное. Близкие не знали, что именно он пишет: он работал в своей комнате — бывшей спальне Атоль, за закрытой дверью.

Что это были за сочинения? Ответ на это дает письмо, полученное Портером в декабре из газетного синдиката Макклюра: «Ваш рассказ “Чудо Лавового Каньона” *(The Miracle of Lava Canyon)* великолепен. В нем интерес к человеческому характеру сочетается с драматической интригой, а это, по нашему мнению, как раз и отличает все лучшие рассказы. Если у вас есть и другие вещи в таком же духе, мы будем рады прочитать. Этот рассказ будет направлен нашим синдикатом в газеты. Остальные рассказы мы вам возвращаем. Они нам не подходят»[171].

Письмо подписано главой синдиката С. Макклюром и датировано 2 декабря 1897 года. По сути, эту дату и можно считать днем рождения «писателя О. Генри», хотя рассказ был напечатан еще за подписью «У. С. Портер». Именно в этом рассказе впервые характерный для писателя доброжелательный «интерес к человеческому характеру сочетается с драматической интригой» и со счастливым — примирительно-утешительным — финалом.

За рассказ, как позднее вспоминал О. Генри, он получил гонорар, но напечатанным его так и не увидел[172]. Позднее, уже превратившись в опытного литератора, он переработал рассказ (который полагал «примитивным») в историю с новыми героями, но со сходной ситуацией: мгновенным превращением труса в отважного человека. Второй вариант истории получил название «Полуденное чудо» *(An Afternoon Miracle)* и вошел в сборник «Сердце Запада».

Старый приятель и покровитель Портера Ч. Андерсон, пытавшийся общаться с ним в этот период, когда новеллист только начинал свой путь, утверждал: «Он не хотел ни с кем общаться, избегал друзей и находился на грани самоубийства»[173]. Видимо, всё действительно так и обстояло. Но Портер нашел способ противостоять депрессии. Первые рассказы стали своеобразной сублимацией бесконечного отчаяния, охватившего его после смерти жены и нараставшего по мере того, как приближалось неизбежное — суд и приговор. Это отчаяние не оставит его уже никогда. Но он научится с ним бороться — он примирится с ним и даже «подружится»: оно станет неизменным соавтором писателя по имени О. Генри и заставит его, утешая читателей, утешать и самого себя — теми примирительно-счастливыми финалами, за которые некоторые его порицали, но абсолютное большинство были по-настоящему благодарны. Его истории позволяли забыть неудачи, поверить в чудо и счастье — ведь когда-нибудь кому-то оно может-таки улыбнуться?

Сочинительство — писал ли он «по-старому» или «по-новому» — помогало забыться, но не могло, к сожалению, отменить

неизбежное — судебное разбирательство.

Очередная сессия суда открылась в понедельник, 7 февраля 1898 года[174]. Дело У. С. Портера не было первым в перечне дел, назначенных к рассмотрению: согласно очередности слушание по нему должно было состояться 15 февраля. Взрыв броненосца «Мэн» на рейде Гаваны, всколыхнув всю Америку и затопив ее шовинистическим угаром, никак не повлиял на судью Томаса Мэкси. Первое слушание было кратким, но результативным: он постановил «привлечь У. С. Портера к суду по обвинению в растрате» (общая сумма претензий по материалам дела первоначально составляла 5557 долларов 2 цента, потом она будет уменьшена); «избрать коллегию присяжных»; «на время судебного следствия заключить обвиняемого под стражу и препроводить его в окружную тюрьму».

Последний пункт имел чисто «технический» смысл: Портер остался на свободе, поскольку уже находился под залогом в четыре тысячи долларов, назначенным судом год назад.

Портера защищали два адвоката (их нанял тесть — мистер Роч) — Уорд и Джеймс. Судя по всему, выбор оказался не слишком удачен: оба были, конечно, профессионалами, но в невиновность своего подзащитного не верили. Обвинение поддерживал окружной прокурор Калберсон. Как мы помним, он уже дважды, по сути, «разваливал» дело Портера и в его виновность, очевидно, не верил. Но на него давили из Вашингтона, генеральный прокурор был им не доволен, и, ради самосохранения, он, что называется, «рыл землю». Да и главный свидетель обвинения — тот самый ревизор, что проверял банк, — был, конечно, настроен решительно против Портера. Имелся и еще свидетель — старший кассир банка, уже дававший показания против своего бывшего коллеги и подчиненного.

Через несколько дней состоялся отбор присяжных. Адвокаты Портера вычеркнули троих (они были из Остина, но этнические немцы, что посчитали невыгодным: по убеждению адвокатов, в процессе немцы склонны поддерживать государство). Прокуратура отвела двоих. В результате среди двенадцати присяжных только один оказался жителем Остина, другие были фермерами, обитателями графства.

После окончания процесса в письме, отправленном уже из тюремной камеры, Портер писал, что, едва увидев лица присяжных, он понял, что дело его проиграно.

В ходе судебных прений адвокатам удалось оспорить несколько эпизодов растрат (всего, по мнению обвинения, их было семь), и общая сумма претензий была снижена до 854 долларов восемь центов.

К сожалению, стенограмма судебных заседаний утрачена (архив окружного суда сгорел), и теперь нельзя досконально восстановить ход процесса. Но известно, что процесс длился три дня, и всё это время подсудимый был-индифферентен к происходящему. Он «сидел, откинувшись на спинку стула, сцепив руки на затылке и устремив невидящий взгляд в пространство». Один из присяжных позднее признавался: «Мне жаль мистера Портера. Это был очень приятный молодой человек, спокойный, вежливый, сдержанный. Он совершенно ничего не сказал в свою защиту и вел себя так, словно был кем-то или чем-то напуган»[175].

Адвокаты сосредоточили свои усилия на юридической стороне дела, обращая внимание на нестыковки и неточности в оформлении документов. Они, как мы помним, смогли таким образом исключить из дела несколько эпизодов обвинения и существенно снизить общую сумму претензий, но оспорить все эпизоды им не удалось, а потому избранную тактику нельзя назвать успешной. Трудно сказать, имелись ли у защиты свидетели. Но даже если и они выступали, что они могли сказать существенного? То, что Портер хороший и честный парень, что он никогда ничего ни у кого не крал? Но это эмоции. А обвинение оперировало документами, счетами, авизо, выданными и обналиченными чеками, выписками из бухгалтерских книг. И в исполнении главного свидетеля обвинения — ревизора Ф. Грея это звучало очень внушительно. Хотя почти всё, что он говорил, было не очень понятно присяжным — людям не слишком образованным. Но он выстреливал фразами так резко, так выразительно сверкал очками и бросал такие взгляды поверх: презрительно-негодующие в сторону обвиняемого и пристальные, подозревающие — в ложу присяжных, словно искал тайных соучастников совершенного преступления, — что по спинам этих простых людей невольно пробегал холодок, и, мало что на самом деле понимая, они смотрели на обвиняемого с осуждением.

«Последний гвоздь в крышку гроба забил» второй свидетель обвинения — старший кассир банка (он же его главный бухгалтер и он же пасынок председателя правления банка) Р. Дж. Брэкенридж. Он засвидетельствовал, что собственными глазами неоднократно видел, как обвиняемый брал деньги из сейфа банка на собственные нужды. Это было, конечно, бездоказательное утверждение. Но после выступления зловещего мистера Грея присяжные просто не могли ему не поверить[176]. Ведь лично с обвиняемым никто из них знаком не был, и его репутация, известная многим жителям Остина, им была совершенно неведома. Да и сам факт бегства от правосудия, конечно, сыграл

свою роль в осуждении.

Семнадцатого февраля, в полдень, присяжные вынесли вердикт: «Виновен».

Суд тут же постановил, что «обвиняемый временно помещается в тюрьму графства Трэвис, Остин, штат Техас, ожидать приговора и дальнейших распоряжений суда». В зале суда Портера взяли под стражу, и в тот же день он оказался в камере тюрьмы.

В вышедшем на следующий день номере остинской газеты «Ивнинг ньюс» известие было преподнесено следующим образом:

> «Уилл С. Портер, хорошо известный в городе и одно время кассир Первого Национального банка, вчера был признан виновным в растрате федеральным судом по трем эпизодам обвинения. Минимальное предусмотренное наказание составляет два года тюремного заключения по каждому эпизоду. Судья Мэкси еще не вынес приговор по его делу.
>
> Новость об обвинительном вердикте стала большим сюрпризом для многих его друзей в городе. […] Судя по всему, апелляция в Верховный суд США подана не будет. Напоминаем, что в бытность мистера Портера кассиром он обвинялся в растрате средств банка»[177].

На самом деле, как свидетельствуют дотошные исследователи жизненного пути О. Генри, после его бегства из-под суда в июне 1896-го даже самые близкие и хорошо знавшие его люди — Бетти Холл, Ч. Андерсон, Дж. Мэддокс и многие другие уверовали в его виновность. Да и поведение Портера в суде — его пассивность и нежелание защищаться — также было воспринято как свидетельство вины.

Уже после вынесения приговора, но еще из тюрьмы Трэвис, Портер писал миссис Роч:

> «Дорогая миссис Роч!
>
> Я глубоко тронут Вашей заботой и искренне благодарен за Ваше письмо, полное сочувствия и глубоких переживаний, очень благодарен и за те вещи, что Вы прислали мне. Прямо здесь я со всей торжественностью хочу заявить, что, несмотря на вердикт присяжных, я совершенно невиновен в каких-либо преступлениях во всей этой истории с банком, разве что я совершенно никудышным образом выполнял те обязанности, к исполнению которых был просто-напросто негоден. Любой разумный человек, выслушав

представленные свидетельства, понял бы, что я должен быть оправдан. После того, как я увидел присяжных, у меня почти не осталось надежд на то, что они вообще поймут, о чем будет идти речь. Я совершенно разбит и подавлен результатом, но не из-за себя. Не так важно для меня общественное мнение, но я верю, что осталось несколько друзей, которые продолжают сохранять уверенность, что во мне есть что-то хорошее»[178].

Вера его была не напрасна. Честно сказать, таких было немного, но среди них семейство Харрел, хьюстонские приятели Э. Маклин и Дж. Уильямс и, конечно, семья Роч — его самые верные и надежные друзья.

Двадцать пятого марта 1898 года судья вынес решение: приговорить У. С. Портера к пяти годам заключения в каторжной тюрьме. Срок предстояло отбывать в тюрьме штата Огайо в Коламбусе — заведении, которое, в силу строгости режима и жестокости к заключенным, имело весьма дурную репутацию.

Много лет спустя, уже после отбытия наказания, живя в Нью-Йорке, став знаменитым писателем, в одной из бесед с близким человеком О. Генри однажды заметил:

«Я похож на Лорда Джима[179], потому что мы оба совершили одну и ту же роковую ошибку в критический момент своей жизни — ошибку, которую мы не в силах исправить»[180].

Какую «ошибку» он имел в виду: бегство от суда в июне 1896-го или отказ от защиты в ходе судебного процесса? Если судить по сюжету романа Дж. Конрада, то скорее первое. Но справедливо ли это? Ведь эта «ошибка» на самом деле — следствие целой серии «ошибок», совершенных Портером. Среди них и то, что он пошел на работу в банк, что издавал газету, и то, что женился не на «той» женщине, да и… много всего! Но в таком случае разве можно это считать ошибками? Это судьба. И Портер, видимо, где-то внутри себя понимал это. Потому и принял решение зачеркнуть всё, что было прежде, начать совершенно новую судьбу — под новым именем, на новом месте.

Окончательное решение было принято, конечно, не в то время, когда он сидел в камере, ожидая «этапа» в Огайо. Оно, видимо, зрело постепенно и пришло позднее.

Заключенный № 30 664

Что сильнее всего потрясает человека, впервые переступившего порог тюрьмы? Ощущение несвободы и бесправия, лязгающие замки, бессмысленно-равнодушные глаза

охраны? Конечно. Но не это главное. Куда сильнее поражает «аромат тюрьмы». Это особый запах: непередаваемая смесь застарелого мужского пота, немытых ног, застоявшегося клозета, гуталина и тлена, несвежего дыхания, боли, унижения и страдания — затхлый и пронизывающий одновременно, — и тот, кто хоть однажды узнал его, не забудет уже никогда. Он ощущается еще «на свободе», перед воротами — до того, как вновь прибывший оказывается на «вахте», проходит контроль. Он нарастает по мере того, как недавно еще свободный человек поэтапно утрачивает связь с прежним существованием и превращается в «заключенного номер…». Сначала он расстается с вещами: костюм, рубашка, белье, ботинки, бумажник, часы, мелочь из карманов. Составляется и подписывается акт, вещи упаковывают в ящик и отправляют на склад дожидаться возвращения владельца — на три, пять, десять лет — сколько там ему «дали»… Затем санобработка: голый, босиком по холодному полу, под равнодушным взглядом охраны, прикрывая руками «срам», он идет в душ. Здесь его окатывают холодной водой, мажут подмышки и промежность жгучим антисептиком и тупой машинкой, вьщирая волосы, изничтожают шевелюру. Запах отступает, его скрадывает унижение… Потом вьщают тюремное: белье, робу, штаны, ботинки. Ведут в канцелярию и заполняют документы: имя, возраст, рост, вес, размер ноги, головы, статья, срок, профессия и т. п., фотографируют. Выдают постельные принадлежности, одеяло. Ведут дальше. Из административного блока он попадает в тюремный двор — запах и здесь ощутим, но заключенный почти не чувствует его — он глубоко вдыхает терпкий весенний воздух, насыщенный ароматом молодой травы и цветущих деревьев. Но дорога коротка, вот его вводят в главный корпус, и… запах обрушивается на него с сокрушительной силой: его ведут по металлическим гулким лестницам, длинным переходам, но он едва ли адекватно воспринимает то, что с ним происходит, — запах забивает ноздри, заполняет легкие, мешает дышать, слезятся глаза… А тут еще шум, гвалт и улюлюканье — почти из каждой из полутора тысяч камер. Нашему соотечественнику последнее хорошо известно — по американским фильмам, вроде «Побега из Шоушенка» или «Взаперти». Единственное, чего не может передать кино, — это то, о чем мы говорили, — запах. Но это — тяжелое дыхание тюрьмы — дыхание, насыщенное ароматом зла, — главное, что воспринимает тюремный неофит.

Подробно ощущения эти описал Эл Дженнингс в своей книге. Несмотря на богатый криминальный опыт, он оказался в тюрьме впервые и оказался в самом ее пекле — в главном корпусе.

Подробно описал он и камеры, в которых обитали заключенные: помещения без окон, с решеткой вместо двери, длиной в восемь и шириной в четыре фута с дырой в полу, вместо клозета. «По субботам после отбоя они запираются до утра понедельника. 36 часов двое заключенных спят, дышат, оправляются на пространстве в три с небольшим квадратных метра»[181]. Что собой представляет камера американского исправительного учреждения, также хорошо известно нашему соотечественнику из упомянутых кинематографических источников.

Дженнингс оказался в тюрьме через один или два месяца после Портера. И едва ли он чувствовал острее, нежели писатель.

У. С. Портер перешагнул порог тюрьмы штата Огайо в понедельник, 25 апреля 1898 года. Как и всем заключенным, ему была выдана роба и присвоен номер — 30 664. Под этим номером он должен был прожить все пять лет заключения.

Вряд ли этот ранимый, тонко чувствующий человек, интроверт, склонный к «самокопанию», смог бы выжить в такой обстановке. Тем более что он, как мы помним, размышлял о самоубийстве.

Но, видимо, Бог хранил — ему повезло. Тюрьма в Огайо — большое заведение, в ней много заключенных, и они тем не менее люди, поэтому болеют. Следовательно, был в тюрьме и госпиталь, и довольно большой, а квалифицированных кадров не хватало.

При заполнении тюремной анкеты в графе «основная профессия» он указал: «журналист, писатель», а в графе «другая профессия»: «фармацевт». Кому, скажите, в тюрьме нужны журналисты, а тем более — писатели? И он был препровожден в главный корпус.

Он заглянул в ад. Но именно, что только заглянул. До камеры не дошел (да и не успели определить его в камеру) — вернули обратно.

Аптекарь — мирная профессия, она редко приводит на скамью подсудимых. Поэтому в тюремной больнице не хватало тех, кто понимает в лекарствах. И кто-то — возможно, более информированный и облеченный какой-то властью, а может быть, и простой «вертухай», разглядев «другую профессию» и действуя по инструкции, — связался с больницей и выяснил, что фармацевт нужен, что «терять» такого специалиста негоже. И новичка перенаправили в госпиталь.

Так и вытянул свой счастливый билет осужденный У. С. Портер — точнее, теперь уже заключенный № 30 664.

Три недели спустя Портер писал своему тестю (это было первое письмо из тюрьмы в Коламбусе):

«Волей случая уже в день приезда я очутился там, где едва ли рассчитывал оказаться, — по сравнению с другими мне очень повезло. Я — ночной фармацевт в тюремной больнице, и поскольку работа эта не слишком обременительна, и я, как и мои коллеги, живу при госпитале, то положение мое во сто крат легче, нежели у остальных 2500 заключенных. Нас здесь — всего четыре врача и двадцать пять человек медицинского персонала. Госпиталь занимает отдельное здание, и это одно из наиболее хорошо оснащенных заведений в стране.

Мы, то есть те, кто трудится в госпитале, по сравнению с другими, живем очень неплохо. Мы едим добротную, хорошо приготовленную пищу в неограниченном количестве, спим в чистом и просторном помещении. Мы можем передвигаться по территории и не скованы строгими правилами, как все остальные. Я заступаю на дежурство в пять часов вечера и заканчиваю в пять утра. Работа похожа на работу в аптеке: выписка рецептов, приготовление лекарств и т. п., так что к десяти часам я обычно с этим управляюсь. В семь часов вечера я беру свою медицинскую сумку и вместе с дежурным врачом отправляюсь в главное здание — осмотреть тех, кто заболел в течение дня.

Доктор уходит отдыхать в десять вечера, с этого времени и на всю ночь я пользую пациентов самостоятельно, хожу на вызовы, наделяю лекарствами. Если мне кажется, что случай серьезный, отправляю больного в госпиталь и передаю его под опеку врача»[182].

С врачами — непосредственным «начальством» — тоже повезло. Главным врачом в больнице работал Джон Томас. Он не был заключенным. Это был опытный доктор, хотя и суховатый человек. Поэтому людей мерил не человеческими, а прежде всего профессиональными качествами. Сохранился отзыв доктора Томаса: «Думаю, мне повезло заполучить в свою команду Сиднея Портера, поскольку он был лицензированным фармацевтом, к тому же весьма компетентным. На самом деле он мог делать всё, что связано с лекарствами»[183]. Ему вторит и другой врач — Джордж Уиллард, «ночной доктор», непосредственный начальник Портера: «Больных осужденных или объявивших себя таковыми доставляли в госпиталь под охраной. Они выстраивались в очередь у стойки фармацевта, и он выдавал им лекарства согласно моему предписанию. Это входило в обязанности Портера: знать на память несколько сотен лекарственных средств — как по названию, так и по номеру предписания, и наделять ими заключенных быстро и без ошибки. Он никогда не ошибался»[184].

Доктора ему доверяли. И не без причины: хотя Портер был

заключенным, он «играл» явно на их стороне. Тот же доктор Уиллард вспоминал: «Уклоняясь от работы, осужденные постоянно изобретали себе болезни, — с тем, чтобы попасть в больницу или прогуляться за лекарствами». Фармацевт Портер неизменно пресекал эти попытки и помогал только настоящим больным. Порой это принимало опасные формы. Однажды на прием к доктору пришел огромный детина-негр и потребовал, чтобы его освободили от работы, поскольку он тяжело болен. Уиллард осмотрел его, не нашел симптомов болезни и отказал. Негр пришел в ярость и, размахивая пудовыми кулаками, стал угрожать, наступая на Уилларда. Охранник, сопровождавший заключенного, куда-то отлучился, и дело приняло скверный оборот. Тогда Портер, который сидел за столиком в углу кабинета (детина наступал на доктора, не обращая внимания на фармацевта), встал из-за стола, подошел к буяну и ударом в челюсть сбил его с ног. На шум, вызванный падением огромного тела, сбежалась охрана, а Портер, не вымолвив и слова, вернулся на свое место и как ни в чем не бывало продолжил заполнять бумаги[185].

Не хотелось, чтобы сложилось впечатление, что заключенный № 30 664 «сотрудничал с администрацией». Это не так. Он был сам по себе: всегда внешне невозмутимый, сдержанный. Как вспоминают те, что были рядом в это печальное время, он ни с кем не сблизился, не имел «закадычных» друзей и, вообще, избегал каких-либо разговоров — как с осужденными, так и с персоналом больницы. Был всегда молчалив, сосредоточен, даже угрюм.

Несмотря на то, что Портер оказался в привилегированном положении, о котором не могли даже мечтать тысячи заключенных — его «коллег»: он не содержался под охраной, мог свободно перемещаться по тюрьме, хорошо питался, жил отдельно (ночь коротал в своей каморке, а днем спал за ширмой в больничной палате)[186], — несвобода тяготила и угнетала его. Большинство из тех, кто писал об У. С. Портере, утверждали, что это было связано с тем, что он был невиновен, но оказался в тюрьме. Мы видим, что это не совсем так. Возможно (и скорее всего), он считал, что его проступок (или проступки) не заслуживает такого сурового наказания, как пятилетнее тюремное заключение. Но он видел — не мог не видеть, что люди, оказавшиеся в застенке, — кто за большее, а кто и за меньшее преступление, — испытывают нечеловеческие муки.

«Я никогда и представить не мог, что человеческая жизнь может цениться так дешево, как здесь, — писал он миссис Роч. — На людей смотрят, как на животных, лишенных чувств и души.

Они болеют, и в госпитале всегда сотня или две пациентов. Здесь есть все виды заболеваний — сейчас особенно много тифозных и больных корью. Туберкулез обычнее, чем на свободе насморк. Сейчас у нас, по меньшей мере, тридцать безнадежных случаев и сотни больных среди тех, кто продолжает ходить на работу. Дважды в день больные являются в госпиталь: марширующая колонна из двухсот — трехсот страдающих от недугов людей. Они выстраиваются по одному, подходят к доктору, тот, на взгляд, оценивает состояние больного, определяет диагноз и прописывает лекарство. Затем процессия движется к фармацевту, он вручает медикаменты каждому, и очередь продолжает свое движение»[187].

А вот другое письмо (понятно, что письма эти не проходили цензуру — посылались с оказией, через «вольнонаемных») тому же адресату: «Скорбное здесь место — всё время вокруг несчастья, смерть, страдания всех видов. Бывают недели, когда у нас каждую ночь умирает по человеку. […] Самоубийства здесь, что твой пикник, — самое обычное дело. Редко проходит несколько ночей подряд, чтобы доктор и я не мчались к какому-нибудь бедолаге, попытавшемуся избавиться от бед. Они перерезают горло, вешаются, открывают в камерах газ (освещение в тюрьме было газовым. — *А. Т.),* заткнув все щели, пробуют иные способы. Большинство из них хорошо готовятся и добиваются успеха. Предыдущей ночью профессиональный боксер сошел с ума, и нас с доктором, конечно, послали к нему в камеру. Он был в изрядной физической форме — потребовалось восемь человек, чтобы скрутить его. Семеро держали, пока доктор взгромоздился на него и сделал укол. Вот такие у нас маленькие развлечения»[188].

Портер не описывает «воспитательные» меры, которые применяли к заключенным. Например, такие, как наказание палками. Провинившегося вели в подвал главного корпуса тюрьмы, подвешивали над желобом — по нему стекала кровь — и избивали; обычно назначали 25, 50, 75 ударов. В последнем случае приговоренный, как правило, назад не возвращался — его забивали до смерти. Портер об этом не писал — сам он этого не видел, да и не стал бы ранить чувства женщины, но хорошо знал об этих и других наказаниях со слов Дженнингса, испытавшего их на себе. А вот что касается наказания «симулянтов» (речь идет, конечно, о больных людях, но недостаточно больных, по мнению администрации, чтобы не работать. — *А. Т.*), его он наблюдал неоднократно. «Если человек заболевает и не может работать, — свидетельствовал он в очередном письме, — его уводят в подвал и пускают на него такую сильную струю воды из шланга, что он

теряет сознание. Тогда врач приводит его в чувство, а затем его подвешивают за руки на час-другой. В большинстве случаев после этого он снова начинает работать».

Теперь пора рассказать о Дженнингсе, интересном для нас по многим причинам персонаже. Во-первых, он был, пожалуй, единственным близким Портеру человеком, с которым тот — насколько, конечно, позволял замкнутый характер нашего героя — общался в тюрьме. Во-вторых, он оставил воспоминания (не всегда, впрочем, достоверные) о быте и тюремных нравах, о жизни писателя там. Да и помогал Дженнингс Портеру — как мог, конечно, но очень старался. И помощь была взаимной.

Их встреча состоялась не сразу, а примерно через полгода после того, как бывший налетчик переступил порог узилища. Вот уж кому довелось «хлебнуть по полной»! Едва попав в тюрьму, он попытался убежать. Поэтому испытал и наказание палками, и «лечение водой», избиения, голод и одиночный карцер.

Встреча не могла не состояться, и она состоялась. Вот как описал ее Дженнингс:

«В каторжной тюрьме Огайо по воскресеньям служитель больницы делал обход по камерам с запасом пилюль и хинина. Каждому каторжнику предназначалась его порция, независимо от того, нуждался он в ней или нет. Больничный служитель стоял у моей двери. Я чувствовал на себе его взгляд, но не поднимал глаз. Вдруг голос, тихий и размеренный, точно луч солнца, прорвавшийся сквозь тучи, прозвучал в моих ушах.

Эти низкие, бархатные звуки раздвинули, казалось, стены тюрьмы. Волнистые прерии, мягкие очертания холмов Техаса, приземистый бунгало в Гондурасе, тропическая долина Мексики — всё это вновь встало перед моими глазами.

— Полковник, вот мы и свиделись с вами снова.

[…] Я не хотел видеть Билла Портера в полосатой арестантской одежде. Долгие месяцы мы делили с ним хлеб и соль и кошелек, но ни одним словом не обмолвился он о своем прошлом. И вдруг это прошлое внезапно и грубо обнажилось предо мною, и тайна его, которую он так тщательно скрывал, стала без слов ясна мне при одном взгляде на его серую арестантскую одежду с черными продольными полосами на штанах. Самый гордый человек, которого я когда-либо знал, стоял у тюремной решетчатой двери и раздавал каторжанам пилюли и хинин.

— Полковник, у нас с вами общий портной, но, видно, шьет он нам по разному фасону, — протянул давно знакомый шутливый, полный юмора голос.

Я взглянул на него, но его невозмутимое лицо не отражало и

тени волнения. Портер счел бы унизительным для себя проявить свои переживания каким-либо внешним образом. Тот же отпечаток серьезного, внушительного высокомерия лежал на нем, но светлые глаза его казались затуманенными тайной скорбью»[189].

Дженнингс хорошо знал своего друга и видел, как тяжело ему живется в неволе, как глубоко он переживает то, что случилось с ним, и то, свидетелем и невольным соучастником чего он становится. «Хотя служба в госпитале была сравнительно легкой, но ни один самый тяжелый физический труд не мог бы действовать таким удручающим образом на человека с темпераментом Билла Портера, как это постоянное, ежечасное столкновение с людскими страданиями, — вспоминал Дженнингс. — Он видел истерзанные, искалеченные тела, которые приносили из подвала, где людей замучивали почти насмерть свирепыми избиениями, пытками водой и подвешиваниями. Он видел, как трудились доктора над этими жертвами, стараясь подлечить их хотя бы настолько, чтобы можно было продолжать терзать их». Однажды, что было совершенно нетипично для Портера, он даже признался: «Я не вынесу этого кошмара». «Это был один из немногих случаев, — отмечает автор воспоминаний, — когда Портер громко высказал всё отвращение и ненависть, которую внушали ему практикуемые в тюрьме наказания, а между тем ему, быть может, было больше, нежели всем остальным заключенным, известно об этих чудовищных истязаниях. […] Он часто приходил в почтовую контору (Портеру, используя наработанные в тюрьме связи, удалось устроить туда Дженнингса) и целыми часами просиживал неподвижно и безмолвно, терзаемый мрачным, гнетущим отчаянием. Даже потом, в самые блаженные минуты своего успеха в Нью-Йорке, Портер не мог избавиться от мрачной, навязчивой тени тюремных стен»[190].

В том, что Портер и Дженнингс встретились снова, конечно, был «знак судьбы». В свое время в Гондурасе общение с Дженнингсом не только спасало от депрессии и отчаяния, но и помогало выживать физически (денег-то у беглеца совсем не было). Зато теперь он смог помочь товарищу. Конечно, не сразу, — через знакомых, врачей, — но ему удалось ослабить режим содержания приятеля и перевести его из «четвертого», каторжного разряда в «первый» — привилегированный, к которому принадлежал и сам. Но и тот, в свою очередь, помогал Портеру. Помощь эта была психологического характера. «Билл Портер держался обособленно, — отмечал Дженнингс. — Он вообще нелегко сходился с людьми; между ним и остальным

миром точно была воздвигнута какая-то непреодолимая преграда, и никому не позволялось перешагнуть через эту стену, за которой он скрывал свои надежды, свои мысли, свои горести»[191]. Потому Дженнингс, которого Портер знал еще на воле, и оказался, по сути, единственным близким человеком в тюрьме, своеобразной отдушиной среди отчаяния и горя. Согласитесь, для такого закрытого и в то же время очень ранимого человека, как Портер, это было исключительно важно.

Очевидно, что и сочинительство, писание рассказов, — а этим он впервые действительно серьезно начал заниматься в тюрьме, — также было именно отдушиной, сублимацией отчаяния от «жизни на дне».

Судя по всему, рассказы он сочинял, еще будучи аптекарем. Но это было писание «в стол», ведь реального выхода на журналы у него не было. Он мог передавать свои письма родным (больше он ни с кем не переписывался) в обход цензуры, через врачей, которые ему доверяли. Но посылать рассказы в редакции, вести переписку — такой возможности у него, конечно, поначалу не было. Она появилась у «заключенного № 30 664» лишь тогда, когда он, прослужив полтора года фармацевтом в госпитале, стал секретарем управляющего делами каторжной тюрьмы штата Огайо. Как это произошло, достоверно неизвестно, но, скорее всего, свою роль, как это часто происходило в жизни нашего героя, сыграл его величество Случай. Главный врач больницы, оставивший, по просьбе Алфонсо Смита, воспоминания о своем сотруднике, писал: «Однажды, уже прослужив довольно долго в должности фармацевта, У. Портер пришел ко мне и сказал: “Я никогда прежде не просил вас ни о каких льготах и привилегиях, но сейчас мне придется сделать это. Я мог бы исполнять обязанности секретаря управляющего делами (сие означало возможность находиться за стенами тюрьмы и перемещаться без конвоя, “на доверии”). Это назначение зависит от Вашей рекомендации”. Я спросил его, действительно ли он хочет этого. Когда он сказал, что хочет, я позвонил управляющему, мистеру Ч. Н. Уилкоксу, и двадцать минут спустя мой подопечный оказался за воротами тюрьмы»[192].

О том, что Портер сочиняет, Дженнингс узнал позднее — когда близился срок освобождения его друга. «Открытие это произошло довольно курьезным образом. Я начал писать воспоминания о моей жизни бандита. […] Я придумал необыкновенное заглавие для моей книги. Рейдлер (заключенный, «коллега» Дженнингса по службе на почте. — *А. Т.)* пришел от него в восторг, точно так же, как и от моей продуктивности.

Мои “Наездники прерий” мчались вперед диким галопом. В некоторых главах было сорок тысяч слов и ни единого события, зато в других было не больше семи фраз, но зато столько же убийств.

Рейдлер настаивал, чтобы в каждой главе было хотя бы по одному убитому, заявляя, что это создает успех книги. Наконец я принужден был остановиться.

— Если я еще кого-нибудь пристрелю, — заявил я, — у меня людей не останется!

— Я научу тебя, что делать, — ответил мне Рейдлер. — Лучше всего посоветуйся с Биллом Портером: он ведь тоже что-то пишет.

Я и не подозревал, что Портер помышляет о литературной карьере. В тот же день после полудня он заглянул к нам.

— Билли говорил мне, что вы пишете, — обратился я к нему.

Портер метнул на меня быстрый взгляд, и яркий румянец залил его щеки.

— Нет, я не пишу по-настоящему, а только пытаюсь, — отвечал он»[193].

Неизвестно, удалось ли Портеру познакомиться с романом Дженнингса, а если удалось, то какой именно совет он дал другу-«романисту». Что касается тюремного «открытия О. Генри», то это, по словам всё того же Дженнингса, произошло следующим образом:

«Однажды в пятницу, после полудня, он зашел к нам в контору. Это случилось недели две спустя после того, как я предложил ему прочитать мои воспоминания.

— Полковник, соблаговолите выслушать меня, — заявил он со свойственной ему шутливой торжественностью. — Мне чрезвычайно ценно мнение моего товарища по перу. У меня здесь с собой кое-какая безделица, которую я хотел бы прочесть вам и Билли.

Портер был обычно так молчалив и так предпочитал слушать, как говорили другие, что вас невольно охватывало искреннее чувство удовольствия при малейшем поползновении с его стороны к откровенности. Билли и я повернулись к нему и приготовились слушать.

Портер уселся на высоком табурете у конторки и осторожно вытащил из кармана пачку оберточной бумаги. Она была вся исписана крупным размашистым почерком, едва ли можно было бы найти хотя бы одну помарку или поправку на многочисленных листах. С той минуты, как Портер начал читать своим низким, бархатным голосом, слегка заикаясь, воцарилась мертвая тишина. Мы положительно замерли, затаив дыхание. Наконец Рейдлер

громко вздохнул, и Портер, точно очнувшись от сна, взглянул на нас. Рейдлер ухмыльнулся и принялся тереть глаза своей искалеченной рукой.

— Черт вас подери, Портер, это впервые за всю мою жизнь. Разрази меня гром, если я знал, как выглядит слеза»[194].

Скорее всего, — учитывая характер автора и отсутствие иных, более близких ему людей, — это было первое «публичное» чтение. И реакция слушателей ему понравилась: «Портер сидел молча. Он был удовлетворен произведенным впечатлением; глаза его блестели от радостного чувства».

Он читал рассказ «Рождественский подарок по-ковбойски». Вероятно, решил, что эта история ему особенно удалась и будет воспринята с интересом. Так и получилось. Трудно сказать, был ли этот рассказ первым из тех, что писатель сочинил в тюрьме. Скорее всего, нет, ведь всего в заключении он написал 14 рассказов[195].

Слушателей поразили не только сила дарования их товарища, но и пронзительная доброта истории и то, в каких условиях она рождалась. Слово всё тому же Дженнингсу:

«Конторка, стул да решетка тюремной аптеки, а вокруг этой аптеки все пять палат больницы. В палатах этих от пятидесяти до двухсот больных самыми разнообразными болезнями. В тишине ночи раздаются стоны истерзанных людей, кашель истощенных чахоткой, предсмертный хрип умирающих. Ночная “сиделка” бесшумно скользит из одной палаты в другую, изредка возвращаясь в аптеку с лаконичным заявлением, что еще один из пациентов “приказал долго жить”. Тогда по коридорам разносился грохот тачки, на которой негр-вечник отвозил мертвецов в покойницкую. Конторка и стул эти помещались воистину в самом сердце леденящего отчаяния.

За этой самой конторкой ночь за ночью сидел Портер, и в этой жуткой тюремной обстановке смерти и жестокости расцветал ласковой улыбкой его гений — улыбкой, рожденной болью сердечной, позором и унижением, улыбкой, которая могучей волной, несущей с собой надежду и утешение, проникала во все людские сердца»[196].

Дженнингс — не литературный критик, да и его собственный художественный дар (он писал книги и считал себя писателем) был невелик, но, несмотря на это, он смог понять источник неизменной, поразительной доброты сюжетов своего товарища — она была рождена «болью, позором и унижением». Эти чувства писатель переживал сам, знал и видел, что переживают их другие, понимал, что их чувства и страдания не менее глубоки, чем его собственные, и потому стремился не столько даже утешить,

сколько дать *надежду*. Однако всё тот же Дженнингс (а вместе с ним и вся так называемая прогрессивная литература) упрекал О. Генри в отсутствии в его рассказах «правды жизни»[197]. Ни он, ни литераторы-демократы (американские или нет — не суть важно) не понимали, что *правда* не заменит доброты, и уж точно — не утешит. Нет в правде и надежды, а она, — он испытал это на себе — чаще всего, куда важнее истины.

Можно утверждать, что сюжеты его первых рассказов были созданы тюрьмой. Он узнавал их от заключенных, немудрящие истории которых выслушивал в тюремной больнице, материал давала и сама тюрьма, трагедии, что разыгрывались в ее стенах.

Почитателям О. Генри, конечно, хорошо известен рассказ «Превращение Джимми Валентайна» — один из «классических» текстов писателя. История эта о взломщике сейфов. Он молод, ему нет и тридцати, но он корифей в своей «профессии», хорошо «зарабатывает», а потому, хотя и является довольно частым визитером тюремных нар, никогда надолго не задерживается в тюрьме, — нужные люди имеют ход к губернатору, и тот с завидной регулярностью подписывает прошения о помиловании. В очередной раз Джимми досрочно покидает тюрьму и принимается за старое: в разных частях страны происходят дерзкие и искусные взломы сейфов. Бен Прайс, детектив, не раз «бравший» Джимми, узнает «почерк» своего клиента и решает-таки засадить его «по полной». Между тем Джимми приезжает в провинциальный городок, чтобы обчистить тамошний банк, но… влюбляется в дочку банкира, Аннабель. И решает зажить честной жизнью: меняет имя, открывает обувной магазин, бизнес спорится, он знакомится с семьей банкира, делает предложение Аннабель, и оно принимается. Вот уж назначен и день свадьбы. Джимми, окончательно выбрав «честную» дорогу, отправляет письмо своему приятелю по прежней жизни, в котором сообщает, что решил «завязать», но уникальный инструмент ему жалко, и назначает встречу, чтобы передать чемоданчик с инструментарием. По дороге встречает семейство банкира. Тот ведет показывать свою гордость: только смонтированную в его банке комнату-сейф — хранилище денег, ценных бумаг и т. д.

«Вдруг кто-то из женщин вскрикнул, и поднялась суматоха. Незаметно для взрослых девятилетняя Мэй, разыгравшись, заперла Агату (Мэй и Агата — дети старшей сестры Аннабель. — *А. Т.)* в кладовой…

Старый банкир бросился к ручке двери и начал ее дергать.

— Дверь нельзя открыть, — простонал он. — Часы не были заведены, и соединительный механизм не установлен. […] Боже мой! Что же нам делать? Девочка… ей не выдержать долго. Там

не хватит воздуха…

Мать Агаты, теряя рассудок, колотила в дверь кулаками. Кто-то необдуманно предложил пустить в ход динамит. Аннабел ь повернулась к Джимми, в ее больших глазах вспыхнула тревога, но она еще не отчаивалась. Женщине всегда кажется, что для мужчины, которого она боготворит, нет ничего невозможного или непосильного.

— Не можете ли вы что-нибудь сделать, Ральф? Ну попробуйте!

Он взглянул на нее: странная, мягкая улыбка скользнула по его губам и засветилась в глазах.

— Аннабель, — сказал он, — подарите мне эту розу.

Едва веря своим ушам, она отколола розовый бутон на груди и протянула ему.

Джимми воткнул розу в жилетный карман, сбросил пиджак и засучил рукава. После этого Ральф Д. Спенсер перестал существовать, и Джимми Валентайн занял его место». Сейф был открыт, девочка спасена. Всё это видел и детектив Бен Прайс, пришедший арестовать Валентайна. Но Джимми было всё равно — он и так уже разоблачил себя. Они столкнулись на входе.

«— Здравствуй, Бен! — сказал Джимми всё с той же необыкновенной улыбкой. — Добрался-таки до меня! Ну что ж, пойдем. Теперь, пожалуй, уже всё равно.

И тут Бен Прайс повел себя довольно странно.

— Вы, наверное, ошиблись, мистер Спенсер, — сказал он. — По-моему, мы с вами незнакомы. Вас там, кажется, дожидается экипаж.

Бен Прайс повернулся и зашагал по улице»[198].

Замечательная история с традиционным для О. Генри счастливым финалом. Читатель не знает, как всё для Джимми сложится в дальнейшем: женится ли он на возлюбленной, оценит и поймет ли его семья банкира, но писатель дает надежду: если его смог простить суровый детектив, то, может быть, смогут и другие?

У Джимми Валентайна был прототип, его звали Дик Прайс. И тюремный аптекарь У. С. Портер хорошо знал его историю. Прайс был взломщиком сейфов и сидел пожизненно. Ему было двадцать с небольшим, это была его третья судимость, и он был болен туберкулезом. Рос без отца и, как свидетельствует Дженнингс, «находился в тюрьме с того дня, как ему исполнилось одиннадцать лет. За это время, правда, он провел каких-нибудь два-три жалких года на воле, но настоящей свободы он никогда не знал». Он обладал удивительным даром открывать любые, даже самые хитроумные, кодовые замки и сейфы, но делал это не

при помощи какого-то особого инструмента, как Джимми, а голыми руками. О том, как это получалось, он рассказывал Дженнингсу:

«Вот глядите, я провожу черту напильником по самой середине ногтей и спиливаю их до тех пор, пока не обнажатся нервы. После такой операции пальцы мои приобретают такую чувствительность, что ощущают малейшее сотрясение. Эти самые пальцы я держу на циферблате замка, а правой рукой тихо пробую различные комбинации. Легкое дрожание затвора, когда он проходит через ту отметку, на которую поставлена комбинация, передается моим нервам; тогда я останавливаюсь и начинаю крутить назад. Этот фокус всегда мне удавался»[199].

И вот однажды в одном банке случился скандал: кассир, обвиненный в растрате, закрыл сейф и сбежал. В сейфе находились очень важные документы. Но открыть его никто не мог. Губернатор обратился к начальнику тюрьмы. Тот попросил Прайса открыть замок и обещал за это помилование. Дик открыл сейф (тем самым способом, со спиленными ногтями). Он уже умирал от чахотки, но очень надеялся выйти на свободу. Еще сильнее жаждала этого мать — Дик был ее единственным сыном. Но губернатор не помиловал его, и вскоре заключенный умер.

Такова реальная история. В ней нет счастливого финала. И не могло быть по определению. А в рассказе О. Генри он есть.

В жизни нет места чуду. Жизнь жестока. Она отнимает, а не дает надежду. Так почему же история писателя должна ранить человека, говоря эту самую правду? Кому нужна такая правда, которая отвращает от жизни, а не помогает жить; заставляет отчаиваться, озлобляет, а не утешает и дает силы существовать дальше?

Безусловно, такая философия творчества была сознательным выбором. Источником ее был, конечно, не только собственный опыт писателя (хотя и о нем забывать нельзя), но и тот скорбный мартиролог человеческих судеб, что прошли перед его глазами в тюремные годы и навечно запечатлелись в его памяти и душе. И становится понятно, что если бы не было У. С. Портера — «заключенного № 30 664», тюремного аптекаря, то не появился бы и писатель «О. Генри».

Вернемся, однако, к первому «тюремному» рассказу писателя — «Рождественский подарок по-ковбойски». Его успех у слушателей (пусть их было совсем немного, но это был несомненный успех) побудил автора отослать его для публикации. Как вспоминал Дженнингс, «объектом атаки» был избран журнал «Блэк Кэт», весьма популярное в то время издание[200]. Почему Портер выбрал именно его, а не что-то иное?

Например, он мог послать рассказ С. Макклюру, тем более что тот уже был знаком с его произведениями. Прислушался к чьему-то совету? А может быть, потому, что знал — «Блэк Кэт» неплохо и оперативно платит своим авторам? Возможно. Но послал туда свой рассказ явно зря — журнал специализировался на текстах иного свойства. Главным образом он печатал истории фантастические и «страшные». Ничего подобного в «Подарке», конечно, не было. И рассказ не напечатали.

Расстроился ли новеллист, получив отказ? Конечно. Но расстроил его не сам факт отказа. В конце концов, таких отказов из газет и журналов у Портера за годы предшествующей творческой деятельности накопилось немало. Куда важнее, что отрицательный ответ пришел под Рождество, а он так надеялся на гонорар — хотел сделать подарок дочери на праздник. Ведь тот доход, который приносили тюрьме заключенные (30 центов в день), зачислялся на счет тюрьмы, и этих денег они не получали. Всё, на что могли рассчитывать эти люди, — пять долларов при освобождении из узилища. На Рождество 1899 года, как, впрочем, и на Рождество 1898-го, приходилось ограничиться письмом. И всё-таки Маргарет получила подарок: Дженнингс раздобыл для своего друга однодолларовую бумажку. Ее-то Портер и вложил в конверт. Но после этого случая всегда готовился к праздникам заранее, не полагаясь на удачу.

Вообще, письма писателя дочери — отдельная тема. Не только потому, что Маргарет — главный адресат его скорбных лет и писем написал он довольно много, но еще и потому, что они открывают О. Генри как любящего и заботливого отца. Благодаря Маргарет, которая сохранила их, благодаря усилиям Алфонсо Смита, который убедил Маргарет разрешить снять с них копии и опубликовал большинство из них на страницах своей книги[201], мы можем познакомиться с ними. Поначалу (в те полтора года, когда исполнял обязанности тюремного аптекаря) он вкладывал послания к дочери в письма, адресованные Рочам. Затем, когда жил и работал в административном здании, за воротами тюрьмы, он посылал их, уже адресовав «Маргарет Портер».

Нет смысла анализировать их. Послания любящего отца к любимой единственной дочери — едва ли предмет для анализа. Просто приведем несколько отрывков из них:

> «Привет, Маргарет!
>
> Неужели ты меня не помнишь? Я — домовой, и зовут меня Алдибиронтифостифорникофокос. Если ты увидишь падающую звезду и произнесешь мое имя

семнадцать раз, пока она не погаснет, то, отправившись по дороге в метель, — в ту пору, когда красные розы цветут на томатной лозе, в первом же следе от коровьего копыта найдешь колечко с бриллиантом. Ты попробуй как-нибудь!»

(8 июля 1898 года.)

«Моя дорогая Маргарет!

Ты даже не знаешь, как я был рад получить твое маленькое прелестное письмецо. Мне так грустно, что я не смог зайти к тебе попрощаться, когда уезжал из Остина. Ты знаешь, что я обязательно бы сделал это, если только мог.

Вообще, я думаю, что это позор, когда взрослым дядям приходится уезжать из дома на работу и оставаться там долго, ты согласна? Но такова жизнь. Когда в следующий раз я вернусь обратно, то собираюсь остаться вместе с тобой. […] Пройдет немного времени, и мы снова будем с тобой читать на ночь сказки Дядюшки Римуса. Посмотрю, может быть, мне удастся раздобыть новую книжку Дядюшки Римуса, когда я буду возвращаться.

[…] Я думаю о тебе каждый день и воображаю себе, что ты сейчас делаешь. Пройдет совсем немного времени, и я увижу тебя снова.

Твой любящий Папа».

(18 августа 1898 года)

«Дорогая Маргарет!

Прошло довольно много времени с тех пор, как я получил весточку от тебя. Твое последнее письмо я получил в прошлом веке. Согласись, одно письмо раз в сто лет — не очень часто получается. Я всё ждал и ждал, день за днем, и откладывал свое послание, поскольку собирался послать кое-что тебе, но так как это кое-что так у меня еще и не появилось, то надумал-таки черкнуть тебе пару строк.

Я почти уверен, что это кое-что я получу через три-четыре дня и тогда напишу тебе снова и уж вышлю это тебе.

Надеюсь, твои часики идут верно. Когда ты будешь писать снова, убедись в этом, посмотри на них, скажи мне, сколько времени — потому что я не хочу вставать с

постели и смотреть на часы.

С большой любовью, Папа».

(14 февраля 1900 года)

«Дорогая Маргарет!

Я получил чудесное, длинное письмо от тебя уже несколько дней назад. Оно попало ко мне не сразу, а сначала отправилось по неверному адресу. Но я всё равно очень рад слышать тебя и очень, очень, очень опечалился, когда узнал, что ты поранила пальчик. Не думаю, что тебе совсем не больно, поскольку знаю, как это больно — порезаться. Я надеюсь, что его перевязали очень хорошо и это сохранит его силу. Я учусь играть на мандолине, и мы обязательно купим тебе гитару: мы вместе с тобой разучим много разных дуэтов, когда я вернусь домой. А случится это не позже чем следующим летом, а может быть, даже и того раньше.

[…] Я думаю, у тебя самый замечательный почерк из всех маленьких (да и больших тоже) девочек, которых я знал. Буковки, которые ты пишешь, такие четкие и такие правильные, будто напечатанные. В следующий раз, когда возьмешься писать, сообщи, далеко ли тебе ходить в школу, одна ли ты туда ходишь или нет.

Я всё время очень занят — пишу для газет и журналов по всей стране, потому у меня нет ни малейшей возможности появиться дома, но я буду пытаться приехать этой зимой. Если не получится, то летом я буду точно, и у тебя появится некто, кого можно оседлать и вволю поскакать верхом.

[…] Будь осторожна на улицах, не корми незнакомых собачек, не шлепай по головке змеек, не пожимай лапки кошкам, которым ты не представлена по всем правилам, и, конечно, не трепли за ноздри электрических лошадок».

(1 октября 1900 года)

«Моя дорогая Маргарет!

Мне следовало ответить на твое письмо уже давно, но ты же знаешь, какой я лентяй. Очень рад слышать, что ты проводишь время весело, и я жалею, что не могу быть рядом, чтобы развеселить тебя еще сильнее. Я прочитал в газете, что сейчас в Остине холоднее, чем когда бы то ни было прежде, и что у вас много снега. Ты помнишь,

когда однажды у нас выпал большой снег? Думаю, что этой зимой каждый у вас там может заготовить много снега, засушить, например. Кстати, а почему бы тебе не послать мне в письме немножко засушенного снега?»

(Декабрь 1900 года)

«Моя дорогая Маргарет!

Пришло лето, и цветут пчелки, и цветочки поют, и птички собирают мед, а мы с тобой еще и не рыбачили. Смотри, всего один месяц остался до июля, и вот тогда мы точно пойдем и не ошибемся. Мне кажется, когда ты писала, ты говорила, что там у вас в Питсбурге был большой паводок, так это или нет, но, думаю, воды там достаточно. И, ты знаешь, я ничего не слышал о Пасхе и о кроликах, несущих яйца, — но, я полагаю, что где-то читал, что яйца растут на яичных деревьях, и кролики их не несут.

Так сильно хочу получать от тебя вести и чтобы случалось это почаще; ведь прошло уже больше месяца с того времени, как ты мне написала. Напиши скорее и расскажи, как ты и когда кончатся занятия в школе, — нам так нужно много свободных дней в июле, чтобы у нас всё было замечательно. Я собираюсь послать тебе кое-что очень хорошее к концу этой недели. Как ты думаешь, что это может быть?

С любовью, Папа».

(Май 1901 года)

Читая письма Портера дочери, понимаешь, как он любил ее, насколько глубоко переживал разлуку, и если обманывал ее, постоянно перенося дату своего возвращения, то это была, конечно, «ложь во спасение», ложь в утешение — и Маргарет, которая ждала отца, и самого себя. Он знал, что ни зимой, ни летом 1900 года ему не быть рядом с ней. Но ей он дарил надежду, потому что знал, как мало кто другой, что это значит — надеяться и верить.

Какие бы «кошки» ни «скребли у него на душе», он всегда старался радовать свою дочку: дурачился, придумывал себе имена, сочинял небылицы, вроде «яиц, растущих на яичных деревьях», вкладывал в письма монетки в десять и даже пять центов, а несколько раз ему удалось порадовать ребенка даже долларовой банкнотой. Обязательно посылал «валентинки» — так, чтобы письмо поспело к 14 февраля, Дню святого

Валентина[202]. «Валентинки» он рисовал сам, а затем вырезал из плотной бумаги. Конечно, подарки были не велики. Но если вспомнить, что они присланы из тюрьмы, заключенным, лишенным каких бы то ни было средств, то можно ощутить их подлинную ценность. А еще он посылал Маргарет посылки, главным образом кукол. Обязательно, как «порядочный» отец, — ко дню рождения и на Рождество. Средства на это давали гонорары за рассказы. Правда, хотя в неволе он написал 14, «пристроить» из них удалось только три. Поэтому, зная, как изменчива судьба литератора, он не тратил все деньги сразу, а имел резерв, на тот случай, если следующий рассказ ему пристроить не удастся: не порадовать дочь он не мог.

Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы сказать Маргарет правду: ее папа в тюрьме, он преступник и осужден на пять лет за растрату. Рочи и Портер, не сговариваясь, наложили на это табу. Не просто потому, что дедушка и бабушка продолжали пребывать в стойкой уверенности в невиновности отца внучки, — ребенок этого не понял бы. Скорее всего, они были правы. О том, что у отца были проблемы с законом, Маргарет узнала лишь много лет спустя — только после своего совершеннолетия, незадолго до смерти О. Генри.

Кстати, обратил ли внимание читатель, что в последнем приведенном эпистолярном фрагменте упоминается Питсбург (штат Пенсильвания) как место, где живет Маргарет? Точная дата переезда Рочей с внучкой неизвестна, но произошло это до 17 мая 1900 года (тогда Портер впервые и упомянул Питсбург). Этот переезд обычно объясняют причинами экономического свойства. Например, утверждают, что он был связан с желанием Рочей заняться гостиничным бизнесом[203]. Вполне возможно, что экономический расчет здесь присутствовал — дела мистера Роча в Остине действительно шли довольно плохо. Определенную роль в этом сыграл, конечно, зять: необходимость постоянно извлекать деньги из бизнеса, делать займы, чтобы оплатить юридические издержки, безусловно, не могли не оказать негативного воздействия. Косвенно это подтверждает и сам мистер Роч. Уже после смерти своего знаменитого родственника он утверждал, что от момента замужества Атоль и до того, как Портер обосновался в Нью-Йорке и превратился в новеллиста О. Генри, он в общей сложности потратил на зятя десять тысяч долларов[204]. Известно, что какие-то деньги в 1900-е годы О. Генри вернул тестю. Но даже если это так, всё равно финансовый ущерб был, конечно, велик (тем более если задуматься о величине суммы: тот доллар был дороже современного примерно раз в двадцать, а мистер Роч вовсе не был олигархом) и не мог не сказаться на делах

последнего.

Тем не менее объяснять переезд только экономическими причинами было бы всё-таки неверно. Маргарет подрастала, общалась с соседями, сверстниками, однокашниками, и сохранять тайну становилось всё труднее. Возвращение отца в Остин неизбежно сделало бы тайное явным. И это не могло не стать важным фактором при принятии решения о переезде семьи в другой город.

Перемещение из Техаса в Пенсильванию получилось несколько скоропалительным, но и на это нашлись причины. Портер, конечно, не рассчитывал, что его дело будет пересмотрено. Но, как полагается (и, скорее всего, не без участия мистера Роча), адвокаты подали апелляцию на решение суда. В декабре 1898 года Верховный суд отклонил апелляцию. Приговор остался в силе. В январе 1899 года Уильям Портер писал мистеру Рочу, что по совету Дж. Мэддокса (давнего покровителя) он подал прошение о помиловании и что «в течение нескольких месяцев» дело его будет решено[205]. Но, видимо, в тот раз ничего не вышло — или документы не были поданы, или ответ был отрицательным. С водворением «заключенного № 30 664» в канцелярии начальника тюрьмы ситуация изменилась: во-первых, сам факт его перемещения уже говорит об этом, во-вторых, возможностей влиять на собственную судьбу у него, конечно, прибавилось.

К исходу 1900 года Портер отбыл почти половину срока заключения, и, судя по всему, примерно тогда и были поданы бумаги на сокращение срока «ввиду примерного поведения». Он был, безусловно, в курсе этого и уверен, что срок сократят (возможно, узнал об этом сам или ему сказал кто-то из администрации, может быть, даже начальник тюрьмы). По крайней мере 5 ноября 1900 года он писал миссис Роч: «Я теперь близок к свободе так, как никогда прежде»[206]. О предпринятых в этом направлении шагах не сообщает. Уже в начале 1901 года стало окончательно ясно, что бумагам дан ход, и Портер написал об этом Рочам. Наверняка он не знал, на сколько конкретно сократят заключение, но был уверен, что вскоре это произойдет. Видимо, тогда же Рочи и приняли решение переехать из Техаса в Пенсильванию.

Забегая немного вперед скажем, что документы на сокращение срока дошли до тюрьмы в феврале 1901 года. Из них стало известно, что срок сокращен на один год и десять месяцев. Следовательно, последним днем существования «заключенного № 30 664» стало 23 июля 1901 года. На следующий день он вышел из тюрьмы.

Но мы не рассказали, пожалуй, о самом важном — о рождении «О. Генри». А ведь оно состоялось всё там же — в исправительной тюрьме штата Огайо. Речь не о «литературной кухне», здесь как раз всё более или менее понятно. К рассказу как жанру писатель шел довольно долго. Его творческий путь пролегал от карикатур и устных историй, сочиненных в Гринсборо и на ранчо Холлов в Техасе, от юморесок, шуток, комических зарисовок и сцен, которыми он насыщал страницы «Роллинг стоун», через «Постскрипты» хьюстонской «Пост» — к короткому, но выразительному юмористическому рассказу особого свойства. Учителей у него было немного: главным образом это Марк Твен и Фрэнсис Брет Гарт. Произведениями каждого из них он зачитывался с детства и совершенно особое отношение к ним сохранил на всю жизнь. От первого он взял фигуру рассказчика, разговорную интонацию и сюжетную схему, от второго — бесконечное уважение к простому человеку, умение обнаружить за неказистой внешностью большое сердце, а за прозаичным каждодневным коловращением жизни увидеть высокую трагедию. Конечно, были у него и другие учителя (например, Эдгар По и Амброз Бирс, у которого он позаимствовал «сверхразвязку»[207]), но сам он едва ли осознавал свое ученичество, поскольку было оно не прямым, а опосредованным — через чрезвычайно энергично развивавшуюся в литературе США 1890–1900-х годов традицию газетно-журнального рассказа. Впрочем, данная проблема давно и широко обсуждается в отечественном литературоведении и критике — начиная с 1920-х годов, от работы Б. Эйхенбаума[208] до последней по времени академической «Истории литературы США»[209]. Да и интересует нас всё-таки иное — не столько творческий, сколько житейский аспект — крутой перелом в судьбе этого человека. Его отказ от продолжения жизни под именем Уильям Сидни Портер и превращение в «О. Генри».

За несколько недель до освобождения Портер говорил Дженнингсу:

> «Когда я выйду отсюда, я похороню имя Билла Портера в безднах забвения. Никто не узнает, что тюрьма в Огайо когда-либо снабжала меня кровом и пищей. Я не желаю и не могу выносить косых взглядов и подозрительного вынюхивания этих невежественных человеческих псов. […] Выйдя отсюда, я стану действовать свободно и смело. Никто не смеет держать надо мной дубину как над бывшим каторжником. […] Если обнаружат, что ты был некогда “номером”, твоя

игра проиграна. Единственный способ выиграть заключается в том, чтобы скрыть свое прошлое»[210].

Едва ли Дженнингс дословно воспроизвел речь своего друга: ведь свою книгу о нем он писал через десять лет после его смерти. Но смысл передал, безусловно, верно. В этих словах — ключ к пониманию природы трансформации, ее источника. Портер отдавал себе отчет, что не настолько силен, чтобы, как «Лорд Джим» Конрада, нести непосильное бремя прошлого. И потому решил всё начать заново. В новой ипостаси, с новым именем, без прошлого, живя настоящим. Конечно, прошлое никогда не отпустит его (ведь свои сюжеты он будет черпать не только из настоящего, но и из минувшего), но это действительно будет новая жизнь — под именем О. Генри.

После стольких отказов в публикации рассказов, что накопились за время заключения[211], он тем не менее истово верил в свое литературное предназначение, в свой успех новеллиста. Писатель его предчувствовал, предощущал. И это чувство явно вело его. Он, конечно, еще не знал, что нью-йоркский журнал «Энслиз» уже купил несколько рассказов и предлагал заключить пока неведомому О. Генри контракт на будущее сотрудничество: письмо с этим известием шло к нему кружным путем — через Новый Орлеан (точнее, через сестру знакомого осужденного банкира, жившую там) и Дженнингса, которому он оставил свой питсбургский адрес. Послание это достигнет автора уже после выхода из тюрьмы, когда он окажется в Питсбурге. Видимо, дано-таки ему было некое «шестое чувство», и он прислушивался к нему.

Кстати, а почему именно «О. Генри»?

Каждый из писавших о нем неизменно выдвигал свои версии происхождения псевдонима. Кто-то утверждал, что псевдоним «родом из Гринсборо», поскольку, будучи аптекарем, писатель постоянно пользовался фармацевтическим справочником Этьена Оссиана Генри — сокращенно О. Генри. А кто-то был уверен, что «отцом» псевдонима являлся некий чернокожий техасский ковбой по прозвищу «Олд Генри». Иные полагали, что имя писатель позаимствовал у тюремного охранника Оррина Генри, другие — у приятеля по репортерским дням в «Пикаюне».

Всё это версии. И среди них наверняка есть верная. Но доискиваться до истины в этом вопросе — дело неблагодарное. Вспомним хотя бы об отношении нашего героя к так называемой *правде!* Сам О. Генри относился к своему новому имени без пиетета. Как-то, через несколько лет, на вопрос своего нью-йоркского приятеля Р. Дэвиса о происхождении псевдонима

довольно легкомысленно ответил: «Он неплохо смотрится в печатном виде и к тому же произносится легко»[212]. Послушаемся его и примем как данность: У. С. Портер превратился в О. Генри. По крайней мере как автор. Окончательного «превращения» еще не произошло. Для этого потребуется некоторое время. А мы должны последовать за ним.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Вторая жизнь О. Генри

Глава четвертая
Один из четырех миллионов: 1902–1904

Коламбус — Питсбург — Нью-Йорк

Двадцать четвертого июля 1901 года писатель вышел за ворота тюрьмы. «Заключенный № 30 664» перестал существовать. Теперь он вновь превратился в Уильяма Сидни Портера, полноправного гражданина США. Ему выдали вещи. Получил он и причитающиеся любому бывшему заключенному пять долларов — государственную субсидию, своего рода «подъемные». Их должно было хватить на еду и билет до места жительства. Но от денег он отказался: попросил, чтобы их передали товарищам Дженнингсу и Рейдлеру — пусть купят себе сигарет. Даже такой малостью он не хотел быть связанным с прошлым (ведь тюрьма уже стала «прошлым»), хотел избавиться от него уже в первый день своего нового «настоящего». Тем более что деньги у него были. Как раз перед самым выходом из тюрьмы Портер получил гонорар — 75 долларов за рассказ «Денежная лихорадка», опубликованный в журнале «Энслиз»[213]. Этих денег с лихвой хватило, чтобы выпить в ближайшем баре пива, купить подарок Маргарет и железнодорожный билет.

Его никто не встречал. Да он и не собирался задерживаться в Коламбусе и в тот же день выехал в Питсбург, к Маргарет.

Нам неизвестны подробности встречи писателя с дочерью. В то же время понятно, что она не могла быть простой. Девочке было почти двенадцать, она уже вошла в сложный — переходный возраст, а отец отсутствовал больше трех лет. Все эти годы ей говорили, что он работает — то коммивояжером, то рекламным агентом, то репортером в газете. Занятия менялись, а отец все никак не мог приехать — только присылал письма и подарки. Ребенок, конечно, чувствовал — что-то здесь не то. Но правды девочке никто не говорил. Не сумел найти нужных слов и вернувшийся отец. И это, естественно, не могло не осложнить их отношения. Судя по всему, той близости, что существовала между отцом и дочерью прежде, восстановить не удалось. Да разве могло быть иначе?

В Питсбурге мистер Роч служил управляющим отелем. Отель был небольшим и отнюдь не перворазрядным. Назывался он «Айрон Фронт Отель»[214]. В нем приготовили и комнату для писателя. Трудно сказать, почему Рочи не поселили его у себя. Один из биографов нашего героя выдвинул версию, что это было

связано с сочинительством. «Без какого-либо промедления, — писал он, — Портер продолжил в Питсбурге свою литературную карьеру»[215]. Конечно, слово «карьера» звучит в этом контексте не совсем корректно. Но условия, в которых проживали Рочи, возможно, действительно могли стеснять, мешали трудиться полноценно. Тем более что он и прежде, когда еще была жива Атоль, предпочитал работать по ночам. В тюрьме эта особенность превратилась в привычку. После выхода на свободу он ей не изменил.

В отеле писатель прожил совсем недолго — едва ли дольше одного-двух месяцев — и съехал: перебрался в дешевую меблированную комнату, которую делил с молодым человеком по фамилии Джеймисон, кстати, коллегой по недавней профессии — тот работал фармацевтом в аптеке. Причина переезда была экономического свойства: писатель не хотел обременять родственников. Они сделали (и продолжали делать) для него так много! Собственных средств было недостаточно, самостоятельно оплачивать номер в отеле он не мог. Новое жилье было скверным — комната, «густо населенная насекомыми», как вспоминал У. Джеймисон, зато очень дешевая; кровать — пусть и огромная — была всего одна. В иные времена, с его-то щепетильностью и чистоплотностью, Портер, конечно, не стал бы жить в таком месте. Но после тюрьмы на многие вещи он стал смотреть по-другому.

У него, конечно, были возможности найти работу в Питсбурге, но он не воспользовался ими (это было сопряжено с риском разоблачения тюремного прошлого). Да и мешало это литературному труду. А он явно не отступал от намерения стать профессиональным писателем. Очевидно, что и решения превратиться в О. Генри он не менял.

Основания для этого были. Мы упоминали о письме-приглашении из Нью-Йорка. Долгим путем (через Новый Орлеан) дошли в Питсбург известия (и чеки!) и о других публикациях его рассказов (не зря он, не смущаясь отказами, настойчиво бомбардировал своими рукописями десятки американских газет и журналов!). В октябре он писал Дженнингсу, что литературой, считая с 1 августа, он зарабатывает в среднем по 150 долларов ежемесячно[216]. Едва ли это в полной мере соответствовало действительности. Видимо, не все месяцы бывали «удачными», иначе не объяснить сотрудничество с местной газетой «Диспатч». То была главным образом репортерская работа. Правда, публиковал он там и юмористические тексты: стихотворения и сценки. Рассказов «Диспатч» не печатала. Конечно, это был «шаг назад» и такая работа не удовлетворяла. Но она приносила

небольшой доход, а деньги были необходимы.

За полвека с лишним до этого грязный промышленный Питсбург сильно разочаровал другого писателя — англичанина Томаса Майн Рида. Очевидное раздражение вызывал город и у О. Генри. Он с первого взгляда невзлюбил его и эту антипатию сохранил до конца дней. Буквально через месяц после приезда сюда, в своем первом письме Дженнингсу в Коламбус, он сообщал:

«Я заявляю, что Питсбург — самая гнусная дыра на всём земном шаре. Здешние обитатели — самые невежественные, невоспитанные, ничтожные, нудные, растленные, грязные, сквернословящие, непотребные, непристойные, нечестивые, испитые, жадные, злобные твари, каких только возможно себе вообразить. По сравнению с ними обитатели Коламбуса — настоящие рыцари без страха и упрека»[217]. В другом письме тому же адресату он сетовал: «Единственная разница между П. и О. П. («П» — Питсбург; «О. П.» — то есть *Ohio Penitentiary* — каторжная тюрьма штата Огайо. — *А. Т.)* заключается в том, что в первом разрешается разговаривать за обеденным столом»[218]. «Задерживаться здесь дольше, чем необходимо, я не собираюсь», — писал он. Но, видимо, было нечто, что тому препятствовало. Ведь покинуть столь ненавистный Питсбург он смог только в марте 1902 года — то есть лишь через восемь месяцев.

Что же ему мешало? А что мешает большинству людей поехать туда, куда они хотят? Конечно, нехватка денег. Недоставало их и нашему герою. Но как это сочетать с фактом, что пусть не очень много и нерегулярно, но он всё-таки зарабатывал? Да еще и брал взаймы.

Как вспоминал всё тот же сосед по комнате, по причине хронического безденежья Портер был вынужден частенько брать в долг — и у него, и у других людей: у тестя, приятелей, знакомых. Однажды он даже обратился к доктору Уилларду из тюрьмы в Огайо с просьбой взаимообразно выслать ему пять долларов[219]. Всё это свидетельствует не только (и, возможно, не столько) об отчаянном безденежье нашего героя, сколько о его непрактичности и финансовой безалаберности. Можно, конечно, говорить об уже тогда явно излишнем интересе к спиртному, о покере, в который любил сразиться Портер (и сражался — по нескольку раз в неделю). Но главное не в этом, а в абсолютной неприспособленности писателя. Вот чего он был начисто лишен, так это способности управлять собственными финансами. Но с другой стороны — а была ли у него вообще возможность научиться этому? Когда он работал в аптеке в Гринсборо,

финансами распоряжалась бабушка, у Холлов он денег не имел и жил на всём готовом. Затем, в Остине, у Хэрроллов — в течение трех лет — не платил ни за стол, ни за квартиру, а все деньги тратил на одежду и развлечения. А потом женился, и бюджет семьи оказался в твердых руках Атоль. Стоит ли удивляться, что деньги у него никогда не задерживались: ни в «голодные» питсбургские годы, ни в «тучные» нью-йоркские — даже после того, как к нему пришла слава и гонорары потекли рекой. Они испарялись совершенно волшебным образом. Куда? Едва ли на этот вопрос Портер смог бы внятно ответить: исчезали, а куда — непонятно.

Он мечтал вырваться из Питсбурга. И ему было куда ехать — в Нью-Йорк: через месяц-два после выхода из тюрьмы его наконец-то настигло письмо Гилмэна Холла, тогда еще редактора нью-йоркского журнала «Эврибадиз» (к тому моменту он, правда, уже сменил место работы и редактировал другой журнал — «Энелиз»). В письме содержалось предложение сотрудничать, регулярно поставляя рассказы. Холл предложил 75 долларов за рассказ и пригласил Портера приехать в Нью-Йорк, чтобы обсудить детали. Тот ответил, завязалась переписка, первые рассказы отправились в Нью-Йорк, а затем были опубликованы в «Энслиз».

Но в Нью-Йорк, несмотря на настойчивые призывы, Портер так и не смог выбраться — ни тогда, осенью 1901-го, ни позднее, в начале зимы 1902 года. Холл недоумевал. Наконец автор признался, что у него финансовые сложности, и попросил выслать 100 долларов — «на дорогу». Холл выслал требуемую сумму, договорились, что 22 марта автор будет в редакции. Однако ни 22-го, ни позднее он так и не появился. И вот здесь завязывается небольшой детектив: Холл забеспокоился и начал подозревать, что стал жертвой мошенничества. Сначала он написал в Питсбург, но ему не ответили. Затем, чтобы развеять подозрения (или укрепиться в них), он послал несколько страниц рукописи Портера и его письмо с просьбой о вспомоществовании на графологическую экспертизу: она должна была установить, является его автор жуликом или нет. Утром 31 марта пришел ответ эксперта: «нет, не является, он честный человек», но «некоторые особенности почерка» свидетельствуют о том, что «обладает меньшей твердостью воли, чем того требует работа», «он легко загорается, но отсутствуют признаки того, что работа будет обязательно завершена», «…что врагом, с которым ему следует бороться, является присущая ему тенденция изменения отношения к работе или отказа от нее, если она идет вразрез со складывающимися обстоятельствами»[220].

Вот таким был результат экспертизы. Конечно, для нашего современника сам факт обращения к графологу удивителен. Но, не забудем, то было самое начало XX века, и такое «исследование» ни у кого не вызывало сомнений. Экспертам верили и полагали их выводы научно обоснованными (как, впрочем, и выводы френологов, физиономистов, антропологов и т. д.).

Интересно, ознакомившись с заключением, не озадачился ли Холл вопросом, «а стоит ли вообще связываться с *таким* автором»? Вероятно, да. Но в то же время видел в нем «искру Божью». Предощущал успех.

А пополудни, в тот же день, 31 марта (бывают совпадения!), пришло письмо из Питсбурга. Автор благодарил за присланные деньги, но, по его словам, они непонятным образом «испарились», и просил о новом чеке на ту же сумму, заверяя, что теперь-то уж точно потратит их на билет до Нью-Йорка.

На этот раз редактор решил разделить ответственность с владельцем журнала, Дж. Смитом, отправился к нему и попросил совета.

«Он точно хочет свалить из Питсбурга, ведь так? — спросил тот. — Ну, так и не цепляйся, не виновать его. Вышли ему другую сотню»[221].

Холл так и поступил. А через три дня в редакции «Энслиз» наконец объявился тот самый таинственный автор.

Однако, прежде чем мы встретимся с О. Генри в редакции «Энслиз», разберемся в обстоятельствах «открытия» писателя.

Коллега Г. Холла, его соредактор в журнале, Ричард Даффи вспоминал: «Где-то в начале 1901 года в офис журнала доставили письмо из Нового Орлеана, в нем находилась рукопись рассказа под названием “Денежная лихорадка”. Рассказ был подписан именем “О. Генри”. К рукописи прилагалась записка о том, что чек или отказ в публикации следует направить на имя У. С. Портера по тому же адресу в Новый Орлеан. Кто первым в редакции прочитал рукопись, неизвестно, но сумел разглядеть в истории нечто, что заставило отправить ее “наверх”. Волей случая текст попался на глаза Гилмэну Холлу и Ричарду Даффи. Они нашли его достойным, рекомендовали к публикации и написали письмо автору с предложением о сотрудничестве (это самое письмо наш герой и получил в Питсбурге. — *А. Т.),* попросили прислать другие рассказы. История была опубликована в майском номере “Энслиз”»[222].

Следующим рассказом, присланным в редакцию, стал «Rouge et Noir». Он был напечатан в декабрьском номере журнала. Через несколько дней был получен «Редкостный флаг», он вышел в свет

в феврале[223]. Оба рассказа были подписаны «Оливер Генри», под этим авторством и вышли. С этих публикаций и началось сотрудничество писателя с журналом.

Что интересно — писатель предлагал свои рассказы и в другие издания (например, в «Смарт сет», «Мансиз мэгэзин» и др.), но, видимо, что-то не удовлетворяло его в этих журналах (возможно, ставка оплаты, или обижала форма отказа, или что-то другое[224]), и «право первой ночи» тогда, в самом начале, неизменно принадлежало «Энелиз». До конца того же 1901 года О. Генри отправил в журнал еще три истории: «Исчезновение Черного Орла», «Друзья в Сан-Росарио» и «Cherchez la Femme». Так что Гилмэн Холл беспокоился напрасно, и, напротив, совершенно прав был его начальник, мистер Смит, советуя «не виноватить» автора, а выслать дополнительные 100 долларов «на дорогу».

Итак, в начале апреля 1902 года О. Генри появился на пороге редакции «Энслиз». Предоставим слово Р. Даффи:

«Вечерело. Догорал чудесный весенний день, когда он появился в здании на углу Дуэйн и Спринг-стрит. Мальчик-портье принес визитку, на которой значилось имя “Уильям Сидни Портер”. Не помню, когда мы узнали, что “О. Генри” только псевдоним, но думаю — в процессе переписки, предшествовавшей его появлению в Нью-Йорке. Полагаю, однако, что случилось это, когда мы готовили очередной годовой проспект и спросили, что обозначает буква “О”. Нам необходимо было знать его имя. […] Он сообщил: “Оливер” и под таким именем впервые появился в нашей издательской рекламе — как Оливер Генри.

[…] Таким образом, облик этого человека так и не успел сложиться в нашем воображении до тех пор, пока мы с ним не встретились лично. Одет он был в темный костюм с галстуком в яркую полоску. В руках нес черный котелок с высокой тульей, ступал упругим бесшумным шагом. Встретив его впервые, тем не менее, мы сразу ощутили присущую ему сдержанность. Причем порождена она была отнюдь не провинциальной скованностью, но, скорее, его внутренней настороженностью»[225].

О том, что было дальше, рассказывал уже сам О. Генри:

«С трепетом и предосторожностями они (Г. Холл и Р. Даффи. — *А. Т.)* сопроводили меня к кабинету издателя, мистера Смита, который довольно бесцеремонно выпроводил их восвояси, затворил дверь и усадил меня в кресло. Предполагая, что всё это лишь прелюдия и сейчас последует нечто значительно менее приятное, я пробормотал слова признательности, поблагодарил за великодушие и щедрость и стал заверять, что он не ошибся.

— Не стоит благодарности, мой дорогой, — прервал он

меня. — Я родился и вырос в Питсбурге и только счастлив, что помог вам сбежать оттуда»[226].

Так что прием, оказанный О. Генри в «Энслиз», был самым радушным. Тем более что писатель, как оказалось, приехал не с пустыми руками, а привез с собой несколько новых рассказов, часть из которых вскоре увидели свет на страницах журнала. Конечно, это вовсе не гарантировало, что и в дальнейшем всё будет так же замечательно, но такое начало, безусловно, радовало нашего героя.

После визита О. Генри к боссу Холл и Даффи повели его на экскурсию: показать окрестности, Медисон-сквер, погулять по центру города. Но, как вспоминал один из гидов писателя в той прогулке, их подопечный был невнимателен, слушал «вполуха», почти не обращал внимания на «красоты» и достопримечательности. В конце концов один из них не выдержал и спросил: «В чем дело, Билл? Вам что — неинтересно?» На что тот ответил: «Как, к черту, я могу наслаждаться вашими красотами, когда мои новые ботинки ужасно жмут?»

Эпизод красноречивый. Хотя бы тем, что, собираясь в редакцию «Энслиз», наш герой приоделся. Причем совершенно очевидно, что обновил гардероб он уже в Нью-Йорке. Стремление выглядеть элегантно — характерная черта О. Генри. Нельзя не согласиться с мнением И. Левидовой, утверждавшей: «Полная джентльменская выкладка была у О. Генри не прихотью, не проявлением дешевого фатовства, а своего рода защитной оболочкой, чем-то вроде черепашьего домика-панциря»[227]. Правда, нередко, как мы видим, это влекло и определенные неудобства — вроде того, что описано. Но едва ли они его смущали. Он любил красиво и дорого одеваться. Отчасти по этой причине ему обычно денег недоставало: шляпы, котелки, галстуки, костюмы, башмаки, лайковые перчатки, трости и т. п. — всё это, конечно, обходилось недешево.

Стоит обратить внимание и на манеру разговора. С малознакомыми людьми (то есть почти со всеми) Портер разговаривал нарочито простовато — с южным (техасским) акцентом, упрощением и нарушением грамматики, умышленно насыщая свою речь барбаризмами, ковбойскими словечками и оборотами. К сожалению, в переводе всё это теряется, и читателю остается одно — поверить автору на слово. Но и эта речевая манера тоже, конечно, была защитой — органичной составляющей не только литературной, но и человеческой маски — человека и писателя по имени О. Генри.

Едва ли были правы Холл и Даффи в своем предположении, что экскурсанту «неинтересно». Скорее, напротив, — он был

поражен чудовищной силой огромного, четырехмиллионного тогда города, мощным пульсом его жизни. И это ощущение вскоре насытит его нью-йоркскую прозу. Поэтому жмущие ботинки, скорее всего, из того же арсенала его собственных способов скрыть эмоции, не лишить себя защиты.

Но как Портер ни старался, в одном случае он всё-таки не сумел скрыть ошеломления: при виде знаменитой — и тогда еще в своем роде уникальной — нью-йоркской «надземки». Не укрылось это и от его провожатых. «В тот день, — вспоминал Р. Даффи, — он буквально не сводил глаз с надземки: глазел на нее, засыпал нас вопросами — порой настолько наивными и обескураживающими, что мы даже сомневались в его искренности. Он спрашивал, а не боятся ли люди ездить в этих поездах, часто ли они падают, а если не падают, то почему»[228]. Но на предложение прокатиться ответил категорическим отказом. «Мы попытались переключить его внимание и познакомить со знаменитым Морганом Робертсоном — он стоял на углу Шестой авеню и Двадцать третьей улицы и был одет очень элегантно… но в тот день О. Генри смотрел только на эстакаду надземки»[229]. Интересно, а позднее, когда уже совсем освоился в мегаполисе, пользовался ли он ею? Трудно дать определенный ответ на этот вопрос. Но что-то подсказывает, что О. Генри избегал этого вида транспорта, предпочитая ходить пешком, ездить в экипаже, в крайнем случае — пользоваться автомобилем (которому, кстати, тоже не очень доверял). Его жизнь в Нью-Йорке не изобиловала длительными передвижениями. Он любил гулять, но, как правило, не отходил очень далеко от дома. Впрочем, о прогулках мы еще поговорим, ведь они составляли важный этап в собственной «алхимии» творчества О. Генри.

«Нужный человек в нужном месте», или В дебрях большого города

«В поисках себя в Нью-Йорке» — так Алфонсо Смит, первый биограф писателя, назвал главу своей книги, посвященную первым годам жизни О. Генри в огромном мегаполисе. Довольно точное название. Справедливое.

Объявившись в офисе «Энслиз», познакомившись с Холлом и Даффи, представившись их боссу — мистеру Смиту, Портер пока еще довольно смутно себе представлял, что и о чем он будет писать. Мы привыкли думать об О. Генри как о выдающемся мастере новеллы. Но ведь такая репутация (не стоит забывать об этом) сложилась не сразу. Хотя в редакции его и приняли очень радушно, он был пока всего лишь одним из авторов журнала.

Многообещающим, но все-таки «одним из…».

Как вспоминал тот же Р. Даффи, в первое посещение Портер принес несколько рукописей. Это были стихи, очерки, юмористические сценки, рассказы. Он предложил их журналу для публикации. И что интересно, почти все мелкие юмористические вещицы были напечатаны, а вот рассказы опубликовали не все.

Даффи вспоминал, что среди них была новелла — вариация на тему о «Вечном Жиде», а также «новоорлеанская история» о неком господине, сомнамбулически странствующем по городу под воздействием абсента. Обе новеллы были фантастическими. «Нечто, — писал Даффи, — напоминающее то ли Эдгара Аллана По, то ли Лафкадио Хирна»[230]. То есть совершенно нетипичные для О. Генри. Первая из них, по его словам, была позднее где-то напечатана, а вторая так и затерялась. Но среди самых первых нью-йоркских историй был и рассказ под названием «Пока автомобиль ждет», один из признанных шедевров О. Генри. Тот самый, где мы уже встречаемся с типажом, который станет излюбленным для писателя — юной, красивой, с благородной осанкой, но бедной обитательницей большого города. В нем уже есть почти все приметы «новеллы О. Генри» — емкая и точная деталь, лапидарность, выразительность языка, нарочитая будничность коллизии, незамысловатость, но убедительность сюжета. Но рассказ пока лишен «утешающей» развязки. И этим он отличается от историй, которые вскоре составят успех писателя. То есть совершенно понятно, что как художник он еще не определился в выборе дороги: пока не мог окончательно расстаться с амплуа газетного юмориста и, похоже, не понимал до конца, каких именно рассказов ждут от него издатели и читатели[231].

Впрочем, со своей темой он определился, видимо, достаточно быстро — уже в первые дни своего существования в «городе четырех миллионов». Об этом говорит прежде всего то, что «нью-йоркская тема» появляется уже в самых первых рассказах того времени.

В разговоре с Алфонсо Смитом, незадолго до смерти, он вспоминал: «Когда я очутился в Нью-Йорке впервые, основную часть времени я проводил, слоняясь по улицам. Едва ли сейчас я стал бы этим заниматься, но тогда, в самом начале, это было моим основным делом. Бывало, дни и ночи напролет я путешествовал по набережным, изучал трущобы, перемещался по Бауэри, пробирался везде, куда только мог зайти, и заговаривал с каждым, кто отвечал мне. И я не встретил там ни одного человека, кто бы рассказал о том, что мне было известно прежде: у каждого был собственный опыт, и он мне был неизвестен, и

каждый обладал своей собственной точкой зрения на жизнь и на мир вокруг. Если вы сумеете говорить, как надо, то у вас есть большой шанс раздобыть по-настоящему стоящую историю. Но, как бы вы ни исхитрялись в разговоре, никогда не доставайте карандаш и записную книжку, — человек тут же заткнется, а вас пошлет к чертовой матери»[232].

Но в Нью-Йорк он попал в «правильное» время, как в «правильное» время входил и в американскую литературу. У американцев есть такое речение: *the right man at the right place at the right time* — «нужный человек в нужном месте в нужное время». Это как раз об О. Генри. То был период, когда англоязычная литература находилась явно на подъеме. Он начался еще в 1890-е годы, когда Марка Твена, почти безраздельно царившего на Олимпе американской словесности, потеснили новые литературные силы в лице Ст. Крейна, А. Бирса, Фр. Норриса[233], Дж. Лондона и многих других, предложивших новый взгляд на действительность и человека и создававших литературу нового типа. В 1900-м и 1901-м это «наступление» продолжалось: Т. Драйзер опубликовал «Сестру Кэрри», Лондон — «Сына волка», Норрис — «Спрута», начиналось движение «разгребателей грязи»[234]. Эти писатели работали в разных жанрах, но все они были весьма критично настроены к существующему порядку вещей, их тексты звали к переменам и предрекали их неизбежность. Но, при бесспорном огромном их даровании, всем им недоставало доброты и человеколюбия. Они судили, а не утешали человека. И вот это «утешение» — на самом деле совершенно необходимое — в сочетании с добродушным, но правдивым изображением простого человека и предложил О. Генри.

Не забудем и еще об одном: о расцвете, который переживали американские журналы в 1890–1900-е годы. Грамотных становилось всё больше, росли города, и люди в поисках лучшей доли гигантскими потоками стекались в них. Они читали, и таких читателей становилось всё больше. И, как следствие, множились журналы. Они, конечно, печатали романы и повести, но основным журнальным жанром была новелла. О. Генри волею обстоятельств, житейского опыта и спектра художественного дарования, впитанных им литературных традиций, оказался тем самым автором, которого так недоставало американской литературе — «нужным человеком в нужном месте в нужное время». Но тогда, в июле 1902 года, в свои самые первые дни жизни в Нью-Йорке, он, конечно, не знал об этом. Не догадывались о «миссии» писателя и о его грядущем успехе и в журнале «Энслиз».

Неизвестно, где писатель провел свою первую ночь в Нью-Йорке. Но уже на следующий день он вновь появился в редакции журнала и сообщил, что снял «большую комнату во французском отеле с пансионом» неподалеку от редакции — на Двадцать четвертой улице — между Бродвеем и Шестой авеню[235]. А еще он принес новый, только что написанный рассказ, что приятно поразило редакторов журнала. Что это был за рассказ и какова его судьба, мы не знаем, но сам факт говорит о многом: переезд в Нью-Йорк явно придал писателю сил, и он немедленно включился в работу.

Но что интересно и характерно: сообщив о том, что его обиталище находится на Двадцать четвертой улице, О. Генри не оставил в редакции точного адреса. Так происходило и в дальнейшем: когда он менял место жительства или начинал сотрудничество с новым периодическим изданием, то обычно не оставлял своего почтового адреса, предпочитая появляться в редакциях лично. Некоторые видели в этом чудачество застенчивого человека, потому что не знали — не могли и не должны были знать — истинных мотивов его скрытности. А они напрямую были связаны с предыдущей жизнью — жизнью У. С. Портера, бывшего кассира Первого Национального в Остине, растратчика и преступника, заключенного каторжной тюрьмы в Огайо. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда известность О. Генри начала расти и многие издания пытались заполучить его тексты, оказалось весьма непростой задачей разыскать автора.

Р. Дэвис, впоследствии близкий приятель, был одним из тех, кто пытался сделать это в 1903 году. В своей книге он вспоминал, как нелегко ему было выполнить задание редактора — разыскать таинственного О. Генри. Но и потом, когда к писателю пришла слава, когда они были почти неразлучны и встречались по несколько раз в неделю, журналист вспоминал о странной привычке своего друга: «Портер бежал от публичности как черт от ладана. Он шарахался от протянутой руки незнакомца и тщательно избегал разговоров о собственной персоне». Ему вторит упоминавшийся Гилмэн Холл, один из самых близких писателю людей в Нью-Йорке, который отмечал очень странную, на его взгляд, привычку «напряженно рыскать взглядом» поверх его головы и кругом во время их обычных совместных обедов в ресторанах. Как будто он ожидал и в то же время не хотел кого-то увидеть. Этот, как он назвал, «комплекс беглеца» даже заставлял думать, что Портер убил кого-то и теперь скрывается[236]. Но истинной причины необычного поведения писателя никто из них так и не узнал до его кончины. Причина эта была хорошо

известна Элу Дженнингсу, которому несколько лет спустя, уже во время пребывания его в Нью-Йорке (после помилования[237]), О. Генри признавался: «Знаете, полковник, каждый раз, когда я захожу в ресторан или кафешку, меня пронзает ужас, а вдруг кто-то из бывших заключенных подойдет ко мне и скажет: “Привет, Билл! Давно ли ты освободился из О. Р.?” («О. Р.» — *Ohio Penitentiary* — каторжная тюрьма штата Огайо. — *А. Т.*)»[238].

Тем не менее пресловутый «страх разоблачения», преследовавший Портера, не только не мешал, но даже помогал работе — интенсивному литературному творчеству. Он заставлял отказываться от светского времяпрепровождения, до которого, как мы помним, наш герой был весьма охоч до заключения, усаживал за письменный стол трудиться. Впрочем, была и иная мотивация — он просто обязан добиться успеха. Иного пути он не видел.

О напряженности и продуктивности творческих усилий говорит следующий факт: в 1902 году О. Генри опубликовал 17 новелл. А только за первые четыре месяца 1903 года уже 12, и среди них такие известные тексты, как «Превращение Джимми Валентайна», «Дороги судьбы» и «Коварство Харгрэвса». Можно утверждать, что, хотя настоящая известность к писателю пришла не сразу (рубежным в этом смысле стал 1905 год), но именно первые годы в Нью-Йорке были самыми напряженными и результативными в творческом плане. Позднее, примерно после 1906 года, литературная активность О. Генри заметно снизилась. А тогда его писательская энергия была на подъеме.

Как утверждали те, кто знал его в нью-йоркский период, писал он быстро. В основном по ночам (тюремная привычка), и, случалось, мог написать рассказ всего за ночь. Уже тогда вполне оформилась его оригинальная манера сочинительства. Если Э. Хемингуэй свои первые рассказы создавал, сидя за столиком в шумном кафе, Майн Рид сочинял ночью в глубокой тишине, лежа на кровати и плотно укутав ноги в меха, а Вольтер, говорят, писал только стоя, стянув голову мокрым полотенцем, то О. Генри — уже в первые нью-йоркские годы — сочиняя, не мог обойтись без виски. Давно по разным источникам кочует пассаж. Он, разумеется, приписывается самому художнику, живописующему свою «литературную кухню»: «Прежде всего, нужен кухонный стол, табуретка, карандаш, лист бумаги и подходящий по размерам стакан. Это орудия труда. Далее вы достаете из шкафа бутылку виски и апельсины — продукты, необходимые для поддержания писательских сил. Начинается разработка сюжета (можете выдать ее за вдохновение). Подливаете в виски апельсиновый сок, выпиваете за здоровье журнальных

редакторов, точите карандаш и принимаетесь за работу. К тому моменту, когда все апельсины выжаты, а бутылка пуста, рассказ завершен и пригоден к продаже»[239].

Достоверно неизвестно, при каких обстоятельствах писатель рассказал эту историю, было ли это сказано в шутку или на полном серьезе, но то, что в нью-йоркские годы алкоголь стал неотъемлемой составляющей его творческого процесса, не подлежит сомнению. Никто из знавших О. Генри в этот период не называл его алкоголиком. Он не был рабом бутылки в буквальном смысле. С алкогольными напитками у него были особые, можно сказать, очень дружеские, даже «интимные» — любовные отношения. Гилмэн Холл свидетельствовал, что его друг начинал пить еще до завтрака, но никто и никогда не видел его пьяным. У него была какая-то особая мера, сообразуясь с которой он никогда не был пьян, но и не бывал трезв. Существовал всегда «на грани». Его ближайший друг Роберт Дэвис, о котором речь впереди, писал: «Это был человек двух бутылок (“я *two bottle man*”), то есть, его обычная суточная доза в нью-йоркские годы составляла две кварты виски (то есть около двух литров. — *А. Т.* *[240]*). Портер мог потреблять огромное количество крепких напитков, но это никак не проявлялось внешне. Привычка поглощать изрядные объемы спиртного чрезвычайно редко отражалась на его поведении — он мог иной раз покачнуться, но менялся разве что его голос, в котором, обычно густом и низком, появлялись высокие ноты»[241].

И что еще важнее. Поглощаемое спиртное, видимо, особенно не влияло на творческие силы. По крайней мере в первые годы жизни в Нью-Йорке. Писал он много и обладал удивительной способностью сочинять в уме, мысленно выстраивая фабулу новеллы. Затем ему оставалось только записать то, что он уже придумал, и сосредоточиться на деталях.

Уиттер Байннер, один из нью-йоркских редакторов, с кем писателю приходилось плотно сотрудничать в те годы, вспоминал, как однажды его отправили к О. Генри, который не сдал к оговоренному сроку очередной рассказ. Хотя время шло к обеду, он застал автора, когда тот еще спал. Проснувшись и пригласив Байннера войти, на вопрос последнего об обещанном рассказе О. Генри ответил:

— Да всё написано.

— Тогда отдайте скорей рукопись, я отнесу ее в редакцию.

— Я вовсе не имел в виду, что рассказ уже на бумаге. Он здесь. — И О. Генри постучал пальцем по своему лбу.

Недоумение, видимо, явственно обозначилось на лице редактора, и тогда, прикрыв глаза, его собеседник «зачитал» —

слово в слово — текст новеллы, еще не зафиксированный на бумаге.

— Так запишите же его! — воскликнул Байннер.

О. Генри ничего другого не оставалось. Тяжело вздохнув, он сел за стол и начал быстро писать. Лист за листом соскальзывал со стола, их немедленно подбирал редактор и читал, мысленно сверяя готовый текст с тем, что он только что услышал, и не находил отличий[242].

Может сложиться впечатление, что О. Генри вообще не ведал так называемых мук творчества. Мы, конечно, не знаем этого достоверно. Но, скорее всего, если «муки творчества» и были, то он переживал их внутри — еще до того, как текст ложился на бумагу. К тому моменту, когда рука бралась за карандаш (а писал он, как правило, именно карандашом), стратегия рассказа — его герои, коллизия, повороты сюжета — уже жила в сознании автора: оставалось только доработать детали — подобрать нужное слово, выверить интонацию, разобраться с пунктуацией. Для этого и необходим был последний этап: текст не просто фиксировался на бумаге — в процессе письма происходила его окончательная, можно сказать, филигранная отделка.

Но мы несколько отвлеклись от поступательного развития событий и немного забежали вперед: большинство из приведенных свидетельств относятся в основном к 1903-му — началу 1904 года.

В то же время всё, о чем мы писали: о спиртном, о творческом процессе, — конечно, уже присутствовало. Просто рядом с ним еще не было тех людей, которые всё это могли наблюдать. То есть люди-то были — тот же Г. Холл и Р. Даффи, — но они не были еще настолько близки, чтобы иметь возможность наблюдать О. Генри вблизи и непосредственно. Не допущены были. А другие — Р. Дэвис и У. Байннер — и вовсе пока с ним не были знакомы.

Первый год-полтора жизни в Нью-Йорке были для О. Генри тяжелым временем. Во-первых, это был период адаптации к совершенно новым, незнакомым ему условиям. Одиночество давило. Хотя по характеру он, как уже не раз говорилось, был человек закрытый, легко сходился с людьми и нуждался в компании. Но большой город — это вам не провинция. Здесь каждый одинок. И О. Генри страдал от этого. Кстати, во многом именно одиночеством объясняется и тяга к бутылке. Для человека с его характером алкоголь — самый простой способ бежать от одиночества. Можно пойти в бар и пообщаться, ведь совместная выпивка, как известно, сближает. А можно бежать от него и в более тесной компании — закрыться у себя в комнате вдвоем с бутылкой.

Во-вторых, хронически не хватало денег, хотя он исправно — ежемесячно — получал чеки из «Энслиз» (платили в среднем 75 долларов за рассказ), и бывали номера, когда на страницах журнала появлялись по два, а то и по три рассказа (в таких случаях очень помогал «Джеймс Л. Блисс» или иной, порой придуманный на ходу, псевдоним). Можно говорить, что виной тому были высокие цены: необходимо было питаться, платить за квартиру (кстати, за нее он был всегда должен), да и на рестораны и спиртное нужны были деньги. Сюда следует добавить и расходы на костюмы (О. Генри был щеголь) и переводы (пусть нерегулярные) в Питсбург Рочам, подарки для Маргарет. Но главное, конечно, не это, а беспорядочный быт писателя — его непрактичность, полное отсутствие «экономического» сознания. Получив очередной гонорар, он мог отправиться в ближайший бар, угостить там совершенно незнакомых людей, мог дать золотой (монета в 20 долларов) бродяге, пригласить приглянувшуюся ему продавщицу из ближайшего универсального магазина в дорогой ресторан и устроить для нее роскошный пир. Возможно, первый (и последний) в ее жизни.

Кстати, о женщинах. О. Генри был абсолютно нормальным, полноценным мужчиной, и у него, конечно, были связи. Но, во-первых, он был скрытен и не имел привычки рассказывать о своих подругах. Во-вторых, эти связи были эпизодическими. Едва ли он запоминал имена своих временных симпатий. Да и они вряд ли знали доподлинно, кто их дарил короткой любовью, теплом и заботой. Его возлюбленными были недалекие, несчастные и одинокие существа, провинциалки, слетевшиеся на огни большого города и опалившие крылья. Галереей миловидных лиц, характеров и судеб они проходят через его рассказы. Это и Вайолет Сеймур из «Комедии любопытства», и безымянная рыжеволосая чаровница из «Пока автомобиль ждет», Мэйми из «В Аркадии проездом», мисс Кэррингтон из «Погребка и розы» и десятки других трагических в основном образов, плотно населяющих «Четыре миллиона», «Горящий светильник», «Голос большого города», «Коловращение», другие новеллистические сборники писателя. Кассирши, машинистки-ремингтонистки, стенографистки, продавщицы универсальных магазинов, швеи, секретарши, телефонистки — все те, кто каждый день спешил по утрам на работу, терпел унижения, хамство и недвусмысленные намеки управляющих, подвергался штрафам и постоянно существовал под угрозой увольнения за семь (а то и за шесть, и даже за пять!) долларов в неделю, скверно питался и едва сводил концы с концами. Все они ждали своего личного чуда от «Багдада

на Гудзоне» и жестоко обманулись в надеждах. А О. Генри, грузный, солидный, уже немолодой, немногословный человек, с неторопливой речью, мягким, низким голосом, невозмутимый, с чувством юмора и явно нездешний, — судя по выговору южанина из глубинки, — вызывал доверие. Он был добр. И женщины ощущали его доброту. Доверяли ему. Легко шли на контакт. Он приглашал их в дорогой ресторан, вез на авто или в экипаже, заказывал то, о чем они только грезили, развлекал, внимательно слушал их болтовню и — всем этим — утешал их. Он был неожиданным Гарун аль-Рашидом в этом Багдаде и — как истинный калиф — ничего не требовал взамен. Но они (они же женщины!) чувствовали и в нем некий надлом и тоже утешали его, как могли. Это была их благодарность за то маленькое чудо, которое вдруг случилось в их жизни.

Но, повторим, связи эти были случайными и нечастыми. Он никогда не пользовался услугами профессионалок. В этом смысле он был брезглив. К тому же не терпел неискренности. Он никогда не платил этим женщинам денег, понимая, что может унизить. Встречи были коротки: вечер в ресторане и ночь в отеле. Продолжения не следовало. Расставались без взаимных обязательств. Это не спасало от давящего одиночества ни писателя, ни его случайных партнерш. Но тепло и благодарность друг другу, видимо, оставались.

Среди новелл О. Генри есть история под названием «Неоконченный рассказ». Те, кто любит и знает творчество писателя, конечно, помнят эту историю о девушке по имени Дэлси, продавщице из универмага, работающей за пять долларов в неделю. Ее, одинокую и голодную, пытается соблазнить «страшно шикарный» Пигги (то есть «Свинка»), который, как сообщает с восторгом Сэди, подружка Дэлси, «всегда водит девушек в самые шикарные места». Он угощает вечно голодных продавщиц ужином и получает за это их благосклонность. Они знают, что обязательно последует за пиршеством, но идут на это. Дэлси находит силы отказать Свинке, но рассказ-то — не окончен…

В минуту необычной для него откровенности писатель сказал одному своему знакомому (тот допытывался, где истоки сюжета), что этот самый Пигги — автобиографический образ. Он явно клеветал на себя. Если О. Генри и говорил правду, то это была, конечно, только часть правды. Если кого-то он и «соблазнял» «шикарным обедом», то, конечно, не Дэлси, а Сэди и ей подобных. И едва ли у этих женщин оставался тяжелый осадок. Скорее наоборот — благодарность. Он никого не обманывал. Да и они не обманывались.

Но если у женщин сохранялась теплая память, то у О. Генри оставалось и еще кое-что — ведь он был художником. И эти нечастые встречи, общение, беседы, наблюдения — всё ложилось в писательскую копилку, перерабатывалось творческим сознанием, а то и находило выход буквально на следующий день — в образе очередной героини очередной новеллы из жизни обитателей «города четырех миллионов».

Что же тут удивляться ответу О. Генри на адресованную ему реплику супруги Гилмэна Холла: «Пожалуйста, пишите о женщинах более высокого социального положения. Почему вы не пишете о них?» «Но других я не знаю», — отвечал ей писатель[243]. Да и ее супруг, наблюдавший за О. Генри все его нью-йоркские годы, замечал, что приятеля совсем не интересовали иные женщины. Вот вам и источник досконального знания миловидного городского «планктона» в простеньких платьях и дешевой косметике.

Впрочем, мы опять забежали вперед, хотя то, о чем шла речь только что, уже, безусловно, присутствовало в жизни писателя в первый год-полтора его существования в мегаполисе. И в общем-то понятно, почему ему не хватало денег. Он зарабатывал неплохо. Во всяком случае, куда больше, чем когда-либо прежде — в Остине или Хьюстоне. Но при таком стиле жизни их и не могло хватить, даже когда он зарабатывал 300 долларов в месяц.

Тем временем, несмотря на бытовые сложности, неустроенность, одиночество среди людей, известность писателя неуклонно росла. Хотя «Энслиз», как и любой журнал, ревностно относился к публикациям своего автора в других периодических изданиях, запретить ему делать это, он, понятно, не мог. Да и творческая активность О. Генри была куда выше негласно условленных одного, двух, максимум трех рассказов в месяц. Он писал больше. И рассылал в иные редакции не только то, что не подошло журналу, но и то, что по каким-то причинам предпочитал предлагать в другие издания. Так, минуя «Энслиз», в марте 1903 года в «Макклюрз мэгэзин» оказался, например, рассказ «Линии судьбы» (*Tobin's Palm*)[244], восхитивший владельца, предложившего за него 100 долларов (ему никогда прежде не платили столько за рассказы).

Кстати, рассказ из «потока» «выцепил» упоминавшийся выше Уиттер Байннер, тогда еще совсем молодой, начинающий редактор в журнале Макклюра. Он и принес его владельцу, а тот отправил молодого сотрудника на поиски неизвестного автора, которому решил предложить сотрудничество.

Вообще, интересно: если круг повседневного общения О. Генри составляли случайные персонажи — те, с кем он

сталкивался на улице, в барах, магазинах, ресторанах, и общение это было мимолетным, то среди его приятелей — с кем он встречался более или менее регулярно, были люди литературные — главным образом редакторы, сотрудники журналов, газет, издательств. Они не были публичными людьми и, как правило, не занимали руководящих постов. В этом обстоятельстве, кстати, тоже проявлялись характер О. Генри и его собственное нежелание публичности.

Встреча Байннера с О. Генри положила начало приятельским отношениям между ними, и длились они до конца жизни последнего (писатель вообще был устойчив в отношениях с людьми — дружбе и приятельстве). Байннер не был близок к нашему герою так, как, скажем, близки ему были Роберт Дэвис и Уильям Уильямс, но он (как и другие) сыграл свою роль в творческой жизни писателя, в частности, в появлении в 1904 году первой книги О. Генри «Короли и капуста».

В том же 1903 году, но уже ближе к лету, состоялось знакомство и с только что упомянутым Р. Дэвисом. И оно также было связано с постепенно растущей популярностью писателя.

В литературных кругах Нью-Йорка стали всё чаще обсуждать рассказы О. Генри. Кто-то осуждал автора «за примиренческую позицию» (например, тогда еще совсем молодой, но уже весьма заметный критик Г. Л. Менкен), а кто-то, предчувствуя восход «новой звезды» (и таких было большинство), говорил о нем с восхищением. Знаменитый и влиятельнейший Джозеф Пулитцер[245], конечно, не мог не присоединить обретающего известность литератора к своему созвездию. Была дана соответствующая команда, и Ф. Л. Нобл, редактор «Санди уорлд», одной из газет магната и в то время крупнейшей в США, поручил молодому журналисту — Р. Дэвису разыскать таинственного О. Генри и предложить ему сотрудничество. Предложение сводилось к следующему: О. Генри должен сочинять короткие юмористические врезки к материалам газеты и поставлять их в редакцию исправно (каждую неделю) и оперативно — за день-два до выхода очередного номера (типография ждать не будет). Отказа, естественно, быть не может. Дабы исключить данный вариант, редактор предложил Р. Дэвису последовательно озвучить три варианта оплаты: «Сначала предложи ему сорок долларов в неделю. Если он заартачится — подними до пятидесяти долларов. Третье предложение — оно же последнее — шестьдесят долларов».

Адреса таинственного О. Генри ему никто сообщить не мог. Более того, никто не знал ни его возраста, ни как он выглядит. Немалых усилий и изобретательности стоило молодому

журналисту выполнение этого задания. Дэвис разыскал-таки писателя в его «апартаментах» под номером семь в «Отеле Марти» на Восточной двадцать четвертой улице. Правда, на вопрос, проживает ли здесь Сидни Портер или О. Генри, никто внятного ответа ему не дал — посоветовали поискать самостоятельно. Никого из жильцов на месте не оказалось. Лишь на последнем, пятом этаже он заметил, что одна из дверей приоткрыта. На вопрос: «Есть здесь кто-нибудь?» последовало приглашение войти. И он перешагнул порог.

Впрочем, предоставим слово самому Дэвису:

«Комната была очень маленькой. Несмотря на полумрак, я сумел рассмотреть довольно крупную мужскую фигуру… Толстяк поднялся, с достоинством выпрямился и кивнул мне:

— Заходите, мистер, — сказал он.

Я вошел и закрыл за собой дверь.

— Я ищу Сидни Портера, — сказал я, — или же О. Генри.

— И тот и другой это я, — ответил он. — Присаживайтесь.

[…]

— У меня есть предложение.

Он зафиксировал на моем лице пристальный взгляд ясных голубых глаз, приподнял брови и приставил к левому уху раскрытую ладонь. Своим поведением он демонстрировал абсурдность ситуации — невозможность какой-либо сделки».

Это смутило Дэвиса, и, вместо того чтобы следовать инструкциям, он произнес:

«— На самом деле у меня есть три предложения. Последнее из них я сделаю первым… “Нью-Йорк уорлд” уполномочила меня предложить вам шестьдесят долларов в неделю за врезки и комментарии объемом от трехсот до семисот слов к материалам субботнего выпуска».

Портер попросил объяснить, что он должен делать. Уяснив суть будущей работы, которая, по словам Дэвиса, отнимет у него едва ли больше одного-двух часов в неделю, и узнав, что платить ему собираются даже не по высшей, а по «сверхвысшей» ставке (столько не получал даже высокооплачиваемый репортер уголовной хроники), он ответил:

«— Если это последнее и есть самое лучшее, то, пожалуй, у вас нет необходимости воспроизводить два предыдущих. Я принимаю ваше предложение.

Все переговоры заняли едва ли больше пяти минут. Чтобы закрепить сделку, О. Генри проворно надел пальто, и мы проследовали вниз, на первый этаж отеля. Против ожидания (место было непритязательное), нам предложили полный обед французской кухни и кварту французского же вина. Банкет

длился почти три часа»[246].

Стоит ли говорить, что расстались они уже друзьями.

К сожалению, упомянутое соглашение продлилось чуть дольше трех месяцев. Каждую неделю О. Генри поставлял необходимые 300–700 слов и никогда не опаздывал со сдачей материала. Эти «врезки» не были в тягость. Напротив, как вспоминал Дэвис, даже развлекали его. Но в «Уорлд» сменился главный редактор, который принялся наводить новый порядок. Едва приступив к исполнению обязанностей, он призвал Дэвиса и потребовал: «Вышвырни его». Никаких объяснений не принял. Тот отправился сообщить печальную весть. Однако известие, похоже, не слишком огорчило нашего героя (или, как всегда, он не подал вида). Последовала очередная пирушка: ужин и французское вино. Платил, конечно, О. Генри. По-другому и быть не могло.

Выгодная подработка закончилась, но дружба между писателем и молодым журналистом сохранилась. Может быть, она даже стала крепче. Оскорбленный тем, как поступили с О. Генри, вскоре и Дэвис уволился из «Уорлд» и перешел в «Мансиз мэгэзин». Нужно ли говорить, что среди периодических изданий, публиковавших произведения писателя, очень быстро оказался и этот журнал?

Что интересно, персонаж с говорящей фамилией (фамилия главного редактора «Уорлд» была Ван Хамм) недолго «царствовал» в самом тиражном издании страны[247]. Поздней осенью его самого «вышвырнули». На смену пришел другой редактор, у которого было противоположное мнение об О. Генри и его рассказах. На розыски писателя был вновь отправлен молодой сотрудник — на этот раз Уильям Уильямс.

Много лет спустя он рассказал о том, как искал и нашел-таки таинственного О. Генри — ведь никто в редакции и тогда точно не знал, где он обитает (видимо, обиженный Дэвис специально не оставил его адреса).

История эта интересна сама по себе, поскольку обнажает рутину редакционной жизни и характеризует человека, близкого впоследствии писателю. Небезынтересна она и в связи с нашим героем, — живописуя малоизвестные факты его биографии и черты личности.

Главный редактор «Санди уорлд» вызвал молодого сотрудника и сказал:

«Уильямс, есть один парень, который подписывает свои материалы “О. Генри”. Он пишет для журналов, и я хочу с ним поработать. Похоже, что “О. Генри” это его псевдоним. Я тут сделал несколько звонков по телефону, чтобы с ним связаться, и выяснить заодно, что это за человек и где он находится. Но не

нашел никого, кто бы смог прояснить мне всё это. Может быть, он здесь, в Нью-Йорке, а может быть, в какой-нибудь дыре и сообщается с редакциями по почте. Но, как бы то ни было, мне нужно, чтобы ты его разыскал, и, если он в Нью-Йорке, притащи его сюда — у меня есть к нему разговор».

«Начал я с редакционного люда, — вспоминал Уильямс, — со знакомых репортеров, с редакций журналов — со всех, кто мог мне дать хоть какую-нибудь информацию о загадочном писателе. К этому времени я ничего не слышал об О. Генри и никогда не читал его рассказов, и пока я носился по редакциям, он продолжал оставаться для меня абстрактной фигурой, которую необходимо отыскать и только».

По мере того как возрастали усилия Уильямса по розыску, рос и его собственный интерес к загадочному персонажу. «Редактор за редактором, журнал за журналом: “О. Генри” — все слышали это имя или читали его тексты, но никто не мог мне сказать, ни кто он такой, ни где его можно найти. Кролик наворачивал зигзаги, но явно — по мостовой, и потому не оставлял никаких следов. Наконец занавес приподнялся: кто-то из сотрудников “Макклюрз мэгэзин” припомнил его настоящее имя — Портер». Через некоторое время удалось узнать и адрес. Так Уильямс очутился на Восточной двадцать четвертой улице.

«Насколько я знал, — вспоминал он, — место было вполне приличное, но очень скромное и дешевое». У стойки на входе ему подтвердили, что человек с такой фамилией действительно у них живет и сейчас находится у себя в комнате.

О. Генри встретил гостя настороженно, поначалу разговор не клеился. Посланец, вместо того чтобы сразу же сообщить о цели визита, решил выяснить, тот ли перед ним Портер — уж очень этот грузный немногословный человек не соответствовал его представлениям о том, каким должен быть писатель. Не слишком помогло и сообщение, что с ним хочет встретиться главный редактор (видимо, рана, нанесенная Хаммом, не зажила). На вопрос о «нью-йоркских» рассказах он ответил:

«Я действительно пишу их. Но мои рассказы о Нью-Йорке — они особого типа: это выдумка, или, точнее, почти выдуманные истории. Понимает ли это ваш главный редактор? Я ведь не репортер».

Уильямс заверил его, что именно такие и нужны. Главное, чтобы они были о Нью-Йорке и о ньюйоркцах.

«Ну, хорошо, — ответил писатель, — дздмаю, я умею делать то, что ему нужно. Мне нравится Нью-Йорк и люди Нью-Йорка — те, что живут здесь, и те, что приезжают сюда и уезжают отсюда, — все они чрезвычайно интересны и полны жизни»[248]. И

заверил, что придет в редакцию в назначенное время. Только попросил, чтобы Уильямс его встретил, проводил и объяснил, что к чему. На следующий день «историческая встреча» состоялась.

Мы не случайно назвали встречу исторической — ее действительно можно считать таковой: «Санди уорлд» предложила О. Генри контракт — гарантированную еженедельную публикацию любых новых новелл. 52 рассказа по 100 долларов за каждый. Причем договор не предусматривал эксклюзивности — писатель мог публиковаться и в других изданиях. Он был волен писать любые рассказы. Главное, чтобы они были «нью-йоркскими».

Это было уже настоящее признание. А Уильям Уильямс, весьма молодой человек, по возрасту близкий Дэвису, как и последний, превратился в одного из ближайших приятелей писателя. Благо что и он обычно не отказывался не только от кварты французского вина, но и от доброй порции виски.

Оба написали книги о своей дружбе с О. Генри. И опубликовали их. Р. Дэвис — в 1931-м, а У. Уильямс — в 1936-м. Книги эти довольно субъективны и порой не во всём точны. Но они хранят живой, очень человеческий образ писателя, поэтому остаются ценными источниками для биографов. Ими не пренебрег ни один из тех, кто серьезно писал об О. Генри. Автор настоящих строк уже обращался к ним. Не минует он их и в дальнейшем.

Незаметный обитатель Ирвинг-плейс

У О. Генри есть рассказ под названием «Комната на чердаке». Он не принадлежит к числу самых известных его творений, да и не очень характерен для сюжетов писателя, поскольку отличается мрачным колоритом. Но интересен тем, что относится к числу ранних произведений. К тому же, живописуя «заведение миссис Паркер», О. Генри явно имел в виду свое обиталище на Восточной двадцать четвертой улице. Конечно, он жил не в комнате на чердаке за два доллара в неделю, как несчастная мисс Лисон, а скорее в апартаментах — «большой комнате с ламбрекенами» за восемь долларов, какую в рассказе снимает незадачливый драматург Скиддер (кстати, и ироничность в изображении Скиддера, и его принадлежность к литературному цеху едва ли случайны). Писатель не скрывает своего отношения к пансионату, в котором обитают его герои. Да и в реальности он был недоволен своим «Отелем Марти»: шумным, суматошным. Но прожил в нем почти полтора года. Покинул его только осенью 1903-го, после того, как дела пошли на лад.

О. Генри мог переехать в другое место и раньше. Но свою роль сыграла характерная для писателя инертность. Он хотел расстаться с «Отелем Марти», но для этого нужно было прилагать усилия, да и Нью-Йорка он совершенно не знал. И тут на помощь пришли его новые друзья (везло всё-таки О. Генри на знакомых и приятелей — всегда в окружении находился кто-то, кто с удовольствием опекал, помогал ему в быту). На этот раз ему помог Уильям Уильямс. Как-то в разговоре с ним писатель обмолвился, что нынешнее обиталище вызывает в нем глубокое отторжение, раздражает суматохой, шумом, бесцеремонностью соседей и хозяйки. «Между прочим, майор («мое первое, присвоенное им звание» — это ремарка Уильямса. Портер был южанином и порой умышленно утрировал это обстоятельство, в частности, употребляя просторечия и, как некоторые «истинные» южане, присваивая приятелям воинские звания. — *А. Т.),* — однажды обратился к своему молодому приятелю писатель, — где вы обитаете в этом городишке? Хочу раздобыть хорошую комнату в каком-нибудь тихом районе, вот и подумал: может быть, вы знаете такое местечко?»[249] Тогда Уильямс и предложил ему переехать на Ирвинг-плейс, где сам снимал квартиру.

Точная дата переезда О. Генри на новое место жительства неведома, но известно, что случилось это вскоре после его возвращения из Питсбурга.

Писатель отправился в Пенсильванию 3 сентября 1903 года. Это была первая поездка к дочери с тех пор, как он обосновался в Нью-Йорке. Длилась она совсем недолго. Как уже говорилось, отец и дочь отдалились друг от друга, и с этим ничего нельзя было поделать. Это было ясно уже в 1901-м, и новый визит ничего не изменил в их отношениях: Маргарет держалась настороженно и отстраненно. Да и Портер изменился. Он не только не любил Питсбург, его тяготило размеренное существование родителей жены. Он уже привык к иному ритму, иной атмосфере. У него появились друзья. Можно сказать, что он втянулся в богемное существование. А к богеме он тяготел чуть ли не с юности (вспомним первые годы его жизни в Остине). Теперь же он оказался среди «единомышленников». И это ничуть не мешало его литературным занятиям. Напротив, богемное времяпрепровождение казалось вполне органичным — этаким изысканным гарниром к основному блюду.

Единственно, что путного вышло из поездки, — он продемонстрировал свою состоятельность, свой успех. К тому же он привез деньги — это общее американское мерило преуспевания. Едва ли привезенная им сумма поразила воображение Рочей. Но важна была тенденция. Начиная с этого

времени — и до конца дней — У. С. Портер, муж покойной дочери, отец любимой внучки из просителя займов (разорительных и почти бесконечных) превратился в источник поступлений. Он не сказал, кому и для чего конкретно предназначались деньги. Но Рочи, хотя и находились в весьма стесненных обстоятельствах, на себя ничего не потратили: всё для Маргарет. Был поднят и вопрос о продолжении образования девочки. Отец настаивал — ищите колледж. Самый лучший женский колледж. Об оплате не беспокойтесь — деньги будут. Забегая немного вперед скажем: Маргарет поступила в Белмонт-колледж — одно из лучших в то время учебных заведений США для девушек. И проблем с оплатой обучения в этом не только престижном, но и весьма дорогостоящем учреждении никогда не возникало.

О. Генри поселился в доме 55 на Ирвинг-плейс. Он сразу полюбил это место и прожил здесь больше четырех лет — нигде (за исключением Гринсборо) он не жил так долго.

Ирвинг-плейс — это старинная, по меркам того времени — широкая, днем обычно безлюдная улица в центральной части Манхэттена между Восточными четырнадцатой и двадцатой. Северной своей оконечностью она упирается в тенистый Грамерси-парк (чтобы ощутить атмосферу этого района, советую читателю обратиться к роману известного американского писателя-фантаста Дж. Финнея «Меж двух времен»). Совсем рядом шумный Бродвей и вечно толпящаяся Пятая авеню, но на Ирвинг-плейс всегда тихо.

К тому времени, когда там поселился писатель, лучшие времена улицы давно минули, немало зданий обветшало, в 1880-е многое перестроили, ее заполнили ряды «браунстоунов» — однообразных по фасаду, четырехэтажных, сложенных из коричневого кирпича (отсюда и название: «браун» — коричневый, «стоун» — камень, кирпич), но весьма типичных для Нью-Йорка строений «донебоскребной» эпохи.

Ирвинг-плейс — улица историческая. Как утверждают путеводители, свое название она получила в честь некогда обитавшего здесь знаменитого американского писателя-романтика Вашингтона Ирвинга[250]. Его дом, крашенный желтой краской особняк с застекленной верандой, находился в квартале от квартиры О. Генри — на пересечении с Семнадцатой улицей. Жили здесь прежде и представители иных славных нью-йоркских фамилий. В первой половине — середине XIX века район считался фешенебельным. Кстати (и совершенно не случайно), в расположенной на пересечении Ирвинг-плейс и Шестнадцатой улицы гостинице («Вестминстер отель») во время своего визита в

Америку останавливался Чарлз Диккенс — писатель, к которому О. Генри испытывал особые чувства.

Хотя к тому времени, когда туда перебрался наш герой, еще сохранились и дом Ирвинга, и гостиница Диккенса, но улица уже давно утратила былой лоск и респектабельность. Да и обитали там теперь не нью-йоркские аристократы, кичившиеся своими предками, а люд вполне обычный — в основном низший слой среднего класса: мелкие служащие, начинающие врачи, адвокаты и т. п. Изрядную долю «аборигенов» составляла богема: художники, артисты, литераторы, актеры, газетчики — редакторы, корректоры, репортеры, метранпажи и т. д. У. Уильямс, один из них, завлек туда и О. Генри, и тому там понравилось.

Писатель снял обширный «апартамент» в бельэтаже — большую, очень светлую комнату с огромным трехстворчатым окном, прежде служившую кому-то парадным залом, — со спальней, чуланом и прихожей. На вопрос одного из приятелей, зачем ему такое большое помещение, он отвечал: «Люблю, когда много места, много пространства, чтобы ходить, много воздуха, чтобы дышать, люблю потянуться, помахать руками, ну, вы понимаете…»[251]

Заключив контракт с «Санди уорлд», гарантировавший стабильное финансовое положение, О. Генри затеял за свой счет (по согласованию с владельцами здания, пожилой четой американцев венгерского происхождения) значительную перестройку: установил в спальне большую ванну, превратив тем самым альков в ванную комнату; отремонтировал и прочистил камин, заменил драпировки, повесил новые шторы, купил мебель. Те, кто бывал у него на Ирвинг-плейс, говорили, что обстановка в квартире была тяжеловесна и несколько старомодна. Однако не забудем, что Портер был южанином, и уже это предполагало определенные симпатии и предпочтения в убранстве. Именно такими — тяжеловесными, основательными и консервативными — и должны быть видимые признаки успеха для настоящего южанина. Конечно, всё это стоило О. Генри изрядных денег, но контракт с Пулитцером давал возможность писателю без особенного риска пойти на эти траты.

В годы жизни на Ирвинг-плейс рядом с О. Генри чаще всего можно было видеть У. Уильямса. Автор одной из биографий писателя даже сравнил его с Босуэллом[252]. Едва ли такое сравнение справедливо. Уильямс действительно много лет спустя написал книгу о нью-йоркских днях писателя, но отнюдь не такую подробную и всеобъемлющую, каким было жизнеописание досточтимого Сэмюэла Джонсона. Да и не вел он никаких

специальных записей: не фиксировал скрупулезно высказывания и суждения своего друга, не регистрировал встречи, разговоры, не размышлял много о творчестве и жизни О. Генри. Писал по памяти — через двадцать с лишним лет после его смерти. Тем не менее можно утверждать, что в годы жизни на Ирвинг-плейс у О. Генри не было, пожалуй, человека более близкого, чем юный У. Уильямс (в 1903 году ему исполнилось всего-то 25 лет). Он не только принял деятельное участие в переселении писателя на Ирвинг-плейс, но и долгое время выполнял при нем роль своего рода *чичероне* — гида, который водил по окрестностям, знакомил с достопримечательностями и местной топографией. Эти порой довольно длительные путешествия, конечно, не ограничивались парками, историческими зданиями и рассказами о тех, кто некогда жил в том или ином доме. Пожалуй, центральное место (не забудем о привычках и пристрастиях нашего героя) в этих экскурсиях занимали разнообразные злачные заведения — рестораны, кафе, бары, салуны и т. п.

Мы помним, что в техасские годы для Портера-журналиста и владельца «Перекати-поля» постоянным объектом юморесок, шуток и насмешек были техасцы — этнические немцы. Но, как оказалось, это ничуть не мешало ему любить немецкую кухню и немецкое пиво. Как вспоминал Уильямс, О. Генри с огромным удовольствием захаживал в расположенный неподалеку от его дома (на углу Семнадцатой улицы и Третьей авеню) «классический» немецкий пивной ресторан «Шеффел холл», где с наслаждением поглощал огромное количество пива и закусок. Нравились ему не только еда и напитки, но и сама атмосфера, интерьеры заведения — со стенами, украшенными массивными деревянными панелями, с портретами Гёте, Бисмарка и германских императоров, с изречениями немецких поэтов в аккуратных рамках под стеклом, немецкоязычный гомон и выкрики, табачный дым, густыми слоями плывший по залу[253]. Влекла его туда своеобразная ностальгия — о тех днях, когда он был молод и, несмотря на невзгоды, счастлив.

Захаживали они и в иные заведения — в бар отеля «Америка», в буфет при театре оперетты Тони Пастора, в Тамани-холл, в салун Тома Шарки и т. д. Думается, что не было в округе заведения, в котором не побывал бы О. Генри — один, в сопровождении молодого Уильямса или кого-либо еще. Но совершенно особенным местом для писателя в длинном ряду питейных заведений (этот факт отмечают все биографы) стало небольшое кафе «Хилиз» (*Healy's Cafe*) на углу Ирвинг-плейс и Восемнадцатой улицы. Это кафе не отличалось ни кухней, ни интерьерами, ни теми, кто туда обычно захаживал — обычная в

общем-то забегаловка, посетители в которой долго не задерживаются и большей частью случайны. Но О. Генри полюбил это невзрачное заведение, посещал его почти ежедневно и нередко подолгу там засиживался. Местные обитатели называли это кафе клубом, потому что по вечерам, после работы, многие из них по дороге домой заходили туда пропустить стаканчик-другой и поговорить «за жизнь».

Уильямс вспоминал: «…обычные посетители в кафешке начинали собираться по вечерам. Доктора, юристы, газетчики, художники, свободные литераторы, актеры, музыканты, изобретатели, клерки, инвесторы, страховщики, торговцы, печатники, политики, бухгалтеры, сапожники, лакеи, конюхи и извозчики из конюшни напротив — кого там только не было». Говорили обо всём: о политике, о городских властях, о ценах, обсуждали городские новости или просто толковали о погоде. Дискуссии разгорались по любому поводу. Кто-то проклинал начальство, кто-то изливал душу, рассказывая случаи «из жизни». О. Генри никогда не вступал в разговоры, но всегда внимательно слушал, попивая свой обычный напиток — виски с апельсиновым соком. Этот «клуб», утверждал Уильямс, был для писателя настоящим «золотым прииском материала для рассказов». «Никто не знает, — писал он, — сколько его маленьких шедевров родилось из характеров и историй, которые он там услышал. Он обладал очень чутким ухом и верным глазом и был очень короток на язык: он всё заказывал и заказывал выпивку и слушал, слушал и слушал до самой последней минуты самого последнего часа — и это длилось много-много вечеров»[254].

Едва ли, конечно, стоит возводить рождение сюжетов О. Генри исключительно к барам и салунам, а тем более к определенному «клубу». Этих источников было великое множество, и скорее всего, даже сам писатель едва ли мог точно указать их. Но то, что многие его истории были действительно «подслушаны» им в питейных заведениях, едва ли подлежит сомнению. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к его текстам — это и «Утраченный рецепт», и «Во втором часу у Руни», «С высоты козел»[255], да и многие другие новеллы из сборников «Четыре миллиона» и «Горящий светильник», что были сочинены писателем тогда, когда он жил на Ирвинг-плейс.

Обычный распорядок дня писателя, сформировавшийся уже в самые первые дни в Нью-Йорке и окончательно сложившийся на Ирвинг-плейс, был чаще таким: просыпался поздно, с утра писал — когда час, когда два; затем отправлялся на прогулку и завтракал (хотя время обычно шло к обеду). Иногда наведывался в редакцию (в «Санди уорлд», «Мансиз мэгэзин» или другое

издание). Из редакции он возвращался домой в компании желавших проводить его приятелей-журналистов — Г. Холла или Р. Дэвиса, реже — У. Байннера или Дж. Мак Адама. Как правило, такая прогулка затягивалась допоздна, порой до глубокой ночи, поскольку по пути они заходили в разнообразные питейные заведения, где предавались обильным возлияниям. В другие дни он отправлялся в такие места один или же вместе с У. Уильямсом. Покидая последнее заведение (чаще всего им оказывался тот самый «клуб»), Портер обычно прихватывал с собой еще бутылочку — по возвращении домой ему предстояла работа, а без «допинга» — виски с апельсиновым соком — писать он не мог.

Судя по тому, что год от года росла не только его известность как писателя, но и творческая продуктивность, — такой стиль жизни его вполне устраивал и был плодотворен. Вероятно, он и не задумывался, насколько пагубен может быть сей *Modus Vivendi* для здоровья. Впрочем, «вторая жизнь» — под именем О. Генри — скорее всего, и не предполагала «забега на длинную дистанцию». Потрясения предыдущей жизни, видимо, были столь глубоки и серьезны, что о завтрашнем дне он не думал и в будущее не заглядывал. Жил одним днем.

«Богемное» (но вопреки названию, как мы видим, — весьма напряженное) существование прерывалось лишь изредка — на то время, когда к Портеру приезжали гости из Питсбурга: дочь Маргарет и теща, миссис Роч. В таком случае накануне квартира проветривалась, убиралась тщательнее, чем обычно, исчезали бутылки (главным образом пустые), а друзья получали «передышку». Не сказать, что Портер преображался внешне — он всегда был элегантным, — но в эти дни он всецело принадлежал дочери. Показывал город, водил по магазинам (с обязательным многочасовым посещением Пятой авеню), потчевал обедом у «Дельмонико»[256]. Специальный день непременно отводился путешествию на Кони-Айленд *(Coney Island)* — в Луна-парк. Трудно сказать, как относилась к этому развлечению уже немолодая миссис Роч, но Маргарет и ее отец были в полном восторге от немудреных аттракционов, цирковых представлений, клоунов, шатров с гадалками, стрельбы в тире, мороженого, сахарной ваты и сладкой газировки.

Впрочем, за годы жизни Портера на Ирвинг-плейс таких визитов было всего три или четыре (то есть родные навещали его примерно раз в год), и они не слишком нарушали привычное — «богемное» — течение его жизни. Однако он и сам время от времени устраивал «встряски» — себе и своим приятелям, побуждая кого-нибудь из них составить ему компанию и

отправиться то на морскую рыбалку к Стейтен-Айленду[257], то на бейсбольный матч (туда его обычно сопровождали Г. Холл и Р. Дэвис — большие знатоки этого вида спорта и яростные болельщики), а то и просто окунуться в бесшабашную атмосферу Парка развлечений *(Dreamland)* на всё том же Кони-Айленд. Кстати, наблюдения, сделанные в этом месте, запечатлены в нью-йоркских рассказах О. Генри (например, в ироничном и неглубоком, но веселом рассказе «Линии судьбы»).

Мы упомянули почти обо всех близких знакомых О. Генри в годы его жизни на Ирвинг-плейс. Но тогда же завязались и еще два знакомства. Первое было заочным и длилось недолго. Второе, напротив, переросло в дружбу, которая продолжалась до последних дней писателя. Но оба напрямую связаны с литературной деятельностью О. Генри. Поэтому не упомянуть о них нельзя. Начнем с первого.

Если помнит читатель, в ответ на вопрос, почему он не пишет о женщинах «высшего круга», новеллист ответил: потому что не знает их. Он не грешил против истины: действительно он их не знал, но состоял в переписке с одной из них. Это — Мейбл Вэгнеллз — дочь совладельца крупного издательства *Funk & Wagnalls Co.* Инициатором этой недолгой, но интенсивной переписки[258] была сама мисс Вэгнеллз. Очарованная новеллами О. Генри, весной 1903 года она обратилась в редакцию журнала «Космополитэн» с вопросом: кто же этот таинственный автор — «мужчина, женщина или неприкаянное дитя»? Из редакции письмо переслали О. Генри. Тот ответил большим посланием. Так началась переписка. Она продолжалась всё лето, осень и первую половину зимы 1903 года (последнее письмо датировано декабрем 1903-го) — в то время Мейбл гостила у бабушки в городке Литополис, штат Огайо. В 1922 году, уже после смерти писателя, мисс Вэгнеллз, которая живо интересовалась литературой и сама хотела стать писателем, опубликовала его письма отдельной небольшой книжкой под названием «Письма в Литополис». Письма эти открывают нам особого О. Генри — внимательного, ироничного, рассуждающего о литературе и искусстве. На письма девушки он отвечал в шутливой манере, поначалу скрываясь под маской этакого не слишком образованного ковбоя («Я очень обрадовался Вашему письму, — писал он в ответ на первое послание Мейбл, — хотя оно и адресовано вроде как безликому существу. Вы спросите, почему? Знаете, у нас в Техасе народ в общем-то дружелюбный, и стоит нам завидеть человека даже за пять миль, как мы начинаем кричать: “Хеллоу, Билл!”… Ваше письмо было словно слабый голос из зарослей сассапариля: “Хеллоу, Билл, старина, образина

лопоухая, что слышно?”»), а затем всё более и более раскрываясь.

Он не был откровенен со своей юной собеседницей (Мейбл было всего 22), предпочитая на серьезные вопросы и суждения отвечать шуткой. Но сквозь иронию пробивалась искренняя симпатия к корреспондентке, благодарность за неподдельный интерес к его творчеству.

В письме от 23 июня О. Генри пишет: «Очень признателен Вам за добрые слова о моих рассказиках. Сам-то я о них не слишком высокого мнения, но когда говорят по-дружески, это, во всяком случае, приятно»[259]. Тем не менее, как свидетельствует мисс Вэгнеллз, он присылал ей свои рассказы — уже опубликованные и те, которые только собирался опубликовать[260]. Видимо, писателю было важно ее мнение.

Он иллюстрировал свои послания — почти каждое снабжено забавным карандашным рисунком (в одном из писем есть и такой комментарий: «Единственное, в чем я, по моему убеждению, действительно силен — Искусство. В этом Вы можете убедиться сами. Однажды я проиллюстрировал книжку писателя из Техаса. Когда он увидел рисунки, он тут же порвал рукопись в клочья и швырнул их в реку. Это — факт»).

Мисс Вэгнеллз допытывалась, каково настоящее имя адресата. Его он не открыл, но дал понять, что «О. Генри» — это псевдоним. «Что означает это “О”»? — спрашивала Мейбл. Писатель выслал ей рисунок, на котором изобразил три «О» — фатоватого молодого человека по имени Оливер, пожилого самодовольного толстяка с трубкой по имени Отто, замшелого старика в соломенной шляпе, его звали Обадия. «В зависимости от настроения я выбираю кого-нибудь из них. Но это может быть и Орландо, и Оскар, и Орвилл, и Осрик, и еще много других»[261].

К сожалению, переписка прервалась — корреспондентка уехала в Европу. Позднее, уже в 1907 году, девушка прислала О. Генри свою только что вышедшую книгу. Писатель сердечно поздравил ее, но продолжения не последовало — не только мисс Вэгнеллз, но и О. Генри изменились.

Второе знакомство было тесным, личным и оказалось длительным. Оно многое значило для О. Генри. Речь идет об отношениях с Анной Партлан[262], талантливой журналисткой, писательницей, публицисткой, сочувствовавшей идеям женской эмансипации. Их первая встреча произошла примерно в середине 1904 года при обстоятельствах совершенно случайных, которые не имеют касательства к нашей истории.

Мисс Партлан — живое воплощение так называемой «новой женщины», воспетой пером Джека Лондона, Фрэнка Норриса и Р. Х. Дэвиса[263] (а также сурово осужденной Т. Драйзером в «Сестре

Кэрри»). Она, как бы мы сейчас сказали, была «медийной фигурой», человеком вполне обеспеченным и состоявшимся, автором, успешно сотрудничавшим с пулитцеровской «Уорлд», с «Мансиз мэгэзин», другими изданиями. Она взаимодействовала с профсоюзами и работодателями, активно занималась политической деятельностью (выступала за равноправие полов), благотворительностью — помогала нуждающимся женщинам, устраивала воскресные школы.

К моменту знакомства с О. Генри ей исполнилось 30 лет, она была не замужем. Но не прав будет тот, кто подумает, что их связывало нечто большее, нежели дружба. Похоже на то, что мисс Партлан не особенно интересовали мужчины. Впрочем, о ее сексуальной ориентации нам ничего доподлинно неизвестно, а в ту эпоху разговоры на эту тему были не приняты. Да и нет нам до этого дела — главное, что она занимала важное место в жизни писателя О. Генри.

Обращал ли внимание читатель, какое серьезное место в художественном мире писателя занимают женщины? Работают ли его героини (таких большинство) или не работают (их меньше), но все они принадлежат к одному кругу — кругу тех, кто едва сводит концы с концами. Это и Дэлси из «Неоконченного рассказа», и Делла из «Даров волхвов», и Мэгги из «Дебюта Мэгги», и десятки других героинь его новелл. Он хорошо знал своих героинь — их быт, проблемы, надежды, невзгоды и чаяния. Это знание он, конечно, не мог почерпнуть исключительно из собственных наблюдений (хотя и они играли очень важную роль). Вот здесь ему очень помогала дружба с Партлан. Она много рассказывала ему о положении работающих женщин — продавщиц, стенографисток, секретарш, работниц фабрик и мастерских — и могла сообщить много такого, о чем сам он и представления не имел. Да и вообще, у нее — человека, который так глубоко погружен «в тему», было великое множество историй, связанных с нью-йоркскими работающими женщинами. Самых разных: веселых и печальных, забавных и трагических. В том числе (а как же без этого?) и историй о любви. А О. Генри был, как известно, очень благодарным слушателем. С его поразительной памятью едва ли хоть что-то могло не отложиться в сознании, чтобы потом — в преображенном виде — не попасть на страницы новелл.

К тому же их общение не ограничивалось встречами тет-а-тет с рассказами о работающих женщинах. Через четыре года после смерти О. Генри в воспоминаниях, опубликованных в журнале «Писатель», мисс Партлан писала: «Я нередко собирала вечеринки для своих подружек, и он обычно принимал в них участие. Он сам

просил меня брать его с собой, просил только, чтобы я не говорила, что он писатель. Никто из моих друзей и не догадывался, что мистер Портер в действительности тот самый гений, который глубоко проник в их жизнь. Он был совершенно незаметен. “Незаконченная история” и “Третий ингредиент” взяты им напрямую из жизни»[264]. В одном из интервью она припомнила другой эпизод: «Однажды группа сотрудниц большого универсального магазина устроила обед. Были среди них продавщицы, офисные сотрудницы. Я попросила О. Генри присоединиться к нам, чтобы он сумел схватить саму атмосферу их каждодневной жизни. С добродушной улыбкой, но и с огромным вниманием он слушал их простую речь, внимал незатейливым выражениям радости, вслушивался в их истории об интригах и борьбе за существование, о той разобщенности и давлении, что пронизывают рутинную атмосферу любой большой компании. Когда прощались, он сказал мне: “Если бы Генри Джеймс попал в такое место, он сочинил бы Великий Американский роман”»[265]. В другой раз Анна пригласила его на вечеринку с рабочими и работницами фабрики, в которой принимал участие и ее отец, механик фабрики. Она вспоминала, с каким восторгом погрузился писатель в атмосферу незамысловатого праздника этих простых людей. «Он танцевал, насвистывал, с азартом играл в лото и выкрикивал номера, заразительно смеялся, когда ошибался. Никому и в голову не могло прийти, что он не иной, а такой же, как и они, простой работяга»[266]. Сколько было еще таких «походов» — бог весть! Но то, что они были, их было много и каждый из них ложился в писательскую копилку — не подлежит сомнению.

Поскольку речь зашла о «творческой кухне» О. Генри, нельзя не упомянуть и еще о двух важных моментах. Первый касается тех самых «работающих женщин», другой — более общего характера.

Однажды писателя спросили: если он так интересуется положением этих несчастных продавщиц и они занимают такое большое место в его рассказах, то почему не идет в универсальный магазин, чтобы наблюдать за ними на их рабочем месте? Нет ли у него в планах такого исследования?

«Конечно, нет, — отвечал писатель, — не стоит изучать этих девушек в универсальном магазине; их подлинная натура открывается не на работе, а вне ее. Настоящую историю не сочинить с помощью арифмометра»[267].

У. Уильямс, который тесно общался с О. Генри в течение нескольких лет, совершенно справедливо утверждал: «Он изучал свою рыбу в воде, а не на суше. […] Охотничьими угодьями О. Генри были тротуары Нью-Йорка, парки, рестораны и забегаловки

всех сортов, бары и салуны, включая скрытые от досужих глаз задние комнаты самых скверных из этих заведений. Он охотился у витрин шикарных продовольственных магазинов на Шестой авеню и на перекрестках Двадцатых улиц. Время от времени его можно было заметить в обеденных залах отелей на Тридцатых улицах или в ресторанах классом повыше на Бродвее. Но совсем не часто. Он не имел ничего против Пятой авеню, но Пятая авеню[268] ему была не интересна. Тот тип людей, который его действительно интересовал, вырос не здесь и не здесь проводил свою жизнь. Он не хотел выклевывать по крупицам из Четырех Сотен[269] (речь идет о представителях самых богатых семейств Америки — обитателях Пятой авеню. — *А. Т.*), но предпочитал выхватывать куски жизни Четырех Миллионов (население Нью-Йорка в начале XX века. — *А. Т.*)»[270].

Впрочем, «нью-йоркская вселенная» О. Генри была не слишком велика. Ему не было нужды последовательно — район за районом, квартал за кварталом — изучать весь огромный город. Его «охотничьи угодья» включали прежде всего Ирвинг-плейс и ближние окрестности — и покидать их особой необходимости не было: всё многообразие человеческих типов и коллизий — комедий, трагедий и мелодрам носили в себе те, с кем он общался здесь. В связи с этим, кстати, однажды в разговоре с Гилмэном Холлом О. Генри заметил: «Я себя чувствую так, словно всю свою жизнь прожил на каждой из нью-йоркских улиц, где каждый дом полон сюжетов»[271]. А позднее, в своем единственном интервью (в 1909 году), выразился еще более определенно: «Люди говорят, что я хорошо знаю Нью-Йорк. Замените Двадцать третью улицу в одной из моих нью-йоркских историй на Мэйн-стрит, уберите Флэтирон-билдинг (небоскреб на пересечении Бродвея и Пятой авеню. — *А. Т.)* и вставьте Таун-холл (то есть Городской совет, который есть в любом более или менее крупном населенном пункте страны. — *А. Т.*), и рассказ останется столь же правдивым — а действие его может развиваться в любом городе Штатов. Во всяком случае, надеюсь, что могу сказать это о любой из своих историй. Поскольку рассказ предполагает правдивое изображение человеческой натуры, всё, что вам нужно — лишь поменять местные реалии, а город подойдет любой. И если у вас всё в порядке с глазами — можете не замечать чалмы и набивные халаты, — тогда вы увидите, как перед вами парадным строем вверх и вниз по Бродвею проходят все персонажи из “Тысячи и одной ночи”»[272].

Глава пятая
ПЕЧАЛЬНЫЙ КАЛИФ: 1904–1910

На пороге и за порогом славы

Весь 1904 год, связанный контрактом с «Нью-Йорк санди уорлд», О. Генри работал практически беспрерывно, как на конвейере, «выдавая на-гора» по рассказу еженедельно. Всего за год для еженедельника он сочинил 51 рассказ (с одним не поспел к сроку — летом около двух недель отсутствовал, гостил в Питсбурге). Конечно, не все они равноценны. И всё же среди добротных, но вполне «проходных», таких как «Маятник», «С высоты козел», «Мемуары Желтого Пса», «Через двадцать лет» или «Зеленая дверь», бблыиую часть составляли признанные шедевры: «Родственные души», «Шехерезада с Медисон-сквер», «Фараон и хорал», «Бляха полицейского О'Руна», «Роман биржевого маклера», «Недолгий триумф Тильди» и др. Нетрудно заметить, что главным образом рассказы, написанные в этот период, представляют собой «нью-йоркские истории». Но О. Генри сочинял и другие, — действие которых развивается не в Нью-Йорке, а, например, на западе США, в Латинской Америке. Эти рассказы публиковались обычно в «Смарт сет», «Энслиз», «Космополитэн мэгэзин», в других изданиях. Таких историй в 1904 году он тоже написал немало — к тому, что опубликовала «Нью-Йорк санди уорлд», нужно добавить еще 15 новелл.

С появлением каждого нового рассказа, подписанного «О. Генри», литературная известность автора, конечно, росла. Не слишком, правда, выросли его гонорары (в основном ему продолжали платить всё те же 100 долларов за публикацию, иногда чуть больше, иногда чуть меньше). Но в ту эпоху, несмотря на популярность и очевидную востребованность журналами (и читателями) короткой прозы, в негласной табели о рангах роман всё-таки стоял неизмеримо выше рассказа. Соответственно, и писатель, сочиняющий романы, считался «больше» писателем, нежели новеллист. Едва ли подобную точку зрения разделяли многоопытные Г. Холл или Р. Даффи, но их коллеги помоложе — Р. Дэвис, У. Уильямс, а также, например, А. Партлан или У. Байннер явно придерживались иного мнения. Да и творческая судьба кумиров О. Генри — Ч. Диккенса, М. Твена, Ф. Брет Гарта, а также наиболее успешных среди его современников Г. Джеймса, Р. Х. Дэвиса, Дж. Лондона, да и многих других — свидетельствовала о преимуществе крупной

литературной формы. Чтобы закрепить (и развить) успех, необходимо было писать роман. И роман был написан. И опубликован в том же 1904 году. Он получил название «Короли и капуста»[273].

Читателям (и почитателям таланта) О. Генри он хорошо известен. Поэтому не будем даже пытаться пересказывать его сюжет. Нам интересно другое — его истоки.

Что касается общей мотивации, то она, исходя из вышесказанного, вполне ясна. Но необходим был и непосредственный импульс — тот самый, что превращает нечто эфемерное, лишенное формы и витающее где-то в воздухе, в конкретный сюжет с выверенной коллизией, населенный героями с именами, характерами и судьбами. Такой «импульс» у О. Генри был. Его дал человек по имени Уиттер Байннер. Он, как известно, трудился редактором в холдинге Макклюра (тот включал газетный синдикат, журнал, издательство и типографию) и был близким приятелем писателя. Прежде всего, именно он старательно втолковывал О. Генри, почему необходимо писать роман. По характеру, темпераменту и привычкам тот был, конечно, не способен мгновенно (и положительно) отреагировать на слова Байннера и, скорее всего, с благодушной улыбкой и ворчанием отмахивался от его идеи. Но друг был настойчив и не собирался сдаваться. Неизбежен вопрос: кому принадлежала инициатива? Лично Байннеру? Или она была согласована с С. Макклюром, владевшим и умело управлявшим холдингом? В принципе это не очень важно. Куда важнее другое. Роман не был химерой, которую нужно было сначала осуществить, а затем думать, куда его пристроить. Байннер не просто агитировал за роман, он гарантировал, что тот без проволочек будет напечатан у Макклюра. Забегая немного вперед скажем, что так и случилось: роман «Короли и капуста» был подготовлен издательством *McClure* в рекордные сроки и на прилавках появился уже в конце 1904 года.

Но какие бы «воздушные замки» ни рисовал Байннер, все-таки его уверения в немедленной и беспроблемной публикации сами по себе создать роман, конечно, не могли. Нужны были тема, герои, коллизия. И вот здесь, как это обычно и бывает, вмешался его величество Случай. Мы уже неоднократно отмечали, какое место в каждодневном времяпрепровождении писателя играли прогулки (в одиночку или в компании) по окрестностям Ирвинг-плейс с обязательным посещением разнообразных злачных заведений. И вот однажды О. Генри очутился в баре гостиницы с гордым названием «Отель “Америка”». Несмотря на громкое имя, гостиница относилась к

разряду дешевых и вид имела весьма непрезентабельный. Впрочем, Портер видывал места и похуже. Но не гостиница с баром сами по себе заинтересовали его, а звучащая там отовсюду испанская речь. Оказалось, это место облюбовали латиноамериканские эмигранты-революционеры. Позднее, в новелле «Блеск золота» писатель набросал беглый, но весьма живописный коллективный портрет тех, кто обосновался в этом местечке на Пятнадцатой улице Манхэттена. Правда, в рассказе гостиница называется «Hotel Espanol» («Отель Испания»), а безымянный бар при ней превратился в кафе «Эль-Рефуджио» («Изгнанник»):

«Центр притяжения — кафе “Эль-Рефуджио”, где потчуют ветреных беженцев с Юга. Сюда тянет сеньоров в плащах и сомбреро, уроженцев Чили, Боливии, Колумбии, неспокойных республик Центральной Америки и пышущих гневом островов Вест-Индии, выброшенных из родных краев извержениями политических вулканов. Должно же быть местечко, где бы они могли плести ответные заговоры, бездельничать, требовать денег, нанимать флибустьеров, покупать и продавать оружие и боеприпасы, находить забавы себе по вкусу! В “Эль-Рефуджио” царит самая подходящая для этого атмосфера».

Латиноамериканская тема и так присутствовала в новеллистическом творчестве О. Генри (вспомним, например, такие истории, как «Редкостный флаг», «Rouge et Noir», «Денежная лихорадка», «Адмирал» и др.) — слишком памятен был опыт изгнанничества в Гондурасе, чтобы не переплавиться в художественные образы. Свои первые латиноамериканские рассказы он, как мы помним, написал еще в тюрьме. Но сама атмосфера «Америки», кипящие там страсти, колоритные фигуры обитателей, общение с ними, погружавшее в почти не имевшую связей с реальностью фантасмагорию, энергичная испанская речь — всё это так живо всколыхнуло память, заставило работать воображение, что О. Генри понял — вот материал, годный для романа. Роман будет плутовской, там будут действовать плуты и мошенники разного калибра, там будет любовь и измена, и всё это на фоне роскошной тропической природы и нищеты памятного ему Гондураса.

«Роман» был написан в короткие сроки. Причем параллельно ему О. Генри продолжал исправно сочинять новеллы для «Санди уорлд» — контракт никто не отменял. Да и регулярно выплачиваемые еженедельником гонорары были, по сути, единственным стабильным источником дохода для писателя.

Мы не случайно взяли слово «роман» в кавычки. Ведь то, что создал О. Генри, едва ли в полном смысле этого понятия можно

считать романом. На самом деле «Короли и капуста» не роман, а серия рассказов, объединенных общим сюжетом в некое подобие романного текста. Б. М. Эйхенбаум со свойственным ему аналитическим блеском еще в середине 1920-х годов подверг произведение критическому разбору. Поэтому тех, кого интересует научный подход к особенностям фабулы «Королей и капусты», мы адресуем к работе выдающегося литературоведа «О. Генри и теория новеллы»[274]. Отметим только, что сюжет «романа» основан на каламбуре, точнее, на ошибке: в самом его начале самоубийством кончает не Мирафлорес, президент республики Анчурия, как думает главный герой мистер Гудвин, а президент страхового общества «Республика» мистер Уорфилд. Эта ошибка является основной тайной и для читателя. Он чувствует, что в сюжете присутствует некая загадка, но где она, с какими персонажами связана — до самого финала ему так и остается неизвестно. «Отсюда, — справедливо отмечал Эйхенбаум, — возможность и право вводить совершенно посторонних лиц и говорить о совершенно посторонних событиях». То есть «водить читателя за нос», включая в произведение эпизоды (в том числе полноценные, сюжетно завершенные новеллы), напрямую не имеющие отношения к фабуле. Сам О. Генри называл свой роман «комедией, сшитой из пестрых лоскутов».

Тот же Эйхенбаум справедливо указывал, что «это, в сущности, не роман в современном понимании, а нечто похожее на старые романы, еще сохранявшие связь со сборниками новелл». Создавая его, О. Генри, конечно, не ставил перед собой столь изощренной цели. Он не сочинял некую стилизацию. Едва ли даже задумывался над этим. Перед ним стояла иная задача: создать связанный текст по типу романа. Во всяком случае, по объему достаточный, чтобы назвать его романом и издать отдельной книгой. Задача была грандиозной (до той поры — да и после — подобная перед ним никогда не стояла), а времени было совсем немного. Отчасти поэтому (а отчасти потому, что юмористическим и новеллистическим по своей природе было его дарование) О. Генри выстроил текст как историю, сотканную из самостоятельных и полусамостоятельных эпизодов. Свой «роман» он сочинял не «с нуля», а широко использовал новеллы, написанные им прежде[275]. Кстати, исследователи утверждают, что эту идею ему подсказал именно У. Байннер[276]. Новеллы вроде бы и не были связаны непосредственно с сюжетом, но их присутствие было оправданно — они не только откладывали отгадывание загадки, но запутывали читателя, уводя в сторону, на ложный путь ее разгадывания.

Роман вышел и удостоился в основном положительных отзывов прессы. Это была первая отдельно изданная книга — очень серьезный рубеж в карьере любого литератора, и О. Генри должен был переживать самые радостные чувства. Судя по всему, так и было. Но испытывал и некоторое разочарование. Не только потому, что «роман» не принес какой-то совершенно особой славы автору. И уж вовсе не потому, что гонорар оказался совсем невелик: и в дальнейшем свои основные деньги О. Генри получал не от издания сборников рассказов, а от публикации новелл в периодических изданиях — газетах и журналах. Разочарование имело иную природу: сочиняя «Королей и капусту» (а тем более потом, взяв в руки вышедшую книгу), он отчетливо понял, что он не романист и романиста из него не получится. Что он не специалист по «забегам на дальнюю дистанцию». «Спринтер», а не «стайер».

Казалось бы, ну и что тут такого? Но если мы вспомним, как в эту эпоху расцвета новеллы по другую сторону Атлантики, в Старом Свете, в России, с упорством сочиняли свои «большие тексты» современники О. Генри — выдающиеся мастера короткой прозы А. Чехов и И. Бунин (да и многие другие — россияне и не только), то поймем, что в своем стремлении создать «большую книгу» наш герой был отнюдь не одинок. Поймем и то разочарование, которое он испытывал от результата. Как Чехов после «Степи», как Бунин после «Жизни Арсеньева», О. Генри не повторял попыток сочинить роман. Он писал рассказы и, видимо, без особой горечи смирился (смирился ли?) с тем, что роман — не его жанр.

Тем не менее выход «Королей и капусты» знаменовал, конечно, важный этап в его литературной карьере. Дж. Лэнгфорд совершенно справедливо утверждал: «“Короли и капуста” не имели того успеха, на который рассчитывали У. С. Портер и Байннер, хотя на книгу появилось несколько очень хороших рецензий, […] издание книги ввело его в круг авторов, на творчество которых обращают внимание маститые рецензенты серьезных изданий»[277].

Настоящее признание пришло к О. Генри год спустя, в 1905-м, — с публикацией самой известной, можно сказать, даже хрестоматийно известной новеллы — «Дары волхвов» в рождественском номере «Уорлд».

Но между двумя этими событиями произошло еще несколько. В творческом аспекте они не значили почти ничего, но в человеческом плане оказались важными. Речь о двух «творческих портретах» — очерках, посвященных писателю и опубликованных в журнале «Критик» (в 1904 году) и в еженедельнике «Паблишез

уикли» (в 1905 году). Последняя публикация, конечно, была престижнее — немногие читали малотиражный «Критик», а вот «Паблишез уикли» был изданием не только респектабельным, но распространялся весьма широко. И обе публикации были признанием — прежде всего в среде профессионалов: не только издателей, критиков, рецензентов, писателей (большинство из них регулярно читали оба издания), но и журналистов, и вообще пишущих людей. Конечно, узнать истину об О. Генри (то есть связать его с реальным У. С. Портером) из опубликованных очерков было почти невозможно — настолько умело он «замаскировался». Тем не менее «часть правды» о том, кто же на самом деле этот самый «О. Генри», всё же была донесена до читателей. Вот что, например, писалось в «Критике»:

«Меньше года назад читателей популярных журналов положительно удивили и восхитили появившиеся совершенно фантастические и гениальные рассказы, в основном из западной жизни. Каждый из них был подписан странным псевдонимом “О. Генри”. Прошло немного времени, и люди стали говорить об этих рассказах и начали задавать вопросы: кто же их автор? Возникла и другая загадка — а кто он такой, этот “О. Генри”? Похоже, никто не знал настоящего имени автора, и немедленно поползли слухи, один другого необычнее… Но эта тайна не несла в себе ничего загадочного. Настоящее имя “О. Генри” — мистер Сидни Портер, джентльмен из Техаса. Всё, о чем он пишет, он видел собственными глазами. Два года назад он очутился в Нью-Йорке и открыл для себя рынок, на котором люди покупают истории о его похождениях. Будучи человеком, склонным к созерцательности, он удалился от активной жизни и оказался за писательским столом. Он подписывается именем “О. Генри” просто потому, что он не очень серьезно относится к самому себе — прежде всего, как к сочинителю историй…Он не производит впечатления человека, который целенаправленно стремится избежать публичности и создать ореол тайны вокруг своей личности. Он не молод, но и недостаточно стар, чтобы не стать профессионалом»[278].

Хотя в основу очерка легла информация, которую автор публикации почерпнул из бесед с людьми, лично знавшими писателя, мы видим, что многое не соответствовало действительности. «Западную» тему в его рассказах, хотя к тому времени он написал их достаточно, давно потеснила тема нью-йоркская. О. Генри вполне серьезно и осознанно относился к сочинительству. И, конечно, считал себя (да и фактически был) профессионалом. А что касается «тайны», автор, к счастью, истинного смысла ее не знал и не понял, что именно и насколько

тщательно оберегал наш герой.

Что интересно, даже в своем единственном интервью, данном своему приятелю, известному журналисту Джорджу Мак Адаму, в 1909 году, О. Генри тоже не сказал о себе правды. Например, сообщил, что родился в 1867 году, ничего не сказав о своей жизни в Остине, поведал, что после двух с половиной лет на ранчо Ли Холла отправился в Хьюстон, где, по его словам, сперва (!) работал в «Пост», а затем (!) редактировал «Перекати-поле» — до тех пор, пока не уехал в Центральную Америку, чтобы «попытать счастья в бизнесе на фруктах». Далее, по его словам, вернулся в Техас, некоторое время трудился в аптеке, откуда перебрался в Новый Орлеан, где и начал сочинять рассказы. «Потом скитался по стране и наконец, около восьми лет назад, обосновался в Нью-Йорке»[279].

Как мы видим, истины в единственном интервью не больше, чем в журналистском «портрете писателя», опубликованном в «Критике».

Правда, публикация в «Критике» сопровождалась фотографией еще остинского периода жизни. Но современный О. Генри разительно отличался от У. С. Портера минувших дней: исчезли усы, поредела шевелюра, появились мешки под глазами, он изрядно располнел (при росте 1 метр 69 сантиметров его вес составлял более 80 килограммов), да и время в сочетании с испытаниями, нездоровым образом жизни и т. п. оставило неизгладимый и неизбежный отпечаток — опознать его по напечатанному в журнале портрету было почти невозможно. Тем не менее (этого всё-таки следовало ожидать!), нашлись те, кто смог связать У. С. Портера с О. Генри. Конечно, не каждый, кто узнал его, принялся немедленно делиться впечатлениями с близкими и не близкими. Но к нему стали приходить письма. Главным образом от читателей-почитателей. Большинство из них не требовали ответа, но на одно не ответить было нельзя. Это было письмо прежнего работодателя Портера — владельца хьюстонской «Пост» мистера Ю. Хилла. В портрете, опубликованном в «Критике», старый журналист без труда узнал своего фельетониста. В свое время Хилл очень помог Портеру — одолжил 200 долларов, и долг этот (в связи с известными событиями) не был отдан. В своем письме Хилл ни словом не упомянул о нем: это было простое, очень теплое послание, полное искренней радости за бывшего коллегу и подчиненного. В ответе О. Генри не менее тепло благодарил Хилла, но не мог не поднять тему долга и писал:

«Я глубоко тронут Вашим сердечным посланием. Но я рад получить от Вас весточку и по другой причине. У меня есть

ощущение, что моя книга (речь идет о «Королях и капусте», которую тогда он спешно готовил к печати. — *А. Т.)* принесет мне кое-какие деньги, и как только мой доход превысит мои скромные потребности, у меня есть намерение приступить к оплате кое-каких прежних долгов[280]. Мой долг Вам ни в коем случае не забыт, и он — среди первых.

Не будете ли Вы столь любезны сообщить, Форт Дэвис — Ваш постоянный адрес, и я могу надеяться, когда наступит время, выслать то, что полагается, туда?

Еще раз благодарю Вас за теплые слова и за всё то хорошее, что Вы делали в прошлом.

Искренне Ваш, У. С. Портер»[281].

Трудно сказать, когда О. Генри уплатил давний долг У. С. Портера. Едва ли это удалось сделать немедленно по выходе «Королей и капусты» — к сожалению, книга не оправдала возлагавшихся на нее финансовых надежд. Но то, что он был уплачен, — как и большинство из тех долгов, что наш герой наделал перед тюрьмой, — не подлежит сомнению. В смысле долгов, да и вообще в межличностных отношениях, писатель был весьма щепетилен, хотя и не был мелочен. Единственный большой долг, который формально он так и не уплатил, был тестю, мистеру Рочу. Впрочем, скорее всего, зять и не знал, сколько он в действительности должен приемному отцу покойной жены. Но этот долг (который, как он понимал, ему никогда не уплатить) он отдавал по-другому — тем, что, несмотря ни на какие невзгоды и коллизии, продолжал оставаться любящим отцом Маргарет. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

От статей и писем вернемся, однако, к литературному творчеству. Упоминалось, что выход «Королей и капусты» немногое изменил в статусе писателя. Ни особенной славы, ни безоговорочного признания, ни (увы!) каких-то серьезных денег роман не принес. Тем не менее О. Генри, сам того, скорее всего, нимало не ощущая, в 1905 году находился уже на самом пороге подлинной славы и самого широкого — общенационального — признания. Буквально ворвавшись в американскую литературу в 1902 году (не случайно его появление нередко сравнивают с вторжением Мопассана в литературу французскую), опубликовав к 1905 году уже более сотни новелл (часть из которых до сих пор справедливо воспринимается как подлинные шедевры), к этому времени он уже накопил некую «критическую массу». Количество должно было перейти в качество. Необходимо было лишь нечто, что «перенесло» бы через невидимый, но совершенно реальный рубеж, отделяющий его как автора из массы «известных и преуспевающих» от числа немногих — «единственных и

неповторимых». Этим «нечто» для О. Генри стала небольшая, но — без преувеличения — известная «всем и каждому» новелла «Дары волхвов» *(The Gift of the Magi)*. Она была опубликована в предновогоднем номере «Уорлд» за 1905 год. Эту публикацию и можно считать Рубиконом писателя О. Генри.

Понятно, нет необходимости пересказывать немудрящую, но такую добрую историю двух любящих сердец, где каждый пожертвовал тем немногим, что имел, чтобы сделать подарок на Рождество любимому человеку.

Публикация вызвала большой резонанс: рассказ не обсуждали (что тут обсуждать?!) — его читали, им восхищались, над ним проливали слезы. О нем говорили буквально повсюду: продавщицы в универсальных магазинах, на лавочках в парках, люди на улицах, посетители в барах и салунах. На всём пространстве Соединенных Штатов: от атлантического до тихоокеанского побережья, от Нового Орлеана до поселений Аляски. Свою роль, конечно, сыграло и то обстоятельство, что рассказ получил огромную аудиторию. Судите сами: разовый тираж рождественского номера «Уорлд» составил почти 400 тысяч экземпляров. К тому добавьте, что он появился почти одновременно на страницах около двухсот газет, выходивших в разных частях страны и в Канаде (не забудем о газетных синдикатах!).

Вообще, 1905 год оказался для О. Генри обилен на шедевры. Вот вам доказательства: «Дары волхвов» увидели свет на излете года, а в течение предыдущих месяцев он написал и опубликовал еще и «Неоконченный рассказ», «Весна порционно», «Дебют Мэгги», «Из любви к искусству», «Комната на чердаке», «Русские соболя», «Последний лист», «Утраченный рецепт». Названы только те рассказы, что вошли в «золотой фонд», причем не только творческого наследия писателя и американской литературы, но и мировой литературы.

Интересна, кстати, история написания новеллы «Дары волхвов». Рассказ с таким названием О. Генри планировал (и обещал написать) для «Уорлд» еще к рождественскому номеру за 1904 год. Но смог выполнить обещание только спустя год (в последнем выпуске еженедельника за 1904 год он поместил тоже «рождественскую», но другую новеллу).

Надо сказать, каждый «рождественский» рассказ (О. Генри или иного автора) обязательно сопровождался иллюстрациями. Идея рисунка при этом должна была исходить, конечно, от автора. Он определял, что необходимо изобразить в качестве иллюстрации к истории. Для «Даров» О. Генри придумал такую композицию: «Нужно изобразить бедно обставленную комнату,

что-нибудь подобное меблированным комнатам или доходному дому где-нибудь в Вест-Сайде. В комнате один или два стула, комод, кровать и сундук. На кровати рядом сидят мужчина и женщина. Они говорят о Рождестве. У мужчины в руках карманные часы. Он размышляет и крутит их в руках. Главное в женщине — длинные роскошные волосы, они струятся по спине». И добавил: «Но история пока еще не написана»[282]…А сделанный рисунок не удовлетворил его. Тогда же он увлекся другим замыслом и к «Дарам волхвов» вернулся только через год. И только тогда, когда воочию увидел свою героиню, оказалось, что именно такие волосы — длинные, густые, золотистые — были у жены одного из сотрудников редакции. «Я размышлял над идеей, но мне была нужна живая модель», — признался он после того, как увидел эту женщину.

И всё сразу сложилось в его сознании. «Дары волхвов» он написал за три часа. И рассказ немедленно пошел в печать. Рисунок появился после.

История новеллы интересна не только сама по себе. Она приоткрывает дверь в творческую кухню писателя, дает возможность «подсмотреть» непосредственно, как рождались образы и коллизии. О. Генри, конечно, был профессионалом. Но в отличие от большинства писателей (современных ему или не современных) его герои не были героями умозрительными — некими собирательными образами. Его талант был сродни дарованию живописца: чтобы создать «полотно», ему тоже была необходима «модель» — совершенно конкретный человек из плоти и крови. И лишь увидев такого человека, возможно, мельком (но не забудем о глазе рисовальщика!), — заполучив «героя», он выстраивал вокруг выразительного визуального образа вымышленную (не всегда, кстати, и целиком вымышленную) коллизию. Поэтому можно смело утверждать, что за каждым героем стоит вполне конкретный человек (возможно, О. Генри не был знаком с ним, не знал, кто это и как его зовут), обязательно *увиденный* писателем.

Но вернемся к рассказу «Дары волхвов». Интересно, а если бы он был написан и опубликован годом раньше, вызвал бы рассказ такой резонанс? Едва ли. Ведь история наверняка получилась бы совсем другой. Значит, в 1905 году рассказ появился вовремя. Просто он должен был «родиться» тогда, когда следует. Не раньше и не позже.

Вместе с упомянутыми новеллами (а также другими, написанными прежде — в 1901–1904 годах) рассказ «Дары волхвов» появился в составе новеллистического сборника «Четыре миллиона», который вышел в следующем, 1906 году. Это был

первый сборник короткой прозы О. Генри (первая книга «Короли и капуста» позиционировалась издателями и автором как роман, поэтому она не в счет). Причем сборник соединил почти все сочиненные и опубликованные к тому времени «нью-йоркские» истории. У него и название было соответствующее: «Четыре миллиона» — столько жителей, как помнит читатель, обитало в Нью-Йорке в начале XX века.

Сборник имел большой успех. Он закрепил репутацию О. Генри как одного из самых талантливых современных американских писателей. И, конечно, издание и успех «Четырех миллионов» многократно увеличили читательскую аудиторию автора. Сказалось это и на гонорарах: получать он стал больше. Впрочем, речь здесь идет прежде всего о новых предложениях от газет и журналов, в которых О. Генри не публиковался прежде. Ставки оплаты в изданиях, с которыми он сотрудничал на регулярной основе (например, с «Санди уорлд» или с «Энслиз»), остались прежними: ему платили всё те же 100 долларов за рассказ. И это, надо сказать, совершенно не вызывало у него недовольства. Он вовсе не считал (и данное обстоятельство прекрасно характеризует его как человека), что с известностью стоимость его труда должна возрасти. Да и новые предложения не поражали воображения — никто не собирался платить ему «сумасшедших» гонораров — равных тем, что имели его более удачливые и более известные коллеги, вроде Д. Лондона и Р. Х. Дэвиса. Ставка их вознаграждения достигала совершенно безумных сумм — ведь им платили до тысячи долларов за рассказ. В этом смысле свалившаяся слава не слишком преобразила финансовую составляющую повседневной жизни О. Генри. Более того, даже на пике славы — в последние два года жизни, как свидетельствовал в своих воспоминаниях Сет Мойл, его литературный агент и, следовательно, один из наиболее компетентных в смысле гонораров людей, платили О. Генри совсем не по-королевски до двухсот долларов за рассказ — такова была его обычная ставка[283].

Тем не менее после выхода сборника «Четыре миллиона» О. Генри уже нельзя было считать только «поденщиком». В глазах литературного и читающего сообщества он превратился в респектабельного автора — не только регулярно публикующего новеллы в самых крупных американских периодических изданиях, но и ежегодно выпускающего собственные сборники. Ведь действительно сборник «Четыре миллиона» открывает целую череду таких новеллистических собраний. Всего при жизни О. Генри их вышло восемь: «Четыре миллиона» (1906), «Горящий светильник» (1907), «Сердце Запада» (1907), «Голос большого

города» (1908), «Благородный жулик» (1908), «Дороги судьбы» (1909), «На выбор» (1909), «Деловые люди»[284] (1910). Рассказы, вошедшие в сборники, конечно, были неравноценны. Никто не станет спорить, что далеко не все истории, написанные О. Генри, относятся к числу шедевров. Да и он сам никогда не считал, что создавал исключительно шедевры. Напротив, себя как художника он скорее недооценивал. Это реализовалось и в содержании сборников, состав которых определял в основном он сам. Далеко не все рассказы из сочиненных им вошли в сборники: книги вместили едва ли половину из того, что было вообще написано О. Генри. Но самые известные (и наиболее удачные), конечно, нашли место на страницах книг.

Литературная известность совершенно не изменила ни стиль жизни, ни ее содержание, ни круг общения О. Генри. Те же вокруг него были и друзья.

В 1905 году указом тогдашнего президента США Теодора Рузвельта был помилован осужденный на огромный срок бывший налетчик, дерзко грабивший поезда и банки, давний друг писателя Эл Дженнингс. Рузвельт, воспитанный на сюжетах Майн Рида и других литераторов, сочинявших «десятицентовые» романы о героическом Диком Западе, и сам был колоритной фигурой с весьма интересным прошлым и испытывал изрядную слабость к персонажам подобного рода. Все годы, пока Дженнингс находился в тюрьме, О. Генри не прерывал с ним связи. Тот мечтал о литературном поприще и грезил повторить литературный триумф своего товарища по каторге. Бывший «заключенный № 30 664» с энтузиазмом взялся помогать своему другу, но рассказы Дженнингса не печатали, хотя некоторые тексты писатель, не считаясь с нехваткой времени и собственными проектами, перерабатывал собственноручно.

При этом ни Дженнингс, ни О. Генри не теряли надежды, что всё получится. Более того, последний настаивал, чтобы Дженнингс последовал его примеру, перебрался в Нью-Йорк и всерьез взялся за сочинительство. Этим пожеланиям не суждено было свершиться, но Дженнингс неоднократно навещал О. Генри в Нью-Йорке. Он был одним из немногих, кто наблюдал писателя в быту, очень тесно общался с ним, его приятелями и несколько эпизодов из этого общения затем весьма живописно представил в своей книге. Дженнингс был, как, наверное, никто другой, близок с О. Генри. Но при этом, наблюдая каждодневное литературное и (что важнее) обыденное существование писателя, он, в отличие от Дэвиса, Уильямса, Партлан, Мойла и других, оставивших воспоминания об О. Генри, сохранял и свежесть восприятия — возможность соотносить Портера «прошлого» и О. Генри

«настоящего». И это обстоятельство, при всех недостатках книги (о которой мы уже упоминали), превращает повествование в весьма ценный источник информации.

Дженнингс не меньше трех раз приезжал в Нью-Йорк к О. Генри и задерживался там надолго — гостил по нескольку недель. Насколько можно судить, первый такой визит состоялся в 1907 году. Вот как гость описал один из своих утренних визитов — он дает представление об особенностях творческого процесса:

«Войдя в комнату, я увидел, что большой стол, за которым он всегда работал, завален исписанными листами. Весь пол был усеян клочками бумаги, покрытыми его размашистым почерком. […]

— Я только что кончил рассказ.

Он прочел его мне. […]

Рассказ, в том самом виде, как мы его знаем теперь, был написан Портером между полуночью и полднем. И, однако, вид у Билла был такой свежий и бодрый, словно он проспал добрых десять часов.

— И всегда вы так подхватываете вдохновение и изливаете его без всяких затруднений на бумагу?

Портер открыл ящик в столе:

— Вот взгляните сюда. — Он указал на примятую кучу листов, покрытых его размашистым неровным почерком. — Иногда рассказ мне совсем не удается, и я откладываю его до более счастливой минуты. Тут куча незаконченных вещей, которые пойдут когда-нибудь в переделку. Я никогда не пеку своих рассказов, а всегда обдумываю их и редко берусь за перо прежде, чем вещь не созреет окончательно в моем мозгу. Написать ее недолго.

Я видел, как он иногда просиживал целыми часами с карандашом в руке, выжидая, чтобы рассказ отлился в его мозгу в нужную форму.

О. Генри был в высшей степени добросовестным художником. Он был рабом словаря. Рылся в нем часами, находя бесконечное удовольствие в том, чтобы открывать какие-нибудь новые оттенки в давно уже затрепанных словах.

Однажды он сидел за столом спиной ко мне и писал — с невероятной быстротой, точно слова сами автоматически слетали с его пера. Вдруг остановился. В течение получаса он сидел неподвижно, затем обернулся, как будто удивленный тем, что я всё еще тут.

— Не хотите ли выпить, полковник?

— Билл, — любопытство мое было возбуждено. — Что это, на вас затмение находит, что ли, когда вы сидите вот так?

Вопрос, по-видимому, показался ему забавным.

— Нет, я разбираюсь в значении слов».

О. Генри не шутил. Он действительно много работал со словарями — подыскивал синонимы, уточнял значения, искал необходимое слово. Как мы видим, эта тяга к словарям, возникшая еще в школьные годы (вспомним о словаре Уэбстера, с которым он не расставался в Гринсборо, а затем взял с собой в Техас), не только не исчезла с возрастом и опытом, но, напротив, стала еще глубже и осмысленнее.

Интересны и такие наблюдения:

«Я никогда не видел, чтобы он делал заметки на виду у публики. Только изредка он записывал какое-нибудь слово на уголке салфетки. Он не желал, чтобы другие знали, о чем он думает. Ему не нужно было делать заметок, ибо он не принадлежал к кропателям. Он переливал свои мысли в рассказы еще совсем теплыми и трепещущими».

«…Я целыми часами торчал в комнате Портера, выжидая, когда он кончит работать. Он писал с молниеносной быстротой. Иногда, дописав страницу, он тут же комкал ее и бросал на пол. Затем снова писал страницу за страницей, почти не переводя духа, а то просиживал добрые полчаса неподвижный и сосредоточенный».

Наблюдавший за своим другом, Дженнингс отмечал:

«Для него не существовало однообразия “мира, обескровленного умозаключениями”, не существовало “жизни, движимой рутиной”. Вечно новая, вечно неожиданная, вечно увлекательная, волнующая драма захватывала его ум своим юмором и трагизмом, потрясала его душу своими радостями и скорбями. Подчас она раздирала ему сердце и ввергала его в отчаяние, но никогда не казалась неинтересной или скучной.

Портер беспрестанно жил в трепещущем, напряженном возбуждении, ибо он был из тех, кто умеет вслушиваться в громкий гул вечно мятущегося полуслепого человечества и понимать его. У него всегда был нерешительный вид человека, который с трепетом ждет чего-то; казалось, будто он только что пережил приключение или собирается выйти ему навстречу».

Неуемность, напряженную творческую энергию О. Генри сохранял на протяжении всей своей жизни, и Дженнингс совершенно справедливо утверждал:

«Эта особенность не покидала его ни в унылые годы тюрьмы, ни во время тяжелой борьбы, которая привела его в Нью-Йорк. Он шел по извилистой дороге жизни мужественным шагом, не считаясь с опасными пропастями и шумными туннелями. Жизнь никогда не была для него обузой. С первой минуты, как я увидел

его, до последнего проведенного вместе часа окружающий мир никогда не утрачивал интереса в его глазах».

Путешествуя со своим другом по Манхэттену (а их прогулки, как правило, ограничивались этой частью города), О. Генри открывал ему те «золотые россыпи», из которых неустанно черпал свои сюжеты. Они ходили по злачным заведениям, общались с бродягами и проститутками, разговаривали с барменами и работягами, наблюдали повседневную уличную жизнь.

«Город был владением Портера, а люди, жившие в нем, — его подданными, — писал в своих воспоминаниях Дженнингс. — Он проникал в самую гущу людей и рассматривал их в сильнейший микроскоп своей всеозаряющей проникновенности. Обман, трусливая подлость, всё напускное и лицемерное разлетались перед ним, как клочья тумана при сильном ветре. Души выступали наружу, обнаженные и откровенные. Волшебник умел добиваться своего. На каждом углу его ожидало приключение. Молоденькая девушка, крадучись, скользила за угол, или старый нищий дремал, скорчившись на пороге, — для Портера это всё были тайны, которые он стремился разгадать. Но для этого он не становился поодаль и не предавался размышлениям. Нет, он сближался со своими подданными, вступал с ними в тесное общение. Он знакомился с их тайнами, надеждами, разочарованиями. Он пожимал руку бродяги, и Дульси сама рассказывала ему, как она окончательно обанкротилась, сидя на шести долларах в неделю. Нью-Йорк был заколдованным лабиринтом, где на каждом повороте ожидал трепет неожиданного и чудесного».

Дженнингс не раз становился свидетелем того, как незначительный эпизод (таких эпизодов он приводит немало), который он наблюдал накануне, буквально на следующее утро превращался — как по мановению волшебства — в законченную новеллу.

Конечно, он видел, что за этим «волшебством» стоит очень напряженная работа, но прекрасно осознавал, какую роль играет в этом процессе дарование, и потому не уставал восхищаться талантом своего друга.

Впрочем, «творческая кухня» — едва ли то место, куда О. Генри хотел допускать даже самых близких людей, но иногда и у него возникало желание приоткрыть панцирь, поделиться сокровенным. Об одном таком случае Дженнингс вспоминал:

«— Сегодня вам предстоит испытать своеобразное и очень сильное ощущение, мой храбрый бандит, и я буду иметь удовольствие наблюдать при этом за вами. В мире еще найдется кое-что новое для вас, — сулил он мне. — Впечатление будет

такое сильное, что перед ним побледнеют все театральные ужасы ограбления поездов.

Мы вышли около полуночи. Он повел меня по переулкам и боковым улицам, в которых я никогда еще не бывал. Мы шли по темным узким закоулкам, которые заполняли старые пяти-и шестиэтажные дома, обветшавшие и запущенные, источающие затхлый запах плесени. Мы продолжали идти всё дальше и дальше, пока не добрались, как мне показалось, до самого дна мрачной бездонной пропасти, находившейся в центре города.

— Слушайте, — шепнул он, и через минуту раздался неистовый свистящий рев, словно рога или трубы, и самые голосистые колокола небес и земли вдруг загудели, загремели и загрохотали все разом, наполнив эту дыру потрясающим гулом. Я протянул руку и тронул Портера за плечо:

— Ради бога, Билл, что это?

— Нечто новое под луной, полковник, поскольку вы не можете испытать этого нигде в подсолнечной. Это Нью-Йорк, дружище, приветствует вас с Новым годом.

Эта дыра (никто, кроме “странствующего волшебника”, вечно ищущего новизны, не разыскал бы ее) находилась где-то вблизи Гудзона.

А потом мы спустились к докам и просидели там добрый час, не произнося ни слова».

Дженнингс был введен и в нью-йоркский круг приятелей писателя. Об одной из таких встреч бывший налетчик рассказал в своей книге:

«— Я приготовил вам сюрприз, полковник, — однажды сообщил Портер. — Сегодня вечером вы встретитесь с немногими избранными.

Он ничего больше не сказал мне, с мальчишеским удовольствием следя за тем, как я злился, терзаясь неизвестностью. “Немногими избранными” оказались Ричард Даффи, Гилмэн Холл и Баннистер Мервин (журналист, один из знакомых писателя. — *А. Т.)*. Мы вместе пообедали в ресторане.

Это был действительно сюрприз, ибо в тот вечер я увидел О. Генри таким, каким он мог быть, если бы кипучая жизнерадостность, которая, по-видимому, была заложена в нем от природы, не подверглась давлению и гнету унизительных лет, проведенных в тюрьме.

Портер протянул мне меню. Он был немного привередлив насчет еды.

— Друзья мои, — обратился он к почтенным редакторам, — полковник выищет нам что-нибудь необыкновенное.

Я думаю, что Портер находил меня немного чересчур

самоуверенным в тот вечер, видя, что это избранное общество не внушает мне никакого благоговения.

— Я могу заказать грудинку, жаренную на углях орехового дерева; морскую черепаху, галеты из кислого теста и кофе, настолько крепкий, чтобы в нем не тонули пули, — как вы насчет этого, Билл?

— Пожалуйста, не подвергайте опасности мое будущее литератора намеками на западное происхождение.

Даффи и Холл посмотрели на Портера, точно его осанистая фигура вдруг пронеслась перед ними верхом на лошади, раскачивая лассо. Портер прочел вопрос в их глазах. Он был в задорном настроении в этот вечер.

— Надеюсь, полковник, вы не откажетесь ознакомить наших друзей с этикой ограбления поездов, не так ли?

Все три гостя выпрямились, полные напряженного любопытства. Я любил такие положения. Я испытывал огромную радость, предвкушая изумление и ужас этих пресыщенных ньюйоркцев.

Я рассказывал им один эпизод за другим. Описывал забавные приключения, случавшиеся при ограблении поездов на индейской территории. Они жадно впитывали мои слова. Я обрисовал перед ними бандита не как безжалостного зверя, а как человека в самом настоящем смысле слова, отличающегося от них только несколько иными склонностями или взглядами. Портер сидел, откинувшись назад, спокойный и величественный, а серые глаза его сияли от удовольствия.

— Полковник, сегодня вы затмили меня, — сказал он мне, когда мы направились в “Каледонию”[285].

— Что вы хотите сказать, Билл?

— Друзья, с которыми я вас познакомил, не обращали на меня никакого внимания. Я был для Даффи и Холла своего рода аттракционом, пока не явились вы, а сегодня вечером они забыли про меня. Не будете ли вы иметь что-нибудь против, если мы скажем им в следующий раз, что я держал для вас лошадей?

— Вы в самом деле хотите этого, Билл?

— Да, я думаю, что это поднимет в их глазах мой престиж.

Несколько дней спустя мы снова собрались у “Мукена” (название ресторана. — *А. Т.)*. Я стал рассказывать издателям историю какого-то мрачного преступления. Дойдя до середины, я остановился и обернулся к Портеру с таким видом, словно память вдруг изменила мне и я не могу вспомнить важной подробности.

— Билл, помните? — спросил я. — Это было в ту ночь, когда вы держали лошадей.

Даффи выронил вилку и громко расхохотался. Он потянулся

и схватил Портера за руку:

— Черт возьми! Я всегда подозревал вас, Билл Портер.

— Благодарю вас, полковник, за эту любезность. Вы оказали мне большую услугу. Благодаря этому предполагаемому сообщничеству с вами я продал сегодня утром два рассказа, — сказал мне Портер на следующий день. — Эти господа вообразили, что я в самом деле принадлежал к вашей шайке. Теперь я сделался героем в их глазах».

Конечно, «продажа двух рассказов» не была связана с внезапно изменившимся — в связи с приоткрывшимся прошлым — статусом писателя. Но, как мы видим, О. Генри не был лишен и некоторой доли «кокетства». И ему было приятно восхищение друзей. Но подобная раскованность проявлялась, как правило, только в кругу людей или очень близких, которым он мог доверять, или, напротив, совершенно посторонних, когда он знал, что встреча и разговор с ними — первые и последние одновременно. Но в таком случае ни о каких эпизодах из прошлого — мнимых или подлинных — речь, конечно, идти не могла. Он мог повеселиться, посмеяться, пошутить, мог разыграть собеседника, но не более того.

Вообще, как можно заметить (и как замечали все, кто хорошо знал писателя), О. Генри был совершенно лишен тщеславия. После того как к нему пришла известность, у него появилось не только множество читателей, но и тех, кто страстно желал с ним познакомиться, — прежде всего из так называемого «высшего общества» — тех самых «четырех сотен» «лучших семейств» Нью-Йорка. «Ревностная, бурная толпа почитателей домогалась увидеть его, — писал Дженнингс. — Двери широко раскрывались перед Портером, и человек, который всего несколько лет назад был отделен от своих близких непреодолимой стеной, теперь стоял в ряду виднейших из них, вызывая у них — по желанию — смех и слезы». Но, совершенно лишенный снобизма, О. Генри неизменно отвергал настойчивые приглашения от людей имущих и влиятельных. Дженнингс объяснял это так: «Билл Портер предпочитал одиночество, но не потому, что презирал общество, и не потому, что боялся гласности, а потому, что ненавидел обман и лицемерие. А это, как он чувствовал, были неизбежные спутники людей, вращавшихся в обществе». По той же причине он избегал общения с коллегами по цеху.

«— Эл, я презираю этих “знаменитых” литераторов, — приводит слова О. Генри Дженнингс. — Они напоминают мне большие надутые мячи. Если бы кому-нибудь удалось проткнуть их гордую осанку, раздался бы только один громкий вздох, ибо это было бы то же самое, что проколоть булавкой натянутую

резину мяча. А затем они исчезли бы бесследно, не оставив по себе даже самой ничтожной морщинки.

Его тщетно забрасывали приглашениями. Он не мог тратить попусту время» [286].

Принимая в целом суждение Дженнингса, тем не менее нельзя согласиться с тем, что в упорном нежелании общаться с «богатыми и успешными» полностью отсутствовало стремление сохранить инкогнито. Едва ли так же главную роль играла «ненависть к обману и лицемерию». Вероятно, дело было в другом: О. Генри были совершенно не интересны эти люди. Не они были его героями. Вот если бы его звали иначе, например Генри Джеймс или У. Д. Хоуэлле, едва ли бы он стал избегать общества людей, которых исследовал. Но он изучал совсем других — обездоленных, неимущих, живущих на пять долларов в неделю, — тех, кто в основном и населял город «четырех миллионов». И этот интерес к «маленькому человеку» — интерес настойчивый и неустанный — О. Генри сохранял и на пороге, и за порогом своей литературной славы.

«Гений места»

У О. Генри есть рассказ под названием «Муниципальный отчет». Рассказ хорошо известен российским читателям. Можно сказать, хрестоматиен — его найдешь даже в однотомниках избранных новелл писателя. Впервые он был опубликован в 1909 году, а написан, видимо, в Эшвилле. Об эпизоде, связанном с этим городом, расположенным в штате Северная Каролина, мы еще обязательно расскажем. Коснемся и сюжета. Но сейчас нам интересна не история, которую писатель изложил в новелле, а одна фраза из эпиграфа к ней. Вот она:

«В Соединенных Штатах есть только три больших города, достойных описания, — Нью-Йорк, Нью-Орлеан и Сан-Франциско».

Слова эти принадлежат другому американскому писателю, современнику нашего героя, Фрэнку Норрису. Но они, конечно, не случайны. Хотя бы потому, что оказались в эпиграфе.

Для Петра Вайля, автора замечательного очерка об О. Генри в книге «Гений места», это высказывание послужило отправной точкой в размышлениях о глубинной связи писателя с Нью-Йорком. За много лет до него сходные мысли одолевали и первого биографа писателя, Алфонсо Смита. Неспроста среди его рассуждений есть утверждение: «Если когда-либо в американской литературе и произошла встреча человека с местом — это когда О. Генри впервые прошел по улицам Нью-Йорка».

Безусловно, с первых дней жизни в мегаполисе О. Генри оказался не просто покорен — зачарован Нью-Йорком: его не замирающей ни на мгновение жизнью, его огромными плотно населенными пространствами, мощным «коловращением», безжалостно перемалывающим тысячи и тысячи человеческих судеб.

Эл Дженнингс совершенно обоснованно утверждал: «Портер, как никто, понимал голос города, проникая в сосуды, питающие его сердце… Он открывал богатейшие россыпи на улицах и в ресторанах Манхэттена. Проникая сквозь грубый гранит его материализма, он обнаруживал в недрах золотую руду романтики и поэзии. Сквозь слой пошлости и глупости он видел мягко сияющее золото юмора и пафоса. Нью-Йорк был его золотой россыпью»[287]. Ему вторят все без исключения исследователи творчества и биографы писателя. Красноречивее слов критиков об этом говорят его рассказы. Как справедливо замечал всё тот же П. Вайль: «Из 273 его рассказов Нью-Йорку посвящена треть, и треть эта — лучшая»[288].

Но все-таки, признавая справедливость приведенного суждения, обратим внимание на то, что «нью-йоркские» истории составляют лишь треть из сочиненных писателем историй. Остальные созданы на ином материале. Их герои живут на Западе, в Центральной Америке, в Техасе, Новом Орлеане, на юге США. Да и Нью-Йорк О. Генри — будем объективны — отнюдь не энциклопедия человеческих типов, населяющих мегаполис. Нет в новеллах выразительных примет топографии города, его этнической пестроты, многообразия укладов. Почти все нью-йоркские персонажи — люди, живущие очень тяжелой жизнью, в бедности (на грани или за гранью нищеты, как его знаменитые бродяги). Почти все они «одной крови» — англосаксы или ирландцы. Потому и нет ничего удивительного в том, что молодой итальянец, спутник незадачливой Мэгги из новеллы «Дебют Мэгги», воспринимается не только персонажами новеллы, но и читателем чуть ли не как пришелец с другой планеты. Почему так, а не иначе? А всё довольно просто. О. Генри досконально знал жизнь Нью-Йорка — но не всего города (сие невозможно в принципе), а только его части. Тот же Вайль, хорошо знавший Нью-Йорк и немало побродивший по его улицам (явно не меньше, а скорее куда больше, чем его герой), совершенно справедливо заметил: «…его (О. Генри. — *А. Т.)* Нью-Йорк — только Манхэттен. И более (менее) того: несколько десятков кварталов вокруг пересечения Бродвея, Пятой авеню и 23-й стрит. […] Все нью-йоркские адреса О. Генри — в пяти минутах ходьбы от этого судьбоносного перекрестка. Квартиры —

на 24-й и на Ирвинг-плейс; отели — “Марти” на 24-й, “Каледония” на 26-й, “Челси” на 23-й»[289].

Но эту малую свою «вселенную» О. Генри изучал досконально. Как тут не вспомнить и не согласиться со словами Дженнингса: «Он был закоренелым старателем, неутомимо вонзавшим свою кирку в жесткий асфальт. […] Удача достигалась здесь не везением, а неуклонным стремлением к цели. Ни один писатель не работал упорнее, чем О. Генри. Это был ненасытный исследователь. Для О. Генри в работе заключался весь смысл жизни. Они были неотделимы друг от друга. Он попросту не мог удержаться от того, чтобы не подмечать, не наблюдать и не запечатлевать в уме своих открытий, точно так же, как негатив не может не фиксировать изображения всякий раз, как на него падает свет»[290].

Подлинные герои писателя, как правило, не коренные ньюйоркцы, а такие же пришлые, как и он сам, — слетевшиеся на огни большого города. И опалившие крылья. Вглядитесь во всех этих работающих женщин, в проституток, в бродяг, в мелких преступников и жуликов, работников фабрик и клерков, вслушайтесь в их истории, — и вы увидите это. Поскольку они все несчастливы, то истории их уникальны. И по-другому быть не может. Потому что счастливы люди, как известно, одинаково. А вот несчастен каждый по-своему. О. Генри «ловил» эти истории, впитывал их как губка. В этом был его особенный дар, источниками которого являлись его тренированный взгляд и память художника. Прежде чем воображение сформирует сюжет истории, писателю необходимо было собственными глазами увидеть своего героя или героиню. Нью-Йорк, точнее, тот самый район Двадцатых и Тридцатых улиц Манхэттена, поставлял ему героев и материал для историй в количестве почти неограниченном. При том стиле жизни, что вел О. Генри, при его постоянной «нацеленности» на поиск их и должно было быть много. Но наверняка далеко не все из сюжетов, что он находил в своих «золотых россыпях», отливались в окончательную форму новеллы. Что-то так и оставалось в письменном столе (вспомним свидетельство всё того же Дженнингса) или вообще даже не фиксировалось на бумаге.

Конечно, истории об обитателях Нью-Йорка занимают особое место в творчестве писателя, прежде всего потому, что он жил там. Если бы он остался в Новом Орлеане, оказался в Чикаго или добрался-таки до Сан-Франциско, побывать в котором мечтал, то его главными героями стали бы обитатели этих городов. Другое дело, что жизнь в Нью-Йорке — не забудем о масштабах города! — была насыщеннее, «плотнее», да и разнообразнее, чем

где бы то ни было. В нем отчетливее и напряженнее, нежели в любом другом городе Америки, бился пульс этого самого пресловутого «коловращения» жизни. Тем не менее О. Генри был всё-таки не «гением места», как ни привлекательно чеканное обаяние этой формулы, а «гением маленького человека» с его горестями — большими и малыми, радостями и надеждами. Он был (пользуясь другой, не менее известной формулой) его «великим утешителем».

Убедиться в справедливости этих слов несложно. Напомним, нью-йоркские истории составляют пусть лучшую, но всё-таки только третью часть его новелл. Да разве их качество могло быть иным? О. Генри как писатель именно в Нью-Йорке пережил расцвет своего дарования: нью-йоркские годы — лучшие и наиболее продуктивные в его творчестве. Зрелый О. Генри — нью-йоркский О. Генри. А писать он мог — и писал в эти годы — не только об обитателях Манхэттена. Он писал о Западе. И составил из «западных» рассказов несколько сборников. Вайль утверждает: «Запад у О. Генри — фольклорный и ходульный. Восток — реальный и яркий»[291]. Но в том-то и дело, что Запад для О. Генри был прошлым. Причем прошлым, окутанным дымкой ностальгии, счастья, беспечности и надежды. Нельзя сбрасывать со счетов и литературную традицию. После Твена и особенно после пасторального Дикого Запада Брет Гарта изображать его по-другому подразумевало «революцию». А О. Генри не был революционером. И не собирался сворачивать с тропы, протоптанной Гартом, — тем более, учитывая особое отношение писателя к поэту «златокипящей» Калифорнии. Кстати, не надо обладать острым зрением, чтобы понять, что «благородные жулики» О. Генри во многом «вышли» из Джека Гемлина и Уильяма Охкерста Ф. Брет Гарта.

Он бы мог стать «гением» каторжной тюрьмы штата Огайо — Дженнингс и те, кто отбывал вместе с писателем срок заключения (или трудился с ним в тюремной больнице), свидетельствуют, с каким напряженным вниманием он вслушивался, как реагировал на исполненные глубочайшего трагизма жизненные истории ее обитателей. И отчасти стал им — вспомним хотя бы один из лучших его рассказов «Превращение Джимми Валентайна». Но страх разоблачения блокировал его усилия в этом направлении. В то же время его Джефф Питерс и Энди Таккер (да и другие незадачливые любители легкой наживы) прообразами своими восходят не только к Брет Гарту, но, скорее всего, имели и прототипы в стенах узилища в Коламбусе.

О. Генри знал и любил Новый Орлеан, но прожил там недостаточно долго, чтобы стать «гением» этого места. Впрочем,

это не помешало написать ему несколько замечательных рассказов, действие которых развивается в этом необычном городе. Героями О. Генри становились жители Техаса, Южной Америки, Теннесси, Огайо, других штатов — больших и малых городов, поселков и уединенных ранчо. Писатель вполне мог стать «гением» и этих мест, если бы прожил в них подольше и имел возможность пристальнее вглядеться в повседневную жизнь их обитателей — существование «маленького человека» трагично повсеместно. И масштаб его трагедии, конечно, ничуть не менее значителен, чем трагедия ньюйоркца, задыхающегося в тисках безденежья и безнадежности. Но это был бы уже другой О. Генри.

Однако вполне достаточно О. Генри реального — без сослагательного наклонения. В одном из его поздних рассказов есть фраза, почти афоризм: «Дело не в дороге, которую мы выбираем. То, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу». И это в полной мере относится к судьбе писателя. В Нью-Йорк привела его писательская стезя. И, обладая особым зрением, особой житейской и художественной философией, он был обречен превратиться в бытописателя обитателей именно этого «города четырех миллионов».

Да, О. Генри мог бы стать «гением» любого «места». Но, как, говоря о Нью-Йорке, справедливо писал в свое время замечательный американский романист Джон Стейнбек: «Это уродливый город, грязный город. Его климат — скандал. Его уличное движение — безумие. Его конкуренция убийственна.

Но есть одна вещь: если вы жили в Нью-Йорке и он стал вашим домом, ни одно иное место вам не подойдет». Так и О. Генри, прожив в нем несколько лет, оказался «отравлен» и «наркотизирован» этим городом. И уже не мог жить вне его.

А теперь вернемся к «Муниципальному отчету». Рассказ этот — один из многих красноречивых примеров того, что О. Генри был не столько «гением места», сколько «гением человека». Это рассказ зрелого мастера, он стоит в одном ряду с лучшими из «нью-йоркских» историй. Перед читателем вновь трагедия человека — бедной, но гордой южанки из теннессийского Нэшвилла, терроризируемой никчемным супругом, талантливой писательницы, впитавшей культуру ушедшего Юга, но не способной противостоять беспринципному хаму. Разве ее история менее трогательна, чем история Дэлси из «Неоконченного рассказа» или история бродяги из новеллы «Фараон и хорал»? Разве ее финал утешает меньше, чем финал знаменитых «Даров волхвов» или «Дебюта Мэгги»?

«Муниципальный отчет» был написан в южном, расположенном у отрогов живописных Аллеганских гор

провинциальном Эшвилле. И наверняка свою героиню, миссис Эдэр, О. Генри углядел среди обитателей этого захолустья. Тогда писатель был уже болен, и жить ему оставалось год или чуть меньше. Движимая заботой о хворающем супруге, туда на отдых его вывезла вторая жена (о ней речь еще впереди), но О. Генри выдержал там только несколько месяцев. И запросился обратно: «Я могу смотреть на эти горы сотню лет и не родить ни одной мысли. Там слишком много красивых видов и свежего воздуха. Что мне нужно, так это квартира с паровым отоплением, без вентиляции и физических упражнений».

Он лукавил, заявляя, что не может «родить» в Эшвилле «ни одной мысли». «Муниципальный отчет» и несколько других рассказов, написанных там, опровергают слова писателя. Но они подтверждают мысль Стейнбека: в ином месте, кроме Нью-Йорка, жить он уже не мог.

«Гарун аль-Рашид»

Прежде нам невольно пришлось немного забежать вперед, но теперь настала пора вернуться к тому времени и месту, где мы оставили нашего героя. Итак, место действия — «город четырех миллионов», время действия — 1906–1908 годы. О. Генри находится на вершине успеха и переживает апогей своей литературной карьеры. Он — преуспевающий профессиональный писатель. И поскольку О. Генри писал не только ради удовольствия, а зарабатывал пером на жизнь, нам не избежать разговора о деньгах.

Как известно, в любой стране, а в Америке — особенно, вопрос о том, сколько ты получаешь (сколько тебе платят), считается не очень приличным. Он воспринимается как некое сомнение в адекватности оценки способностей того, к кому обращен вопрос (не важно, со знаком «плюс» или «минус»), и в любом случае — как покушение на то, что американцами определяется емким понятием *privacy*. Но в нашем случае без вторжения в эту деликатную тему никак не обойтись. И мы уже неоднократно этим занимались, говоря о займах Портера, о его долгах, о гонорарах, которые он получал за публикации. Да и вообще, повествование о судьбе профессионального литератора без разговора о его доходах, о том, как их величина влияла на его каждодневное существование, конечно, немыслимо. Разве можем мы, например, понять Вольтера, не говоря о его богатстве, или рассуждать о Бальзаке или о Достоевском, не памятуя о значении «презренного металла» в их творческих судьбах? Всё это в полной мере приложимо и к О. Генри. Деньги многое значили и в его судьбе.

Хотя О. Генри явно не принадлежал к числу тех литераторов, которые (как, например, Джек Лондон или другой его весьма удачливый современник и коллега Р. Х. Дэвис) стремились выжать из издателей по максимуму, тем не менее финансовая составляющая волновала, конечно, и его. Но это было волнение особого рода. Он никогда не прилагал целенаправленных усилий к увеличению гонораров: на протяжении почти всего нью-йоркского периода за рассказы ему платили почти всегда одинаково: те, кто его в свое время «открывал» («Энслиз», «Уорлд» и др.), по 100, реже по 150 и совсем редко — по 200 долларов за новеллу (и то в основном в последние два-три года его жизни). Впрочем, речь идет о суммах, прописанных в договорах, которые — как по срокам сдачи текстов, так и по величине их — он обычно нарушал. Поэтому об истинных величинах авторских

вознаграждений О. Генри на самом деле мы можем судить лишь косвенно. Особенно когда речь идет о позднем периоде. Может быть, он и хотел, чтобы ему платили больше… Да вот ведь незадача: он постоянно находился в тисках контрактов, взятых на себя обязательств и… невыполненных обещаний. Сохранилось большое количество разнообразных писем и записок, при помощи которых в нью-йоркские годы писатель общался с редакторами и сотрудниками журналов, где публиковались его новеллы. Но ошибется тот, кто подумает, что они были заполнены суждениями о литературе. В этом смысле О. Генри мало отличался от коллег по цеху: знак доллара и просьбы о дополнительных авансах в счет будущих текстов встречаются в них куда чаще, чем названия новелл или имена их героев. Немало в них и уверений поторопиться, постараться успеть закончить обещанное (чаще всего давно оплаченное).

Как свидетельствуют исследователи творчества писателя, начиная примерно уже с 1904 года и до конца своих дней наш герой постоянно был должен какой-нибудь текст — то тому, то другому журналу, а то и нескольким одновременно[292]. И положение это год от года усугублялось.

Александр Блэк, выпускающий редактор «Санди уорлд», вспоминал, как в 1905–1907 годах каждую свою неделю, почти как правило, начинал с посылки курьера к О. Генри с требованием предоставить очередной текст или хотя бы синопсис новеллы, которая должна быть опубликована в очередном субботнем номере (необходимо было заказывать рисунок художнику — каждая новелла О. Генри обязательно сопровождалась иллюстрацией). И хотя чаще всего рассказ в последний момент всё-таки появлялся в редакции, сомнения в том, что текст будет представлен, оставались до последней минуты.

В 1907 году произошло важное событие: у писателя появился литературный агент. Звали его Сет Мойл. В 1914 году, через четыре года после смерти своего подопечного и друга (хотя их связывали деловые отношения, но назвать его по-другому мы не можем — рядом с О. Генри могли находиться только по-настоящему расположенные к нему люди), он написал и опубликовал небольшую книжицу с незамысловатым названием «Мой друг О. Генри». С точки зрения обстоятельств личной и творческой жизни писателя книжка эта малоинформативная, но литературно-финансовую сторону существования приоткрывает (ведь Мойл всем этим и занимался — гонорарами, договорами, публикациями и т. п.). Вот из нее и можно узнать о том, сколько получал «его автор». Мы не знаем, при каких обстоятельствах

Мойл появился рядом с О. Генри, кто их познакомил и почему именно этот человек стал его литературным агентом (в книге об этом не говорится). Ясно одно: жаль, что Сет Мойл оказался рядом с писателем только в 1907 году. Очевидно, что с его появлением финансы нашего героя приобрели некоторую прозрачность, да и за приличные ставки гонораров агент все-таки боролся. Прежние контракты (например, с «Санди уорлд» — по 100 долларов за рассказ) он пересмотреть не мог (да и едва ли О. Генри это ему позволил бы), но что касается новых — они заключались на иных условиях. Впрочем, как замечает Мойл, его подопечный был трудно управляем. С большой неохотой брал на себя новые обязательства (даже если они сулили изрядные деньги), отказывался от выгодных предложений, если те по какой-то причине ему не нравились или просто не хотел себя связывать.

Как тут, кстати, не вспомнить следующий красноречивый эпизод (его нет в воспоминаниях Мойла, но он весьма характерен). Однажды (событие относится к 1907–1908 году) нашему герою по почте пришло письмо от редактора крупного еженедельного издания с просьбой сочинить рассказ (любой рассказ на любую тему). К письму прилагался чек — на тысячу (!) долларов. Хотя О. Генри (впрочем, как всегда!) находился в стесненных обстоятельствах, предложение он отверг и без комментариев отослал чек обратно. Дело в том, что в свое время — когда писатель еще только начинал пользоваться своим псевдонимом, он посылал в тот самый еженедельник несколько рассказов, но сначала долго не получал ответа, а затем, после нескольких напоминаний, удостоился-таки — грубого по форме и издевательского по сути. Письмо было подписано тем самым человеком, который теперь прислал чек. Можно подумать, что Портер отомстил. Но едва ли это справедливо. Он не был мстителен. Просто не выносил снобов и людей беспринципных. Если бы он хотел отомстить, то мог бы легко это сделать, взяв деньги и отослав один из тех самых отвергнутых прежде рассказов. Но не сделал этого. Другим был человеком — честным и щепетильным.

К тому времени, когда Мойл взялся опекать О. Генри, творческая активность писателя была уже не та, что прежде — в 1902–1905-м, когда он сочинял за год по полсотни (а то и больше) рассказов. В том же 1907 году он опубликовал всего лишь 11 новых историй[293]. Но благодаря Мойлу, который делал всё, чтобы труд новеллиста оценивался как можно выше, финансовое положение писателя не очень пострадало. Свою роль, конечно, сыграло и то, что с 1906 года регулярно — сначала в издательстве *McClure's*, а затем в издательстве *Doubleday* — стали

выходить сборники рассказов О. Генри. Но, как сообщает Мойл, писатель и здесь проявил несговорчивость и отсутствие практической сметки.

Поясним, о чем идет речь. В конце XIX — начале XX века (прежде всего в Великобритании и США) в практике отношений между издателями и авторами всё более активно начала применяться система «роялти», когда автор получает гонорар не сразу, а — в размере заранее оговоренного процента от издательской цены книги — постепенно, в зависимости и по мере продаж. Этот подход снижал риски издателя и увеличивал (и порой многократно) доход писателя. Но в то же время не сулил ему «быстрых денег». Наряду с этой — весьма, надо сказать, прогрессивной — новацией продолжала существовать и прежняя система отношений, когда издатель покупал рукопись будущей книги, что называется, «на корню». Но в таком случае и сумма, которую получал писатель, была несопоставима с той, что он мог получить и получал (обычно небольшими порциями) в течение месяцев, а то и лет. Причем очевидно, что издатели экономили и даже, казалось бы, заведомо успешным авторам старались платить по минимуму.

Ни одного из своих восьми сборников рассказов, опубликованных при жизни, О. Генри не издал на условиях роялти. Он получал всё сразу. Но это «всё», как вспоминал Мойл, в его восприятии составляли смехотворные суммы — никогда его подопечному не платили больше 500 долларов за подготовленный им к печати сборник рассказов. Можно, конечно, предположить, что автор «Королей и капусты» всё время помнил о не слишком удачной судьбе (прежде всего в материальном смысле) своей первой книги. Но едва ли это было действительно так. Он знал (еще лучше знал об этом его литературный агент), что сборники расхватывают, буквально как «горячие пирожки», но ждать, пока на его банковский счет «упадут» очередные выплаты, не мог и не хотел (да и собственного банковского счета писатель, кстати, не имел). Деньги ему были нужны даже не немедленно, а, как правило, еще «вчера» — О. Генри постоянно был должен. Причем не только тем, кто публиковал его новеллы — редакторам, владельцам газет и журналов, но и приятелям — прежде всего тем, кто был ему ближе, — Дэвису, Холлу, Даффи, Уильямсу и др. Впрочем, ближним кругом дело не ограничивалось. Дженнингс приводит характерный эпизод, связанный с долгами друга:

«На следующий день (действие происходит во время очередного визита О. Генри в Нью-Йорк — примерно в 1907–1908 году. — *А. Т.)* он предложил мне отклониться на четыре квартала

в сторону от нашего пути, чтобы всего лишь заглянуть в бар.

— Нам нужно побольше двигаться. Мы начинаем толстеть. — Так О. Генри объяснил свое решение. На самом деле причина оказалась другой.

Та же история повторилась и в следующие дни. Когда Портер в четвертый раз пригласил меня зайти всё в тот же бар, я почувствовал любопытство.

— Что вам так нравится в этом жалком притоне, Билл?

— Я разорен, полковник, — отвечал писатель, — а буфетчик знает меня. Поэтому я пользуюсь там неограниченным кредитом».

Конечно, «разорен» — неверное слово. Но то, что он действительно нередко оставался «без гроша в кармане», — не подлежит сомнению. Нетти Роч, сводная сестра Атоль (в конце 1900-х она жила и работала в Нью-Йорке и довольно часто виделась с О. Генри), припоминала такой эпизод. Однажды, когда она в очередной раз навестила своего родственника, тот только что закончил рассказ и позвал мальчишку-курьера, чтобы передать рукопись в редакцию. Курьер явился на зов, получил пакет, но оказалось, что у писателя совсем нет денег — даже одного «дайма» (монеты в десять центов) или «никеля» (монеты в пять центов), чтобы заплатить мальчишке за труд. Интересно, что юный курьер не только нимало не был обескуражен таким оборотом дела и, узнав о затруднении писателя, не только согласился подождать с оплатой до следующего раза, но, напротив, выгреб горсть мелочи из собственных карманов и с победным видом водрузил их на стол. На протесты со стороны О. Генри он отвечал: «Я знаю, что сейчас вам эти деньги нужнее. А мне вы заплатите тогда, когда сможете». И с этими словами убежал выполнять данное ему поручение[294].

Понятно, позже писатель заплатил мальчишке. Но ситуация, согласитесь, странная. Конечно, она могла быть спровоцирована какими-то случайными обстоятельствами: ну, поистратился человек, бывает с каждым. Тем более что О. Генри (как и любой писатель) за свои сочинения получал нерегулярно. В то же время хорошо известно, что даже в самые «тучные» годы подобная ситуация повторялась с пугающей регулярностью. Об этом свидетельствуют почти все, кто общался с писателем, об этом пишут его биографы, красноречиво иллюстрируют письма О. Генри приятелям, буквально вопиют записки редакторам, да и мы упоминали об этом уже неоднократно. И это при том, что хотя О. Генри не принадлежал к числу наиболее высокооплачиваемых писателей эпохи, тем не менее доходы его были весьма высоки. Например, в 1908 году — в одном из самых удачных в финансовом смысле — примерный годовой доход писателя

составил 14 тысяч долларов[295]. В другие годы его заработки были когда больше, когда меньше, но, за исключением 1902-го — первого нью-йоркского года, обычно не опускались ниже десяти тысяч долларов. Если учесть, что современный «зеленый» примерно в 20–25 раз «легче» долларов О. Генри, можно представить, что он зарабатывал весьма приличные деньги. Куда же уходили эти огромные средства?

Известно, что О. Генри оплачивал школу для Маргарет. Но едва ли эта сумма превышала две тысячи долларов. Он расточительствовал, когда дочь и теща (вместе или по отдельности) приезжали к нему в Нью-Йорк: водил их в лучшие рестораны, универсальные магазины, покупал им дорогие наряды, косметику, ювелирные украшения, сувениры и безделушки. Но их наезды случались довольно редко — раз-два раза в год. Он много тратил на выпивку, салуны, бары, рестораны, одежду. Быт его был совершенно неорганизован, да и непрактичность О. Генри хорошо известна. Нельзя не согласиться и с таким замечанием Дженнингса: «Портер не имел никакого представления о ценности денег. Казалось, он руководствовался каким-то своим собственным мерилом».

«Он любил тратить, — вспоминал его друг, — и всегда стремился играть роль хозяина. Когда заканчивалось застолье, я начинал требовать счет и шуметь.

— Бросьте вы свои тщеславные замашки, — отвечал обычно Портер. — Всё давно уплачено и забыто».

Но, конечно, не эти походы по злачным заведениям разрушали его бюджет, а знаменитое «гарун-аль-рашидство» писателя, которое началось едва ли не с первых месяцев его жизни в Нью-Йорке и о котором упоминали впоследствии почти все, кому довелось с ним тогда общаться.

Дженнингс, наблюдавший сей процесс многократно, вспоминал, в числе прочих, о таком эпизоде. Однажды они как обычно отправились по злачным заведениям и в одном из них познакомились с двумя юными особами легкого поведения. Как правило, О. Генри чурался услуг представительниц древнейшей профессии. На их предложения он отвечал шуткой, частенько кормил обедом, и на этом отношения заканчивались. Но в тот раз что-то привлекло его в этих двух несчастных созданиях, и он пригласил их к себе домой, устроил обильный ужин и попросил их рассказать свои истории. Впоследствии из этих историй родился рассказ «Меблированная комната», читателям он хорошо известен. Однако кое-что осталось за пределами повествования. Расставаясь с девушками, вспоминал Дженнингс, О. Генри «встал, подошел к маленькому столику и вернулся с экземпляром

“Королей и капусты”». «Прочтите это, когда у вас будет время, и скажите мне свое мнение, — сказал он на прощание».

Но это не конец истории. В книгу, которую он дал проститутке, было вложено десять долларов:

«Через несколько дней после пира она явилась к нему. Я ждал Портера.

— Я пришла вернуть ему вот это. Ваш приятель, уж не помню, как его звать, забыл заглянуть в книгу, прежде чем дать ее мне.

Как раз в эту минуту вошел Портер.

— Здравствуйте, мисс Сью.

Я забыл ее имя и называл девушку то Софи, то Сарра, то “милочка”.

Портер сбросил плащ, который был на нем:

— Войдите, пожалуйста.

— Я пришла только за тем, чтобы вернуть вам это.

Портер посмотрел на бумажку, которую она держала в руке, с таким видом, будто думал, что Сью хочет подшутить над ним.

— Что это значит?

— Это лежало в книге, которую вы мне дали.

— Это не мои деньги, Сью. Вы, наверно, сами вложили их туда и забыли потом.

Девушка улыбнулась, но в ее умных черных глазах появилось выражение глубокой признательности.

— Забыла, мистер Билл! Если бы у вас было столько богатства, сколько у меня, вы ни за что в мире не могли бы забыть, что засунули куда-нибудь хоть один грош.

— Это ваши деньги, Сью, потому что они не мои. Но вот послушайте, Сью: если мне когда-нибудь придется туго, я отыщу вас и попрошу накормить меня обедом. А если у вас настанут черные дни, постучитесь в эту дверь.

— Немного найдется на свете таких людей, как вы, господа. — Лицо девушки покраснело от удовольствия. — Мы с Мэм (прозвище подружки Сью, участвовавшей в пирушке. — *А. Т.)* думаем, что вы не иначе как принцы.

На полдороге к вестибюлю она обернулась:

— Я знаю, что эти деньги были ваши, мистер Билл. Спасибо».

Другой эпизод из воспоминаний Дженнингса мимолетнее, но не менее красноречив:

«Мы свернули за угол в темную, грязную улицу. Какой-то ужасный, опустившийся оборванец, тяжело волоча ноги, прошел мимо нас. Он был трезв. Голод (если вы сами когда-либо испытывали голод, вы безошибочно прочтете его на лице ближнего) — голод смотрел на нас из этих жадных глаз.

— Эй, друг! — Билл поравнялся с ним и сунул ему в руку

бумажку.

Мы пошли дальше. Через минуту оборванец нагнал нас:

— Простите, мистер, вы ошиблись, вы дали мне двадцать долларов.

— Кто вам сказал, что ошибся? — ответил Портер и пошел дальше»[296].

Конечно, он не ошибся. Буквально через час выяснилось, что эта двадцатка — его последние деньги. Для него было совершенно обычным делом, увидев в глазах человека мольбу, услышав просьбу о помощи, тотчас сунуть руку в карман и отдать, не глядя, всё, что там оказывалось. Сколько таких случаев было, когда он отдавал последнее — бог весть! — но уверен, что за годы жизни в Нью-Йорке — великое множество.

В своей книге Дженнингс утверждал, что помощь людям имела и оборотную сторону — так писатель оплачивал те знания об обездоленных жителях «города четырех миллионов», которые иным образом он раздобыть не мог и которые затем использовал в своих сюжетах. На самом деле, скорее всего, Дженнингс так не думал: просто это была попытка объяснить (прежде всего для самого себя) необъяснимое, с его (читай: «нормального» обывателя-американца) точки зрения, поведение своего друга. Он искал рациональное зерно — то есть выгоду, которую должен был (а как же иначе!?) тем или иным образом обязательно извлекать писатель. Он не мог понять, что О. Генри занимался благотворительностью отнюдь не потому, что постоянно находился в поисках сюжетов — истории несчастных, затем попадавшие на страницы новелл, были скорее побочным эффектом этой деятельности. Двигало им другое. Сострадание и искупление. За то, что так несправедлив и так несовершенен мир. За то, что он преуспел, а они не смогли, хотя не менее заслуживают успеха. Помочь им «схватить судьбу за хвост» он, конечно, не мог, но утешить мог вполне. И утешал, как умел — когда добрым словом, когда оплаченным визитом к врачу, но чаще — деньгами, обедом — тем, что этим людям было нужнее всего.

О. Генри никогда не участвовал в так называемой «организованной филантропии». Не столько потому, что чурался публичности, сколько по причине того, что полагал «филантропию напоказ» делом пустым и лукавым (свое отношение к благотворительности подобного рода он с присущим ему блеском выразил, например, в рассказе «Кафедра филантроматематики») и предпочитал помогать напрямую, «просто так», без плана и системы — глядя в глаза тому, кто нуждается. Он даже специально свел знакомство с врачом, — тот

лечил неимущих, — чтобы направлять к нему тех, кто нуждается в медицинской помощи, и оплачивал лечение этих пациентов.

Конечно, в этой своей филантропии «прямого действия» писатель не раз и не два оказывался «в дураках», становился жертвой мошенников, людей аморальных и нечистых на руку. Однажды он приютил у себя на Ирвинг-плейс начинающего писателя — молодого человека, который на поверку оказался лентяем с задатками паразита. Тот прожил у него несколько месяцев на всём готовом, но вместо сочинительства пьянствовал и тянул с хозяина деньги на развлечения, до которых, как оказалось, был большой охотник. О. Генри стоило немалого труда выдворить его со своей жилплощади. Но еще больше его возмутил такой случай. Одна из проституток, прослышав о странной щедрости господина, который ничего не требует взамен, попросила у него денег, чтобы съездить навестить больную мать. О. Генри дал ей 50 долларов. Затем последовала просьба еще о пятидесяти — мама была уже при смерти. Потом он вручил еще 50 и… тут узнал (скорее всего, от одной из товарок просительницы), что его нагло обманывали — девица никуда не ездила, за мамой не ухаживала, да и про наличие мамы у этой особы никто никогда раньше от нее не слышал.

Эта история приключилась на глазах у Дженнингса. Он вспоминал, что никогда прежде не видел своего сдержанного друга таким взбешенным, не слышал, чтобы он так ругался. Но, отметим (Дженнингс и другие подтверждают это), случай этот не отвратил О. Генри от благотворительности — от странного для многих и многим непонятного «гарун-аль-рашидства».

Большинство из этих людей и не читали сказок «Тысяча и одна ночь». И судьба им выпала другая — не такая, как у нашего героя. Где им было понять Уильяма С. Портера, который — существуя теперь под именем «О. Генри» — мог позволить себе быть хотя бы немножечко волшебником. Разумеется, добрым волшебником — для тех, кто давно утратил веру в чудесное.

Дело о шантаже

Конечно, никто из писавших об О. Генри не мог пройти мимо его «гарун-аль-рашидства», отыскивая в воспоминаниях знавших его людей и приводя в своих книгах многочисленные примеры безрассудных трат. Но далеко не каждый удовлетворился объяснением, что именно безумное расточительство нашего героя вынуждало его время от времени балансировать на грани полного безденежья и постоянно прибегать к займам. В результате возникла вполне конспирологическая версия, что у писателя были

и иные расходы — причем изрядные, о которых он не просто умалчивал, а весьма тщательно скрывал. Только они-де и способны объяснить его жизнь «на грани» — он постоянно был вынужден кому-то и за что-то платить. Так появилась история о шантаже, объектом которого в нью-йоркские годы стал писатель. Первым ее озвучил Дженнингс. Довольно невнятно и без особенных подробностей он упомянул в своей книге о некой «женщине в черном», в течение нескольких нью-йоркских лет тянувшей из писателя деньги. По его словам, он даже видел ее, когда она приходила за последним взносом. Почему за «последним», объясним позже. Сейчас же озвучим то, что было известно о ней Дженнингсу.

Ссылаясь на О. Генри, он рассказывал, что женщина эта объявилась в 1905 году. Якобы она родом из Остина, была знакома с Атоль, знала о растрате, о суде и о тюремном заключении Портера и грозила предать гласности то, что ей известно. Она была замужем, жила где-то неподалеку от Нью-Йорка и частенько приезжала в город. Муж ее был богат, но скуповат, а она любила наряды и красивую жизнь. На всё это денег, что отпускал супруг, ей не хватало. Поэтому — пусть не подумает ничего дурного такой знаменитый и такой богатый писатель! — она и обратилась к нему за вспомоществованием. Он же помогает людям? Долгое время она довольствовалась сотней долларов в месяц, затем ее аппетиты возросли до полутора сотен. О. Генри исправно платил. Но в тот день, когда Дженнингс увидел ее, она пришла к писателю за иной суммой: ей срочно понадобилась уже тысяча долларов. И раздобыть ее нужно было немедленно. Возможно, полагал Дженнингс, он так бы никогда и не узнал о шантаже, но в тот момент О. Генри был очень взволнован — собственных денег у него, как обычно, не было, а максимальная сумма, что он мог найти быстро, — не больше 150 долларов.

Рассказ О. Генри (а еще более то, что он очень редко видел своего друга настолько взволнованным) подвиг Дженнингса на некие действия в отношении таинственной особы. Что он с ней проделал (очень хотелось бы верить, что не убил) — неизвестно (Дженнингс об этом не пишет). Но спустя некоторое время он сообщил другу, что никогда больше эта женщина тревожить его не будет[297]. Судя по всему, и не тревожила.

История, изложенная Дженнингсом, приключилась в 1907 году. Следовательно, после этого, в 1908-м, О. Генри должен был жить уже без всяких долгов. Тем более что в тот год он заработал кругленькую сумму — аж 14 тысяч долларов. Но, как мы знаем, этого не случилось — из спорадического безденежья он так и не

вышел. Перебои подобного рода происходили постоянно — до самой кончины писателя.

А история о шантаже, между тем, пошла гулять по писаниям различных авторов. Ее нет у первого биографа писателя, Алфонсо Смита. Не упоминают о ней ни Сет Мойл, ни А. Партлан, ни другие «ранние» биографы. Нет сведений о таинственной шантажистке и в книгах У. Уильямса и Р Дэвиса. Зато она есть в сочинениях Ю. Лонга — «О. Генри. Личность и творчество» (1949) и Д. Крамера — «Сердце О. Генри» (1954). Весьма критично отнесся к этому сюжету Дж. Лэнгфорд в своей биографии писателя. Но таким уж он был дотошным исследователем — всё подвергал сомнению. Однако уже в 1970 году в книге Ричарда О'Коннора «Легендарная жизнь Уильяма С. Портера» мы снова сталкиваемся с ней. Причем в несколько приукрашенном, по сравнению с Дженнингсом, виде. Тем не менее источник ее очевиден. Судя по всему (прежде всего благодаря обильным цитатам и ссылкам), О'Коннор, да и другие авторы — предшествующих и последующих биографий, создавая свои жизнеописания знаменитого новеллиста, воспользовались всё той же красочной (но порой не очень достоверной) историей Дженнингса.

Роберт Дэвис упоминает о шантаже, но иного рода. Он пишет, что его друг получал анонимные письма с угрозами из Питсбурга, и цитирует их. Как явствует из этих посланий, неизвестный знал, что О. Генри и У. С. Портер — одно лицо. Ему были известны нью-йоркский адрес писателя, его прежние адреса в Остине, Хьюстоне и Питсбурге, и этот некто угрожал разоблачением. Но никаких денег не требовал. Кто это был и куда исчез впоследствии — неизвестно. Просто письма перестали приходить[298].

Казалось бы, на этом можно поставить точку: «дело о шантаже» выглядит довольно сомнительно, а верификации не поддается. Апокриф. Каких в биографии О. Генри, как верно уже заметил внимательный читатель, было немало. Но, оказывается, ставить ее всё-таки рано. Ведь среди писавших об О. Генри — не только американцы. Есть и наши соотечественники. Первым о шантажистке заговорил ленинградский писатель Н. Внуков: в 1969 году он опубликовал биографическую повесть «Тот, кто называл себя О. Генри». В ней упомянутая коллизия превратилась в одну из центральных. И хотя и здесь отчетливо «торчат уши» достопамятного Дженнингса (Внуков, кстати, и не скрывал свой источник), автор настоящих строк далек от того, чтобы бросить в него камень: Н. Внуков написал очень хорошую повесть — яркую, образную. Но он писал именно повесть, а не биографию, и потому

имел полное право на вымысел, которого автор биографического очерка конечно же лишен.

Однако это совершенно не смутило тех, кто затем — сначала на излете СССР (о статьях 1930–1970-х говорить не будем — здесь всё в порядке, да и о шантаже маститые советские литературоведы, понятно, не упоминали), а потом и в новой России — принялся писать об О. Генри — сперва для газет и журналов, а впоследствии и для Сети (биографических очерков о писателе там «гуляет» великое множество). И почти везде (за редким исключением!) пресловутый сюжет всплывает вновь и вновь. Не имея фактической базы, авторы включают собственную буйную фантазию и в попытках перещеголять друг друга строят предположения относительно таинственной «шантажистки в черном». Большинство очерков анонимно, хотя есть и подписанные, но упоминать их авторов — большая честь. Да и говорить о них, видимо, не стоило, но мимо одной — вопиющей — публикации пройти невозможно. Не столько потому, что была приурочена она к 140-летию О. Генри и опубликована в уважаемом столичном журнале «Огонек» (в № 49 за 2002 год), сколько по причине настоящего насилия над фактами, которое совершил ее автор. Публикация эта озаглавлена «О, счастливчик» и представляет краткое изложение жизненного пути писателя. Думается, столь необычное сочетание лжи с правдой привело бы в изумление даже самого Йозефа Геббельса. Потому что правды там — лишь даты жизни и смерти О. Генри. Всё остальное — порождение изощренной авторской фантазии. Не будем опровергать так называемые «факты» — для этого пришлось бы написать параллельный текст. Любопытно другое: автор, ссылаясь на некоего ирландского профессора (да был ли он? во всяком случае, ни следов досточтимого ученого, ни сведений о его сенсационном труде во Всемирной паутине нам обнаружить не удалось), выстраивает «увлекательную» коллизию, суть которой сводится к следующему: вся жизнь О. Генри — расплата за постыдный грех, совершенный в юности. Якобы, будучи шестнадцати лет от роду, он изнасиловал свою одноклассницу по имени Сара Коулмен *(Coleman)*. Опасаясь последствий, бежал в Техас (мотивировав бегство туберкулезом), но, едва освоившись в Остине (и женившись на Атоль), был настигнут обманутой им женщиной (между прочим, всегда носившей черное). Всё его творчество техасского периода — попытка скрыть возобновившуюся связь. Растрата в банке — деньги ему были нужны для любовницы. В тюрьму сел — потому что там пытался скрыться от нее. Уехал в Нью-Йорк, взял псевдоним и начал писать рассказы — опять же только поэтому. Но и здесь его

настигла мстительная бестия — шантажировала (узнаёте «женщину в черном» Дженнингса?), тянула деньги, а затем и вовсе заставила на себе жениться. Но, по словам автора, он таки «убежал» от нее — в смысле умер. «Когда его хоронили, на его лице застыла улыбка. Всё-таки он сумел убежать от жены. О судьбе Сары больше ничего не известно»[299]. Таким «мощным» аккордом завершается сенсационное сочинение.

Жаль, конечно, что создатель этого текста, видимо, не только не удосужился прочитать хотя бы одну из биографий О. Генри, но и рассказов его, похоже, тоже не читал. Иначе едва ли отважился бы на такой поразительный сюжет.

Но имя Сары Коулмен произнес. В ней ничего общего не было с тем, что об этой особе написал лихой «огоньковец», но она действительно любила черное, стала второй женой писателя, сыграв существенную роль в последние годы его жизни. И поскольку имя это названо, а в повествовании своем мы подходим к завершающему этапу жизни и творчества О. Генри, нам неизбежно придется обратиться и к этой главе в его биографии.

«Женщина в черном», или Прошло время любить

На Саре Коулмен Уильям Сидни Портер женился 27 ноября 1907 года. Церемония бракосочетания состоялась в Эшвилле, в храме, где на протяжении многих лет Коулмены были прихожанами. Как бы ни относились к факту женитьбы писателя его друзья, а также иные биографы, согласимся, событие это важное, и миновать его мы не можем. Решение изменить матримониальный статус имело свою предысторию, оно не было спонтанным — ни со стороны новобрачной, ни со стороны ее немолодого супруга. И мы обязательно ее коснемся. Но для этого необходимо немного вернуться назад. Примерно на два года — чтобы обо всём рассказать по порядку.

1905 год, как мы помним, стал этапным в творческой судьбе О. Генри. Он оказался не только самым продуктивным в литературном плане — никогда прежде и никогда впоследствии он не работал столь интенсивно. Этот год принес настоящую известность — теперь О. Генри мог не опасаться за свое писательское будущее.

Сара Линдсей Коулмен (таково ее полное имя) жила в Эшвилле, штат Северная Каролина. В 1905 году ей сравнялось 37 лет. Замужем она никогда не была, жила вдвоем с мамой. Получила хорошее образование, окончила колледж и последние 12 лет учительствовала в школе для девочек. Но учительская стезя ее тяготила. Она мечтала о литературной карьере, хотела

стать писательницей и сочиняла рассказы. О художественных достоинствах ее короткой прозы мы судить не можем, но несколько своих историй ей удалось пристроить в один из североамериканских литературных журналов, следовательно, каким-то дарованием она обладала. То, что она сочиняла, следует числить по ведомству литературы «местного колорита» — явления, переживавшего тогда апогей своего развития, да и сейчас не потерявшего привлекательности.

Поскольку Сара интересовалась современной литературой, имя О. Генри ей было известно, и его рассказы, хотя сама сочиняла тексты совершенно иного сорта, ей нравились. Так как она мнила и себя писателем, то не только следила за текущим литературным процессом, но и время от времени почитывала и специализированные издания — в том числе и такие, как «Критик» и «Паблишез уикли». И вот однажды ей на глаза попался тот самый очерк о писателе, что был опубликован в «Критике». Без труда она совместила набиравшего всё большую популярность американского писателя О. Генри и своего знакомца детских лет из Гринсборо по имени Билл Портер. Сделать это ей было нетрудно. Во-первых, потому что настоящее имя писателя, как мы помним, фигурировало в очерке, а во-вторых, потому что тот самый мальчик из провинциального городка ей хорошо запомнился.

Когда они встретились, ему было шестнадцать, а ей около одиннадцати. Он уже работал — был помощником аптекаря, а она приехала на лето к бабушке из родного Эшвилла. Ее бабушка была дружна с бабушкой Билла, пожилые женщины часто встречались, ходили друг к другу в гости. Таким образом, неизбежны были и встречи Сары с Биллом. Трудно сказать, за минувшие с тех пор почти 30 лет вспоминал ли он хоть однажды ту девочку? Но то, что она его запомнила, — совершенно ясно. Во-первых, разница в возрасте: ему шестнадцать, он уже юноша. Она еще девочка, но на пороге девичества. Во-вторых, он был забавный: всегда серьезный, сосредоточенный, но как умел смешить! По вечерам рассказывал страшные истории, голосом, мимикой, жестами, походкой изображал знакомых, и так точно, что ошибиться было невозможно. А еще он здорово рисовал карикатуры, поразительно верно подмечая черты тех, над кем подшучивал. Рисовал он и ее, но она ему запрещала. Именно *эти рисунки* ей не нравились: она не выносила, когда над ней смеялись. А еще он обращался с ней как со взрослой девушкой: вел светские беседы, внимательно ее слушал, гулял в саду, был учтив и обходителен, дарил цветы. Она понимала — по искоркам смеха, вспыхивавшим время от времени в его глазах, — что всё

это, конечно, не всерьез, но было очень приятно и запомнилось. Может быть, она даже была немного и по-детски влюблена в него: во всяком случае, тогда она именно так и думала. В его чувствах она разобраться не могла, но сейчас, по прошествии стольких лет, ей казалось — во всяком случае, очень хотелось верить, — что и он переживал нечто подобное.

Мисс Коулмен написала ему письмо и отправила на адрес редакции одного из журналов, где рассказы О. Генри печатались чаще всего. Письмо достигло того, кому предназначалось. Сара писала:

> «Если Вы тот самый мальчик, которому однажды нравилась маленькая девочка в зеленом муслиновом платье — а я думаю, что это Вы и есть, — то, когда Вы вдруг приедете в Эшвилл, не останавливайтесь там. Минуйте город и продолжайте путь до тех пор, пока не достигнете аллеи, что поворачивает налево. В конце ее Вы найдете большой раскидистый кедр, белый дом и там встретите меня.
>
> *P. S.*: У меня есть один из Ваших рассказов, и он мне нравится».

По словам Дж. Лэнгфорда, из чьей книги мы извлекли это послание, рассказ, о котором упоминает мисс Коулмен, назывался «Мадам Бо-Пип на ранчо». Он был опубликован тремя годами ранее в журнале «Смат сет». Конечно, она читала и другие его истории, но эта была ее любимой, из чего читатель легко поймет, что это была за женщина — в меру сентиментальная, в меру благонравная, сдержанная и хорошо воспитанная — вполне «викторианская». Кстати, и платья она носила викторианские — с турнюром, туго стянутые корсетом, самых сдержанных тонов. Любимыми ее цветами были черный и все оттенки серого.

Когда наш герой получил послание из прошлого, у него в разгаре был роман в письмах с Этель Паттерсон. Поскольку страница эта небезынтересна и характеризует героя, хотя и уводит в сторону от истории с женитьбой, несколько слов о ней сказать придется.

Вообще, письма многое значили в эту эпистолярную, по преимуществу, эпоху. О. Генри, еще будучи У. С. Портером, писать письма любил, писал их часто, были они обычно большими, подробными, полными лирических отступлений и юмора. После того как из Портера он превратился в О. Генри, основным эпистолярным жанром стали короткие записки редакторам. Писем он писать не перестал, но число адресатов резко сократилось: «полноценную» переписку он вел только с

Маргарет и миссис Роч. Яркой страницей эпистолярной жизни О. Генри стали письма в Литополис к Мейбл Вэгнеллз, она длилась недолго — всего несколько месяцев 1903 года, и о ней мы рассказывали.

Переписка с Этель Паттерсон началась с объявления в «Нью-Йорк геральд», которое поместил там О. Генри:

> «Двое живущих по соседству литераторов, 35 и 30 лет, хотят познакомиться с двумя интеллигентными, привлекательными и не скованными условностями молодыми леди, интересующимися искусством, с целью взаимного совершенствования и развлечения»[300].

Объявление было подписано псевдонимом «Омар», что, конечно, указывало не только на образованность автора, знакомого со стихами легендарного и очень популярного (благодаря уже ставшему классическим переводу Э. Фицджеральда) тогда в англоязычном мире Омара Хайяма (О. Генри действительно очень любил его поэзию), но и на истинные намерения гедонистически настроенных авторов. Никакого «литератора-соседа» у О. Генри, разумеется, не было. И «игра» его рождает определенные аналогии с образом приснопамятного Пигги из «Неоконченного рассказа». Но приключения, на которое, возможно, рассчитывал писатель, не случилось. Ответила ему «Некая женщина» *(A woman),* которую на письмо толкнуло вовсе не стремление к приключениям, а одиночество. Но ответ свидетельствовал об образованности девушки (часть письма была написана в форме *рубаи),* о чувстве юмора и несомненных литературных способностях. «Некая женщина» просила извинить, что не сообщает имени: «Ведь Вы можете оказаться кем угодно и чем угодно. Например, даже брачным агентством». О. Генри тотчас откликнулся большим посланием, в котором убеждал свою корреспондентку в искренности слов и чистоте намерений. К письму он приложил визитку со своим адресом. Мисс Паттерсон (сохраняя, однако, инкогнито) отвечала, что в «джунглях домов» ей довелось встретить «родственную душу» и она обдумывает предложение о встрече, но просит не торопить ее. Написала и о себе: что она работает, миловидная брюнетка, но друзья «едва ли назовут ее красавицей».

«Меня настигло бы разочарование, о, загадочная “Некая женщина”, — немедленно ответил ей писатель, — если бы Вы раскрыли свое имя и дали мне разрешение навестить Вас…

… Послушайте, Н. Ж., Вы — молодец! Вы простите мне эти простецкие обороты? Я три года спал на земле среди ковбоев и овцеводов и не люблю светских фраз. Но, если надо, могу ими

пользоваться. В присутствии длинноволосого народа я не спотыкаюсь в разговоре — не сомневайтесь! […] Но, честно говоря, мне надоела вся эта нью-йоркская показуха. Мне нужен товарищ, которому претят подобного рода условности и который может быть “добрым малым” в лучшем смысле этого слова и согласится побродить со мною по городу, наслаждаясь арабскими ночами, доступными истинным последователям Повелителя Правоверных».

«Это, действительно, страшная штука — завязывание знакомства, правда, — продолжает он. — Я не помещал объявлений в газете со времени моего последнего земного воплощения. Я рад, что Вы работаете — это хорошо для Вас, очень хорошо. Я рад, что лучшие друзья не называют Вас красавицей — это значит, что Вы красивы. Я рад, что Вы брюнетка; всю жизнь я обожал блондинок, но оказалось, что вкус мой хромает. И мне очень нравятся Ваши колебания, следует ли раскрыть свое имя…»

Но уже в следующем письме он намекает на желательность встречи и с юмором описывает себя, чтобы она могла узнать его:

«Внешне я больше всего похож на оптового торговца мясом, которого тревожат платежи». Но едва ли она сможет опознать его по этому описанию. Каким же образом они признают друг друга? «Разумеется, я мог бы пройтись по Бродвею в 7.45 утра в одном ботинке, с меховым боа на шее, и каждые полминуты вопил бы: “Убивают!” А Вы могли идти навстречу мне, декламируя “Гайавату”[301], одетая в кимоно цвета розы и с коротко стриженными волосами. Но, согласитесь, это было бы немного необычно, не правда ли? Но если мы все-таки встретимся, то можем отправиться пообедать в тихий ресторанчик и обсуждать там Шекспира и музыку».

Имя свое она ему всё-таки назвала, но тогда встреча так и не состоялась. Мисс Паттерсон не ответила на последнее письмо. Почему? Она не смогла найти объяснения даже десять лет спустя, когда опубликовала очерк-воспоминание под названием «О. Генри и я»[302]. Наверное, испугалась настойчивости писателя. А возможно, уже повстречала того, кто через некоторое время стал ее мужем. Но они всё же увиделись: два года спустя, когда О. Генри был уже женат, а Этель замужем, один общий приятель «познакомил» их на вечеринке. Ничего не подозревая, писатель назвал свое имя, она — в ответ — свое: «Миссис Терри». Но посмотрела на него так, как не смотрят на незнакомцев. Он ничего, конечно, не понял, но через некоторое время — в тот же вечер — она призналась, что та самая «мисс Паттерсон» и есть нынешняя миссис Терри. Вот такая история.

К тому моменту, когда завершился эпистолярный роман с мисс Паттерсон, переписка с мисс Коулмен была в самом разгаре. О. Генри писал в ответ на ее послание:

> «Моя дорогая “мисс Салли”! (О. Генри называет ее именем героини полюбившейся ей новеллы. — *А. Т.)* Если можно, сейчас я буду называть Вас этим именем — но потом постараюсь думать о Вас уже как о Саре.
>
> Получив Вашу маленькую записку, я был очень рад — пожалуй, больше, чем если бы получил от издателя чек на астрономическую сумму… Вы пишете, что тогда, в детстве, я не произвел на Вас особого впечатления (мисс Коулмен, конечно, лукавила. — *А. Т.)*. Без труда вспоминаю, каким неловким, застенчивым, впечатлительным, нескладным, неинтересным и совершенно невыносимым по характеру я тогда был. Но с течением времени я стал лучше. На самом деле мне кажется, чем старше я становлюсь, тем привлекательнее и солиднее выгляжу. Конечно, может быть, это звучит не слишком вежливо с моей стороны, но если я этого не скажу, Вы, вероятно, сами этого не заметите.
>
> В те давние дни я воспринимал жизнь слишком серьезно и был чрезмерно чувствителен…С течением же лет я понял, что жизнь — по большей части — лишь забавная, добротно сработанная комедия. И я начал получать удовольствие от нее».

Послание в Эшвилл отправилось в сопровождении «Королей и капусты». «Вы можете не читать книгу — это совсем необязательно, — писал О. Генри, — но из нее выйдет замечательная подпорка для кухонной двери, когда задует восточный ветер»[303].

Сара ответила более пространным письмом, в котором, среди прочего (например, рассказа о том, как ее мама ездила в Гринсборо), упомянула, что недавно сфотографировалась в ателье, а также и о том, что пишет и уже опубликовала несколько рассказов в журнале. О. Генри немедленно разразился в ответ посланием, в котором поздравлял с литературными успехами (позднее, в другом письме, он сообщал, что прочитал один из рассказов и назвал его «очень славным и нежным»), советовал перебраться в Нью-Йорк (где она сможет «свести знакомство с редакторами, да и вообще здесь проще с публикациями»). «Мисс Салли, — он продолжал называть ее именем героини, — пожалуйста, пришлите мне ту самую свою фотографию, что Вы упоминали… Если Вы не черствы сердцем и не жестоки, Вы уже,

верно, вложили ее в письмо — до того, как сообщили мне о ее существовании». Но оказалось, что она не сделала этого, и сразу же по получении письма он пишет в ответ, величая ее «Дорогая Леди из благословенной молодости», и настаивает: «Пожалуйста, пришлите мне эту фотографию… Вы ее вышлете мне или собираетесь воспользоваться железной дорогой, чтобы доставить лично?» Сара, наконец, сдалась и выслала фото, но тотчас передумала и потребовала, чтобы он немедленно вернул карточку. «Да что такое с ней не так? — шутливо отвечал О. Генри. — По-моему, с ней всё в порядке… Весь Ваш облик хранит то самое чудесное выражение, что Вам присуще. Хотя дурак фотограф сделал всё, чтобы испортить снимок, заставив Вас повернуть голову так, словно Вы пытаетесь разглядеть, всё ли у Вас в порядке на спине, все ли пуговицы на Вашем платье застегнуты или нет. Зря вы беспокоитесь — это чудесный снимок, и нет никакой нужды выглядеть еще лучше, чем Вы смотритесь на этом портрете».

Видно, что О. Генри нравилось переписываться с «Салли», переписка его забавляла, вносила разнообразие в жизнь — он играл, эта игра всё более увлекала, и он хотел, чтобы она продолжалась.

В ранних письмах (1905–1906 годов) О. Генри разыгрывает роль, которую, как он полагал, и ожидают от него — формируя образ человека, который нуждается, чтобы им руководили и опекали (хотел привязать к себе, опасался, что переписка прервется, как с мисс Паттерсон?). «Мне нужен босс, — пишет он Саре в начале 1906 года, — последний месяц я был так несобран и так ленив, что не написал ни строчки. Я погружен в меланхолию, чувствую себя одиноким и заброшенным». Это, видимо, уже искренние чувства: как вспоминал Р. Дэвис, именно в это время О. Генри действительно болел и хандрил. Врачи советовали ему переменить обстановку, отправиться в Европу и полечиться (об этом он тоже написал в Эшвилл). В Европу он, конечно, не поехал. Но сама мысль, что он может это сделать, была ему приятна. Однако, по его мнению, «никто из них (врачей. — *А. Т.)* не знает, что мне нужно. Единственное, что на самом деле мне необходимо, — писал он, — чтобы кто-нибудь ухаживал за мной, укрывал меня одеялом, когда я лежу на диване, и мог сказать сборщику квартплаты, что меня нет дома»[304]. Мисс Коулмен, между тем, держала дистанцию — избегала дальнейшего сближения. Она хотела «литературных советов», ее интересовали способы продвижения текстов в журналы, она спрашивала, сколько может получить за рассказ и сколько платят ему. Он отвечал — не без гордости: «Я получаю

десять, пятнадцать, иногда и двадцать центов за слово — и всё обычно уже куплено и оплачено заранее». Однажды он даже «сорвался» и с некоторым раздражением — видимо, реагируя на ее холодность, написал: «О, Салли, если бы Вы только знали, сколько людей пытаются заполучить письмецо от меня и не могут, Вы бы восхитились теми усилиями, что я вкладываю в эти письма». Но подобная несдержанность была, конечно, исключением из правил. Он не хотел потерять Салли, да и вообще его письма — это всегда образец настоящей интеллигентности.

С разной степенью интенсивности переписка между «друзьями детства» продолжалась весь 1906-й и первую половину 1907 года. Несмотря на усилия со стороны писателя (а они очевидны), сближения не происходило. За это время в жизни О. Генри произошли изменения: вышел первый новеллистический сборник, готовился к печати второй *(The Trimmed Lamp)*. Летом 1907 года он покинул привычную и, несомненно, любимую им Ирвинг-плейс и переехал на Западную двадцать шестую улицу, в отель «Каледония». Инициатива переезда (что, как мы знаем, вполне вяжется с характером писателя) принадлежала не ему — О. Генри наверняка с удовольствием продолжал бы жить в привычных апартаментах. Но на Ирвинг-плейс, 55, поменялись хозяева. Пожилая чета, владевшая домом, сократилась вполовину — муж хозяйки умер; и она, посчитав, что самостоятельно обихаживать здание в ее возрасте — дело слишком хлопотное, продала его, а вырученные деньги вложила в расположенный неподалеку отель, который носил название «Каледония». Туда О. Генри переехал не сразу, а какое-то время был вынужден пожить в квартире Гилмэна Холла[305], что конечно же не способствовало душевному равновесию.

Вообще, год выдался тяжелый, и удивительно низкая литературная продуктивность (всего 11 опубликованных новелл), скорее всего, следствие этого. Сыграла свою роль временная неприкаянность — переезды, но куда сильнее на О. Генри подействовали начавшиеся проблемы со здоровьем. Он недужил и прежде — простывал, болел бронхитом, но мало обращал внимания на всё это. Однако почти весь тот год чувствовал себя скверно (его мучили боли в суставах, слабость, бессонница), обращался к врачам (чего прежде почти никогда не делал, предпочитая лечиться проверенным способом — при помощи алкоголя). Его обследовали. Вердикт эскулапов был неутешителен — у О. Генри диагностировали диабет и, вероятно, поражение печени (цирроз). Необходимо было полностью отказаться от спиртного, соблюдать строжайшую диету. Первые недели после установления диагноза писатель честно пытался

следовать предписаниям врачей, не пить, питаться, как положено. Его физическое самочувствие от этого не слишком улучшилось, и в эмоциональном плане он был разбит и деморализован — совершенно не мог писать, налицо были признаки депрессии.

Неизвестно, какие письма в таком состоянии он писал в Эшвилл. Ясно, однако, что в них было нечто, что по-настоящему тронуло сердце Сары. Тон ее писем изменился, эти послания — уже иные, нежели прежде. О. Генри прислал ей духи и искусно изготовленные цветы, чтобы она украсила свою шляпку. Она отвечала: «…С трепетом я открывала шкатулку сандалового дерева, чудесней которой не видела, любовалась цветами, вдыхала чудный аромат. Вчера, когда пошла в церковь, я приколола цветы и чувствовала себя настоящей принцессой… твоей принцессой, Бобби»[306].

Пришло время принимать решение. В один из последних дней лета 1907 года Сара поделилась радостью, что получила 150 долларов за рассказ, который должен быть вскоре опубликован в журнале. «Эти деньги, — писала она, — хочу истратить на поездку к подруге в Бостон. На обратном пути, если Вы не возражаете, я хотела бы навестить Вас в Нью-Йорке». Разумеется, он не возражал — он был в восторге — и тут же телеграфировал, что с радостью встретит и примет ее. На обратном пути из Бостона (она совсем не лукавила, говоря, что собирается погостить там) она оказалась в Нью-Йорке. Впервые через много лет друзья детства встретились 11 сентября — в день рождения У. С. Портера. Ему исполнилось 45 лет. Судя по всему, именно в этот день между ними и состоялось решительное объяснение. В наши дни вполне естественно было бы предположить, что ночь с 11 на 12 сентября они провели вместе — у «Бобби», в его номере в отеле «Каледония». Но это, понятно, домысел, и никаких конкретных свидетельств данному предположению нет. Естественно, что и в своем единственном романе «Ветер судьбы» (1916), основанном на истории отношений с ее единственным супругом, Сара Линдсей Портер ни о чем подобном не упоминает. Но объяснение состоялось, и она сказала ему: «Да». И вот тут произошло нечто странное: О. Генри, который явно хотел, чтобы его подруга юности осталась рядом с ним и стала его женой, вдруг «отыгрывает назад» и говорит, что существует нечто, что «делает их союз невозможным». Сейчас он не в силах рассказать ей всё без утайки. Он напишет ей, и только тогда — узнав все обстоятельства, она примет окончательное решение. Как всегда, наш герой отказывался решать сам.

Что это было за препятствие? Гадать тут не о чем — он имел в виду свое тюремное прошлое. Письмо Саре он написал, изложив

подробно суть и предысторию своего обвинения, рассказал о суде и тюремном заключении. Насколько точно он изложил факты, насколько был правдив — сказать сложно. Ведь свою историю он излагал не раз, но всегда — по-разному. Как бы там ни было, позднее, в своей книге, миссис Портер однозначно утверждала: «Мой муж не был вором!» Что же тут удивляться, что в ответ на откровенное послание она сообщила, что его прошлое не имеет для нее значения, она согласна выйти за него замуж. О. Генри терзают сомнения, и он снова пишет в Эшвилл и предлагает ей не спешить, а тщательно всё взвесить и еще раз подумать. Но Сара не желает думать и откладывать, она приняла решение. Бракосочетание назначили на 27 ноября. Оно состоится в Эшвилле.

Казалось бы, у О. Генри было достаточно времени, чтобы подготовиться, поднакопить деньжат, тем более что за месяц до свадьбы из печати вышел второй, составленный из так называемых «западных» его рассказов, сборник. Он получил название «Сердце Запада» *(The Heart of the West)*. Читатели встретили его хорошо, он замечательно раскупался, а вот критика, наоборот, почти единодушно отвергла, сочтя помещенные в нем рассказы старомодными, коллизии надуманными, а героев ходульными. Вот что, например, по поводу этой книги писала нью-йоркская газета «Нейшн»:

«После исполненных внутренней деликатности, насыщенных фантазией “Четырех миллионов” новый том м-ра О. Генри вызывает очевидное недоумение… Всё дешево… все эти дешевые трюки в финалах, гротеск вместо юмора… Его словарь, столь органичный в “Четырех миллионах” и в “Королях и капусте”, в этой книге слишком перенасыщен. Его техасские скотоводы разговаривают на придуманном языке, они подобны сказителям негритянского фольклора, агентам, распространяющим билеты на шоу из жизни Дикого Запада. В наши дни с писателем такое случается редко. Мистеру О. Генри, конечно, следует относиться к своему таланту более серьезно»[307].

Трудно сказать, как он реагировал на эти выпады прессы, тем более что прежде не слышал ничего подобного в адрес своих сочинений — все критические отклики были, как правило, положительными. Скорее всего, не заметил, или, во всяком случае, не придал особого значения. Ведь вскоре, получив причитающиеся за книгу 500 долларов (от роялти он опять недальновидно отказался, предпочтя синицу в руках журавлю в небе), уехал из Нью-Йорка в Эшвилл — познакомиться с будущей тещей, подготовиться к церемонии и т. д. 500 долларов быстро улетучились, и он шлет телеграмму в редакцию «Эврибадиз» с

просьбой в счет будущих публикаций (как с «Энслиз» и «Санди уорлд», он был связан договором с еженедельником) выслать ему 300 долларов. Но и этих денег не хватает: он пишет Гилмэну Холлу о переводе ему взаимообразно дополнительных 100 долларов и еще просит своего друга заказать и выкупить «у Тиффани обручальное кольцо — размер 5 и одна восьмая». И еще: «привези мне два воротничка; мой размер 16 с половиной, галстук у меня есть», «и зайди в цветочный магазин — лучше к Макинтошу на Бродвее, по восточной стороне пятая или шестая дверь к северу от Двадцать шестой улицы, — инструктирует он друга, — я много раз покупал там, цветы у него хорошие. Он говорил, что сможет доставить букеты в Эшвилл в надежной упаковке… Распорядитель церемонии сказал, что с моей стороны должно быть два букета — один с фиалками и один с бледно-лиловыми розами. Закажи побольше — скажи, такой, чтобы его удобно было держать в руке, и, наверное, три или четыре дюжины роз».

За свадебными хлопотами О. Генри, конечно, помнил об обязательствах и о том, что все долги придется отрабатывать. «Я обратил внимание на твою приписку, — пишет он далее, — что грядут непростые времена и придется много поработать… Я собираюсь немедленно включиться в работу — как только вытряхну рис из ушей»[308].

Холл выполнил все поручения О. Генри. Вместе с женой он приехал в Эшвилл накануне бракосочетания (они были свидетелями со стороны жениха и единственными, кто из нью-йоркских знакомцев принимал участие в церемонии). По настоянию матери невесты «молодых» венчали в пресвитерианской церкви, к которой принадлежали миссис и мисс Коулмен. По завершении обряда мать Сары, как полагается, всплакнула. Но скорее всего, слезы ее были совершенно искренними: долго же ей пришлось ждать замужества дочери — она было уже смирилась, что той придется вековать в старых девах (напомним, мисс Коулмен, когда она превратилась в миссис Портер, уже сравнялось 39!). Вероятно, искренним было и сказанное во всеуслышание: «Я так счастлива пригласить вас в нашу семью!» Мать, конечно, надеялась, что брак дочери будет счастливым и крепким.

На медовый месяц молодые отправились в Хот-Спрингс — не только в наши дни, но уже и в XIX веке популярный курорт. Супруги планировали пробыть там неделю, от силы дней десять: Сара оставила школу, решив посвятить себя мужу, но у О. Генри были обязательства (и долги под эти обязательства), и он не мог позволить себе отдыхать дольше. Как позднее вспоминала Сара,

она очень боялась, что супругу будет скучно, но через неделю он признался: «Это самые счастливые дни за многие годы моей жизни» — и спросил: «Может быть, мы еще останемся тут на недельку?» В результате в Хот-Спрингс они провели почти месяц. И едва ли писатель погрешил против истины, говоря «о самых счастливых днях в своей жизни»: за долгие-долгие годы это был первый его полноценный отдых. Он впервые позволил себе настоящий отпуск.

Правда, вспоминала жена, в середине медового месяца у них кончились деньги, а из Нью-Йорка шли телеграммы с требованиями новых рассказов и выполнения обещаний. Много дней в Хот-Спрингс О. Генри ничего не писал, а тут уселся за стол и за вечер сочинил рассказ в 12 страниц. Проблема с деньгами решилась.

Но пришло время возвращаться в Нью-Йорк. О. Генри с супругой решили обосноваться в «Челси», небольшом семейном пансионате. Было решено, что писатель сохранит свои прежние апартаменты в «Каледонии» — там он будет работать, а жить — в «Челси». Так началось то, что впоследствии Сара Портер назвала «наша бедная, трагически короткая совместная жизнь». Да она и не могла стать иной. Это были совсем разные, с совершенно разным опытом и разными взглядами на жизнь люди. Что их связывало кроме общих детских воспоминаний? Как ни странно — довольно многое, но… О. Генри хотел обрести дом, «тихую гавань». А меняться совершенно не желал. Да и мог ли? Целая жизнь была позади — с привычками, устоявшимися ритуалами, стилем существования. Он хотел, чтобы всё оставалось как есть, но чтобы рядом был близкий человек. Такой человек был нужен и Саре, но подстраиваться под него она, может быть, и хотела, но не могла — у нее были свои, давно сформировавшиеся представления, и перешагнуть через них она не сумела. Она считала, что супруги должны вести светскую жизнь, появляться на людях, заводить знакомства, и муж просто обязан — хоть иногда — «выводить ее в свет». О. Генри всё это было совершенно чуждо, но понять его жена была просто не способна: *в конце концов, совершенно же ясно, что «так принято»*! Не стоит осуждать Сару, — когда она вышла замуж, ей было уже 39 лет, жизнь прошла в южном провинциальном городе, в семейном доме, с мамой, в учительстве, все ее социальные инстинкты сформировались в этой среде, и ожидания были вполне оправданны. Годы спустя она утверждала, что во всём виноваты жизнь в отеле и существование на два дома:

«Целый день я была одна. Даже завтракала в одиночестве, поскольку мой муж, едва одевшись, сразу же уходил к себе, где

работал (в «Каледонию». — *А. Т.)*. До самого вечера я его обычно не видела… Я почти никого не знала. Вся моя жизнь протекала в четырех стенах, мне нечем было себя занять, да еще нервы, я тревожилась за мужа… Одиночество прерывалось только нашими совместными и весьма нерегулярными трапезами да сном. Нередко, когда мужу хотелось куда-то пойти и развлечься, где-нибудь поужинать, сходить в театр на пьесу — я была уже слишком вымотана, чтобы получить удовольствие. Иногда я отказывалась выходить. Муж говорил мне, что я изменилась»[309].

Не смогла Сара понять и роль друзей в жизни О. Генри. Она, видимо, полагала, что сумеет заменить их ему, вытеснить из его жизни, а когда этого не случилось, пыталась удержать его слезами, обидой, но это только еще больше отдаляло их друг от друга.

За исключением вполне «светского» Г. Холла, не смогли принять Сару и друзья О. 1енри. Дженнингс, который в очередной раз приехал в Нью-Йорк в конце декабря 1907 года, не скрывая неприязни к супруге своего друга, вспоминал:

«Однажды ближе к вечеру ко мне зашел Ричард Даффи.

— Билл хочет с тобой увидеться. Мы вместе идем на ужин.

Мы зашли в “Каледонию”, где он работал. Портер сидел за столом, дописывая какую-то историю. Он выглядел очень усталым, словно долгое время находился под напряжением.

— Я тружусь, как дьявол. Чувствую, что сильно устал. Давайте выпьем. Это не нарушит ваши планы?»

Они отправились в ресторан, а потом О. Генри предложил:

«— Я хочу, чтобы вы познакомились с моей женой, полковник (Даффи был уже знаком с ней. — *А. Т.)*.

Мне показалось, что он говорит неправду. Поэтому ответил, что не слишком желаю этого. Я подумал, что ей не захочется принимать недавнего заключенного.

Но его южное добросердечие и расположенность растопили мои страхи. Мы добрались до апартаментов четы около половины одиннадцатого вечера. Нас ожидали полутора часами раньше. Миссис Портер приветствовала нас с большой сердечностью. Она была первой любовью Портера в его детские годы (Дженнингс ошибается: когда Билл и Сара общались, ему было 16, а ей около 11 лет. — *А. Т.)*.

Я чувствовал себя скованно. Она делала вид, что не замечает этого. И, конечно, ее манеры были безупречны. Если она и была недовольна, внешне это никак не проявилось.

Она накрыла на стол и под каким-то предлогом удалилась. Я вздохнул с облегчением, но напряженность осталась.

Около полуночи Даффи и я стали прощаться. Билл тоже взял

свою шляпу.

— Но, мистер Портер, вы же не собираетесь уходить? — наполовину утвердительно произнесла леди.

Мы вышли, а он на минуту задержался дома, чтобы объясниться. Даффи и я оказались на улице.

— За каким чертом Биллу понадобилась эта женитьба? Она уничтожает его свободу — теперь ему и не погулять, — громко прошептал я Даффи, но в этот момент за плечо меня тронул Портер. Он рассмеялся беззаботно — совсем по-мальчишески.

— Вам не по душе мой выбор?

— Не мне с нею жить, — выпалил я в ответ.

— Но вы разочарованы тем, что мой матримониальный статус изменился?

— Ничего глупее вы совершить не могли.

— Она очень достойная молодая леди. — Портеру, казалось, понравилось мое негодование.

— Очень может быть, но вам-то она зачем?

— Я любил ее.

— О, Господи! Конечно, это всё меняет.

Портер был настоящим трубадуром. У него было щедрое сердце — ко всем, кто исполнен печали. Я чувствовал, что он совершил фатальную ошибку, возложив на себя обязательства, которые не мог исполнить.

— Полковник, мне важно было ваше мнение… Я женился на женщине из очень хорошей семьи и взвалил на нее все мои проблемы. Имел ли я на это право?»[310]

Любил ли он ее? Может быть, действительно выполнял некие обязательства, продиктованные присущим ему благородством и верностью данному слову? В 1909 году, за несколько недель до кончины, О. Генри разговаривал с Анной Партлан и признался: «Единственной женщиной, которую я любил, была моя первая жена». Но, видимо, убеждал себя, что любит и вторую. Во всяком случае, отчетливо понимал, как нелегко ей приходится с ним и как трудно мириться с его холостяцкими привычками.

Надо сказать, что Дженнингс был не одинок в своем отношении к миссис Портер. У. Уильямс, как мы помним, один из самых близких в нью-йоркский период к писателю людей и почти неизменный его спутник за обедом, был, конечно, представлен супруге писателя. Заходя в «Челси», чтобы увидеться со своим другом, он всегда получал от его супруги церемонное приглашение отобедать, но всегда отклонял его. «По той или иной причине, — вспоминал он впоследствии, — но я никогда не мог даже себе самому внятно объяснить причину этого. Просто я не хотел общаться с миссис Портер, хотя мне говорили, что она

замечательная женщина и очень гостеприимная хозяйка»[311].

Мучительный для обоих опыт совместного проживания продлился чуть более трех месяцев. Они решили разъехаться: Сара вернется к маме в Эшвилл, ее муж останется в Нью-Йорке. Это не было разрывом. Просто супруги поняли — слишком разные они люди, чтобы жить постоянно вместе. Приличия были соблюдены: пожилой маме нужны уход и внимание дочери, а О. Генри необходимо работать. Позднее, в 1916 году, Сара Портер обмолвилась: «Ах, если бы во мне было побольше сочувствия, а в нем — больше нежности…»[312] Так ведь и не могло быть. Слишком поздно они встретились. Прошло их время любить.

«Не хочу возвращаться домой в темноте»

Как бы кощунственно это ни звучало, но «освобождение» О. Генри и возвращение к давно ставшему привычным холостяцкому образу жизни в творческом плане оказалось благотворным. Судите сами. Если в «брачном» 1907 году он опубликовал всего 11 новелл, то в следующем, в 1908-м, их количество увеличилось до двадцати девяти. В мае 1908 года в издательстве *McClure's* вышел очередной новеллистический сборник писателя «Голос большого города» (*The Voice of the City. Further Stories of Four Million*), который составила очередная порция нью-йоркских историй. Критики и рецензенты восприняли его как своеобразное возвращение писателя «на путь истинный».

Но мнения критиков, похоже, мало значили для О. Генри. Тогда же его увлекла идея вновь уклониться от нью-йоркской темы и сочинить серию рассказов на ином материале — действующими лицами этих историй будут жулики, «благородные жулики» — Джеф Питерс и Энди Таккер. Оба героя уже появлялись на страницах его рассказов (первые три — о новеллистической серии он еще не думал — были опубликованы прежде). Остальные 11 О. Генри сочинил в течение лета 1908 года. Почти все они в тот же год были опубликованы в «Макклюрз мэгэзин» и, почти одновременно, в более чем двух сотнях газет в США и Канаде, сотрудничавших с синдикатом Макклюра.

Дж. Лэнгфорд утверждал, что, сочиняя рассказы этого цикла, О. Генри прежде всего опирался на тот багаж впечатлений, который накопил, общаясь с заключенными в каторжной тюрьме штата Огайо в Коламбусе[313]. Действительно, хорошо известно, что У. С. Портер с большим вниманием выслушивал истории каторжников, оказавшихся в тюремной больнице. И наверняка источник каких-то сюжетов новелл из сборника «Благородный жулик» *(The Gentle Grafter)* берет свое начало в ее скорбных

стенах. Но возводить их все исключительно к этому источнику было бы все-таки не совсем верно. Нетрудно заметить, что эти новеллы продолжают и развивают ту же линию, что писатель наметил в так сурово оцененном критикой цикле «западных историй». По крайней мере связь его западных героев и коллизий с художественным миром Марка Твена и Брет Гарта очевидна. Еще более очевидна перекличка его Джефа Питерса и Энди Таккера с Джеком Гемлином и Уильямом Окхерстом последнего. Может быть, его «благородные жулики» менее серьезны, чем шулеры Гарта, зато они добрее и человечнее, хотя, возможно, и менее естественны и правдоподобны, чем герои калифорнийца. Но ведь О. Генри и писал прежде всего юмористические истории. Упомянутый сборник вышел в издательстве *McClure's* уже в конце 1908 года.

Весьма благополучно, как мы помним, складывались в том году и финансовые дела писателя. Хотя, как обычно, денег ему не хватало. Всю первую половину года он прожил в Нью-Йорке, но в начале лета съездил в Питсбург, а на обратном пути завернул в Эшвилл, к супруге. Пробыл — и там и там — недолго. Поездка была в какой-то степени деловая. Маргарет заканчивала учебу в школе. Отец и дедушка с бабушкой очень хотели, чтобы она продолжала образование и поступила в колледж. Но Маргарет вдруг заартачилась — она решила, что учебы с нее достаточно. Она будет работать в газете и станет (видимо, по примеру отца?) со временем писателем. Попытки переубедить ее успеха не имели, и решительный разговор о ее дальнейшей судьбе был отложен. Ближайшие же планы были таковы. Предполагалось, что Маргарет (причем, судя по всему, таково было именно *ее* намерение) будет жить с отцом и мачехой в Нью-Йорке. Интересно, как О. Генри представлял себе «воссоединение» с Сарой, да еще и при участии дочери? Хотя, возможно, он надеялся, что новые заботы сгладят их отношения с женой. Что касается Сары, то она с энтузиазмом согласилась. Совместная полноценная городская семейная жизнь начнется с осени. А пока им предстояло совместное лето. Они проведут его на Лонг-Айленде, в тихом курортном местечке под названием Гуд-Граунд — в шестидесяти с небольшим километрах от Нью-Йорка.

В июне — на всё лето и часть осени — на берегу океана О. Генри снял дом. Он был не очень велик, но всё же достаточен, чтобы в нем с комфортом могли разместиться писатель с женой, семнадцатилетняя Маргарет и двое специально нанятых на лето слуг.

Поначалу О. Генри исправно играл роль главы семейства: гулял с дочерью и женой по берегу океана, восседал во главе

стола за обедом и ужином, почти не пил. Кстати, в своих воспоминаниях Сара отметила как характерную такую деталь: ее супруг всегда, вне зависимости от погоды, от того, ждали они к обеду гостей или нет, выходил к столу тщательно одетым — в костюме и в галстуке. Она называла эту манеру аристократической. Плохо же она знала своего мужа! «Аристократизм» подобного рода вообще был присущ О. Генри: даже отправляясь в очередную экспедицию по злачным заведениям, одевался он всегда безукоризненно, что уж тут говорить о семейном обеде! Впрочем, эта его черта ей, безусловно, нравилась. Однако идиллическая семейная жизнь довольно скоро отцу семейства наскучила, и, с интервалом примерно в неделю, он начал регулярно уезжать в Нью-Йорк, где оставался обычно на семь — десять дней. Свои постоянные отлучки он объяснял необходимостью работать (по его словам, расслабляющая курортная атмосфера мешала ему сочинять. Много ли он сочинил новелл в дни своих выездов в Нью-Йорк, неизвестно (за лето он написал 11 новелл о Джефе Питерсе и Энди Таккере, но он работал над ними и в Гуд-Граунде). Зато хорошо известно другое: в Нью-Йорке он много пил — в компании друзей и в одиночку, но пил ежедневно и обычную свою норму — в два литра виски — видимо, без труда выполнял. И страдал от этого. Не столько морально, сколько физически. Ведь пить ему было нельзя совершенно.

Вскоре после свадьбы он признался Саре: «Врачи обнаружили у меня диабет в довольно тяжелой форме. Если это действительно так, они дают мне еще два года жизни». Но это при условии, если он бросит пить и совершенно изменит образ жизни. Об этом он, конечно, жене ничего не сказал. Эпизод относится к декабрю 1907 года. Стиль жизни, как мы видим, не поменялся. Но доктора ошиблись. Правда, не намного — чуть больше чем на полгода.

Что интересно, поначалу (в первые недели жизни в Гуд-Граунде) отношения в семье складывались совсем неплохо — мачеха и взрослая дочь смогли найти общий язык, видимых трений между ними не возникало. Известно, что О. Генри — несмотря на постоянные денежные трудности — в дальнейшем планировал оставить отель и снять для семьи квартиру. Он подписал договор об аренде просторного жилья в бельэтаже по адресу: Нью-Йорк, Ист Вашингтон-плейс, 88, где — предполагалось — будут жить следующую зиму, «на срок в семь месяцев, считая с 15 ноября 1908 года по 15 июня 1909 года… с арендной платой 100 долларов в месяц 15 числа каждого календарного месяца»[314], и внес залог в 100 долларов. Но планам этим не суждено было сбыться. Что там случилось (а что-

то, конечно, произошло), достоверно неизвестно, но жить вместе они так и не стали.

В сентябре Маргарет отправилась в Инглвуд, штат Нью-Джерси, чтобы продолжить образование в колледже. Интересно, почему она переменила решение? Чтобы угодить отцу или передумала? Едва ли нам удастся ответить на этот вопрос — Маргарет впоследствии никак не комментировала свой шаг. В связи с этим ее отец испытывал двойственные чувства. С одной стороны, считал, что она поступила разумно, решив учиться дальше. А с другой — тогда же, в разговоре с женой, заметил, что в отличие от матери и отца, дочь лишена упорства, а без него успеха на литературном, да и любом другом поприще не добьешься.

Забегая далеко вперед заметим — слова О. Генри оказались пророческими. Хотя его дочь и опубликовала несколько рассказов (первый появился в 1909-м, о чем отец с гордостью рассказывал своим приятелям), писателя из нее не получилось. Жизнь ей выпала короткая, да и та как-то не задалась. Колледж она так и не окончила, работала в газете, там познакомилась с известным карикатуристом Оскаром Сезаром, в 1916 году вышла за него замуж, но в том же году развелась. Уехала в Калифорнию, в Голливуд, пыталась сочинять сценарии для Великого немого, но литературного таланта отца явно не унаследовала. Здесь ее настигло наследственное проклятие — она заболела туберкулезом. Безуспешно боролась с болезнью. Единственным близким человеком в ее последние годы был актер Гай Сатрейн. Уже чувствуя приближение смерти, в 1927 году — за три дня до кончины — она вышла за него замуж: только для того, чтобы тот унаследовал права (и роялти) на тексты О. Генри. Похоронили ее в Эшвилле, как она хотела — рядом с могилой отца.

Вернемся, однако, в 1908 год.

Сара ненадолго, меньше чем на месяц, задержалась в Гуд-Граунде после отъезда падчерицы и уже в октябре уехала в Эшвилл, назад, к маме. А О. Генри вернулся в Нью-Йорк, в свою «Каледонию», к привычной холостяцкой жизни.

Буквально за несколько дней до выхода из печати нового сборника рассказов О. Генри («Благородный жулик» появился на книжных прилавках в ноябре 1908 года) влиятельный журнал «Каррент литречэ» («Современная литература») опубликовал очерк, посвященный писателю, с весьма красноречивым заглавием «Американский Мопассан» *(A Yankee Maupassant*), в котором чрезвычайно высоко оценивалось новеллистическое творчество писателя и его рассказы сравнивались с короткой

прозой крупнейших мировых мастеров короткого жанра. Хотя самому писателю это сравнение с великим французом (как, к слову, и любое другое) не нравилось («Я никогда в жизни не написал ни одного фальшивого слова, — заметил он тогда же в разговоре с одним из своих приятелей, — и потому не хочу, чтобы меня сравнивали с литератором, который постоянно фальшивил»[315]), сам факт, конечно, льстил самолюбию. Прежде мы говорили, что безоговорочное читательское признание пришло к нему с публикацией рассказа «Дары волхвов». Статья в «Каррент литречэ» означала официальное признание «классического статуса» писателя в американской словесности. Во всяком случае, тональность газетных рецензий явно изменилась: можно было ожидать, что «Благородный жулик» вызовет реакцию, сходную с той, что совсем недавно спровоцировала книга «Сердце Запада». Напротив, рецензии были весьма благоприятными[316].

Однако этот хвалебный хор совершенно не радовал О. Генри. Конечно, было приятно, что через одного из знакомых редакторов ему передал привет сам Редьярд Киплинг. Вот дословно то, что сказал мэтр: «Вы знакомы с О. Генри? В таком случае, когда Вы его увидите, передавайте ему от меня привет»[317]. Но сам он был совершенно не удовлетворен тем, что и как пишет. Роберт Дэвис вспоминал, с каким раздражением и неудовольствием его друг отзывался о собственной работе:

«Я неудачник. Меня постоянно преследует ощущение, что я что-то пропустил и обязательно должен вернуться назад, но я не знаю, что упустил и где оно. Мои рассказы? Нет, они меня не удовлетворяют. То, что люди выделяют меня и называют “выдающимся писателем”, вгоняет в тоску. Это выглядит так, словно маленькую такую фитюльку снабдили огромной яркой этикеткой. Временами я чувствую, что должен заняться чем-то иным, может быть, стать клерком; оказаться в таком месте, где я точно буду знать, что на что-то годен, делать что-то реально стоящее».

Слова эти произнесены в самом начале 1909 года. Трудно сказать, чем конкретно они были вызваны. Действительно ли он переживал творческий кризис? Возможно, что-то и было. Но похоже на то, что причина была все-таки не творческого, а иного свойства. Скорее всего, физического. Самочувствие постепенно, но неуклонно ухудшалось, и зимой 1908/09 года это было заметно не только самому О. Генри, но и тем, кто был рядом. Следовательно, и самоуничижение вряд ли было искренним. Тому же Дэвису О. Генри однажды сказал: «Я умру, а все мои мысли, что так методично и кропотливо заношу на эти листы белой бумаги, означают, что мне удастся запечатлеть собственное

отражение — они будут жить. Странно, не правда ли? Плоть — тленна, а мысль — бессмертна»[318].

И что касается планов, — они у него были. Сет Мойл, литературный агент, вспоминал, что именно в это время его подопечный задумал сочинить серию рассказов о современном Юге. По его словам, писатель разработал детальный план — что это будет за цикл и каковы будут его герои, — достаточный для того, чтобы продать не написанные еще рассказы журналу «Кольере» и заключить с ним контракт на будущую публикацию. Задумка эта не осуществилась (писатель умер прежде, чем сочинил то, что хотел), но к ее реализации он приступил. Из задуманного цикла были написаны «Роза Дикси», «Игра в наперстки» и знаменитый «Муниципальный отчет» (который, кстати, в 1914 году на симпозиуме, посвященном новелле, был провозглашен «величайшим американским коротким рассказом»[319]).

А еще тогда же он задумал написать роман и довольно громко заявил об этом: во всяком случае, разговоры о намерении О. Генри сочинить его велись не только в редакционных коридорах, но и проникли на страницы газет. Действительно ли он собирался засесть за «большую книгу» или лукавил? А если лукавил, то чем было вызвано лукавство? Биографы писателя — почти без исключения — единодушны во мнении: если бы не проблемы со здоровьем, приведшие его скоро на смертное ложе, он обязательно написал бы роман. Думается, не так всё однозначно. У автора настоящих строк есть предположение. Оно сводится к следующему: у О. Генри, конечно, была такая мечта — сочинить настоящий большой многоплановый роман, и он надеялся эту мечту когда-нибудь осуществить (а кто из мастеров «малой формы» не лелеял ее?). Но не планировал засесть за эту работу немедленно. Может быть, потом, когда здоровье выправится, когда перестанут одолевать неотложные — обещанные и оплаченные долги. Скорее всего, сознательно он никого не обманывал, но воспользоваться ситуацией, конечно, мог вполне, тем более что выгоду из громогласного обещания можно было извлечь немедленно — издательства наперебой предлагали заключить договор на публикацию. Думается, что определенную роль сыграл и его литературный агент. Сет Мойл давно уговаривал писателя расстаться с «Макклюрз» и печатать свои книги в издательстве «Даблдей» *(Doubleday, Page & Company)*. Он справедливо полагал, что О. Генри (да и он сам) от этого только выиграет. «Даблдей» в то время было крупнейшим издательством страны, оно давно отказалось от «древней» практики покупки рукописей и перешло на систему роялти,

которая так не нравилась писателю. Мойл, профессионал в своей области, знал, что пусть не сразу, но доходы О. Генри вырастут, и очень значительно. Летом 1908 года он провел переговоры с «Даблдей». Идея романа издательство весьма заинтересовала. В конце лета О. Генри и Мойл встретились с главным редактором издательства Г. У. Ланиером и заключили договор на роман. По заключении договора О. Генри был выплачен аванс в размере полутора тысяч долларов (в деньгах в эти летние месяцы, как мы помним, он очень нуждался — впрочем, как и всегда). Вероятно, чтобы обезопасить себя, издательство выставило и встречное требование — теперь первым изданием книги О. Генри (сборники рассказов) должны выходить у них. Писатель согласился, но оговорил такое условие: он вправе требовать авансовых платежей. Забегая вперед скажем, что авансы у издательства О. Генри требовал не однажды. Но жалеть издателей, что они заключили невыгодную сделку, не стоит: те сборники, что успели выйти при жизни писателя (да и те, что появились после его смерти), оказались (кто бы сомневался?) очень выгодным коммерческим предприятием. И те действительно немалые деньги, что О. Генри истребовал с издателей в качестве авансов, в конце концов вернулись к ним с лихвой.

В надежде на скорое выполнение договора «Даблдей» уже весной 1909 года развернуло рекламную кампанию, готовя почву для грядущих продаж романа. Еще не написанное произведение наперебой обсуждали в прессе, сравнивали будущий роман О. Генри с «Человеческой комедией» Бальзака и «Ругон-Маккарами» Золя. Да и сам писатель с удовольствием обсуждал свой замысел. Вот что он писал своему редактору в «Даблдей»:

«Моя идея заключается в том, чтобы написать историю человека — не типа, а личности, — но такого человека, который бы воплощал “естественную человеческую природу”, если, конечно, такая личность вообще существует. Эта история не будет ничему учить, в ней не будет морализаторства, и никаких глобальных теорий в ней не будет».

«Я хочу, чтобы это было нечто такое, чего еще не было или не могло быть прежде — но, конечно, и нечто такое, что я действительно смогу сделать — *правдивая* запись мыслей человека, его собственное восприятие неудач и злоключений, его *истинные* мнения о жизни — как он их воспринимает, и *абсолютно честные* умозаключения, размышления и взгляды в разные фазы той жизни, которую он проживает».

«Не припомню, чтобы когда-нибудь читал автобиографию, биографию или хотя бы фрагмент художественной прозы, по поводу которой можно сказать — вот она, *правда.* Конечно, я

читал Руссо, Золя и Джорджа Мура; читал разнообразные воспоминания… но, в большинстве своем, их авторы лжецы, актеры или позеры».

«Я хочу, чтобы человек, рассказывающий историю, рассказывал ее не так, как выступают с лекцией перед аудиторией, а что-нибудь в таком духе: представьте, в результате кораблекрушения он оказался на острове посередине океана, и нет у него никакой надежды, что его спасут. И вот он, чтобы как-то занять время, рассказывает историю *самому себе* — историю, в которой события его жизни, его опыт, его размышления и умозаключения. Рассказывая самому себе, он отбросит весь этот “реализм”, — потому что не имеет ни малейших шансов продать свою исповедь; он откажется от всей лжи, от самоспасительных поз и представит единственному судье нечто действительно реальное и правдивое» (курсив О. Генри. — *А. Т.)*.

«“Герой” истории — человек, который родился и вырос в сонном городишке на Юге. Его образование — обычная школа, но потом он узнал многое — из книг и из собственной жизни (читая и проживая жизнь)».

«Я хочу, чтобы этот человек был человеком природного ума, индивидуального характера, абсолютно открыто и свободно мыслящий; и показать, как Создатель бросает его в круговерть жизни и что там с ним происходит»[320].

Даже из этих небольших фрагментов писем О. Генри можно судить об амбициозности той задачи, что перед собой ставил автор. Если бы он сумел воплотить ее и сочинить эту книгу, вполне возможно, что она действительно могла стать «великим американским романом». Но в том-то и дело, что книга так и не была написана. Кроме слов и рассуждений о том, что собой должен представлять роман, каким будет его герой и что с ним будет происходить, — ничего иного мы о нем не знаем. Несмотря на то, что и в переписке с редакторами, и в разговорах со знакомыми и приятелями писатель на протяжении второй половины 1909-го и всех тех месяцев 1910 года, что ему отвела жизнь, утверждал, что упорно работает над романом, ни одной строчки своей «большой книги» на самом деле он так и не написал[321].

В связи с этим неизбежен вопрос: как же ему так долго — больше года — удавалось «водить за нос» издательство и постоянно, чуть ли не каждый месяц, требовать (и получать!) авансы под текст, к которому он даже не приступал? Ведь Г. Ланиер, главный редактор издательства, ведавший авторскими выплатами, был, говорят, человеком очень дотошным, нудным, педантичным и даже подозрительным и вряд ли стал бы платить

(даже О. Генри!) до тех пор, пока не удостоверился, что работа продвигается как надо. На поверку, «ларчик раскрывается» довольно просто: в конце 1909 года Ланиера на его высоком посту сменил Гарри Стигер, давний знакомец писателя (почти друг, если у О. Генри — по крайней мере с его стороны — вообще были друзья). Он познакомился с ним еще в Питсбурге, где оба работали в газете. Да и сейчас, кстати, жили по соседству — их номера в «Каледонии» располагались на одном этаже, наискосок через коридор друг от друга. Стигер был большим почитателем таланта нашего героя и не доверять ему (во всяком случае, складывается такое впечатление) просто не смел. И доверял. Свидетельство тому — масштабная рекламная кампания, которую развернул Стигер в газетах. Он и сам тогда же написал и опубликовал несколько статей о творчестве писателя[322]. Кстати, и единственное (прежде уже упоминавшееся) интервью писателя — тоже дело его рук. Он же уговорил О. Генри сфотографироваться и отвел в ателье к знаменитому тогда нью-йоркскому фотографу У. М. Ван дер Вейде. Тот сделал фотопортрет писателя (единственный профессиональный портрет нью-йоркского периода жизни). Он должен был красоваться на фронтисписе первого издания «великого романа». Понятно, едва ли Стигер стал бы делать нечто подобное, если бы знал, что никакого романа нет.

Биографы О. Генри, отвечая на вопрос, почему роман так и не состоялся, почти единодушны во мнении, что во всём виноваты деньги. Точнее, работа — совершенно ему не привычная и не знакомая, за которую он взялся в надежде хорошо заработать. Речь идет об инсценировке для театра, которую предложил сделать известный театральный продюсер из Чикаго Франклин Эдамс. Ему приглянулся рассказ О. Генри «Он долго ждал», опубликованный в январском номере журнала «Кольере». Уже в феврале он связался с автором и сделал ему предложение. Писатель неважно себя чувствовал, но, соблазненный перспективой хорошего заработка, согласился.

Позднее, уже после завершения работы, Эдамс говорил, что О. Генри был «довольно ленив». Если бы знал истинную причину того, что он истолковал как «неторопливость», он так, конечно, говорить бы не стал. Дело в том, что, хотя писатель и бодрился, с каждым днем самочувствие его ухудшалось, и работать над пьесой ему приходилось, преодолевая и буквально «ломая» себя. Тем более, соглашаясь на предложение, он думал, что речь будет идти лишь об адаптации рассказа. Но в процессе обсуждений, а их было несколько, пришлось весьма далеко уйти от оригинального сюжета: в результате появилась совершенно новая

история. Всё усложнилось еще и тем, что по ходу было решено делать не пьесу, а мюзикл, и О. Генри должен был сочинять не только диалоги, но и стихотворную часть. Но писатель шел на это — он был совершенно раздавлен долгами: осенью ему пришлось заплатить за год обучения Маргарет в колледже (а это почти полторы тысячи долларов), да и других трат было предостаточно.

Первое представление мюзикла (он получил название «Jlo!» — парафраз строки из стихотворения А. Поупа) состоялось 25 августа 1909 года в городе Аврора, штат Иллинойс. Как вспоминал Эдамс, представление прошло успешно — «публике понравилось». За ним последовали гастроли труппы со спектаклем по городам Среднего Запада, которые закончились 5 декабря[323]. Судя по тому, что это был первый, но не последний «театральный» эпизод в жизни писателя[324], финансовый итог сотрудничества его удовлетворил.

Здоровье между тем стремительно ухудшалось. Его постоянно одолевала слабость, спорадически случались приступы ужасной боли, которые он одолевал с помощью алкоголя. Но спиртное уже мало помогало, и однажды, во время очередного приятельского застолья, случился приступ, и писатель едва не потерял сознание. Видя, как О. Генри страдает, друзья забили тревогу и связались с Сарой. Супруга, не мешкая, оставила Северную Каролину и примчалась в Нью-Йорк. Писатель не хотел обращаться к врачам, отшучивался: «Ничего, кроме неврастении, они у меня не обнаружат» — и говорил, что совершенно им не доверяет. Последний из законченных рассказов О. Генри — юмористическая история под названием «Дайте мне проверить ваш пульс», в которой он довольно резко высмеивает некомпетентность и сребролюбие нью-йоркских эскулапов, — это подтверждает. Но в рассказе — возможно, кто-то из проницательных читателей О. Генри и заметил это — есть и другое: надежда. В самой глубине своей души он, видимо, всё-таки надеялся на выздоровление. Обычно он утешал других — своих читателей. Но в этой новелле (кстати, далеко не самой удачной) он больше утешал себя, чем кого бы то ни было.

Жена и друзья настаивали, чтобы О. Генри лег в больницу. Но он не хотел туда и потому ухватился за предположение жены, что дело, может быть, всё-таки в том, что «он переутомился» и «нуждается в продолжительном отдыхе». Сара предложила уехать из Нью-Йорка в Эшвилл. Там, в предгорьях, — сосны, чудесный целебный воздух. Они помогут восстановить пошатнувшееся здоровье. Причем совершенно не обязательно жить вместе с мамой. Они могут жить отдельно, снять коттедж за городом, там свободно можно гулять, охотиться. Муж сможет там спокойно

отдыхать, а если возникнет желание, то и писать. Так в октябре 1909 года О. Генри очутился в Эшвилле.

Всё вышло, как обещала ему жена. Они сняли загородный дом в шести милях от города, у самого подножия Аллеганских гор. Живописные пейзажи, тишина, напоенный запахом сосновой хвои воздух — всё в точности, как и было обещано. Скоро из Нью-Джерси приехала Маргарет. И на какое-то время показалось, что это внезапное воссоединение принесло нежданное счастье.

В очерке, опубликованном в 1912 году, Сара вспоминала: «Мы стали ближе друг другу в эти дни. Однажды после полудня, когда мы гуляли вместе по запорошенным снегом лесистым холмам, он обнял меня за плечи и сказал: “Словно в старые добрые времена, не правда ли?”»[325].

Какие «старые добрые времена» имел в виду О. Генри? Если с кем он прежде и гулял, обняв за плечи, то, конечно, это была не Сара, а Атоль. Или он подразумевал нечто другое? Но Сара поняла, что просто ему в тот момент было хорошо.

В эти первые недели «на курорте» он совершенно не притрагивался к спиртному. Много гулял. Гулял один, гулял с Сарой, с Маргарет. С дочкой они даже несколько раз ходили на охоту (Сара специально у кого-то из знакомых раздобыла ружье), но никого не подстрелили. Вообще-то О. Генри был совершенно чужд охоте, и Маргарет припомнила, что отец даже ни разу не прицелился, «он не мог причинить боль, а тем более убить живое существо, даже малую пичужку». Но веселым, даже в эти дни, назвать его было нельзя. Маргарет, которая тогда провела в обществе отца несколько недель, вспоминала: большую часть он был задумчив, малоразговорчив, часто сидел, устремив взгляд на горы. «Однажды, уже поздно вечером, я заметила, что он сидит в темном углу веранды и смотрит на горы. Ночь, казалось, наполнена предчувствием чего-то, что грядет. Я ощущала это, и думаю, что и он тоже. Я не могла — и знала, что и он в этот момент не может — разговаривать. Я присела у его ног. Так прошло довольно много времени. Потом, все так же без слов, он поднялся, взял меня за руку, и мы вместе вошли в дом»[326]. Не так все было хорошо, как могло показаться. О. Генри одолевали тяжелые думы. Может быть, он предчувствовал, что жить ему осталось совсем немного. Но ни с кем из близких этими мыслями не делился.

А в письмах и разговорах по телефону с нью-йоркскими знакомцами бодрился. Сообщал Стигеру: «Могу сказать, физически я абсолютно здоров. Ну, может быть, только неврастения. Но прогулки на свежем воздухе сделают меня новеньким. Что касается диагноза, что мне поставили в Нью-

Йорке (цирроз печени. — *А. Т.*), все это крайне сомнительно. Я похудел на двадцать фунтов и могу скакать по горам как козел»[327].

То, что он похудел, соответствовало действительности. О том же свидетельствует и фотография, сделанная тогда, рядом с той самой верандой, где О. Генри сидел с дочерью. Но напрасно это его так радовало. Потеря веса при его заболевании — едва ли повод для радости. Скорее наоборот.

Он пытался сочинять и написал в Эшвилле несколько новелл (среди них «Муниципальный отчет»). Но писалось ему плохо. В основном О. Генри работал над составлением своих сборников (в 1909 году вышли две книги: «Дороги судьбы» *(Roads of Destiny*), «На выбор» *(Options),* над третьей — «Деловые люди» *(Strictly Business)* он тогда работал. Она вышла в следующем, 1910 году). Тем не менее в Северной Каролине он провел почти полгода. Вероятно, для него, привыкшего к иной атмосфере, иному стилю и темпу жизни, это были не лучшие месяцы. Но то, что они хоть на какое-то время продлили ему жизнь, — несомненно. А О. Генри стремился в Нью-Йорк. Сара это видела. И понимала, что работать он может только там. Помните стейнбековское: «…если вы жили в Нью-Йорке и он стал вашим домом, ни одно иное место вам не подойдет»? Они оба это хорошо знали. Да и деньги были нужны. А раздобыть их можно было только в Нью-Йорке.

Сказать, что Сара отпускала мужа с тяжелым сердцем, было бы не совсем верно. Она надеялась (и в общем-то правильно надеялась), что месяцы, проведенные в предгорьях Аллеганских гор, пошли О. Генри на пользу. И он уехал.

В марте 1910 года, с возвращением из Северной Каролины, начался последний и самый короткий нью-йоркский период в жизни О. Генри.

Поначалу он обосновался в «Челси», в том самом отеле на Западной тридцать третьей улице, где они жили вместе с Сарой, где она так скучала и который ей так не нравился. Очевидно, что он не планировал ничего менять в своей жизни — и, хотя это стоило изрядных затрат, сохранил за собой и «Челси», и «Каледонию». Непонятно, правда, почему он сразу не вернулся в привычную «Каледонию», а остановился «у жены».

Однако возвращение в Нью-Йорк не улучшило настроения писателя. Тогда же он сказал одному из своих друзей: «Нью-Йорк теперь не так расположен ко мне, как бывало прежде». Но он, конечно, любил этот город и, в том же разговоре, заметил: «Нью-Йорк… безбрежен… в нем есть всё… горы и потоки, холмы и долины. Все нарциссы весенних лугов цветут здесь. В одном квартале Нью-Йорка больше поэзии, нежели в двух десятках

ромашковых полей»[328].

Самочувствие писателя продолжало ухудшаться. 15 апреля (то есть меньше чем через месяц после возвращения из Северной Каролины) в письме одному из приятелей О. Генри признавался: «Я было думал, что со мной не всё так уж и плохо, и потому около месяца назад вернулся в Нью-Йорк, а теперь почти всё время провожу в постели». На него навалилась ужасная слабость. Он почти ничего не мог делать самостоятельно. Причем, что удивительно, в теперешнем состоянии он был склонен винить прежде всего именно свой отдых: «Там было слишком просторно и слишком много свежего воздуха». Он повторял: «Всё, что мне нужно, это квартира с паровым отоплением без вентиляции и отсутствие физической нагрузки»[329]. Но оказалось, что ни «паровое отопление», ни «отсутствие вентиляции», ни даже «отсутствие физической нагрузки» не способны вдохнуть в него силы — скорее наоборот.

К докторам он по-прежнему не обращался. Надеялся, что отлежится и всё пройдет само собой? Или это был фатализм человека, который всегда полагался на обстоятельства, судьбу, «бога из машины»? Скорее всего, так и было.

Через неделю или две по приезде в Нью-Йорк он узнал, что у его приятельницы Анны Партлан на днях умер отец. Он позвонил ей. Позднее она вспоминала, что была благодарна О. Генри за звонок — он поддержал ее, но в то же время разговор произвел немного странное впечатление. «Он позвонил и стал расспрашивать, каково это, когда кто-то близкий уходит». Спрашивал, «оставил ли он после себя долги или был свободен от материальных обязательств? Как он уходил? Был ли спокоен? А затем внезапно выдохнул, почти простонал: “О, я не хочу умирать. Я совершенно утонул в обязательствах”. Потом как-то притих и вновь стал расспрашивать, как папа чувствовал себя накануне кончины»[330].

В апреле из печати вышла очередная (уже девятая по счету) книга О. Генри — новеллистический сборник «Деловые люди». Она оказалась последней из тех, что писателю довелось увидеть при жизни.

Последним рассказом, который он сочинял, да так и не закончил, оказалась история под названием «Снежный человек». Это «западный» рассказ — повествование о том, как несколько совершенно разных по характеру и привычкам людей — трое мужчин и одна женщина, — застигнутых снежной бурей где-то на просторах Дальнего Запада, в районе «Большой Затерянной Реки», вынужденно оказались в обществе друг друга и что из этого получилось.

О. Генри сочинял рассказ для журнала «Хэмптон». Он работал над ним несколько недель и всё никак не мог завершить. А редакция, как всегда, торопила. Писатель, видимо, чувствовал, что в обозримом будущем закончить вещь у него не хватит сил, и поэтому, по собственной инициативе (и, возможно, при «содействии» редакции), пересказал по телефону сюжет другому автору (кстати, он сам его выбрал) — Гаррисону М. Лайонзу. Произошло это буквально за несколько дней до кончины О. Генри. Конечно, он совершенно не предполагал, что это будет последний текст в его жизни. Но вышло, увы, именно так, а не иначе. Г. М. Лайонз закончил рассказ (по его словам, О. Генри успел сочинить менее четверти текста).

Принято считать, что соавтор в точности выполнил все инструкции мэтра. Но в это не верится. Не так писал О. Генри — все его тексты короче, энергичнее, да просто талантливее.

«Снежный человек» — и есть пример, что все-таки врет «народная мудрость» советских времен: нет-де незаменимых людей. Есть незаменимые. И этот досочиненный рассказ — совершенно конкретная и наглядная к тому иллюстрация.

О. Генри, видимо, где-то в глубине души — может быть, на самом ее дне — предчувствовал свою смерть. Но как всегда рассчитывал, что как-нибудь «выкрутится». И все последние свои недели, что жил сначала в «Челси», а затем, гонимый депрессией и нарастающим недомоганием, в «Каледонии», глушил и глушил боль алкоголем. «Я знаю, что это правда, — много лет спустя после ухода писателя признал Боб Дэвис, — после кончины нашли девять пустых бутылок из-под виски под кроватью — лодкой, что несла его к смерти»[331].

Путь к финалу был долог, но развязка наступила быстро.

Вечером 3 июля 1910 года, в пятницу, О. Генри позвонил Анне Партлан (она жила рядом с «Каледонией»). Он просил о помощи. В голосе друга она отчетливо слышала муку. Тотчас поспешила к нему. Он лежал на полу, без сознания, сжимая ладонью телефонную трубку. У О. Генри не было собственного врача, поэтому она вызвала своего. Доктор привел писателя в чувство и не терпящим возражений тоном приказал доставить больного в госпиталь. О. Генри и не сопротивлялся. Но отказался ехать в карете скорой помощи. Пришлось вызвать такси. Пока ждали, врач помог ему одеться и попытался причесать. О. Генри пошутил: «Плохой из вас парикмахер, док. Дайте мне»[332]. И, как смог, причесался сам. Затем, с помощью врача и Анны спустился к автомобилю. Здесь вновь случился приступ боли, но О. Генри сумел удержаться на ногах, привалившись к стене отеля. Затем погрузились в машину, и, пока ехали в больницу, слабым голосом

писатель шутил и комментировал виды за окном. Когда прибыли в госпиталь, его хотели отвезти на коляске, но О. Генри отказался и дошел до стойки регистрации самостоятельно. Здесь вывернул карманы и высыпал всю наличность на стойку. С собой у него оказалось всего 23 цента. Он пошутил: «Я слышал о людях, чью жизнь ценили в тридцать центов. Я вот собираюсь помирать и стою всего двадцать три».

Памятуя об отношении к публичности (едва ли он хотел, чтобы газеты судачили о его болезни), еще в такси мисс Партлан спросила, как его записать. «Зовите меня Деннис, — сказал он. — Сегодня утром меня будут звать Деннис». Но она не поддержала шутку (уж очень не подходили к ситуации слова из скабрезной песни) и записала его «Уилл С. Паркер». О. Генри отвезли в палату и уложили на кровать, но ему трудно было дышать, поэтому больного усадили, подложив под спину несколько подушек. Анна ушла — необходимо было известить родных и друзей. Доктор остался на ночь — он считал, что приступ вот-вот повторится, будет еще сильнее и, возможно, станет последним. Ожидали, что пациент потеряет сознание. Но О. Генри, как вспоминал доктор, «держался молодцом», сохранял здравый рассудок, говорил слабым голосом, но пытался шутить. Ближе к утру, видя, что состояние стабильно, врач решил отлучиться и приказал сестре погасить ночник. Но О. Генри услышал и тихо, но отчетливо произнес: «Зажгите фонари. Не хочу возвращаться домой в темноте». Это были слова из популярной в то время песенки, которую в Нью-Йорке исполняли повсеместно. Врач ушел, а когда через час вернулся, писатель был уже при смерти. Почти до самого конца он сохранял сознание. Последние слова, точнее, неясное бормотание, сорвавшееся с губ, врач разобрал наклонившись. О. Генри просил: «Приведите мистера Холла…» В 7 часов 6 минут утра 4 июля 1910 года его не стало.

С Гилмэном Холлом, как и с другими своими нью-йоркскими друзьями и приятелями, О. Генри уже не свиделся. Но почти все они (во всяком случае те, кто знал о кончине), как, впрочем, и многие, кто не был знаком с О. Генри при жизни (прежде всего писатели), пришли с ним проститься.

Но это был, конечно, уже не он — так сильно изменила человека смерть.

Сара, вглядываясь в лицо супруга, поначалу даже отказывалась верить, что это действительно тот самый человек, чьей женой она была. Она долго смотрела, и лишь когда ее взгляд упал на сомкнутые на груди руки, произнесла: «Я думаю, что это он. Я уверена, что это его руки».

После службы в церкви тело перевезли на вокзал, погрузили в

вагон и отправили в Эшвилл. Там на местном кладбище его и похоронили.

На могиле установили простое надгробие — серую гранитную прямоугольную плиту. На ней две даты — рождения и смерти: «1862–1910» и всего три слова: «Уильям Сидни Портер». С тех пор и до наших дней ничего не изменилось.

И в этом своя логика — он всегда сторонился публичности.

Нет на плите имени «О. Генри», которое он прославил. И это тоже закономерно. Ведь умер именно Уильям Сидни Портер. О. Генри просто не мог умереть — человека с таким именем никогда не существовало. Был Писатель О. Генри. И остался. Помните, как он однажды сказал: «Плоть — тленна, мысль — бессмертна».

Основные даты жизни и творчества О. Генри

1862, И сентября — в плантаторском доме в местечке Сентер в нескольких километрах от Гринсборо, в семье доктора Элджинона Портера и Мэри Джейн Портер (урожденной Суэйм) родился второй сын Уильям Сидни Портер.

1865, 26 сентября — на тридцать третьем году жизни от туберкулеза умирает мать писателя — Мэри Джейн Портер. Семья переезжает в Гринсборо, в дом «матушки Портер» — бабушки Билла Портера. Не дожив до года, умирает младший брат Билла — Дэйви.

1868, лето — Эвелина Портер, тетя Билла, открывает школу в доме своей матери.

1869, осень — Билл Портер начинает учебу в школе своей тетушки.

1878, лето — будущий писатель оканчивает школу и устраивается помощником аптекаря в аптеку к своему дяде, Кларку Портеру.

1881, август — становится сертифицированным фармацевтом, продолжает работать в аптеке.

1882, зима — обнаруживаются симптомы начинающегося туберкулеза легких — наследственного заболевания; принимает предложение доктора Дж. Холла для поправки здоровья перебраться в Техас. *Март* — уезжает в Техас, живет на ранчо Дика Холла, изредка совершая «вылазки» в резиденцию Ли Холла и городок Котулла.

1884, март — Ричард и Бетти Холл покидают графство Ла Салль, с тем чтобы перебраться в менее цивилизованную местность. У. Портер переезжает в Остин, живет в семье коммерсанта Дж. Харрелла, выходца из Гринсборо. Устраивается на работу в аптеку фармацевтом, затем в течение двух лет трудится бухгалтером в риелторской фирме «Братья Мэддокс и Андерсон».

1885, 2 марта — в День независимости Техаса знакомится с будущей женой, тогда еще школьницей, семнадцатилетней Атоль Эстес.

1887, январь — поступает чертежником в Земельное управление штата Техас.

5 июля — женитьба на Атоль Эстес.

Август — первые публикации У. С. Портера-юмориста в детройтской *The Free Press* и нью-йоркской *The Truth.*

1888, 6 мая — в семье Портеров родился первенец. Мальчик прожил несколько часов.

1889, весна и лето — У. С. Портер работает над серией иллюстраций к книге Дж. Уилбергера «Преступления индейцев в Техасе».

30 сентября — у Портеров рождается второй ребенок — девочка Маргарет. Вскоре врачи обнаруживают у матери первые признаки наследственного заболевания — туберкулеза легких.

1891, 21 января — вынужденно оставляет должность чертежника в Земельном управлении штата.

Март — выходит на работу в качестве кассира Первого Национального банка Остина.

1894, март — покупка за 250 долларов обанкротившегося ежемесячника *Iconoclast*.

14 апреля — выходит первый номер юмористического издания. С 28 апреля 1894 года газета получает название *The Rolling Stone* («Перекати-поле»), и почти все ее материалы (в том числе и иллюстрации) принадлежат У. С. Портеру.

Лето — ревизия в Первом Национальном банке Остина выявляет крупную недостачу. Подозрения ревизора падают на кассира. *Декабрь* — повторная ревизия банка и увольнение Портера.

1895, 27 апреля — выходит последний номер газеты «Перекати-поле». Из-за финансовых трудностей газета прекращает существование.

Май — сентябрь — перебивается случайными заработками, сочиняет юмористические тексты и рисует карикатуры для газет из Детройта и Кливленда.

Октябрь — принимает приглашение стать колумнистом в газете *The Post*, перебирается в Хьюстон и приступает к работе — ведет юмористическую колонку в газете.

1896, февраль — судебная сессия дает ход делу против Портера по обвинению в растрате. 14 февраля Портера арестовывают в Хьюстоне и под полицейским конвоем препровождают в Остин. Два дня он находится под арестом; 16 февраля суд освобождает его до суда под залог в две тысячи долларов. Начало суда назначено на июнь.

Июнь — в начале июня получает повестку явиться в суд 7 июня.

6 июня покидает Хьюстон, чтобы явиться в суд, но… оказывается в Новом Орлеане.

Июнь — август — под вымышленным именем живет в Новом Орлеане, сотрудничает в местных газетах, в том числе в *Picayune*. *Предположительно начало августа* — уезжает в Гондурас.

1896, август — 1897, январь — живет на Карибском побережье Гондураса в городке Трухильо. Существует на случайные заработки, знакомится с Элом Дженнингсом и его братом Фрэнком — бандитами-налетчиками, грабившими поезда и банки. Портеру предлагают принять участие в ограблении банка, он отказывается. Ведет конспиративную переписку с женой.

В середине января получает известие о тяжелом состоянии жены. Несмотря на угрозу ареста, решает вернуться в США.

1897, 23 января — возвращается в Остин.

1 февраля — добровольно является в суд.

12 февраля — удвоив сумму залога, суд оставляет Портера на свободе.

25 июля — умирает Атоль.

2 декабря — писатель получает письмо от С. Макклюра о том, что синдикат покупает его новеллу «Чудо Лавового Каньона» и приглашает к дальнейшему сотрудничеству. Эту дату можно считать «днем рождения» писателя О. Генри.

1898, февраль — суд над У. С. Портером. 17 февраля присяжные выносят вердикт: «Виновен». В зале суда его берут под стражу и отправляют в окружную тюрьму.

25 марта — судья приговаривает его к пяти годам заключения в каторжной тюрьме.

25 апреля — У. С. Портер оказывается в Коламбусе, в каторжной тюрьме штата Огайо. Заключенному присваивают № 30 664. Первые полтора года У. С. Портер исполняет обязанности ночного фармацевта в тюремном госпитале. В каморке при госпитале начинает систематически работать над сочинением рассказов. Остаток тюремного срока работает в канцелярии начальника тюрьмы. В различных периодических изданиях выходят из печати первые новеллы, подписанные псевдонимом «О. Генри».

1901, 24 июля — отсидев больше трех лет, У. С. Портер выходит на свободу. Срок заключения сокращен за примерное поведение. В тот же день уезжает в Питсбург, где теперь живут его дочь и родители покойной жены.

1901, 25 июля — апрель 1902 — живет в Питсбурге, снимает квартиру, занимается сочинительством. Получает приглашение из *Ainslee's Magazine* приехать в Нью-Йорк, чтобы оговорить детали сотрудничества с журналом.

1902, апрель — писатель перебирается на жительство в Нью-Йорк. Знакомится с владельцем *Ainslee's* и своими «первооткрывателями» — Г. Холлом и Р. Даффи. Первый постоянный контракт: журнал покупает рассказы О. Генри по 75

долларов за каждый. Кроме псевдонима «О. Генри» писатель использует и другие, чаще — имя «Джеймс Л. Блисс». Публикуется и в других изданиях: «Макклюрз мэгэзин», «Мансиз мэгэзин», «Смарт сет» и т. д.

1903, май — подписывает контракт с газетой *New York Sunday World* на еженедельные публикации с оплатой 60 долларов в неделю. Знакомится с Р. Дэвисом.

Июнь — декабрь — переписка с Мейбл Вэгнеллз.

Сентябрь — короткий визит в Питсбург. Цель поездки — определиться с перспективами продолжения образования для Маргарет. *Осень* — после возвращения в Нью-Йорк переезжает на новую квартиру в дом 55 на Ирвинг-плейс. Здесь он проживет более четырех лет. Ирвинг-плейс станет настоящей «кладезью сюжетов» для О. Генри. Контракт с *New York Sunday World* на публикацию пятидесяти двух новелл — в каждом воскресном выпуске газеты. Ставка повышается до 100 долларов за рассказ. Знакомится с У. Байннером и У. Уильямсом. Начало дружбы с Анной Партлан.

1904 — в течение года, выполняя контракт с *New York Sunday World*, публикует там 51 новеллу. Еще 15 опубликованы в *Cosmopolitan, Smart Set, Ainslee's* и других нью-йоркских журналах. Летом и осенью интенсивно работает над книгой «Короли и капуста». Роман был издан в последних числах ноября в издательстве *McClure's*. Журнал «Critic» публикует очерк, посвященный писателю.

1905 — количество опубликованных О. Генри новелл перевалило за сотню. Множится его известность и популярность. Переписка с Этель Паттерсон. Начало «эпистолярного романа» с Сарой Линдсей Коулмен, будущей второй женой писателя. Т. Рузвельт помиловал Э. Дженнингса. На Рождество выходит одна из самых известных историй О. Генри — «Дары волхвов».

1906 — выходит из печати первый новеллистический сборник писателя «Четыре миллиона». Продолжается переписка с Сарой Коулмен.

1907 — О. Генри переезжает на новое место жительства — в отель «Каледония», на Двадцать шестой улице. Начинаются проблемы со здоровьем. Писатель переживает творческий и духовный кризис, за год написано всего 11 новелл. Издательство *McClure's* выпускает сборник «западных» рассказов «Сердце Запада» и книгу «нью-йоркских историй» «Горящий светильник».

27 ноября — женится на Саре Коулмен, медовый месяц «молодые» провели в Хот-Спрингс.

1908 — в январе супруги Портер возвращаются в Нью-Йорк. О. Генри работает в «Каледонии», живет в отеле «Челси», в

котором Сара «свила» семейное «гнездо». Начинаются разногласия между супругами. В результате О. Генри остается в Нью-Йорке, а Сара уезжает домой в Эшвилл, где живет с мамой. Попытка восстановить отношения: писатель с женой и дочерью с июня по октябрь живут на Лонг-Айленде, в местечке под названием Гуд-Граунд. Но в Нью-Йорк О. Генри вновь возвращается один. Выходят сборники «Голос большого города» и «Благородный жулик». В журнале *Current Literature* опубликован очерк «Американский Мопассан», посвященный писателю.

1909 — О. Генри задумывает написать цикл «южных» рассказов и сочиняет первые три — «Роза Дикси», «Игра в наперстки», «Муниципальный отчет». Объявляет о намерении написать роман и тогда же заключает договор с издательством *Doubleday, Page&Company* о его публикации. Позднее в том же издательстве выходят новеллистические сборники «Дороги судьбы», «На выбор». Работает над инсценировками собственных рассказов. В октябре серьезно ухудшается самочувствие. По настоянию друзей и жены уезжает в Эшвилл, где в уединении живет почти шесть месяцев. О. Генри не пьет алкоголь, соблюдает диету, состояние здоровья улучшается.

1910, март — в одиночестве возвращается в Нью-Йорк, живет сначала в «Челси», затем в «Каледонии», ведет привычный холостяцкий образ жизни, не может совладать с пагубным пристрастием к алкоголю. Составляет очередной новеллистический сборник, который получает название «Деловые люди».

Апрель — резкое обострение болезни, О. Генри почти не покидает отеля, большую часть дня проводит в постели. Пишет, но не может закончить последний рассказ — «Снежный человек». Из печати выходит сборник «Деловые люди».

3 июля — О. Генри госпитализируют.

4 июля — Уильям Сидни Портер умер.

Краткая библиография

Произведения О. Генри

О. Генри. Собрание сочинений. В 5 т. М., 2005–2006.

О. Генри. Полное собрание рассказов. В 3 т. Екатеринбург, 2006. *О. Генри.* Полное собрание сочинений. В 2 т. М., 2010.

O. Henry. The Complete Writings. Vol. 1–14. N.Y., 1917.

Литература, посвященная жизни О. Генри и его творчеству.

Аникст Л. О. Генри *//О. Генри.* Рассказы. М., 1957. С. 539–550.

Балдицын П. В. Развитие американской новеллы. О. Генри // История литературы США. Т. V. Литература начала XX века. М., 2009. С. 544–598.

Вайль П. Гений места. М., 2010.

Внуков Н. Тот, кто называл себя О. Генри. Л., 1969.

Дженнингс Э. Генри на дне. Л., 1926.

История США. В 4 т. Т. 1. М., 1983.

Левидова И. М. О. Генри и его новелла. М., 1973.

Левидова И. Калиф из Багдада: О. Генри и его новелла. М., 2012 (переиздание книги «О. Генри и его новелла» 1973 года).

Левидова И. М. О. Генри. Биобиблиографический указатель. М., 1960.

Семенов Ю. Псевдоним. М., 1986.

Старцев А. О. Генри и его рассказы // *О. Генри.* Полное собрание рассказов. Екатеринбург, 2006. В 3 т. Т. 1. С. 5–35.

Эйхенбаум Б. О. Генри и теория новеллы // *Эйхенбаум Б.* Литература. Теория. Критика. Полемика. Л., 1927. С. 166–209.

Current-Garcia E. O. Henry (William Sydney Porter). Boston, 1970.

Davis R., Maurice A. The Caliph of Bagdad. N.Y., 1931.

Gallegly J. From Alama Plaza to Jack Harris's Saloon: O. Henry and the Southwest He Knew. The Hague Paris, 1970.

Jennings A. Through the Shadows with O. Henry. N.Y., 1921.

Kramer D. The Heart of O. Henry. N.Y., 1954.

Langford G. Alias O. Henry: A Biography of William S. Porter. N.Y., 1957. *Long E.* O. Henry. The Man and His Work. Philadelphia, 1949.

Moyle S. My Friend O. Henry. N.Y., 1914.

O'Connor R. The Legendary Life of William S. Porter. N.Y., 1970.

Pike C. O. Henry in North Carolina. Chapel Hill, 1957.
Raymond D. N. Captain Lee Hall of Texas. Norman, 1940.
Smith A. Ch. O. Henry. Biography. N.Y., 1916.
Wagnalls M. Letters from Lithopolis. N.Y., 1922.
Williams W. The Quiet Lodger of Irving Place. N.Y., 1936.

notes

Примечания

1

Дженнингс Э. С О. Генри на дне. М.-К, 1926 (2-е изд., 1927. С. 310).

2

Левидова И. М. О. Генри. Биобиблиографический указатель. М., 1960. С. 143.

3

Внуков Н. Тот, кто называл себя О. Генри. Л, 1969. С. 239.

4

См.: Левидова И. М. О. Генри и его новелла. М., 1973. С. 8–103.

5

Семенов Ю. Псевдоним. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 206.

6

См.: Старцев А. О. Генри и его рассказы // О. Генри. Полное собрание рассказов. В 3 т. Екатеринбург, 2006. Т. 1. С. 5–35; Урнов Д. В шуме большого города. Т. 2. С. 5–8; Эйхенбаум Б. Вильям-Сидней Портер (О. Генри), 1862–1910. Т. 3. С. 5–16.

Дженнингс Э. С О. Генри на дне // О. Генри. Указ. соч. Т. 3. С. 599–683. (Представляет собой изрядно сокращенный вариант издания 1926 года.)

Smith A.Ch. O. Henry. Biography. N.Y., 1916.

Davis R., Maurice A. The Caliph of Bagdad. N.Y., 1931.

Williams W. The Quiet Lodger of Irving Place. N.Y., 1936.

11

Langford G. Alias O. Henry: A Biography of William S. Porter. N.Y., 1957.

12

Первый рассказ О. Генри в переводе на русский язык («Шехерезада с Медисон-сквер» (A Madison Square Arabian Night) был опубликован в 1915 году. В том же году в Петрограде вышел и первый сборник рассказов О. Генри на русском языке под названием «Сердце Запада». Он включал 18 рассказов.

Фонетически оно звучит по-прежнему: «Гринсборо», но написание изменилось. До 1895 года писали Greensborough, в наши дни принято иное написание — Greensboro.

14

Грин (Greene, 1742–1786) Натаниэль — американский национальный герой, один из сподвижников Дж. Вашингтона, командующий Континентальной армией на завершающем этапе Войны за независимость.

15

Корнуоллис (Cornwallis, 1738–1805) Чарлз — генерал, британский государственный деятель и колониальный администратор. Командовал английскими войсками в Америке, энергично противостоял войскам Континентальной армии.

16

Конфедерация — Конфедеративные Штаты Америки (англ. The Confederate States of America) — независимое государство, существовавшее с 1861 по 1865 год. Образовалось в результате выхода (сецессии) одиннадцати южных рабовладельческих штатов из состава США. Армия Конфедерации (конфедераты) противостояла войскам Соединенных Штатов (федералистам) в Гражданской войне 1861–1865 годов.

17

Дэвис (Davis, 1808–1889) Джефферсон — первый (и последний) президент Конфедеративных Штатов Америки.

18

В мундиры серого цвета были одеты солдаты и офицеры армии Юга; северяне носили синюю форму.

19

Ли (Lee, 1807–1870) Роберт — генерал, командующий Армией Северной Вирджинии и главнокомандующий армией Конфедерации.

20

Аппоматтокс (Appomattox) — железнодорожная станция и населенный пункт в штате Виргиния. 9 апреля 1865 года здесь произошло сражение между отступающей армией Конфедерации (во главе с ее главнокомандующим — генералом Р. Ли) и северянами, которое закончилось поражением и капитуляцией южан.

21

Шерман (Sherman, 1820–1891) Уильям Текумсе — генерал армии северян, талантливый военачальник, прославившийся в то же время своей жестокостью.

22

Дедушка писателя, Сидни Портер, родился 2 февраля 1790 года.

23

Харрис (Harris, 1848–1908) Джоэль Чандлер — американский писатель, южанин, автор знаменитой книги «Сказки дядюшки Римуса» (1880), которая содержит литературные версии широко бытовавших в XIX веке в устной форме сказок американских чернокожих рабов.

24

Smith A. Ch. O. Henry. Biography. N.Y., 1916. P. 18. Франклин (Franklin, 1706–1790) Бенджамин — выдающийся политический деятель, дипломат, ученый, один из отцов-основателей США. О его месте в американской истории красноречиво говорит хотя бы тот факт, что его портрет «украшает» стодолларовую банкноту.

Ibid. P. 22–24.

Ibid. P. 32.

27

Мать Мэри Джейн (бабушка О. Генри), Эбиа Суэйм, замуж выходила дважды. Первый раз за Уильяма Суэйма. В этом браке родилась Мэри Джейн, мать О. Генри. В 1848 году первый муж умер. Несколько лет спустя она сочеталась браком с двоюродным братом покойного мужа Линдоном Суэймом. От этого брака детей не было.

28

Цит. по: Smith A. Ch. O. Henry. P 42.

Ibid. P. 40.

30

В 16 лет Шелл покинул родной дом. Некоторое время работал разнорабочим на ферме, затем стал лесорубом, «остепенившись» (создав семью), работал на лесопилке. Рассказывают, что в зрелые годы это был крупный, физически сильный мужчина. Покинув отчий дом, постепенно «опростился», изрядно выпивал, в пьяном виде нередко бил жену и детей. Контактов с младшим братом не поддерживал. После отъезда Билла в Техас (тем более позднее) братья не переписывались и почти не встречались.

31

«Бидл энд Эдамс» (Beadle and Adams) — американская издательская фирма, выпускавшая (в 1860–1890-е годы) огромными тиражами дешевые издания (ценой в пять, десять и двадцать центов за книжку), рассчитанные на невзыскательного читателя приключенческих романов американских, английских и переводных авторов. Более подробно это явление рассматривается в вышедшей в серии «ЖЗЛ» книге: Танасейчук А. Майн Рид: жил отважный капитан. М., 2012. Читающие по-английски более подробную информацию о феномене могут почерпнуть из книг А. Джохансена (Johannsen A. The House of Beadle and Adams and its Dime and Nickel Novels. Norman, 1950) и Э. Пирсона (Pearson E. Dime Novels; or, Following an Old Trail in Popular Literature. Boston, 1929).

32

Женская семинария Эджуорт (Edgeworth Female Seminary) была открыта в Гринсборо в 1840 году. Это было высшее учебное заведение. Оно давало право окончившим его заниматься педагогической деятельностью. С 1862 по 1867 год не функционировала: в годы войны и в первые послевоенные годы в здании семинарии располагался госпиталь (в нем, кстати, во время войны практиковал и отец писателя — Э. Портер). Открылась вновь в 1868 году. В 1872 году сгорела.

33

А. Смит (один из учеников «мисс Лины») свидетельствует, что из большинства ее воспитанников «вышел толк», они стали уважаемыми членами общества: учителями, врачами, судьями, торговцами, священниками и т. д. И все они сохранили самые теплые воспоминания о своем первом учителе. См.: Smith A. Ch. O. Henry. P. 73.

34

Реконструкция — период в истории США после окончания Гражданской войны с 1865 по 1877 год, который включал оккупацию южных штатов и преобразование Юга (подразумевавшее изменение структуры власти, общественных институтов и экономической модели хозяйства).

35

Цит. по: O'Connor R. O. Henry. The Legendary Life of William S. Porter. N.Y., 1970. P. 12.

36

Лэйн (Lane, 1801–1876) Эдвард — английский ученый-ориенталист и переводчик. Автор первого полного, снабженного серьезным научным комментарием, перевода сказок «Тысяча и одна ночь»; Хэзлитт (Hazlitt, 1778–1830) Уильям — английский публицист и критик; Лэм (Lamb, 1775–1834) Чарлз — английский эссеист, прозаик, критик и поэт. Что касается последнего, то дети, конечно, читали не его знаменитые «Письма к Элии», а написанные в соавторстве с сестрой Мэри Лэм, очень популярные по обе стороны Атлантики «Шекспировские истории» (Tales of Shakespeare, 1807) — прозаическое переложение для детей 21 комедии и трагедии Шекспира.

Smith A. Ch. O. Henry. P. 77.

Ibid. P. 76.

39

Цит. по: Левидова И. М. О. Генри и его новелла. М., 1973. С. 15.

И. Левидова утверждает, что будущий писатель окончил школу своей тетушки в 1876 году, а затем еще полтора года обучался «в открывшейся наконец городской средней школе» (см.: Левидова И. М. О. Генри и его новелла. С. 17). Но сам О. Генри говорил, что учился только в одной школе. Подтверждает эти сведения и А. Смит (см.: Smith A. Ch. O. Henry. P 73). Правда, и его информация вызывает сомнения: он утверждал, что О. Генри закончил обучение в возрасте пятнадцати лет, когда другие источники указывают, что ему было к тому времени уже 16.

41

Drugstore — амер., аптека, аптекарский магазин.

42

Smith A. Ch. O. Henry. P. 81.

43

Здесь и далее (за исключением особо оговоренных случаев) цитаты из произведений О. Генри приводятся по изданию: О. Генри. Полное собрание рассказов. В 3 т. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.

44

Рид (Reade, 1814–1884) Чарлз — английский писатель, романист и драматург, автор сенсационных романов «на злобу дня». Его произведения были весьма популярны в 1850–1870-е годы; Бульвер-Литтон (Bulwer-Lytton, 1803–1873) Эдвард — английский писатель и политик, автор «современных» и исторических романов. Шпильгаген (Spielhagen, 1829–1911) Фридрих — немецкий писатель-реалист; его романы переводились на английский язык и, хотя в его романах преобладали сентиментально-морализаторские и мелодраматические тенденции, они были весьма популярны в тогдашней Америке. Ауэрбах (Auerbach, 1812–1882) Бертольд — немецкий новеллист и романист, в 1870-е годы его книги с большим интересом читались не только в Германии, но и англоязычной аудиторией по обе стороны Атлантики.

Smith A. Ch. O. Henry. P. 90.

Лишь совсем недавно он был переведен на русский язык и опубликован в нашей стране: Бёртон Р. Анатомия меланхолии. М., 2005.

47

Джонсон (Johnson, 1709–1784) Сэмюэл — английский лексикограф, литературный критик и эссеист, автор знаменитого «Словаря английского языка» (A Dictionary of the English Language, 1755), в котором Джонсон проявил себя выдающимся лексикографом, не только растолковывая значения слов, но и иллюстрируя необъятным количеством примеров и цитат, проясняющих словоупотребление.

48

Имя Уильяма Сидни Портера было внесено в официальный реестр Фармацевтической ассоциации штата Северная Каролина.

49

Город Лексингтон расположен в 53 километрах от Гринсборо.

50

В 1903 году. Вошла в состав сборника «Сердце Запада» (1907).

51

Smith A. Ch. O. Henry. P. 95.

См.: Raymond D. N. Captain Lee Hall of Texas. Norman, 1940.

53

Строго говоря, появление техасских рейнджеров относится не к рубежу 60–70-х годов XIX века. Явление это возникло раньше, в 1830–1840-е годы (раннюю его фазу наблюдал и отразил в нескольких своих романах еще Т. Майн Рид).

54

Характеристика лейтенанта Сэндбриджа из рассказа «Как истый кабальеро», в облике которого, по единодушному мнению биографов, писатель воплотил Ли Холла.

Вакеро — vaquero (исп.) — пастух.

Перевод М. А. Танасейчук.

Langford G. Alias O. Henry. N.Y., 1957. P. 26.

58

Гарт (Hart, 1836–1902) Фрэнсис — американский писатель-новеллист. В своих новеллах идеализировал эпоху «золотой лихорадки» в Калифорнии середины XIX века и ее героев — золотоискателей, «открывая» в этих грубых и порой жестоких людях благородство, щедрую душу и доброе сердце. Подписывал свои произведения псевдонимом «Брет». Подробнее об особенностях «героизации» Гартом калифорнийских старателей см.: Танасейчук А. Б. Американский регионализм и формирование культурного пространства Дальнего Запада США. Саранск, 2008.

59

Интересно, что эти сведения, по словам Лэнгфорда, приводит владелица отеля миссис Гилмер. Она была родом из Северной Каролины и приходилась дальней родственницей будущему писателю (ее девичья фамилия — Портер). См.: Langford G. Alias O. Henry. N.Y., 1957. P. 27–28.

Гиббон (iGibbon, 1737–1794) Эдвард — английский историк, автор знаменитого труда «История упадка и разрушения Римской империи» (1787); Голдсмит (Goldsmith, 1730–1774) Оливер — английский прозаик, поэт и драматург ирландского происхождения, яркий представитель сентиментализма; Локк (Locke, 1632–1704) Джон — английский философ, один из выдающихся мыслителей европейского Просвещения; Маколей (Macaulay, 1800–1859) Томас — английский историк и политический деятель, автор знаменитого капитального (в пяти томах) издания «История Англии»; Мильтон (Milton, 1608–1674) Джон — знаменитый английский поэт и мыслитель, автор эпической поэмы «Потерянный рай» (1667); Пепис (Pepys, 1663–1703) Сэмюэл — английский писатель-мемуарист, автор знаменитого в англоязычном мире «Дневника Сэмюэла Пеписа»; Смол-летт (Smollett, 1721–1771) Тобиас — шотландский романист, автор приключенческих повествований, один из зачинателей европейского реализма.

Langford G. Alias O. Henry. N.Y., 1957. P. 27.

Smith A. Ch. O. Henry. P. 100.

63

Ibid. P. 32. Название книги примерно можно перевести как «Дни в забое».

64

«Днем мы с Уиллом обсуждали то, что я написал, а по вечерам он рисовал свои рисунки», — вспоминал Диксон (цит. по: O'Connor R. The Legendary Life of William S. Porter. N.Y., 1970. P. 22).

Current-Garcia E. O. Henry. Boston, 1970. P. 24.

Cm.: LangfordG. Alias O. Henry. N.Y., 1957. P. 30.

Pike C. O. Henry in North Carolina. Chapel Hill, 1957. P. 10.

См.: Langford G. Alias O. Henry. N.Y., 1957. P. 33.

Ibid. P. 33–34.

См.: Long E. O. Henry. The Man and His \Мэгк. Philadelphia, 1949. P. 34–35.

Левидова И. М. О. Генри и его новелла. М., 1973. С. 29–30.

72

Здание Капитолия начали строить в 1882 году. У. С. Портер наблюдал завершающий этап строительства грандиозного сооружения, которое было закончено в 1888 году.

Цит. по: Langford G. Alias O. Henry. P 37.

Ibid. P 38.

Smith A. O. Henry. P. 118.

Чуть больше 40 килограммов.

Langford G. Alias O. Henry. P. 22.

Название ансамбля, кстати, явно не случайно. Остин стоит на холмах, отсюда и название — «Квартет города холмов» (The Hill City Quartet).

Цит. по: Левидова И. М. О. Генри и его новелла. С. 30.

80

«Порогом бедности» (в конце XIX века) считался годовой доход в 600 долларов на семью. А это 50 долларов в месяц!

81

Лоуренс Салливан («Сал») Росс (Ross, 1838–1898) — активный участник войны Севера и Юга (1861–1865), в прошлом самый молодой генерал армии Конфедерации, техасский рейнджер, многолетний сенатор штата Техас, губернатор штата (два срока) от Демократической партии (январь 1887 — январь 1891), деятельный сторонник развития образования в штате, его имя носит старейший университет штата (Sul Ross State University).

82

До 1836 года Техас был частью Мексики. С 1836 по 1848 год — независимым официально признанным многими странами государством. В 1848 году вошел в состав США. При этом, в отличие от остальных штатов, при вхождении в федерацию оговорил за собой право владеть и распоряжаться землями на своей территории. Поэтому все земли Техаса являются не федеральной собственностью, а собственностью штата.

83

Дж. Лэнгфорд придерживается иной точки зрения, считая, что инициатива трудоустройства в Земельное управление штата исходила от Портера (см.: Langford G. Alias O. Henry. P. 50).

84

2 марта 1836 года была провозглашена независимость Республики Техас.

Кстати, на момент своего открытия Капитолий штата Техас был самым большим в стране. Он был значительно выше и монументальнее Капитолия в Вашингтоне. Этим обстоятельством техасцы очень гордились и гордятся по сей день.

86

У мисс Эстес — необычное имя. Во-первых, очень редкое, во-вто-рых, имеет ирландские корни (и там тоже встречается нечасто), в-треть-их, при рождении им обычно наделяют мальчиков, а не девочек. Почему ее родители выбрали такое имя, остается только гадать. Необычно оно и фонетически. Нормативно оно звучит как «Эфел» (с ударением на первый слог), в американском варианте как «Атол» (также с ударением на первый слог и с мягким «л»). Поэтому первую супругу О. Генри мы будем называть Атоль, что, как представляется автору, ближе всего к «фонетической истине».

См.: Langford G. Alias O. Henry. P. 50.

88

В Техасе была очень значительная немецкая диаспора. Особенно много эмигрантов из Германии прибыло в Техас в 1830–1850-е годы. Ли Цимпельман был уже американцем, но его родители родились еще в Старом Свете и весьма преуспели в Новом.

O'Connor R. The Legendary Life of William S. Porter. P. 33.

Langford G. Alias 0. Henry. P. 47.

Ibid. P. 52.

Ibid. P. 52–53.

93

Необходимость брачной лицензии (marriage license) диктовалась несколькими причинами. Первая: вступающие в брак должны быть совершеннолетними; вторая: они не должны находиться в браке и с момента прекращения предыдущего брака должен пройти определенный законом период времени (в Техасе — 60 дней); третья, специфически американская: лицензия была необходима, чтобы предотвращать браки между представителями разных рас (белые не должны вступать в брак с чернокожими, азиатами и т. п.). В Техасе, то есть в южном штате, последнее положение было очень существенно в XIX веке, за этим тщательно следили. Кстати, в наши дни, чтобы получить брачную лицензию, необходимо еще и прослушать обязательный (!) восьмичасовой курс занятий для вступающих в брак. Без этого курса ни жениться, ни выйти замуж вы в Техасе не сможете!

См.: Smith A. Ch. O. Henry. P. 123–124.

Ibid. P. 123.

Ibid.

Ibid. P. 123–124.

98

Это письмо датировано 2 декабря 1897 года. Автором его является глава газетного синдиката С. Макклюр. Он сообщал Портеру, что покупает один из его рассказов, который понравился «сочетанием человеколюбия и драматической интриги». Но остальные рассказы не подошли, и их возвращают автору. — Smith A. Ch. O. Henry. P. 124.

Цит. по: Langford G. Alias O. Henry. P 56.

O’Connor R. P. 37.

Ibid.

102

Много лет спустя, когда Атоль давно уже не было в живых, он, по воспоминаниям Анны Партлан, пожалуй, наиболее близкого ему в эти годы человека, не раз говорил, что «Атоль была единственной женщиной, которую он по-настоящему любил» (цит. по: Langford G. Alias O. Henry. P. 55).

103

Langford G. P. 60.

104

Опубликовано в газете У. С. Портера «Роллинг стоун» в номере от 27 апреля 1895 года. Цит. по: O’Connor R. P. 38.

Langford G. P. 61–62.

106

Выборы губернатора состоялись в ноябре 1890 года. На конференции демократов (действующий губернатор Сал Росс был демократом) было решено, что он не будет выдвигаться на очередной срок, а кандидатом от партии станет Джим Хогг. Росс был очень популярен в Техасе и, скорее всего, был бы избран и на третий срок (в Техасе число сроков в должности не ограничено, правда, срок длится всего два года), но решил отказаться от борьбы за пост. Видимо, это было решение партийной верхушки. Росс представлял консервативное крыло партии (опиравшееся на крупных землевладельцев), Хогг — «левое», он был популярен среди фермеров, арендаторов и горожан. Что интересно: консервативное крыло не смирилось с выбором съезда и при поддержке Росса и Ли Холла выдвинуло своего («независимого») кандидата. Им стал начальник и покровитель Портера Ричард Холл. Но выборы он проиграл, и губернатором стал Джим Хогг.

107

Тот, кто интересуется жизнью и творчеством О. Генри, наверняка знаком с романом Юлиана Семенова «Псевдоним». Практика ведения дел в банке, которую он воспринял, конечно же, как яркое проявление дикого американского капитализма, скорее всего, и подтолкнула знаменитого советского беллетриста к собственной интерпретации судьбы писателя и заставила выстроить свою версию того, что, как и почему с ним случилось.

См.: Langford G. Alias O. Henry. P. 65–66.

Ibid. P. 66.

Ibid. P. 65.

111

В 1934 году он был подарен городу его последним владельцем, тщательно отреставрирован и (в связи с новой застройкой) перенесен на новое место. Сейчас он располагается по адресу: 409 Восточная пятая улица, г. Остин.

112

В разных источниках фигурируют суммы от пятисот до полутора тысяч долларов.

Наиболее категоричен в этом смысле первый биограф писателя А. Смит, который попросту игнорирует этот сюжет, совершенно не обсуждая проблему вины и невиновности своего героя.

См. Langford G. P. 71–75.

1151.5 Ibid. P. 71.

116

Каупер Брэнн (Вгапп, 1855–1898) Уильям — американский журналист и драматург. Родился в Иллинойсе и до 1886 года жил там. В два года потерял мать, был отдан отцом, пресвитерианским священником, на воспитание совершенно чужим людям, в 13 лет сбежал от опекунов. Упорно занимался самообразованием. С 1883 года в журналистике, работал репортером в газетах Сент-Луиса, затем перебрался в Техас, сотрудничал в газетах Галвестона, Сан-Антонио и Хьюстона. В 1891 году переехал в Остин, где начал издавать «журнал личного протеста» под названием «Иконоборец», в котором яростно обличал служителей церкви (прежде всего баптистов и пресвитериан), британцев, женщин, чернокожих и т. д. В 1895 году возобновил выпуск «Иконоборца» (в г. Вако, Техас). На этот раз его журнал снискал популярность, к январю 1898 года разовый тираж достиг 100 тысяч экземпляров. 1 апреля 1898 года Брэнн был застрелен религиозным фанатиком — одним из тех, на кого он так яростно нападал в своем издании.

117

1171.7 Langford G. P. 69.

1181.8 Ibid. P. 69–70.

Левидова И. М. О. Генри и его новелла. С. 38–39.

120

Тексты рассказов «Странная история» и «Изменчивая судьба» цит. в пер. Э. Бродерсон.

121

Langford G. P. 70. Уилсон Нау (Nye, 1850–1896) Эдгар, он же «Билл Нау» («Bill Nay») — выдающийся американский журналист и юморист. Был чрезвычайно популярен в конце XIX века в Америке. Славой юмориста мог соперничать (и соперничал) с Марком Твеном. Продолжатель традиций Артемуса Уорда и других «литературных комедиантов» 1860-х годов, он не только печатался на страницах газет и журналов, но и разъезжал по всей стране со своими юмористическими «лекциями», собирая полные залы, что в немалой степени способствовало его популярности у американцев.

Langford G. Alias O. Henry. P. 70.

123

Smith A. O. Henry. P. 126.

Langford G. P. 74.

125

Smith A. O. Henry. P. 126.

Ibid. P. 127.

O’Connor R. P. 49.

Langford G. Alias O. Henry. P. 80.

129

Ibid. P. 81.

130

Юридический и фактический адрес The Rolling Stone Company (хотя акционеров было всего двое — Портер и Крейн, таково было официальное название предприятия, выпускавшего газету) значился: 113 Восточная седьмая улица, отель «Дрискелл».

131

См.: Langford G. P. 82.

Миссис Портер винила в болезни дочери иное. В самом начале лета Атоль узнала, что в семье бедняков на окраине города от туберкулеза умирает шестнадцатилетняя девушка. Ни на врачей, ни на лекарства, ни на усиленное питание денег у них не было. И Атоль, человек эмоциональный и сердобольный, стала ухаживать за девушкой: «подкармливала» ее, как могла, развлекала. Даже подарила ей свое (единственное!) колечко с бриллиантом (подарок мужа). Ходила она к ней ежедневно — до самого приступа. В этих визитах мать и видела причину болезни. Конечно, об инфицировании речь здесь едва ли может идти — Атоль и так носила в себе болезнь. Но эмоциональный фон, вероятно, сыграл свою роль и «помог» болезни.

Langford G. Alias O. Henry. P. 86.

Ibid. P. 87.

135

Ibid.

O’Connor R. P. 52.

Langford G. P. 89.

Ibid. P. 87–88.

139

Перевод А. д’Актиля.

Ibid. P. 82–85, 89–93.

Ibid. P. 90.

Ibid.

143

См.: Langford G. P. 96–98.

Ibid. P. 97.

145

Всего известно о пяти письмах из Нового Орлеана, присланных на адрес Лолли Уилсон.

Langford G. P. 97.

147

Оригинальное название Blind Man’s Holiday, что можно перевести как «Праздник слепца».

148

Перевод В. Александрова.

Smith A. P. 138.

Langford G. P. 99.

Ibid. P. 100.

Ibid. P. 101.

153

См.: Левидова И. М. О. Генри и его новелла. С. 52.

Langford G. P. 104.

155

См.: Langford G. P. 103–104. Особенно странно звучат его слова о том, что он подыскивает для Маргарет «хорошую» школу. Не было в Трухильо ни «хороших», ни каких-либо иных школ с преподаванием на английском языке.

Дженнингс Э. С О. Генри на дне. С. 599.

157

См.: Jennings A. Through the Shadows with O. Henry. N.Y., 1921. P. 71 —

Дженнингс сообщал: «Капитан “Елены” был у нас на службе». Честно говоря, трудно представить себе нечто подобное. Во всяком случае, достаточными для этого средствами братья явно не располагали, а если бы и располагали, едва ли потратили их на экстравагантное путешествие вокруг обеих Америк.

Jennings A. P. 80.

160

Существует несколько версий, почему Портер величал его «полковником». Одна из вероятных — отец Дженнингса был полковником армии конфедератов (См.: Jennings A. P 11–12). Дженнингс весьма почитал отца, и прозвище, данное ему Портером, было, конечно, ему приятно. Но, скорее всего, дело не только в этом, но и в том, что, как вспоминал один из знакомых писателя в нью-йоркский период, Портер «имел привычку присваивать своим приятелям воинские звания и очень редко обращался к кому-нибудь по имени» (Цит. по: O'Connor R. O. Henry. P. 100). Обычай этот совершенно «южный» и простонародный. Писатель явно утрировал свою простоватость, то был один из способов «прикрыться» ею как маской.

161

Дженнингс Э. С О. Генри на дне. С. 600–603.

162

См.: Левидова И. М. О. Генри и его новелла. С. 52–53, а также: Langford G. P. 102–103.

163

См.: Langford G. P. 105–106.

Ibid. P. 104.

Ibid. P. 106.

Ibid.

Ibid. P. 107.

Ibid. P. 107–108.

Ibid. P. 108.

Ibid. P. 109.

171

Smith A. Ch. O. Henry. P. 124.

Langford G. P. 110.

Ibid. P. 111.

174

Материалы дела «США против У. С. Портера» наиболее подробно изложены в книге Дж. Лэнгфорда «Он же О. Генри». Автор посвятил им главу 7 своей работы (с. 112–130). Этот источник представляется наиболее полным и достоверным, сведения о материалах дела и ходе процесса извлечены главным образом оттуда.

175

Langford G. P. 113.

У обвинения были и другие свидетели, но их высказывания и аргументы автор не приводит: понятно, что они выступали не в пользу У. С. Портера.

177

Цит. по: Langford G. P. 120.

Цит. по: Smith A. Ch. O. Henry. P 146.

179

Лорд Джим — герой одноименного романа (1900) английского писателя-неоромантика Джозефа Конрада (Conrad, 1857–1924).

Цит. по: Smith A. P. 145.

Langford G. P. 132.

Цит. по: Smith A. Ch. O. Henry. P. 155.

183

Ibid. P. 147.

Ibid. P 150–151.

Ibid. P. 151.

Нельзя не согласиться с И. Левидовой, справедливо утверждавшей: «Он не испытал жизни в двухместной камере без окон — вонючем каменном мешке, не вылавливал мух и червей из похлебки, не терся локтями с соседями по столовой, где в полном молчании (в тюрьме вообще не разрешалось разговаривать) происходило кормление арестантов. Он не знал костоломного каторжного труда; примерный заключенный и квалифицированный работник, он ни разу не изведал карцера, а тем паче других наказаний. Словом, во всём, что касалось физических тягот тюрьмы, Портеру основательно повезло». Цит. по: Левидова И. М. О. Генри и его новелла. С. 62.

187

Langford G. P. 135.

Ibid. P. 135–136.

189

Дженнингс Э. С О. Генри на дне. С. 603–604.

190

Там же. С. 608.

191

Там же. С. 609.

Smith A. Ch. O. Henry. P. 148.

193

Дженнингс Э. С. 610.

Там же. С. 611.

Langford G. P. 137.

Дженнингс Э. С. 610–611.

197

«Таланту Билла Портера, — писал он (см.: Дженнингс Э. С. 629), — недоставало мрачных красок для того, чтобы описать миру эту жуткую действительность со всеми ее подробностями».

Перевод Н. Дарузес.

199

Дженнингс Э. С. 619.

200

Журнал Black Cat издавался в Бостоне (Массачусетс) с 1895 по 1922 год. Специализировался на сенсационной и фантастической прозе. В 1899 году в нем опубликовал свой фантастический рассказ «Тысяча смертей» Джек Лондон.

201

См.: Smith A. Ch. P. 158–166.

Langford G. P. 139.

Ibid. P. 138.

Ibid. P. 110.

Ibid. P. 142.

Smith A. Ch. P. 163.

207

О «сверхразвязке» у Бирса см.: ТанасейнукА. Б. Амброз Бирс: от полудня до заката. Саранск, 2006. С. 163–171.

См.: Эйхенбаум Б. Вильям-Сидней Портер (О. Генри), 1862–1910. Т. 3. С. 5–16;

См.: Балдицын П. В. Развитие американской новеллы. О. Генри // История литературы США: Литература начала XX в. Т. V.М., 2009. С. 544–598.

Дженнингс Э. С. 640–641.

По сведениям Дж. Лэнгфорда, например, рассказ «Без вымысла» редакции отвергали шесть раз, «Волшебный поцелуй» — семь, «Туман в Сан-Антонио» — десять, а «Эмансипация Билли» — даже одиннадцать раз. А всего за годы заключения, опубликовав три рассказа писателя, редакции газет и журналов одиннадцать отвергли. Большинство из них — неоднократно.

Цит. по: Langford G. P. 150.

213

Рассказ «Денежная лихорадка» (Money Maze) был опубликован в журнале Ainslee’s Magazine. Позднее О. Генри включил его в книгу «Короли и капуста».

Smith A. Ch. O. Henry. P. 172.

215

2152,5 Langford G. Alias O. Henry. P. 153.

Ibid. P. 155.

217

Цит. по: Davis R., Maurice Л. The Caliph of Bagdad. N.Y., 1931. P. 170.

Цит. по: Langford G. P. 154.

Ibid. P. 155.

Цит. по: Langford G. P. 157.

Ibid. P. 158.

Цит. по: Davis R., Maurice A. P. 191.

Оба рассказа позднее вошли в книгу «Короли и капуста».

Правда, надо сказать, что в другие издания рассказы отправлялись обычно после того, как были отвергнуты Ainslee's.

225

Цит. по: Davis R., Maurice A. P. 192–193.

Цит. по: Langford G. P. 158.

Левидова И. М. О. Генри и его новелла. С. 74.

Davis R., Maurice A. P. 194.

229

Цит. по: O’Connor R. O. Henry. P. 99; Робертсон (Robertson, 1861–1915) Морган — американский писатель. Его романы и новеллы были весьма популярны у читающей публики начала XX века. Наибольшую известность принес ему роман «Тщета, или Крушение “Титана”» (1898), в котором автор якобы предсказал гибель «Титаника». Его гигантский «Титан» (в романе — «самый большой и комфортабельный корабль в мире, плавучий “город-сказка”, на борту которого находилось немногим меньше 3000 человек…») в апреле столкнулся в северной Атлантике с айсбергом (так же, как исторический «Титаник» в 1912 году, причем совпадали даже координаты), из-за нехватки шлюпок команду и пассажиров охватила паника, и почти все участники рейса погибли.

230

Davis R., Maurice A. The Caliph of Bagdad. P. 196. Лафкадио Хирн (Hearn, 1850–1904) — англо-американский писатель греческого происхождения. Прославился своими очерками из жизни Нового Орлеана, где был корреспондентом газеты «Пикаюн», «креольскими» фантастическими историями, а затем «страшными» рассказами в духе средневековых японских «кайданов». С 1890 года жил в Японии, где преподавал английский язык, писал очерки и рассказы-стилизации. Женился на японке, принял имя Якумо Коидзуми. В Японии, Ирландии и США существуют общества энтузиастов, изучающих биографию и творчество Хирна. Считается одним из «младших» классиков литературы США. В начале XX века был очень популярен и в России. Подробнее о нем, его творчестве и судьбе см.: Танасейчук А. Лафкадио Хирн: судьба человека без родины // Причудливый мир Лафкадио Хирна. Саранск, 2009. С. 13–20, а также: А. Танасейчук. Возвращение Хирна // Восточная коллекция. 2009. № 4. С. 27–33. Обе публикации предваряют подборку рассказов Хирна в переводе на русский язык.

231

Интересно и весьма симптоматично, что этот рассказ был опубликован не под именем «О. Генри», а под псевдонимом Джеймс Блисс (James L. Bliss): Davis R., Maurice A. The Caliph of Bagdad. P. 195.

Цит. по: Smith A. Ch. P. 183–184.

233

Крейн (Crane, 1871–1900) Стивен', Бирс (Bierce, 1842–1913?) Амброз; Норрис (Norris, 1871–1902) Фрэнк — американские писатели 1890–1900-х годов, классики литературы США.

234

«Разгребатели грязи» (mud crackers) — группа американских писателей и журналистов, выступивших в начале XX века с резкой критикой американского общества.

Davis R., Maurice A. P. 195.

«Он рассказывал мне, — вспоминал Холл, — как жил на ранчо в Техасе. Вот я и подумал, что он убил кого-то в драке на ранчо». См.: Smith A. Ch. O. Henry. P. 176.

237

Дженнингса помиловал Теодор Рузвельт, 26-й президент США.

Цит. по: Langford G. Alias O. Henry. P. 159.

Ibid. P. 223–224.

240

1 кварта равна 0,986 литра.

241

Цит. по: Langford G. P. 160.

O'Connor R. P. 104.

243

Langford G. P. 160.

Рассказ был опубликован в майском номере McClure's Magazine за 1903 год.

245

Менкен (Mencken, 1880–1956) Генри Льюис — американский журналист, влиятельный критик демократических взглядов, сатирик и публицист, языковед и лексикограф «американского» литературного языка; Пулитцер (Pulitzer, 1847–1911) Джозеф — американский издатель, газетный магнат, создатель и идеолог так называемого «нового журнализма» — модели, сформировавшей современную американскую прессу.

Цит. по: Davis R., Maurice A. P. 202–203.

247

Разовый тираж пулитцеровской World в начале XX века достиг 400 тысяч экземпляров (см.: Langford G. P. 166).

Цит. по: Williams W. The Quiet Lodger of Irving Place. N.Y., 1936. P. 25–34.

Williams W. P. 38.

250

Ирвинг (Irving, 1783–1859) Вашингтон — выдающийся американский писатель-романтик, один из зачинателей американской националь-ной литературы, уроженец, знаток истории и патриот Нью-Йорка. Прославился прежде всего своими новеллами (такими как «Рип Ван Винкль», «Легенда Сонной Лощины», «Альгамбра»), а также юмористической книгой «История Нью-Йорка».

Williams W. P. 40.

252

См.: O'Connor R. P. 108; Босуэлл (Boswell, 1740–1795) Джеймс — британский писатель и мемуарист, автор очень подробной книги «Жизнь Сэмюэля Джонсона» (1791), которая считается образцом англоязычной биографии. Он долгие годы общался с С. Джонсоном и подробно записывал всё, что его касалось. На основе этих записей после смерти своего героя и составил знаменитый труд.

Williams W. P. 41–56.

Ibid. P. 63–64.

255

Источником сюжета «С высоты козел» явно стала история, «подслушанная» Портером в кафе «Хилиз». Вспомним, что кафе располагалось как раз напротив конного двора, и кебмены («ночные ястребы») после смены неизменно заходили туда, чтобы пропустить стаканчик-другой, и, естественно, вспоминали истории из своей непростой жизни.

256

Знаменитый нью-йоркский ресторан.

257

См.: O'Connor R. P 113–114.

258

Всего с июня 1903-го (первое датировано 9 июня) по декабрь того же года (последнее — 8 декабря) О. Генри написал в Литополис семь пространных писем (часть из них снабжена собственноручными иллюстрациями писателя). См.: Wagnalls M. Letters to Lithopolis. N.Y.: Doubleday, Page&Co., 1922.

Wagnalls M. P. 29.

Ibid. P. 32.

Ibid. P. 28.

262

На самом деле ее звали Энн (Anne), но она предпочитала, чтобы ее называли именно так — Энна, то есть Анна.

263

Дэвис (Davis, 1846–1916) Ричард Хардинг — преуспевающий американский беллетрист конца XIX — начала XX века, новеллист и романист. Его произведения, прославляющие «американский образ жизни», были очень популярны на рубеже веков. Был одним из самых высокооплачиваемых американских литераторов того времени.

O’Connor R. P. 123.

265

Ibid. P. 123–124.Джеймс (James, 1843–1916) Генри — выдающийся американский писатель-романист, одна из ключевых фигур в развитии реалистической традиции в литературе США.

Цит. по: Langford G. P. 168.

Цит. по: Williams W. P. 127.

268

На Пятой авеню расположены самые дорогие магазины одежды, драгоценностей, парфюмерии, предметов роскоши и т. д.

269

Уильямс обыгрывает фразу из предисловия к сборнику рассказов «Четыре миллиона», который был издан «Макклюрс» в 1906 году. Вот тот самый фрагмент, который имеет в виду Уильямс: «Не так давно кто-то высказал идею, что в городе Нью-Йорке найдется лишь “Четыре Сотни” людей, по-настоящему достойных внимания. Но появился другой человек — и он был куда мудрее — посмотрел по-другому и нашел, что людей этих значительно больше, и создал о них эти маленькие истории, что и составили “Четыре миллиона”».

Цит. по: Williams W. P. 127–128.

Smith A. Ch. P. 233.

Цит. по: O’Connor R. P. 133.

В оригинале название книги звучит по-другому — Cabbages and Kings — то есть «Капуста и короли». Но поскольку в русскоязычной традиции закрепилось другое название — «Короли и капуста», автор придерживается этого варианта.

См.: Эйхенбаум Б. М. О. Генри и теория новеллы // Эйхенбаум Б. Литература. Теория. Критика. Полемика. Л., 1927. С. 166–209.

Роман написан в 1904 году на основе восьми опубликованных прежде рассказов: «Денежная лихорадка», «Rouge et Noir» (оба — в 1901 году), «Лотос и бутылка», «Редкостный флаг» (1902), «Лотос и репейник», «Игра и граммофон», «Трилистник и пальма», «Художники» (1903–1904). Три главы («Лиса на рассвете», «Остатки кодекса чести», «Витаграфо-скоп») написаны специально, остальные — прежде написанные тексты в разной степени переработки.

276

См.: Langford G. Alias O. Henry. P. 193–194. Оригинальный текст (то есть написанный специально) в «Королях и капусте» составляет менее половины (по подсчетам некоторых исследователей — одну треть) от общего объема книги.

Ibid. P. 194, 195.

Цит. по: O’Connor R. P. 137–138.

Langford G. P. 173.

280

Долгов у Портера действительно хватало. Большинство из них составляли небольшие суммы — в 5–25 долларов. Но были и изрядные — в несколько сотен. Часть из них (в основном на небольшие суммы) он погасил еще в бытность свою в Питсбурге. Но наиболее крупные (в том числе — судье Ю. Хиллу) — уже в нью-йоркские годы.

281

Langford G. P. 171.

Ibid. P. 192.

См.: Moyle S. My Friend O. Henry. N.Y., 1914. P. 30.

284

Русский перевод названия. В оригинале сборник называется по-другому: «Strictly Business», то есть точнее заглавие можно перевести как «Только бизнес» или «Ничего, кроме бизнеса».

285

Эпизод с ужином в ресторане относится, видимо, к 1908 году. К этому времени О. Генри покинул Ирвинг-плейс и перебрался на жительство в отель «Каледония».

Цит. по: Дженнингс Э. С О. Генри на дне. С. 665–682.

Дженнингс Э. Указ. соч. С. 671.

Вайль П. Гений места. М., 2010. С. 434.

289

Там же. С. 430–431.

Дженнингс Э. С. 671.

291

Вайль П. Указ. соч. С. 434.

O’Connor R. P. 134.

293

Langford G. P. 207. В дальнейшем творческая продуктивность писателя несколько увеличилась, но прежнего уровня никогда более уже не достигала.

Langford G. P. 197.

O’Connor R. P. 181.

Цит. по: Дженнингс Э. С О. Генри на дне. С. 678–680.

Jennings A. Through the Shadows with O. Henry. P. 306–314.

Davis R., Maurice A. P. 232.

299

Огонек / Еженедельный журнал. 2002. № 49. С. 49.

300

Объявление и фрагменты переписки между Э. Паттерсон и писателем цитируются по: Davis R., Maurice A. The Caliph of Bagdad. P. 53–54.

301

«Песнь о Гайавате» — эпическая поэма американского поэта-романтика Г. У. Лонгфелло.

Patterson E. O. Henry and Me. Everybody’s Magazine. Febr. 1914. P. 205–210.

Цит. по: Langford G. P. 202–203.

Ibid. P. 204.

Ibid. P. 207.

Ibid. P. 208.

Ibid. P. 212.

308

В США существует традиция осыпать новобрачных на выходе из храма рисовыми зернами.

Цит. по: Langford G. P. 214.

310

Цит. по: Jennings A. Through the Shadows with O. Henry. N.Y., 1921. P. 312–314.

Williams W. P. 247.

Цит. по: Langford G. P. 216.

Langford G. P. 219.

Ibid. P. 221.

Ibid. P. 232.

Вот что, например, сразу по выходе сборника писала New York Times Book Review: «Его образы так правдиво и так верно соотносятся с человеческой природой — вне зависимости от странностей того языка, на котором они разговаривают, и тех дел, которыми занимаются… Каждый (из образов книги. — А. Т.) живой, теплый, человечный, герои его поступают и действуют так, как и приличествует человеческой природе».

Langford G. P. 224.

Цит. по: O’Connor R. P. 114.

319

Конечно, время всё расставило на свои места. И теперь едва ли кто-нибудь согласится с данной точкой зрения. Но то, что рассказ принадлежит к числу лучших историй О. Генри, едва ли и сейчас кто-то возьмется оспоривать.

Цит. по: O’Connor R. P. 196–197.

321

Напрасно после смерти писателя его жена и дочь (в том числе и по просьбе редакторов «Даблдей») пытались разыскать в его бумагах хотя бы какую-то часть романа (в издательстве до конца были уверены, что О. Генри упорно работал над его текстом). Фрагменты начатых, но незаконченных рассказов они находили, но романа — ни строчки — найти им так и не удалось.

Langford G. P. 228–229.

Ibid. P. 227.

Тогда же О. Генри (уже по собственному почину) взялся переделать в пьесу рассказ «Превращение Джимми Валентайна», но не закончил потому, что инсценировать один из его рассказов осенью того же года ему предложил другой известный (но уже бродвейский) продюсер, Джордж Тайлер. Ему приглянулся рассказ «Мир и дверь» — история о двух влюбленных — женщине, вроде бы отравившей мужа, и мужчине, якобы застрелившем приятеля в пьяном виде. О. Генри, несмотря на то что чувствовал себя совсем плохо, поначалу согласился, но работать не смог и продал Тайлеру за 500 долларов права на инсценировку своих рассказов. Пьесу сочинил другой автор, но инсценировка, что называется, «не пошла». Тогда Тайлер, который отчетливо осознавал сценические перспективы рассказов О. Генри, решил вернуться к новелле «Превращение Джимми Валентайна». Но у О. Генри просто не было сил снова взяться за работу. Он передал то, что сделал, и за неделю нанятый Тайлером за 100 долларов «литературный негр», используя наработки писателя, «перелицевал» новеллу в пьесу, и Тайлер поставил ее на Бродвее. Успех был ошеломляющим. Тайлер позднее хвастался, что пьеса, все права на которую (и, естественно, отчисления) принадлежали ему лично, принесла ему больше 100 тысяч. О. Генри, конечно, знал об успехе и в письме продюсеру укорил последнего за скупость. То ли совесть действительно «взыграла», то ли по каким-то иным соображениям, но вскоре после этого Тайлер дополнительно выплатил писателю 750 долларов.

325

Porter S. C. The Gift / Delineator. May 1912. P. 376.

Langford G. P. 236.

Ibid. P. 233.

Ibid. P. 241.

Ibid. P. 243.

Ibid. P. 242.

Davis R., Maurice A. P. 259.

Здесь и далее цит. по: Langford G. P. 244–245.